
Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XXI)

Издание осуществлено благодаря содействию

**Тульской Торгово-промышленной палаты
(Президент – Юрий Михайлович Агафонов)**

и

**Уральской Торгово-промышленной палаты
(Президент – Андрей Адольфович Беседин)**

СЕРИЯ «АИРО – МОНОГРАФИЯ»

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусэку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

А.Г. Ложкин

ИНТЕРВЕНЦИЯ, АННЕКСИЯ
И СОВЕТИЗАЦИЯ ВО ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКЕ СССР:

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Москва
АИРО-XXI
2012

СЕРИЯ «АИРО – МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Рецензенты:

Борисов Валерий Михайлович
доктор исторических наук, профессор

Орбец Вячеслав Михайлович,
доктор юридических наук, профессор

Дизайн и верстка: Сергей Щербина

Ложкин А.Г.

Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР: историко-правовые аспекты новейших исследований / А.Г. Ложкин. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 416 с. – (АИРО – Монография». – ISBN 978-5-91022-184-4.

В монографии анализируются новейшие исследования малоизученных аспектов внешней политики СССР, показывается противоречивый процесс и острые споры по советизации стран и территорий в 1920-е годы, накануне Второй мировой войны и после её окончания. Особое место уделяется трем советским вторжениям в 1950-е – 1970-е годы.

Книга адресована специалистам и аспирантам, а также всем, кто интересуется историей XX века.

ISBN 978-5-91022-184-4

© Ложкин А.Г., 2012
© АИРО-XXI, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
РАЗДЕЛ I	
Общие аспекты изучения особых способов осуществления внешней политики СССР.....	17
Глава 1. Методологические основы разработки понятий «интервенция», «аннексия», «оккупация» и «советизация»	19
Глава 2. Основные направления исследования проблемы в советский период.....	51
Глава 3. Расширение документальной базы разработки темы в конце 1980 х – 2000 е годы.....	67
РАЗДЕЛ II	
Анализ особенностей политики советизации в 1920-е годы.....	83
Глава 1. Советско-польская война 1919–1920 годов и её последствия	88
Глава 2. Советизация Закавказья.....	102
Глава 3. Революционизирование и советизация Востока	120
РАЗДЕЛ III	
Научные и общественные дискуссии вокруг советской аннексионистской политики в 1939–1941 годах	151
Глава 1. Оккупация и аннексия Западной Белоруссии и Западной Украины.....	156
Глава 2. Оккупация и аннексия Бессарабии и Северной Буковины.....	176
Глава 3. Оккупация и аннексия Литвы, Латвии и Эстонии. Попытка захвата Финляндии.....	183

РАЗДЕЛ IV

Основные изменения в изучении политики советизации
в Восточной Европе, Закарпатской Украине и Прибалтике

в 1944–1955 годах 217

Глава 1. Задачи и этапы советизация стран

Восточной Европы 222

Глава 2. Присоединение к Советскому Союзу

Закарпатской Украины

(Подкарпатской Руси)..... 302

Глава 3. Послевоенная советизация республик

Прибалтики..... 310

РАЗДЕЛ V

Новые концепции советской оккупационной политики

в Германии и Австрии в 1945–1955 годах 327

Глава 1. Деятельность Советской военной

администрации в Германии (СВАГ) 331

Глава 2. Советская позиция в Австрийском вопросе..... 338

РАЗДЕЛ VI

Пересмотр оценок советских вторжений в Венгрию,

Чехословакию и Афганистан в 1950-е – 1970-е годы..... 345

Глава 1. Советская интервенция в

Венгрию в 1956 году..... 348

Глава 2. Советская интервенция в

Чехословакию в 1968 году 357

Глава 3. Ввод советских войск в

Афганистан в 1979 году 369

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 389

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 393

*Моей маме
Елизавете Максимовне
Ложкиной*

ВВЕДЕНИЕ

Данная монография посвящена новейшим историческим и правовым исследованиям, которые связаны с особой сферой внешнеполитических действий СССР в XX веке – интервенцией, аннексией, оккупацией и советизацией. Российские и зарубежные ученые стремятся понять, какие причины заставляли политиков обращаться к этим способам, как они развертывались и к каким последствиям приводили, в какой мере соответствовали международному праву и зависели от конкретных обстоятельств в разные периоды истории.

Советское внешнеполитическое наследие в разных своих проявлениях, наряду с мощным человеческим потенциалом и развитой экономикой, размерами территории и огромными природными богатствами, определяют мировое влияние современной России. РФ приняла место постоянного члена Совета Безопасности ООН, ядерный паритет с США, систему мирового порядка, установленную после Второй мировой войны. Окончание «холодной войны» и распад СССР внесли серьезные изменения в устройство мира, расстановку сил в глобальном масштабе, в послевоенное международное право, основанное на абсолютном суверенитете государства – единственного субъекта мировой политики. Дилемму российской внешней политики отечественные и зарубежные политологи определяют следующим образом: будет ли Россия растягивать окончательный развал старого миропорядка, дававшего ей одну из лидирующих позиций в мире, или начнет активно участвовать в формировании нового мирового устройст-

ва, чтобы приобрести максимально возможное для нее в новых условиях международное влияние?

Не случайно российскими властями серьезно поднимается вопрос о стратегическом планировании в области внешней политики и национальной безопасности. В этих условиях возрастает роль общественных наук, особенно политических и исторических исследований, долгосрочное прогнозирование, подчиненное национальным интересам и свободное от влияния разного рода групп, ведомственных государственных структур, восстановление интеллектуальной инициативы Москвы во внешнеполитической сфере.

Это принципиально важно потому, что все чаще речь идет об окончании глобального доминирования США, сокращении влияния и привлекательности западной модели, возрастании роли Китая и Восточно-Азиатского региона и уменьшении значимости России и постсоветского пространства.

Актуальность нашей проблемы связана и с тем, что в мире постоянно возникают локальные конфликты, которые нельзя не учитывать в выработке адекватного внешнего курса, укреплении своего суверенитета, безопасности и относительной независимости от неизбежных флуктуаций мирового финансового, энергетического и военно-политического рынков. И в XXI веке мир сталкивается с явлениями интервенции, аннексии, оккупации, навязыванием тем или иным странам чужих ценностей и системы управления. С одной стороны, это нередко является следствием борьбы с терроризмом или преодолением деспотических режимов, с другой – восстановлением разрушенной страны или объединением разных её частей. Однако и в тех, и в других случаях крайне важны исторический опыт, накопленный государствами в XX веке, правовой аспект использования особых способов внешней политики, юридические принципы и нормы для облегчения переходного периода и постепенного восстановления демократических ценностей.

В российской и зарубежной историографиях сложилась противоречивая ситуация по поводу рассмотрения таких внешнеполитических действий, как интервенция, оккупация, аннексия и советизация, их обоснования в международном праве. Взаимо-

связь этих действий большинством исследователей не отрицается, несмотря на разногласия в их интерпретации. Пожалуй, наиболее бесспорна проблема советизации. И российские, и иностранные ученые согласны в том, что *советизация* связана с преобразованием общественно-политического строя страны или территории по советскому образцу и с активным советским участием. Что же касается оккупации, аннексии, равно как и интервенции, то их содержание не имеет однозначного раскрытия и различается по своему значению в различных языках. *Интервенция* – это вмешательство, но отнюдь не всегда военное. Военная же интервенция часто может перерасти в войну, если государство, которое подверглось интервенции, объявляет войну государству-интервенту. Но тогда, равно как и в случае, когда с течением времени государство-интервент объявляет войну, государству, подвергшемуся интервенции, интервенция перестает быть интервенцией и перерастает в обыкновенную войну. Военная интервенция как раз и означает ввод войск на территорию другого государства без объявления войны. Если же вслед за вторжением следует объявление войны, то интервенция называется нападением.

Оккупация той или иной территории может быть следствием как военной интервенции, так и полноценной войны. Оккупация и аннексия тесно взаимосвязаны друг с другом и наиболее политизированы. Согласие есть лишь в чисто военном определении оккупации как временного занятия неприятельской или нейтральной территории в результате военных действий. Подавляющее большинство российских историков и правоведов связывают оккупацию с советской внешней политикой только в отношении послевоенных Австрии и Германии. В отношении же территорий, так или иначе вошедших в состав СССР, а также стран Восточной Европы, об оккупации российские авторы предпочитают не говорить. Напротив, в странах, прежде входивших в состав Советского Союза, оккупация по отношению к советской политике употребляется, особенно часто – в странах Балтии, Молдавии и Грузии. Тем самым между российскими и зарубежными историками нередко возникает политический конфликт. Что же касается *аннексии*, то её смысл наименее определен и однозначен. В ряде

языков, включая русский, он обозначает только насильственное присоединение территории к тому или иному государству. В других языках, включая английский, аннексией обозначается любое присоединение территории, в том числе и добровольное. Как оккупация, так и последующая аннексия той или иной территории нередко оказываются результатов военной интервенции.

Когда сегодня заходит речь об истории изучения названных аспектов внешней политики СССР, большинство исследователей по традиции выделяют три этапа. Первый этап охватывает 1920-е – начало 1950-х годов. Работы этого периода, как правило, создавались по следам событий, а в роли их первых толкователей выступали политические и военные деятели. Они, находясь в контексте того или иного времени, непосредственно влияли на процесс принятия решений и осуществление интервенции, аннексии, оккупации и советизации. Постановления, акты, пакты, и произносимые по поводу их принятия и реализации речи были проникнуты, по понятным причинам, идеологической тенденциозностью, а часто конфронтацией и нетерпимостью. Невозможно поэтому найти в текстах этих участников событий (а тем более требовать) рефлексии или самокритичность по отношению к собственным действиям.

Второй этап изучения проблемы относится к 1950-м – концу 1980-х годов. После смерти И.В. Сталина, советские историки, а также исследователи стран Центральной и Восточной Европы, ГДР перестали обходить ранее запретные зоны силовой политики, включая ранее запретную тему оккупации Восточной Германии и Австрии. В то же время опускался вопрос о методах работы государственных органов власти или администрации, проводящих политику советизации. В исторических работах указанного периода прежних лет мы не найдем указаний и о прямом советском вмешательстве в дела политических партий и движений, за исключением обмена опытом или ценных советов. Сами по себе интересующие нас сюжеты растворялись в общих внешнеполитических вопросах или истории социалистических государств. Политизированные работы уводили читателя в перипетии дипломатических переговоров между союзниками, различные аспекты

реализации Ялтинских и Потсдамских соглашений и др. с обвинительным акцентом в адрес западных государств за нарушение принятых договоренностей и обязательств. На этом этапе политико-информационный, экономический, правовой, культурно-образовательный и другие аспекты деятельности советизации выпадали из поля зрения исследователей.

С начала 1990-х годов – в контексте тотального пересмотра истории СССР и масштабного рассекречивания архивных документов – начинает создаваться новая, объективная история советской внешней политики без умолчаний. Эта история находится в числе активно развивающихся направлений гуманитарной науки.

Однако наряду с подробным анализом различных аспектов изучения столь сложной темы до сих пор нет исследования, которое целостно представило бы причины, все проявления и последствия обращения к интервенции, аннексии, оккупации и советизации во внешней политике СССР по отношению к территориям и государствам Закавказья, Востока, Восточной Европы, Германии и Австрии, а также Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Буковины и Закарпатской Украины. Поэтому объектом нашего исследования являются **теоретические аспекты и историография проблемы, отраженные в зарубежной и российской литературе в течение последнего двадцатилетия. Под теоретическими аспектами понимается совокупность умозаключений о природе и принципах, методах и инструментарии внешней политики, разработанных и основанных на использовании научных методов. Историография, как отрасль исторической науки, помимо всего изучает историю написания истории внешней политики, а также обсуждает методологические вопросы, поднятые её исследователями. Предмет исследования – процесс накопления и углубления теоретических и исторических знаний и представлений о внешней политике СССР; условия и факторы, которые повлияли на степень изученности отдельных аспектов избранной темы; основные концепции; региональные историографические традиции в области изучения темы; результаты теоретического, конкретно-исторического и историографического осмысления**

проблематики. Политика рассматривается нами как сложный, многосторонний процесс, направленный на выработку стратегии и тактики власти в отношении территорий и разных государств, прежде всего, соседних, а также определения основных направлений усиления и расширения мирового влияния. Для понимания особенностей политики СССР важны сравнения с другими государствами.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1991 года по настоящее время, что обусловлено спецификой научного, организационного и структурного оформления теории и историографии по интересующей нас проблеме. Особое значение имеют кардинальные перемены, которые были связаны с процессами распада СССР. Достаточно длительный период позволяет проследить моменты кризисов и развития методологических оснований историознания, глубокого расширения источниковедческой базы, обновления теоретической и исторической мысли. Говоря о степени научной разработанности проблемы, отметим, что анализ историографии содержится во всех разделах книги, он позволяет сделать вывод о том, что единой сводной работы по новейшим исследованиям проблем интервенции, аннексии, оккупации и советизации в настоящее время не подготовлено. Имеющиеся историографические разделы в монографиях и диссертациях, специальные исследования посвящены отдельным аспектам темы либо освещают ее в определенных хронологических границах, узких региональных рамках, либо имеют косвенное отношение к проблематике.

Целью работы является комплексный анализ процесса формирования и развития теоретических аспектов и историографии по проблемам внешней политики СССР, связанных с особыми аспектами её осуществления, выявление тенденций, которые проявились на протяжении длительного периода, определение соподчиненности и взаимодействия российской и мировой историографий по проблеме, влияния на них различных идеологических доктрин и, собственно, внутренних задач исторической науки. Отсюда вытекают и задачи исследования: определить методологию анализа выяв-

ленного корпуса литературы, связанного с теорией и историографией внешней политики СССР; выявить критерии, по которым происходил отбор литературы, связанный с темой исследования и особенностями каждого этапа историографического процесса; показать, какие общетеоретические аспекты составляют современную проблематику изучения проблемы; раскрыть в этой связи традиционные и инновационные подходы к исследованию таких вопросов как, к примеру, аннексия и оккупация; разработать периодизацию процесса концептуального осмысления феномена советской внешней политики, особенно накануне и после Второй мировой войны; а также специфику накопления исторического материала в советский и постсоветский периоды под влиянием переломных моментов прошлого и политики тех или иных режимов власти; проанализировать перспективы исследования проблемы в контексте новейших мировых тенденций.

Источниковую базу монографии составляет корпус историографических источников за период 1917–2012 гг. по проблемам теории и истории внешней политики СССР. Он разнообразен как по количеству, характеру и содержанию, так и по видовой принадлежности. Основными историографическими источниками являлись обобщающие труды по истории России, книги, брошюры, сборники статей, отдельные статьи и тезисы. Это громадный и разноплановый комплекс работ на русском, английском, восточноевропейских и других языках. Главное внимание при отборе и изучении этого комплекса обращалось на исследования, оставившие заметный след в историографии проблемы благодаря новизне вводимого в научный оборот материала и глубине анализа документов, а также влиянию на работы современников и последующие поколения специалистов. Информативные возможности данного комплекса источников хорошо знакомы историографам. Необходимым историографическим источником являлись материалы международных, республиканских, региональных научных конференций, симпозиумов, «круглых столов», а также сообщения (краткие и развернутые) о состоявшихся конференциях. Этот вид источников позволяет определить основные тенденции в рос-

сийской и зарубежной научной мысли в исследовании внешней политики СССР, обратить внимание на недостаточно полно рассмотренные вопросы. В книге учитывались рецензии в периодической печати на монографические, документальные и мемуарные издания по теме.

Ценное историографическое значение имеют сборники документов по внешней политике и международному праву, изданные в рассматриваемый период, так как они дают наглядное представление о состоянии источникового пространства, уровне развития исторической науки в разные годы, динамике научных интересов в настоящее время. Особое внимание уделялось принципам отбора и компоновки документов в том или ином издании. Это позволило выявить сюжеты, на которых фокусируется внимание современных читателей. Самостоятельными историографическими источниками являются специальные библиографические указатели, мемуарное и эпистолярное наследие историков, ученых, политических и общественных деятелей СССР, опубликованные в XX – начале XXI вв., если в нем давалась оценка тех или иных аспектов рассматриваемой проблемы.

Все использованные в диссертации историографические источники образуют в целом репрезентативную источниковую базу. Обладая различной степенью информативности, они аккумулируют основные концептуальные, конкретно-исторические, историографические, источниковедческие достижения, а также пробелы в области изучения интересующей нас проблематики. Комплексное использование указанных групп источников стало основой настоящего исследования.

Методологическую и теоретическую основу книги составили: проблемно-хронологический метод, позволяющий расчленять широкие теоретические и историографические темы и проблемы на ряд частных; историко-системный подход, связанный с выявлением и анализом характерных черт хода изучения исторического процесса в целом и исследуемого объекта, в частности. Важную роль играли при написании работы классический принцип историзма (исторического детерминизма), который предполагает изучение состояния и основ-

ных тенденций в историографии в причинно-следственной связи, последовательном развитии и взаимозависимости. Применялись также разнообразные общенаучные (обобщение, анализ, синтез) и специальные исторические методы (сравнение, типологизация) для сопоставления, к примеру, выводов о содержании внешней политики СССР в разные периоды и в разных обстоятельствах. Научная новизна исследования определяется, в первую очередь, тем, что в нем впервые в историографии на основе широкого круга историографических источников предпринята попытка комплексного анализа значительного корпуса исследований по таким аспектам внешней политики, как интервенция, аннексия, оккупация и советизация. Впервые дается анализ методологических подходов, которые стали внедряться в научную практику западной и российской историографий в последнее десятилетие XX – первое десятилетие XXI вв.; обобщен мировой опыт изучения темы. Учитывается региональный аспект, который, развиваясь в русле мировой историографии, тем не менее, имеет существенные особенности. Пролслеживается и **сравнивается изучение тех тенденций внешней политики СССР, которые акцентировались в советской и новейшей историографиях, а также в западной исторической науке в разные периоды.**

Исследование столь сложной темы стало возможным благодаря поддержке и постоянному интересу Международного Совета АИРО-XXI, в частности, его руководителя Г.А. Бордюгова, который свыше двадцати лет тому назад привлек меня к участию в проектах об истории советской оккупационной политики в послевоенных Германии и Австрии, а также выпустил мою первую книгу в уникальной российской серии «Первая монография». В ходе работы над проектами и подготовки документальных сборников я познакомился с прекрасными специалистами российских архивов – из РГАСПИ, РГАНИ и ГА РФ.

Многие представители профессорско-преподавательского состава МГГУ имени М.А. Шолохова давали мне ценные советы и оказывали всяческую поддержку при работе над рукописью. Выражаю свою признательность А.В. Толкачеву, который не раз в сложные моменты моей жизни подставлял мне свое дружеское плечо. Искренняя благодарность А.М. Рыбакову, без личного содействия которого эта книга не увидела бы свет.

Наконец, самые теплые слова мне хотелось бы адресовать моим родным и близким, моей семье, а также друзьям, одноклассникам и однокурсникам, коллегам по разным местам службы и работы, находящимся сейчас в самых разных уголках России, странах СНГ и Балтии, Европы и Азии.

Раздел I

Общие аспекты
изучения особых способов
осуществления внешней
политики СССР

Глава 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ ПОНЯТИЙ «ИНТЕРВЕНЦИЯ», «АННЕКСИЯ», «ОККУПАЦИЯ» И «СОВЕТИЗАЦИЯ»

Одним из важных условий изучения нашей проблемы является состояние понятийного аппарата, выявление разницы в понимании смысла и содержания опорных научных терминов.

Под интервенцией (лат. *interventio* – вмешательство, от лат. *intervenio* – прихожу, вмешиваюсь) понимается военное, политическое или экономическое вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другой страны, нарушающее её суверенитет, или во взаимоотношения данной страны с третьими странами. Интервенция может быть военной, экономической или дипломатической. Все виды интервенции запрещены Уставом ООН. Часто для прикрытия термина «интервенция» применяются слова «союзническая помощь», «выполнение международных обязательств». В СССР для этого употреблялись специфические эвфемизмы – «братская помощь» и «выполнение интернационального долга». Военнослужащих, участвовавших в интервенции в Афганистане в 1979–1989 годов, называли «воинами-интернационалистами».

Отдельно выделяется гуманитарная интервенция или гуманитарная война – применение военной силы против иностранного государства или каких-либо сил на его территории для предотвращения гуманитарной катастрофы или геноцида местного населения. Она считается допустимой и не противоречащей между-

народному праву. Одной из первых гуманитарных интервенций было направление французских войск в Ливан в 1860 году для спасения христиан-маронитов от их уничтожения друзами. Также гуманитарной была интервенция Германии, Австро-Венгрии, США, Франции, Великобритании, Италии, России и Японии в Китай в 1901 году для защиты своих подданных и китайских христиан, укрывшихся в осажденных посольствах во время Ихэтуаньского восстания. В 2000 году под эгидой ООН была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, которая в 2001 году представила на рассмотрение генерального секретаря и членов ООН доклад, озаглавленный «Обязанность защищать». Этот документ в 2005 году был принят Генассамблеей ООН как норма международного права. Там утверждается, что суверенитет является не привилегией, а обязанностью.

В соответствии с данной концепцией суверенитет не только предоставляет государствам право контролировать свои внутренние дела, но также налагает непосредственную ответственность по защите людей, проживающих в пределах границ этих государств. Поэтому государство обязано защищать свое население от массовых злодеяний, а международное сообщество обязано помогать государству, если оно не может осуществить такую защиту самостоятельно. Если государство не осуществляет защиту населения или не в состоянии это сделать, международное сообщество обязано вмешаться, начав с дипломатических или экономических санкций. Военная интервенция предусматривается в качестве крайней меры и в этом случае является оправданной с точки зрения международного права¹.

Недавнюю интервенцию стран НАТО в Ливии в 2011 году трактовалась ее участниками как «гуманитарная интервенция». Ряд российских авторов возражают против такого определения, указывая, что интервенция Североатлантического союза сама по себе привела к многочисленным жертвам среди мирного населения Ливии, и что «военная операция в Ливии вышла далеко за пределы мандата, предоставленного резолюцией 1973 года», в которой говорилось лишь о недопущении бомбардировки само-

летами Кадаффи мирного населения². А киргизский политолог, руководитель Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров, опасаясь, что военная интервенция под флагом «гуманитарной интервенции» может быть осуществлена против Исламской Республики Иран, предупреждает, что такая интервенция «может привести к глобальной экономической катастрофе, в которой пострадает не только клон-Израиль, но и многие другие страны, включая европейские»³.

Согласно международно-признанному принципу невмешательства, никакое государство (или группа государств) не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине в дела другого государства. Поэтому вооружённое вмешательство и все другие формы вмешательства или угрозы вмешательства, направленные против политической независимости или территориальной неприкосновенности любого государства, являются нарушением международного права.

Законным считается применение вооруженной силы только в двух случаях: при осуществлении принудительных мер ООН (ст. 39, 41 и 42) или законной самообороны против вооружённого нападения (ст. 51). Как правило, при осуществлении незаконной интервенции ее организаторы также ссылаются на ст. 51 Устава ООН.

Генеральная Ассамблея ООН на 20-й сессии в 1965 году приняла Декларацию о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета, в которой осуждаются все формы интервенции, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных элементов.

Иногда выделяют идеологическую интервенцию и говорят о ее незаконности⁴. Однако понятие «идеологическая интервенция» невозможно четко юридически определить, и любые попытки сделать это вступают в неразрешимое противоречие с международно-признанным принципом свободного распространения идей.

От военной интервенции принято отличать миротворческие операции, проводимые ООН с согласия государства, на террито-

рии которого они предпринимаются, а также военные акции, предпринимаемые по просьбе законного правительства (включая акции, предусмотренные договорами соглашениями об оказании взаимопомощи и военной помощи). Однако часто очень трудно установить, особенно если в стране идет гражданская война, какое правительство является законным правительством или действительным согласием. Кроме того, военные операции нередко предпринимаются государством с целью спасения своих граждан за рубежом, если существует реальная угроза их жизни или здоровью⁵.

Нередко интервенты, с целью легитимизировать свои действия, создают марионеточные правительства, которые формально обращаются за помощью к государству или к государствам, осуществляющим интервенцию. Так было, в частности, во время ряда интервенций США в ряд стран Латинской Америки в XX веке, во время советской интервенции в Закавказье в 1920–1921 годах, в Венгрии в 1956 году и в Афганистане в 1979 году (в последнем случае интервенты свергли существовавшее прежде правительство и заменили его новым). Что же касается Чехословакии, то там в 1968 году существовавшее правительство было вынуждено подписать соглашение, узаконившее пребывание в стране войск интервентов, а замена этого правительства происходила постепенно.

В целом из трех терминов «оккупация», «аннексия» и «интервенция» именно последний является наиболее однозначным и определенным и не вызывает разногласий между политиками и исследователями, а также больших разночтений в разных языках. В разговорной речи термин «интервенция» применяется редко, но в публицистике он гораздо более популярен.

Понятия «оккупация», «аннексия» и «интервенция» оказываются тесно связаны между собой как в международном праве, так и в истории бурного XX столетия. Рассмотрим основные определения этих понятий и их применение как в международном праве, так и в исторической науке.

В самом широком смысле слова «оккупация» (лат. *occupatio*, буквально означающее: овладение вещами, не имеющими собст-

венника) означает захват или занятие той или иной территории вооруженными силами другого государства. Кроме того, исторически в международном праве оккупация означала приобретение такой территории, которая не находится под суверенитетом какого-либо государства, то есть ничейной территории, однако по мере того, как на Земле были открыты все неизвестные ранее территории, включая самые мелкие острова, такое понятие оккупации потеряло актуальность. При этом различали оккупацию фиктивную и эффективную. Фиктивная оккупация сводилась к тому, что мореплаватель поднимал над территорией, которую он открыл, флаг своего государства, объявлял территорию (остров) владением своего государства, а туземцев, если они населяли эту территорию, – подданными своего государства. Эффективная оккупация предполагает установление действенного контроля и управление территорией с ее частичной или полной колонизацией ее выходцами из занявшего ее государства. Для международного признания такой оккупации требовалось доказать ее мирный характер, отсутствие столкновения с другими державами, ранее занявшими эту территорию, фактическое осуществление суверенитета над данной территорией путем создания органов ее эффективного управления.

В данной монографии под оккупацией будет пониматься захват территории, уже находящейся к тому моменту под суверенитетом другого государства. В дальнейшем данная территория либо освобождается этим государством, либо происходит ее аннексия, что, как мы покажем далее, означает незаконное присоединение всей или части данной территории оккупировавшим ее государством, в одностороннем порядке без учета волеизъявления населения. Оккупация сама по себе не означает обретение суверенитета над оккупированной территорией, в чем заключается ее принципиальное отличие от аннексии. В принципе не исключен вывод войск оккупирующего государства с оккупированной территории (нередко – с заменой его на некий международный воинский контингент по поддержанию мира и безопасности) и определение ее судьбы путем референдума. В этом случае обретение

данной территорией независимости или присоединение ее к какому-либо государству считается законным.

В то же время аннексии непременно должна предшествовать оккупация данной территории, хотя бы в течение нескольких дней. Характерный пример – оккупация Австрии нацистской Германией в марте 1938 года, после которой уже через 29 дней, 10 апреля, состоялся плебисцит об аншлюсе Австрии, проводившийся уже под контролем оккупационных властей и назначенного им австрийского правительства. Причем ко времени плебисцита Австрия уже 15 марта была присоединена к Германии имперским законом «О воссоединении Австрии с Германской империей». Плебисцит был призван одобрить уже свершившийся факт. Некоторые германские историки признают, что большинство населения Австрии могли поддерживать аншлюс и в условиях свободного волеизъявления, но подчеркивают, что с точки зрения международного права это не лишает действий Германии незаконного характера, поскольку «данное событие, которое действительно соответствовало настроению народа в тот период, осталось незаконным с точки зрения международного права»⁶.

Оккупация не означает переход к оккупирующей державе суверенитета над оккупированной территорией. Оккупирующее государство должно соблюдать законы оккупированного государства, за исключением возникновения случаев «непреодолимого препятствия», связанного главным образом с ведением боевых действий. Оккупирующее государство должно по возможности не отчуждать государственное и частное имущество, находящееся на оккупированной территории, а в случае, если такое изъятие становится неизбежным, платить справедливую компенсацию. Население оккупированной территории не должно принуждаться к нарушению присяги и верности по отношению к своему государству⁷.

Оккупация подразделяется на военную и мирную. Военной оккупация считается тогда, когда территория оккупируется в результате боевых действий, а мирной – когда оккупация совершается в результате ультиматума, который вынуждено принять го-

сударство, контролирующее данную территорию, не оказывая при этом вооруженного сопротивления.

Отдельно выделяется понятие «оккупация» как временное занятие территории на период ведения войны, при этом оккупации может подвергнуться территория как государства – участника войны так и нейтрального государства. В качестве примеров последнего можно указать на оккупацию территории Люксембурга Германией в двух мировых войнах, оккупацию Германией Дании во Второй мировой войне, оккупацию русскими, турецкими и британскими войсками части территории Ирана в Первой мировой войне и оккупация всей территории Ирана советскими и британскими войсками во Второй мировой войне. В качестве примеров оккупации территории нейтрального государства можно указать также на оккупацию Бельгии Германией в двух мировых войнах и на оккупацию Германией Нидерландов и Норвегии во Второй мировой войне. Но здесь, в отличие от Люксембурга и Ирана, ситуация является более сложной, поскольку Бельгия, Голландия и Норвегия оказали сопротивление и в дальнейшем из нейтральных стран перешли в разряд членов Антигитлеровской коалиции (а Бельгия в Первой мировой войне стала членом Антанты).

Поведение страны, временно занявшей территорию в ходе военных действий, регламентируется рядом международных конвенций. Правила, которые должна соблюдать оккупирующая держава, были закреплены в Гаагских (1899 и 1907 годов) и Женевских (1949 года) конвенциях о законах и обычаях войны. Так, Женевская конвенция 1949 года «О защите гражданского населения» предусматривает, в частности, право населения оккупированной территории сохранять верность своему государству, запрещает коллективные репрессии и депортации населения, равно как и перемещение своего населения на ее территорию и т. д.⁸

Классическим случаем оккупации считается тот, когда войска одного государства временно пребывают на территории другого в условиях состояния войны между ними. При этом эффективная власть оккупированного государства над оккупированной территорией в период оккупации фактически прекращается. Гражданское управление территорией осуществляется военным командовани-

ем оккупационных войск, создающим органы военной администрации, с соблюдением норм международного права. Оккупирующее государство должно принимать меры по упорядочению общественной и хозяйственной жизни на занятой территории в интересах гражданского населения. Поскольку оккупация – это временное явление, включение оккупированной территории в состав оккупирующего государства запрещается и рассматривается как аннексия. Важный элемент режима оккупации – обеспечение безопасности оккупационных войск, их имущества и коммуникаций, что, однако, вступает в противоречие с признанием права населения оккупированной территории сохранять верность своему государству и правительству, которое в случае, если оккупирована вся территория государства, может находиться в изгнании на территории страны-союзника или колонии, принадлежащей оккупированному государству. Военные власти издают на оккупированной территории односторонние акты в отношении населения и местных органов власти и обеспечивают их соблюдение определёнными мерами принуждения вплоть до расстрела. С другой стороны, эти действия не должны нарушать норм международного права, но как именно и каких именно норм, в конвенциях не прописано.

Оккупирующая держава имеет право создавать на оккупированной территории административные органы для обеспечения общественного порядка и безопасности в соответствии со статьей 43 Гаагского положения 1907 года. Оккупирующее государство может взимать налоги на оккупированной территории, но «по возможности сообразуясь с существующими правилами обложения и раскладки их» на этой территории (Гаагское положение, статья 48). Оккупирующему государству обязано нести расходы по управлению оккупированной территорией, и статья 49 Гаагского положения разрешает взимание оккупирующим государством денежных сборов на нужды армии или управления данной территорией. По мнению финского юриста Э. Кастрена, такие сборы и реквизиции, равно как и трудовые повинности, могут осуществляться лишь при наличии военной необходимости⁹. Однако что следует понимать под военной необходимостью, между-

народное право не определяет. Однако, учитывая, что все войны XX века велись массовыми армиями, из-за мобилизации в армии значительной части мужского населения и вследствие необходимости постоянно наращивать военное производство, в воюющих государствах неизбежно возникал дефицит рабочей силы, если война затягивалась на длительный срок. Поэтому для привлечения к трудовой повинности населения оккупированных территорий всегда можно было найти оправдание.

Согласно постановлению Международного военного трибунала в Нюрнберге, статьи Гаагского положения 48–49, а также статьи 53, 55 и 56 о государственной собственности «ясно показывают, что, согласно законам войны, на экономику оккупированной страны ложатся только расходы по оккупации», но, по мнению Трибунала, она должна нести эти расходы только в той мере, в какой эти расходы соответствуют возможностям экономики оккупированной страны. Таким образом, расходы на оккупацию не должны подрывать экономику оккупированной территории и способности к выживанию его населения.

Однако не всегда просто определить, к каким работам оккупирующее государство может привлекать население оккупированного государства. Юристы согласны с тем, что нельзя использовать это население на работах «стратегического или тактического характера», предпринимаемых в целях, напрямую связанных с продолжением военных операций.

Считается также, что любые работы двойного (военного и гражданского) назначения, которые не предназначены исключительно для удовлетворения нужд оккупационной армии и носят общественно полезный характер (строительство и ремонт дорог и систем связи и т. д.), могут выполняться в порядке трудовой повинности. Правда, следует признать, что определение вида работ в качестве общественно полезных или имеющих военное назначение часто зависит от субъективного толкования.

Согласно вынесенным в свое время судебным постановлениям, оккупирующая держава не имеет права принуждать население оккупированного государства к строительству военных объектов, и, в частности, к рытью окопов и возведению огневых точек.

Следовательно, оккупирующее государство может взимать налоги на нужды оккупационной армии, но строго сообразуясь с реальными нуждами и экономическими возможностями оккупированного государства¹⁰.

Теоретически нарушение оккупационными властями и войсками норм международного права влечёт политическую, материальную и моральную ответственность оккупирующего государства или уголовную ответственность виновных физических лиц. Ответственность государств и физических лиц может возникнуть не только за нарушение законов и обычаев войны, но и за преступления против мира в том случае, если оккупация явилась следствием агрессивной войны.

Фактически тезис об особой ответственности за ведение «агрессивной войны» приводит к тому, что после войны по отношению к жителям оккупированных территорий и находящихся на этих территориях оккупационным войскам и чиновникам оккупационной администрации действует принцип «юстиции победителей». Если то государство, которое осуществляет оккупацию, оказывается среди победителей в войне, то все действия оккупационной администрации и войск, как правило, признаются законными. Исключением могут являться получившие огласку факты уголовных преступлений против невооруженного гражданского населения (убийств, изнасилований, ограблений и т. п.). Те же жители оккупированных территорий, которые с оружием в руках выступали против оккупационных войск и администрации, считаются преступниками («бандитами») и подвергаются репрессиям. За ними не признаются права комбатантов. Наоборот, если среди победителей оказывается то государство, чья территория была оккупирована, то обычно действия оккупационных властей и войск, особенно направленные против местного населения или солдат противника, оставшихся на данной территории и с оружием в руках борющихся против оккупационных войск и администрации, признаются противоречащими международному праву, а лица, сотрудничавшие с оккупантами, признаются коллаборационистами и подвергаются репрессиям. Отсюда вытекает политическая ответственность оккупирующего государства и уголов-

ная ответственность чиновников оккупационной администрации, в том числе из числа местного населения, и военнослужащих оккупационных войск.

На это неразрешимое противоречие обращают внимание российские исследователи. Так, И.И. Лукашук приходит к выводу, что «оккупационные власти обязаны разрешить деятельность местных судей и чиновников, но не могут принудить их к этому». Возникает сложная проблема. С одной стороны, подобная деятельность соответствует интересам населения, с другой – может быть основанием для обвинения в сотрудничестве с оккупационными властями. Оккупант вправе создавать и собственные «неполитические военные суды»¹¹.

Согласно III Женевской конвенции 1949 года лица из милицейских (ополченческих) и добровольческих отрядов, включая организованное движение сопротивления, действующих на оккупированной территории, имеют право на статус комбатантов (участников войны) и военнопленных. Правомерность партизанской войны была признана еще IV Гаагской конвенцией 1907 года, ориентированной прежде всего на опыт англо-бурской войны, которая со стороны буров по большей части носила партизанский характер. Для признания комбатантами партизаны должны удовлетворять ряду требований. Партизан должен принадлежать к организованному отряду во главе с лицом, ответственным за своих подчиненных перед своим правительством, лицом, обеспечивающим дисциплину и соблюдение прав международного гуманитарного права (см. ст. 43 первого Дополнительного протокола 1977 года). Партизаны должны открыто носить оружие перед началом и во время сражения и обладать какими-то элементами униформы. На практике все эти условия выполняются довольно редко.

Организованное сопротивление, не имеющее соответствующей связи с вооруженными силами, например боевые группы, действующие в городах, находится в ином положении и не получает прав комбатантов. Участники таких групп могут привлекаться к уголовной ответственности, но к смертной казни их можно приговаривать лишь за шпионаж, за проведение серьез-

ных диверсий военных объектов и за убийство, но только при условии, что такая мера наказания была предусмотрена правом государства, которому принадлежит оккупированная территория. Запрещаются коллективные наказания и взятие заложников¹².

Международное право не признает аннексии, т. е. присоединение территорий, которые ранее были оккупированы данным государством. Даже если это государство и оказывается в числе победителей, оно должно, согласно нормам международного права, провести на ранее аннексированной территории плебисцит, причем в отсутствие оккупационных войск и под международным контролем. Однако подобные требования далеко не всегда выполняются державами-победительницами. Как отмечает российский исследователь И.И. Лукашук, в ходе вооруженного конфликта одна из воюющих сторон может обрести контроль над частью или всей территорией другой, т. е. оккупировать ее. Оккупация не наделяет оккупанта суверенными правами. Он не вправе аннексировать или передать другому государству эту территорию. Ее судьба решается лишь при окончательном мирном урегулировании. Не следует также забывать, что согласно Уставу ООН «завоевание не является законным методом приобретения территории»¹³.

От военной оккупации отличают режим послевоенной оккупации, который устанавливается, как правило, специальными международными соглашениями заинтересованных государств, конкретно для данной страны или территории в целях выполнения условий мирного договора. Обычно режим послевоенной оккупации устанавливается в результате капитуляции страны в ходе войны.

Выделяют также оккупацию, которая происходит в отсутствие войны. Согласно современным международно-правовым представлениям, такие оккупации допускаются только в соответствии с конкретным и обязывающим решением Совета Безопасности ООН. В противном случае они являются незаконными.

В соответствии со специальными международными соглашениями, принятыми на 4-й Гаагской конференции 1907 года, а также Женевскими конвенциями 1949 года и протоколами к ним

1977 года, военная оккупация не влечет передачу суверенитета над оккупируемой территорией оккупирующему государству.

Военная оккупация, осуществленная в результате вторжения или нападения вооруженных сил одного государства на территорию другого государства в нарушение Устава ООН, рассматривается как нарушение международного права и влечет за собой международно-правовую ответственность.

Различают также мирную оккупацию и оккупацию, осуществленную в мирное время. Мирная оккупация (peaceful occupation) осуществляется в условиях, когда ей не оказывается вооруженное сопротивление. Она может осуществляться как в период войны, так и в условиях, когда ни оккупирующее государство, ни страна, подвергшаяся оккупации, не являются участниками войны. Оккупация, осуществленная в мирное время, является оккупацией, при которой ни страна, подвергшаяся оккупации, ни оккупирующее государство в момент оккупации не являются участниками войны. Примером мирной оккупации, осуществленной в мирное время, является аншлюс Австрии, осуществленный Германией в марте 1938 года, и оккупация Чехословакии Германией в марте 1939 года, и оккупация Советским Союзом государств Балтии в июне 1940 года. А примером мирной оккупации в военное время служат оккупация Германией Люксембурга в двух мировых войнах и Дании во Второй мировой войне. Примером же военной оккупации в мирное время служит, в частности, оккупация Гренады Соединенными Штатами в 1983 году. Как отмечает российский политолог Игорь Шишкин, «концепция “оккупации” является краеугольным камнем государственности прибалтийских республик, без нее немыслима их современная политическая система. Эстония, Латвия и Литва позиционируют себя как прямое продолжение (доктрина континуитета), довоенных государств. По официальной версии, в 1940 году они были “оккупированы” СССР, но де-юре сохранили свою государственность, и восстановили ее в 1991 году»¹⁴.

В связи с проблемой оккупации встает проблема государственного континуитета, т. е. проблема сохранения оккупированным государством, утратившим свой суверенитет, преемственности

после освобождения от оккупации в качестве субъекта международного права по отношению к государству, существовавшему в дооккупационный период. Так, нынешний президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес, в частности, утверждает: «Эстонское государство было создано в 1918 году и восстановлено на основании юридической преемственности, и роль президента – защищать первоосновы. То, что Эстония была оккупирована – одна из самых больших трагедий в истории эстонского народа, и это было несправедливостью, эта несправедливость не породит никакого нового права. В Риме действовал принцип *ex iniuria jus non oritur* – право не может возникнуть из правонарушения; если мы не будем говорить, что нас оккупировали, то нам придется изменить устои своего государства, которые сохранялись все время с 1918 года»¹⁵. Аналогичной позиции придерживаются правительство и большинство политических партий Литвы, Латвии, Молдавии, Польши.

Проблема того, как должна решаться проблема сохранения государственного континуитета в случае длительной оккупации или тогда, когда после аннексии прошло много лет и даже десятилетий, решается по-разному разными исследователями. В СССР, а потом в России термин «аннексия» старались не применять к российским и советским действиям. Но, даже признавая факт аннексии с советской и российской стороны, российские исследователи, как правило, говорят, что государственный континуитет в этом случае не сохранялся, поскольку не существовало международно-признанных правительств в изгнании, претендовавших на сохранение преемственности. Практически та же позиция, но менее ярко выраженная, сохраняется у российских исследователей и по отношению к другим аннексиям XX века, совершенным без участия России и СССР. Тут определяющим является тот факт, что, по мнению российских исследователей, после освобождения государства от оккупации (или восстановления его после аннексии) к власти практически всегда приходит уже совсем другое правительство, чем то, которое существовало до оккупации, что ведет к изменению конституции, а часто – и общественно-политического строя¹⁶.

И проблема континуитета нового государства, как правило, не признается мировым сообществом в том случае, если государство-предшественник утратило свою независимость тогда, когда аннексии не считались противоречащими международному праву. Так, заявление правительства Польши, восстановившей в 1918 году свою независимость, что новое государство в качестве субъекта международного права равно тому государству, которое исчезло с политической карты Европы в 1795 году в результате трех разделов, не было признано мировым сообществом¹⁷.

Европейские и североамериканские исследователи склонны признавать государственный континуитет не нарушаемым фактом оккупации и аннексии в том случае, если правительство, пришедшее к власти после восстановления независимости аннексированных территорий, провозглашает такой континуитет, особенно если это правительство выражает готовность присоединиться к тем международным многосторонним соглашениям, к которым присоединилось аннексировавшее государство. В то же время, ряд исследователей, представляющих в первую очередь Германию, считают вопрос восстановления континуитета и в этих случаях «проблематичным» или «спорным»¹⁸. Возможно, здесь на позицию германских исследователей влияет тот факт, что современная ФРГ не признает континуитет по отношению к Германии, существовавшей до 1945 года, и даже до 1933 года.

Отметим кстати, что, как правило, оккупация без аннексии редко длится достаточно долго. Оккупированную территорию обычно стараются поскорее аннексировать. Единственное заметное исключение здесь – оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Дунайская монархия оккупировала эту провинцию Оттоманской империи еще в 1878 году, а аннексировала ее только 30 лет спустя, в 1908 году. Причина столь длительной задержки с аннексией в данном случае крылась в сложной дипломатической обстановке того времени и в безуспешных попытках Австро-Венгрии заручиться согласием на аннексию со стороны держав, представляющих оба противоборствующих блока – Антанты и Тройственного Союза. Очевидно, что во всех случаях признания или непризнания фактов оккупации, принципы меж-

дународного права взаимодействуют с чисто политическими проблемами, и решение в данных случаях редко бывает чисто юридическим¹⁹.

В то же время, во время самого периода долгосрочной оккупации или после аннексии, западные исследователи или политики, если только их государства не находились в состоянии войны с оккупирующей державой, не упоминали проблемы государственного континуитета применительно соответствующим аннексированным государством. Так, финские авторы М. Коскениеми и М. Лехто полагают: «В данном случае притязание на континуитет означает юридическую фикцию. Как сами страны Балтии, так и окружающий их мир уже не “те же самые”, что в 1940 году... Можно усомниться в необходимости вновь возвращаться к фикции континуитета для достижения юридических результатов, которые и так вытекают из признания противоправности оккупации»²⁰. Однако, как нам представляется, без признания континуитета довольно трудно восстановить действие прежней конституции и других законов, а также произвести перераспределение незаконно отчужденной собственности.

Укажем также на тот факт, что итальянская аннексия Эфиопии 9 мая 1936 года после сравнительно непродолжительного периода колебаний была признана большинством других государств. Но после объявления Италией войны союзникам 11 июня 1940 года державы Антигитлеровской коалиции отказались от этого признания и подтвердили континуитет Эфиопии. После освобождения Эфиопии британскими войсками была признана непрерывность и идентичность ее правосубъектности с государством, существовавшим до аннексии.

Эстонский юрист Лаури Мьялксоо остроумно заметил: «Уже в 1940 году специалисты по международному публичному праву начали прощаться со странами Балтии. Один ученый писал в 1957 году, что “в 1917 году страны Балтии словно бы вышли из тени, чтобы занять место в семье европейских народов, где их до этого момента практически полностью игнорировали. Сейчас они вновь теряются в тумане легенды”. Таким образом, балтийских Schneewittchen, сродни Атлантиде, уже начали рассматривать как

затерянных в “тумане легенды” (лишенных, впрочем, того интереса, который выпал на долю “затерянного континента”)²¹.

Оккупация, осуществляемая в ходе войны, в наибольшей степени регламентирована существующими международными конвенциями. Территория считается оккупированной, если власть на ней перешла в руки неприятельской армии. Оккупирующее государство обязано уважать права человека и обязательно создавать органы оккупационной администрации. Оккупационная армия имеет право изымать деньги, казну и другие госактивы, но частная собственность, а также имущество общин, религиозных, художественных, образовательных, научных и благотворительных учреждений должна быть неприкосновенна. Вооруженное сопротивление или его отсутствие никак не влияет на статус территории как оккупированной. Женевские конвенции 1949 года (ст. 2) гласят: «Конвенция будет применяться также во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления». Примером оккупации в период войны, когда между двумя сторонами объявлено состояние войны, можно считать германскую оккупацию территории СССР и остальной Европы в 1939–1945 годах. Как отмечает И.И. Лукашук, «оккупация распространяется лишь на ту часть территории, на которой эта власть установилась и реально осуществляется. Согласно общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 года ст. 2 режим оккупации применяется и в том случае, если территория занята без вооруженного сопротивления»²².

Международные конвенции подробно регламентируют обязанности оккупирующей державы, учитывая, в частности, опыт Второй мировой войны. Оккупационные власти обязаны уважать основные права человека, а также права, определенные международными нормами по гуманитарным вопросам, но только «в пределах возможного». Мирное население должно иметь определенный уровень защиты, но с учетом, разумеется, интересов безопасности оккупационных войск. Оккупирующее государство обязано, во взаимодействии с местными властями, обеспечить население в медицинское обслуживание, настолько, насколько позволяют су-

ществующие условия, но при этом медицинские учреждения могут быть временно реквизированы для лечения раненых. Теоретически такое изъятие компенсируется созданием необходимых учреждений для мирного населения, но последнее на практике происходит редко. Оккупационные власти должны следить за обеспеченностью населения питанием и в случае необходимости принимать соответствующие меры, в том числе и принимая помощь под эгидой Международного Комитета Красного Креста. Однако на практике нужды оккупационных войск всегда имеют приоритет перед нуждами населения, а помощь со стороны МККК возможна только тогда, когда средства для оказания помощи жителям оккупированных территорий предоставляет либо само государство, часть территории которого оккупирована, либо его союзники, либо достаточно богатые нейтральные государства.

Население не может принуждаться оккупационными властями к деятельности, имеющей военное значение, но при этом допускается набор добровольцев как для работы на военных предприятиях, так и для службы в войсках оккупирующей державы. Однако по законам своего государства такого рода добровольцы квалифицируются как предатели и могут подвергаться репрессиям. Вторая мировая война дала тому множество примеров.

Допускается привлечение лиц старше 18 лет к принудительному труду, если это необходимо для нужд оккупационных войск, для работы коммунальных служб, для обеспечения населения продовольствием, медицинским обслуживанием, жильем, одеждой. В этом случае работники должны получать справедливую оплату и не могут быть депортированы в другую страну.

В период оккупации допускается реквизиция частной собственности для нужд оккупационных войск, но с учетом местных возможностей. Изъятые подлежат оплате наличными или путем выдачи расписки. Разрушение собственности запрещено, кроме случаев абсолютной военной необходимости²³.

Ни при каких обстоятельствах не допускается уничтожение: имущества и складов санитарных формирований и учреждений вооруженных сил (Женевская конвенция I, статья 33);

санитарных формирований и учреждений (Дополнительный протокол I, статья 12, пункт 1);

имущества общин (Гаагское положение, статья 56), в том числе их архивы и акты гражданского состояния;

собственности церковных (независимо от конфессии), благотворительных, образовательных, художественных и научных учреждений, произведения искусства и науки, исторические памятники (Гаагское положение, статья 56; Гаагская конвенция 1954 года, статья 5). Отметим, что Гаагская конвенция 1954 года о защите культурных ценностей допускает возможность нападения на эти объекты в случае военной необходимости (статья 4, пункт 2), но только в ситуации боевых действий, а не оккупации²⁴.

Послевоенные оккупации обычно определяются условиями капитуляции или мирного договора и часто связываются с необходимостью выплатить контрибуцию или репарации и срок оккупации в этом случае увязывается с выполнением финансовых обязательств. Примером служит, в частности, оккупация района Рура французскими войсками в 1923–1925 годах, оккупация Ирака вооруженными силами США в ходе операции «Иракская свобода» в 2003 году была вызвана невыполнением Ираком своих обязательств по перемирию 1991 года. Иногда послевоенная оккупация длится до заключения формального мирного договора. Такой была оккупация союзными державами Германии в 1945–1949 годах и Австрии в 1945–1955 годах. При этом значительные части Германии были аннексированы государствами-победителями сразу после капитуляции, задолго до заключения мирного договора, который с Германией так и не был заключен. В данном случае оккупация продлилась до момента образования двух независимых германских государств²⁵.

Оккупация прекращается либо в момент утраты оккупирующим государством контроля над оккупированной территорией, либо после окончания военных действий. В последнем случае, однако, оккупация никогда не прекращается моментально, поскольку вывод войск требует определенного времени. В ряде случаев оккупация военного времени перетекает в послевоенную оккупацию или войска остаются на данной территории в качестве

гарнизона военных баз по условиям соответствующего соглашения. Так, в частности, произошло с союзными оккупационными войсками в Германии после 1949 года. Как справедливо отмечает И.И. Лукашук, «оккупационный режим прекращается с момента утраты фактического контроля над территорией. Если же оккупация сохраняется и после прекращения военных действий, то согласно IV Гаагской конвенции соответствующие нормы гуманитарного права подлежат применению в течение года после общего прекращения военных действий. Это положение было обоснованно изменено первым Дополнительным протоколом 1977 года, установившем, что международное гуманитарное право должно применяться до прекращения оккупации. Думается, что данное изменение внесено с учетом опыта многолетней оккупации Израилем восточного берега реки Иордан»²⁶.

Насчет оккупации в мирное время, совершенной по отношению к государству, с которым оккупирующее государство не находится в состоянии войны, нормы международного права применяются в той же мере, как и оккупациям, совершенным в военное время. Часто такая оккупация совершается с формального согласия органов власти оккупированного государства, но такое согласие всегда бывает получено в результате ультиматумов и угрозы применения силы. К такого рода оккупации можно отнести оккупацию Германией Люксембурга в двух мировых войнах, Австрии в марте 1938 года, Чехословакии в марте 1939 года, Дании в апреле 1940 года, уже в ходе Второй мировой войны.

При этом законность оккупации и последующей аннексии может признаваться в свое время значительной частью международного сообщества прямо или косвенно. Например, США никогда не признавали за Чехией статус германского протектората Богемии и Моравии и провозглашенную в марте 1939 года при содействии Германии независимость Словакии и продолжали признавать государственность Чехословакии. Однако большая часть международного сообщества в прямой или косвенной форме признала прекращение существования Чехословакии²⁷.

Есть случаи, когда в ходе оккупации страны, осуществленному по двустороннему соглашению оккупирующей и оккупиро-

ванной страны, военно-административные оккупационные органы не создавались, а власть осуществлялась прежним правительством. Такая ситуация сложилась, в частности, в период оккупации войсками США территории Исландии в 1941–1946 годах или оккупации войсками СССР территории Монголии с 1921 по 1990 год. Здесь целью оккупации была защита от угрозы оккупации и аннексии другими государствами – Германией Исландии и Китаем Монголии. Только в случае Исландии договор об оккупации был действительно равноправным и добровольным с обеих сторон только в случае оккупации Исландии американскими войсками. В данном случае власти Исландии охотно согласились на американскую оккупацию-защиту, поскольку к тому времени, с одной стороны, еще в 1940 году, исландская метрополия Дания была оккупирована немцами, а, с другой стороны, Исландия уже с мая 1940 года была оккупирована британскими войсками, причем без какого-либо предварительного соглашения с местными властями. Это была типичная оккупация нейтральной страны в военное время. В момент американской оккупации в июле 1941 года США еще оставались формально нейтральными, поэтому замена британских оккупантов на американских казалась исландцам предпочтительнее. К тому же Америка казалась более надежной защитой от возможного германского вторжения, чем Англия, которой самой угрожало германское вторжение.

Что же касается Монголии, то соглашение о пребывании в Монголии советских войск заключалось с монгольским правительством, которое само пришло к власти на советских штыках, полностью зависело от Советской России (в дальнейшем СССР) и не имело никакого дипломатического признания. Так что о «добровольности» заключения соглашения с монгольской стороны в данном случае говорить сложно.

Также были случаи, когда после оккупации длительное время не создавались оккупационные органы власти, а функционировали прежние органы власти. Так было в Дании до августа 1943 года, в Чехии (протекторате Богемия и Моравия) до 1945 года, но поскольку все эти оккупации осуществлялись под угрозой применения силы, их нельзя признать законными.

К легальной, законной оккупации в мирное время относят миротворческие миссии войск ООН, НАТО, ОДКБ и иных организаций, если на такие миссии существует мандат ООН – соответствующие официальные решения её Генеральной Ассамблеи и/или Совета Безопасности.

В прошлом, вплоть до Второй мировой войны, различали оккупацию и завоевание государства. Завоевание предполагало «полное подчинение побежденному победителю, влекущее за собой конец войны и прекращение существования побежденного государства»²⁸. В случае завоевания страны побежденное государство перестает существовать, и со стороны тех, кто его представляет, военные действия больше не ведутся. Для оккупации, наоборот, характерны сохранение властных структур (пусть даже в изгнании) побежденного государства и продолжение сопротивления и военных действий против государства-победителя. Нормы, относящиеся к оккупации, не применяются к покорению, которое применялось в случае капитуляции властей оккупированного государства²⁹.

Однако на практике, в случае если война имеет коалиционный характер, полной капитуляции одного из оккупированных государств, как правило, не происходит. Здесь можно обратиться к Франции в период июня 1940 года. Тогда после капитуляции правительства Франции было создано новое правительство «Сражающейся Франции», которое базировалось на территории Англии и продолжило борьбу с Германией. Сейчас право завоевания не признается. В результате оккупации, осуществляемой по мандату ООН или по какому-то другому авторитетному международному мандату, признается возможной смена политического режима и правительства в оккупированной стране, если оно оказывается причастным к преступлениям против человечности. Так произошло, например, в Афганистане и Ираке после войны против них войск международной коалиции в 2001 и 2003 годах. При этом обоснованность действий коалиции в Ираке, формально вытекающая из резолюции ООН 1990 года по поводу иракской агрессии, подвергается большим сомнением во всем мире.

Подчеркнем, что по единодушному мнению юристов, оккупация не является аннексией, поскольку законы оккупированного

государства по-прежнему применяются на его территории, а правительство в изгнании оккупированного государства законно представляет это государство за границей³⁰.

Нередко под оккупацией понимают любой насильственный и противоправный захват территории, независимо от того, была ли вслед за оккупацией произведена аннексия данной территории и от длительности времени, в течение которого этот захват продолжался. В связи с этим толковый словарь Ожегова дает такое определение понятия «оккупация»: «Занятие чужой территории военной силой»³¹. Также в приговоре Нюрнбергского трибунала над главными нацистскими военными преступниками все страны и территории, занятые накануне и в ходе войны нацистской Германией, названы «оккупированными», независимо от того, были ли они аннексированы и включены в состав Германии в виде протекторатов, генерал-губернаторства и т. п. Военным преступникам также инкриминировалось намерение включить эти территории, в том числе занятые мирным путем, например, Данию, в состав Германии. Осуждались репрессии на всех оккупированных территориях, независимо от того, были они аннексированы или нет³².

Следует учитывать, что понятие «оккупация» является наиболее разработанным в международном праве, в отличие от понятий «аннексия» и «интервенция». В то же время, слово «оккупация» оказывается гораздо более употребительным и в разговорной речи, и в публицистике.

За оккупацией часто следует аннексия всей или части оккупированной территорий. Под аннексией (от лат. *ad nectere* – присоединять) подразумевается официальное присоединение государством всей или части территории другого государства в одностороннем порядке, незаконно, без учета и против воли местного населения. В отличие от оккупации, которая является одним из первичных способов приобретения территории, но не влечет за собой юридических изменений в ее статусе, аннексия полностью меняет юридический статус, превращая оккупированные территории в часть территории другого государства или в новое независимое государство.

В конце XIX века, как свидетельствуют словари того времени, понятие «аннексия» трактовалось более узко. Вот какое определение было дано, например, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Аннексия, аннектирование или аннексация (лат.) – присоединение, присвоение. Этим наименованием обозначается присоединение области или края к другому государству, не основанное на формальном акте отречения прежнего государя. В новейшее время выражение это употребляется преимущественно по отношению к завоеванным Пруссией в 1866 году северогерманским государствам: Ганноверу, курфюршеству Гессенскому, герцогству Нассаускому и вольному городу Франкфурту. Оно применялось также к присвоению Сардинией (от 1860–1861 годах) различных итальянских областей, из которых образовалось Итальянское королевство. Ни в первом, ни во втором случае не существовало отречения со стороны государей названных стран, но существовало согласие их населения на присоединение к новообразуемым государствам»³³.

Сейчас термин «аннексия» не применяется в тех случаях, когда территория присоединяется к другому государству в результате референдума или выборов, произведенных под международным контролем и признанных мировым сообществом, даже если государство, осуществлявшее прежде суверенитет на данной территории, не соглашается с изменением суверенитета. Напротив, если нет ясно выраженной воли населения на присоединение к другому государству, такое присоединение все равно считается аннексией, даже если существующие власти данной территории согласились с присоединением. В качестве примеров можно привести аннексию Германией Австрии в 1938 году, Чехии в 1939, Дании в 1940 и аннексию Советским Союзом Западной Белоруссии и Западной Украины в 1939 году, Бессарабии, Северной Буковины и государств Балтии в 1940 году и Закарпатской Украины в 1945 году.

Необходимо подчеркнуть, что и в XIX веке аннексия не считалась чем-то предосудительным, если она отвечала ясно выраженной воле населения данной территории, даже если суверен данной территории возражал против ее присоединения к другому

государству. Так, США официально аннексировали Техас в 1845 году после того, как ополчение местных колонистов-американцев разбило мексиканскую армию, и колонисты провозгласили независимость Республики Техас, а затем выразили желание стать штатом США. В результате между Техасом и США был разработан Декрет от Аннексии (Ordinance of Annexation), который был одобрен на референдуме населением Техаса, а также законодателями Техаса и США³⁴. Аннексии стали признаваться незаконными только в XX веке, начиная с Первой мировой войны. Именно с этого периода, вследствие широко распространенного социалистического лозунга «Мир без аннексий и контрибуций!», слово «контрибуция» стали заменять словом «репарации» (возмещение ущерба), а слово «аннексия» рядом других слов – «присоединение», «включение», «инкорпорация», «добровольное вхождение», «воссоединение» и др.

Яснее всего негативная коннотация слова «аннексия» отражена в «Толковом словарь русского языка» Д.Н. Ушакова: «Аннексия (анэ), аннексии, ж. (от латин. *annexo* – привязываю) (полит.). Насильственное политическое присоединение страны или части ее к другой стране»³⁵. Еще дальше идет в этом отношении современный «Большой Российский энциклопедический словарь»: «Аннексия (от латинского *annexio* – присоединение), вид агрессии, насильственное присоединение (захват) всей или части территории другого государства или народа»³⁶. «Новый словарь русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой практически повторяет это определение, но с одним существенным дополнением: «Аннексия, ж. Насильственное присоединение, захват всей или части территории, принадлежащей другому государству или народу, а также насильственное удержание какого-либо народа в границах чужого государства»³⁷. Здесь есть существенное расширение понятия «аннексия». Под ним понимается не только сам акт присоединения той или иной территории, но и ее удержание в дальнейшем в составе аннексировавшего ее государства.

Фактически в этом последнем значении слово «аннексия» становится синонимом слова «оккупация» в том его значении, которое означает «захват и насильственное удержание территории».

Заметим, однако, что в реальной разговорной и письменной практике русского языка для обозначения факта удержания в течение какого-то времени незаконно присоединенной территории гораздо чаще используется термин «оккупация», чем термин «аннексия».

В английском и французском языках по отношению к территории, в частности, стало использоваться слово «accroissement» (приумножение, увеличение, присоединение). Иногда в английском языке используется термин «насиленная аннексия» (*forcible annexation*), чтобы отличить её от законного присоединения (*annexation*). В англоязычной литературе, особенно американской, как в прошлом, так и в настоящем «*annexation*» часто употребляется в позитивном контексте. Также в англоязычной литературе нередко предпочитают говорить о политическом союзе (*political union*) и воссоединении (*reunification*).

Аннексию также отличают от цессии – добровольной уступке или продаже территории согласно договору (например, продажа Аляски России Соединенным Штатам в 1867 году) или от слияния (*amalgamation*), когда две или более территорий сливаются воедино, образуя новое государство. Таким было, с формальной точки зрения, образование СССР в 1922 году, хотя фактически Украина, Белоруссия и Закавказская Федерация суверенитета не имели, контролируясь единой Красной Армией и единой партией большевиков, которая только и обладала государственной властью. В то же время, объединение Германии в 1990 году не было слиянием, поскольку ГДР и Западный Берлин просто присоединились к (вступили в состав) ФРГ, согласно конституции последней.

Хартия ООН 1945 года признала свободное волеизъявление население единственным основанием для перехода суверенитета и отвергла аннексии. 4-я Женевская конвенция о защите прав гражданского населения в период войны, принятая 12 августа 1949 года, запретила аннексию территорий, захваченных в ходе войны. Была запрещена массовая депортация населения из оккупированных территорий и массовое переселение жителей на оккупированные территории с других территорий. На практике аннексии признаются законными, если аннексирующей державе

удается постфактум договориться с прежним сувереном аннексированной территории и заключить с ним соответствующее соглашение, а также организовать свободное волеизъявление населения.

Согласно современному определению Британской энциклопедии, «аннексия – это формальный акт, которым государство провозглашает свой суверенитет над территорией, прежде не находившейся а его владении. В отличие от цессии, когда территория передается или продается согласно договору, аннексия – это односторонний акт, который обеспечивается реальным владением территории и легитимируется всеобщим признанием».

В этой же энциклопедии приведены хрестоматийные примеры:

«Аннексии часто предшествует завоевание и военная территория завоеванной территории. В некоторых случаях, например, в случае германской аннексии Австрии в 1938 году, завоевание сопровождается угрозой применения силы, без ведения активных боевых действий. Военная оккупация не ведет с необходимостью к аннексии. Так, например, союзная оккупация Германии после прекращения боевых действий во Второй мировой войне не сопровождалась аннексиями. Когда военная оккупация сопровождается аннексией, то нормальным считается объявление о том, чтобы суверенные власти аннексированного государства установлены и будут сохранены в будущем. Такое заявление было сделано Израилем при аннексии Голанских высот в 1981 году. Признание аннексии другими государствами может быть явным или подразумеваемым. Аннексии, основанные на незаконном применении силы, осуждены Хартией ООН.

Могут существовать условия, при которых завоевание не является необходимым для аннексии. Например, в 1910 году Япония превратила Корею из своего протектората в аннексированную колонию путем провозглашения. Перед аннексией островов Свальбарда (Шпицберген) в 1925 году Норвегия устранила своих соперников путем договора, в котором те согласились с норвежским владением островами. Аннексия Гавайев Соединенными Штатами в конце XIX века была мирным процессом, основанном на добровольном принятии гавайским правительством власти США.

Формальности аннексии не определены международным правом. Должна ли она осуществляться той или иной ветвью власти государства, является проблемой конституционного права. Итальянская аннексия Эфиопии в 1936 года сопровождалась декретом короля Италии. Совместные резолюции Конгресса были средствами, с помощью которых США аннексировали Техас в 1845 году и Гавайи в 1898 году»³⁸.

Легко убедиться, что в английском, как и в других европейских языках, нет однозначности в определении понятия «аннексия». В процитированной статье Британской энциклопедии не говорится, в частности, что во время послевоенной оккупации Германии ряд аннексий в действительности был произведен. Советский Союз аннексировал Калининградскую область. Ряд германских территорий в Восточной и Западной Пруссии, Померании и Силезии были аннексированы Польшей. Но эти аннексии были основаны на законном применении силы. Пример же с аннексией Кореи Японией является неудачным, поскольку еще с 1904 года Корея была оккупирована японскими войсками.

В английском и других европейских языках существуют различия между «законной аннексией» и «незаконной, или насильственной аннексией». В русском же языке под «аннексией», как правило, подразумевается незаконная или насильственная аннексия. Законная же аннексия обозначается словом «присоединение». «Аннексия» («насильственная аннексия») запрещена международным правом и не признается всеми или подавляющим большинством государств в мире. Однако сам факт аннексии не влечет за собой автоматического введения санкций против совершившего ее государства.

Как мы убедились, понятие «аннексия» по-разному трактуется как разными исследователями и политиками, так и в разных языках. Поэтому оно сравнительно редко употребляется как в разговорной речи, так и в публицистике.

Термин «советизация» является не юридическим, а скорее историческим термином. Он примерно одинаково понимается российскими и зарубежными исследователями и достаточно широко употребляется в исторической литературе и публицистике. Тер-

мин «советизация» означает преобразование общественных и политических институтов по советскому образцу в странах и на территориях, оказавшихся под советским контролем. Советизация подразумевает установление однопартийной власти, внедрение в качестве обязательной для всего населения, ликвидацию демократических прав и свобод и свободных выборов.

В толковом словаре Д.Н. Ушакова термин «советизация» производится от глагола «советизировать», значение которого определяется как «организовать (организовывать) где-н. органы советской власти, установить (устанавливать) где-н. советскую власть». В качестве примера приводится фраза: «После победы над Колчаком и японскими интервентами Сибирь была быстро советизирована». Здесь же приводится другое определение глагола «советизировать»: «Внедрить (внедрять) советскую идеологию, мировоззрение и понимание практических задач советской власти». В качестве примера такого словоупотребления приводится фраза «советизировать театр»³⁹.

А вот в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова, вышедшем в 1952 году, термины «советизация» и «советизировать» отсутствуют. В последние годы жизни Сталина эти термины не использовались, поскольку в то время на Западе много писали о «советизации» Восточной Европы и Китая, тогда как советская пресса писала о победах в этих странах «народной демократии». На Западе термин «советизация» понимают практически одинаково с российскими авторами. Под ним понимается «принятие политической системы, основанной на модели Советов», и «принятие образа жизни и мышления по образцу и подобию Советского Союза»⁴⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Bakke Amy, Drinkall Anne and Martin Jeff. Actualizing the Responsibility to Protect 43rd Conference on the United Nations of the Next Decade.* – Muscatine, IA, 2008.

² *Блинов А.* Эпоха войн, революций и гуманитарных интервенций // Независимое военное обозрение, 2011, 28 марта (www.ng.ru/courier/2011-03-28/9_epoha.html)

³ *Сафаров Раджаб.* «Военная интервенция может привести к глобальной катастрофе, в которой пострадает не только Израиль // Общественный рейтинг, 2011, 24 ноября (<http://www.pr.kg/gazeta/number552/1923>).

⁴ См., например: Отечественная история в терминах и понятиях / Под ред. М.В. Зотовой. – М.: МГУП, 2002.

⁵ См.: *Макфарлей С. Нил.* Многосторонние интервенции после распада биполярности // Международные процессы. 2008. № 1, январь–апрель. С. 41–46.

⁶ *Dahm G.* Völkerrecht. Band I. – Stuttgart, 1958. P. 592.

⁷ См.: *Давид Эрик.* Принципы права вооруженных конфликтов. – М., МККК, 2000.

⁸ См.: *Ромашкин П.С.* Военные преступления империализма. – М., 1953; *Полторак А.И., Савинский Л.И.* Преступная война. – М., 1968; Курс международного права. Т. 5. – М., 1969.

⁹ *Castren E.* The Present Law of War and Neutrality. – Helsinki, 1954. P. 241.

¹⁰ См.: *Давид Эрик.* Принципы права вооруженных конфликтов.

¹¹ См.: *Лукашук И.И.* Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 352.

¹² Там же. С. 353.

¹³ *Лукашук И.И.* Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 351.

¹⁴ *Шишкин Игорь.* Концепция «оккупации» Прибалтики, Бессарабии и «четвертого раздела» Польши – вызов безопасности России (<http://www.regnum.ru/news/polit/1488106.html>)

¹⁵ *Ильвес.* оккупация Эстонии была несправедливостью // День за днем, 29.12.2011 (<http://www.dzd.ee/684266/ilves-okkupacija-jestonii-byla-nespravedlivostju/>)

¹⁶ См.: *Захарова Н.В.* Правопреемство государств. – М.: Международные отношения, 1973; *Ушаков Н.А.* Основания международной ответственности государств. – М.: Международные отношения, 1983; *Клименко Б.* Проблемы правопреемства на территории бывшего Союза ССР // Журнал Международного права, 1992, No. I. С. 3–24.

¹⁷ *Fiedler W.* Das Kontinuitätsproblem im Völkerrecht. Zum funktionalen Zusammenhang zwischen Völkerrecht, Staatsrecht und Politik. – Freiburg: Karl Alber, 1978. P. 36.

¹⁸ *Zimmermann A.* Staatennachfolge in völkerrechtliche Verträge. Zugleich ein Beitrag zu den Möglichkeiten und Grenzen völkerrechtlicher Kodifikation. –

Berlin: Springer, 2000. P. 50; *Dörr O.* Die Incorporation als Tatbestand der Staatensukzession. Berlin: Duncker & Humblot, 1995. P. 49.

¹⁹ *Мялксоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Исследование конфликта между нормативностью и силой в международном праве. Пер. с англ. – Издательство Тартуского университета, 2005. С. 19.

²⁰ *Koskenniemi M. and Lehto M.* La succession d'états dans l'exURSS, en ce qui concerne particulièrement les relations avec la Finlande // 38 AFDI 1992. P. 197–198.

²¹ *Мялксоо Л.* Указ. соч. С. 17.

²² *Лукашук И.И.* Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. С. 352.

²³ Там же. С. 352–353.

²⁴ *Давид Эрик.* Принципы права вооруженных конфликтов. С. 35.

²⁵ *Лукашук И.И.* Указ. соч. С. 352.

²⁶ *Лукашук И.И.* Указ. соч. С. 352.

²⁷ *Marek K.* Identity and Continuity of States in International Law. – Genève: E. Dros, 1954. P. 290.

²⁸ См.: Dictionaire de la terminologie du droit international. – Paris, Sirey, 1960. P. 584; *Whiteman M.* Digest of Internatioanl Law. – Washington, 1968. Vol. X. P. 547.

²⁹ *Ando N.* Surrender. Occupation and Private Property in International Law. Oxford, Clarendon Press, 1991. P. 36

³⁰ *Давид Эрик.* Принципы права вооруженных конфликтов. – М., МККК, 2000. С. 36.

³¹ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М.: Госиздат иностранных и русских словарей, 1952. С. 401.

³² См.: Judgment of the International Military Tribunal: The Invasion of Denmark and Norway (<http://avalon.law.yale.edu/imt/juddenma.asp>); Judgment of the International Military Tribunal: Murder and ill-treatment of Civilian Population (<http://avalon.law.yale.edu/imt/judwarcr.asp#civilian>).

³³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. ПТ. 2. – СПб., 1890. Стб. 514.

³⁴ См.: *Fehrenbach T.R.* Lone Star: A History of Texas and Texans. – Cambridge: Da Capo Press, 2000. P.P. 263–267.

³⁵ *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. В 4 тт. Т. 1. – М.: Сов Энциклопедия. 1935. С. (<http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/a/ang.html>)

³⁶ Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 67.

³⁷ Новый словарь русского языка / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. – М.: Словари, 2000. (<http://www.slovoblog.ru/efremova/anneksiya/>)

³⁸ Britannica online Encyclopaedia (<http://www.britannica.com/EBchecked/topic/26334/annexation>)

³⁹ Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 4 тт. Т. 3. (<http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/c/covet.html>)

⁴⁰ См.: *O'Boyle Edward J.* Work Habits and Customer Service in Post-Communist Poland // *International Journal of Social Economics*, Vol. 20, # 1 (January 1993).

Глава 2

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Первоначально в советской историографии 1920-х – 30-х годов достаточно откровенно освещались задачи внешней политики СССР – планы мировой революции и задачи советизации пограничных государств. По свидетельству советских военных историков И.И. Вацетиса и Н.Е. Какурина, уже на втором году Гражданской войны ставились задачи «... 1) занятие Белоруссии, 2) продвижение в сторону Варшавы до реки Западный Буг (включительно). Продвижение Красной Армии к означенным рубежам развивалось вполне успешно. Польша была занята борьбой на других фронтах и восточную свою границу охраняла слабо. В это время в Восточной Галиции на чехословацкой границе между чехословаками и поляками происходили споры из-за пограничной линии, и, наконец, до окончания спора с немцами на границе с Силезией также приходилось держать войска)»¹.

При этом Советская Россия как первое в мире пролетарское государство оказывала поддержку рабоче-крестьянским массам окраин (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Польши), желавшим создать на своей родине советские республики. «Советская власть позволила сформировать в РСФСР советские национальные армии как для овладения территорией этих национальностей, так и для закрепления этих территорий за собой»². Получается, что в 1919 году Красная Армия планировала продвинуться, как минимум, до Бреста. Этому свидетельству можно

верить, поскольку И.И. Вацетис в конце 1918 и в начале 1919 года был главнокомандующим Красной Армией. Очевидно, планировалось захватить и Варшаву. Только формально это должна была сделать не Красная Армия Советской России, а национальная Красная Армия Польши. Кстати, Вацетис тогда по совместительству командовал Красной Армией Латвии. Не скрывались планы советизации Польши и в мемуарах М.Н. Тухачевского, впервые изданных в 1923 г.³

Документы по истории советско-польских отношений 1918–1921 годов, публиковавшиеся в 1920-е – первой половине 80-х годов, призваны были подкрепить официальную советскую версию о польской агрессии и советском миролюбии, а также об отсутствии заранее разработанных до лета 1920 года планов советизации Польши⁴. Польские же предложения по мирному решению конфликта неизменно трактовались советскими историками лишь как дипломатическое прикрытие агрессивных планов⁵. Бывший советский главнокомандующий в статье, опубликованной еще в 1922 году, по поводу планов советизации Польши утверждал, что «перед Красной Армией сама собою, очевидно, стала последняя задача овладеть Варшавой, а одновременно с этой задачей самой обстановкой был поставлен и срок ее выполнения “немедленно”». Как поясняет С.С. Каменев, это обуславливалось тем, что «нельзя затягивать испытания революционного порыва польского пролетариата, иначе он будет задушен; судя по трофеям, пленным и их показаниям, армия противника, несомненно, понесла большой разгром, следовательно, медлить нельзя: недорубленный лес скоро вырастает». Вторым же фактором стала помощь, которую Польше могла оказать Антанта: «Имели мы и недвусмысленные предостережения со стороны Англии, что если перейдем такую-то линию, то Польше будет оказана реальная помощь. Линию эту мы перешли, следовательно, надо было кончать, пока эта “реальная помощь” не будет оказана». Каменев полагал, что поставленная задача советизации Польши была выполнима, и оказалась провалена из-за субъективных ошибок военного и политического руководства: «Если мы были правы в учете политического момента, если не переоценивали глубины разгрома белопольской

армии и если утомление Красной Армии было не чрезмерным, то к задаче надо было приступить немедленно. В противном случае от операции, весьма возможно, нужно было бы отказаться совсем, так как было бы уже поздно подать руку помощи пролетариату Польши и окончательно обезвредить ту силу, которая совершила на нас предательское нападение. Неоднократно проверив все перечисленные сведения, было принято решение безостановочно продолжать операцию»⁶.

В советской историографии по отношению к внешней политике СССР в предвоенный период и в годы Второй мировой войны, понятие оккупации никогда не применялось, даже если речь шла именно о временном занятии территории в ходе военных действий, как это было, например, в случае с Северной Кореей в 1945 году⁷. Хотя советские военные и политики говорили о «советизации освобожденных территорий», после окончания Второй мировой войны этот термин уже практически не употреблялся. Считалось, что коммунистические («социалистические») режимы в освобожденных странах устанавливали местные компартии при поддержке всего трудового народа, а советские войска лишь защищали завоевания народа от возможной внешней агрессии.

Во второй половине 1940-х и в начале 50-х годов на русский язык были переведены материалы и документы компартий Восточной Европы, отражавших процесс советизации. В частности, были опубликованы материалы состоявшегося в Венгрии процесса Ласло Райка и его товарищей, обвиненных в «титоизме»⁸. Точно так же на русском языке появились материалы процесса Трайчо Костова и его соратников, которым были предъявлены аналогичные сфальсифицированные обвинения⁹. На русском языке появились также выступления лидеров восточноевропейских компартий. Так, лидер венгерских коммунистов утверждал: «Единственное место, руководство которым наша партия с первого момента потребовала себе и где мы ни под каким видом не соглашались на разделение власти, ни на какие пропорции в коалиции, было Управление госбезопасности»¹⁰. Были изданы и анти-югославские материалы Коминформа¹¹.

В период до 1953 года в советской историографии говорилось только об освободительной миссии советских войск¹². Решающая роль в осуществлении революций приписывалась местным компартиям¹³. При этом современные российские историки отмечают, что сомнительно, что уже в начале 1946 года местные компартии могли что-либо делать без ведома советских властей¹⁴. Предпочитали говорить о национально-освободительной, антиимпериалистической революции (а в случае государств Азии – еще и антифеодальной), которая впоследствии переросла в социалистическую¹⁵.

До середины 50-х годов публиковались только те документы, которые полностью соответствовали официальным советским версиям присоединения или попыток присоединения тех или иных территорий. Например, публиковалась только нота НКВД от 23 мая 1920 года, призванная прикрыть советскую интервенцию в Северном Иране, и представить ее как самостоятельность командующего Каспийской флотилии Ф.Ф. Раскольников. Однако при этом не публиковались решения Политбюро, ЦК и переписка партийных руководителей, из которых следовало, что командование на месте лишь выполняло распоряжения центра. В указанной ноте утверждалось, что Раскольников предпринял энзелийскую операцию по собственной инициативе «без распоряжения о том» центральной власти РСФСР и, что «о совершившихся в Энзели фактах Российское советское правительство было поставлено в известность лишь после того, как означенная операция была доведена до конца»¹⁶.

После смерти Сталина были переизданы сборники статей и мемуары ряда партийных деятелей, причастных к советизации Закавказья¹⁷. В телеграмме Ленину и Сталину 5 июня 1920 года Г.К. Орджоникидзе так описывал, например, временное поражение в деле советизации Армении: «Начиная с 1 мая, прошедшего исключительно под лозунгами коммунистических организаций РКП, в Армении перед рабоче-крестьянскими массами стал вопрос о власти. Знамя восстания первый поднял Александрополь, где и был выделен Военно-Революционный комитет Армении. 3 мая власть в Александрополе и его районах находилась фактически в

руках местных коммунистов. 10 мая приказом Военревкома Армении была объявлена Советской, власть дашнаков низвергнутой. Одновременно с объявлением Армении Советской восстают и Карс и Сарыкамыш, объявляя также Советскую власть.

Правительство Армении, разгромив в Эривани нашу организацию арестом всех товарищей, передвинуло верные силы свои из Мазри и убежавших в Армению деникинских офицеров и турецко-армянских беженцев-спекулянтов во главе с палачом Селу против революционного Александрополя. После нескольких боев, данных правительственным войскам, революционные силы были поражены, и 14 мая Советская власть в Армении пала. Сарыкамыш держался до 19 мая, и только после натиска правительственных войск Советская власть и там была разгромлена. Вся Армения была объята огнем восстания, восстал Ново-Баязет и Казах, где до сих пор держатся повстанцы. Временное торжество контрреволюции в Армении унесло сотни жизней наших лучших товарищей»¹⁸. Эта телеграмма свидетельствует, что без поддержки Красной Армии армянские коммунисты были не в состоянии удержать власть.

Любопытно также следующее сообщение, посланное Орджоникидзе Ленину и Сталину 2 декабря 1920 года: «Только что получено сообщение из Эривани, что в Эривани провозглашена Советская власть, старое правительство устранено, вся власть временно, до прибытия Ревкома, передана военному командованию во главе с Дро, военным комиссаром Армении назначен Силин. Войскам отдан приказ о передаче их в распоряжение Ревкома. Ревком в настоящее время в Делижане, завтра утром поедет в Эривань. Ревком получил приветственную телеграмму от командующего Турецким фронтом Карабекира и представителя Турции Кязим-бея. Ревком на пути в Эривань.

Прибывший сегодня из Александрополя товарищ сообщает, что среди кемалистских войск настроение в высшей степени дружественное нам, войска носят красные значки и считают себя красноармейцами. Азербайджан вчера уже декларировал в пользу Советской Армении передачу Нахичевани, Зангезура и Нагорного Карабаха»¹⁹.

Декларация о передаче Советским Азербайджаном Советской Армении Зангезура, Нахичевани и Карабах призвана была укрепить позиции коммунистов в Армении. Но эта декларация так и осталась декларацией, так как Армении в итоге был передан только Зангезур, а Карабах и Нахичевань так и остались в составе Азербайджана, хотя и на правах автономий. Из телеграммы также видно, что Армянский ревком пользовался поддержкой кемалистской Турции, которая предпочитала иметь дело с ним, а не с дашнаками, претендовавшими на турецкую Западную Армению.

О восстании же в Грузии Орджоникидзе сообщал в Кремль, применяя традиционную пропагандистскую риторику, очевидно, с расчетом на то, что телеграмма будет цитироваться в печати: «Нами получены чрезвычайно важные сообщения. Трудящиеся Грузии, измученные голодом и насилиями грузинского правительства, восстали против бесшабашного пира буржуазии, царившего в их стране, и мощной лавиной двинулись в Тифлис, чтобы свергнуть насильников и эксплуататоров и установить там рабоче-крестьянскую власть. Красные повстанцы Грузии обратились за помощью к братской им Красной Армии, которая не замедлила откликнуться на их призыв, и в настоящий момент красная лавина подкатывается к Тифлису, этому ненавистному очагу буржуазного пиршества. Часы Тифлиса сочтены, может быть, в настоящую минуту над Тифлисом уже развевается красное знамя пролетарской диктатуры и недалек тот день, когда вся Грузия запыхает красным заревом восстания против воцарившейся там буржуазии и остатков российской контрреволюции. Мы накануне событий огромной важности. Грузия войдет в семью советских республик Кавказа. Да здравствует Советская Грузия!»²⁰.

В период «оттепели» конца 1950-х – середины 60-х годов иной раз появлялись относительно реалистические оценки советских действий в послевоенной Европе и Азии, но и это было редко. Так, например, генерал Н.Г. Лебедев, вспоминая о событиях 1945 года в Северной Корее, признает: «Кое-где выдвигались требования о введении в Корее советских порядков и другие левачьи лозунги»²¹. Историки СССР и ГДР перестали обходить ранее запретную тему оккупации Восточной Германии. В то же

время они старались избегать вопроса о методах работы Советской военной администрации в Германии (СВАГ) в восточной зоне, когда там стала правящей Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ), в которой объединились коммунисты и социал-демократы. Сам термин «оккупация» довольно редко встречался в исторических исследованиях. Деятельность СВАГ представлялась как важный фактор для развертывания работы СЕПГ и строительства новой демократической республики в Восточной Германии. Собственно, в исторических работах прежних лет мы не найдем указаний и о прямом советском вмешательстве в дела СЕПГ, за исключением обмена опытом или ценных советов.

На этом этапе политико-информационный, экономический, правовой, культурно-образовательный и другие аспекты деятельности СВАГ выпадали из поля зрения исследователей. В то же время появились работы, в которых в самой общей форме и на опубликованных источниках были затронуты вопросы, связанные, к примеру с правовыми аспектами оккупационной политики²².

В 1960-е – 1980-е годы публикуется ряд сборников документов, посвященных советизации республик Закавказья. Некоторые документы были достаточно откровенны. Так, 2 января 1920 года нарком иностранных дел Г.В. Чичерин писал: «Правительство РСФСР обращается к Азербайджану с предложением вступить в немедленные переговоры с Советским правительством о заключении военного соглашения между обоими военными командованиями, имеющего целью ускорить и добить белогвардейские армии юга России». Нарком закончил это послание очень пафосно, но в то же время в ультимативной форме: «Мы обращаемся к Азербайджану и азербайджанскому народу с призывом начать борьбу против Деникина. Правильно понятые интересы Азербайджанского государства и социально-политические интересы его трудящихся классов должны заставить Азербайджан ответить согласием на наше предложение»²³.

В работах советских историков закрепилось утверждение, что установление коммунистических режимов в странах Восточной Европы после Второй мировой войны было результатом сугубо внутренних процессов и происходило без вмешательства Совет-

ского Союза, поскольку советские войска в этих странах лишь предотвращали возможность военной интервенции западных государств²⁴. Эта позиция сохранялась вплоть до последних лет существования СССР. Так, в «Краткой истории Венгрии», вышедшей в свет 1991 году, приход к власти коммунистов после Второй мировой войны трактовался как победа «национально-демократической революции». Установление же в Венгрии политического режима советского образца трактовалось как перерастание народно-демократической революции в социалистическую²⁵. В этой книге фактически повторялись лозунги венгерских коммунистов: «Выдвинутые съездом лозунги: “Не для капиталистов, а для народа строим страну!”», “Вон врагов народа из коалиции!”», а также конкретные требования, разработанные съездом, направляли партию и демократические силы на дальнейшую борьбу против капитализма, за все большее его ограничение, а в перспективе и ликвидацию²⁶. Роль СССР и Красной Армии рассматривается как вспомогательная по отношению к внутренним венгерским социально-политическим процессам, и о них почти не упоминалось. Зато подчеркивалось, что «ведущую роль в строительстве послевоенной Венгрии играла компартия»²⁷. Венгерское же восстание 1956 года рассматривалось авторами «Краткой истории Венгрии» как демонстрации и митинги, вылившиеся в гражданскую войну, в которую оказались вовлечены советские войска. По отношению к этим событиям употреблялся термин «восстание», но при этом оговаривалось, что в нем активную роль играли антисоциалистические силы, «изначально ориентированные на свержение народно-демократического строя и реставрацию буржуазных порядков»²⁸. В целом восстание 1956 года трактовалось как «контрреволюция», поскольку «на местах власть переходила в руки созданных контрреволюционерами организаций, носивших различное наименование, но в основном маскировавшихся под революционные органы»²⁹. Роль советских войск трактовалась как «помощь революционным силам в защите социализма в Венгрии», осуществленная по просьбе «революционного правительства» Яноша Кадара³⁰.

В «Краткой истории Румынии», изданной в 1987 году, советизация Румынии трактовалась вполне в соответствии со стереотипами сталинской эпохи, что доказывают заголовки соответствующих разделов: «В борьбе за народную власть», «В классовых битвах крепла народная власть», «Строительство основ социализма»³¹. Утверждалось, что диктатура пролетариата была установлена в Румынии не в результате единовременного акта, а в процессе постепенного перехода всей власти в руки рабочего класса в союзе с трудящимися слоями населения, превращения рабочего класса в господствующий, а коммунистической партии – в руководящую силу общественного развития. Реакционным силам внутри страны и их западным покровителям не удалось развязать в стране гражданскую войну»³². О роли СССР и Красной Армии в победе румынских коммунистов не говорилось практически ничего.

Что же касается советской аннексии Бессарабии и Северной Буковины в 1940 году, то она в «Краткой истории Румынии» изложена вполне с официальной советской позицией и в сталинском духе: «Тревожная обстановка, сложившаяся в Европе в июне 1940 г., быстрые победы германского империализма в развязанной войне, а также неумолимо надвигавшаяся на Советский Союз угроза фашистской агрессии диктовали необходимость в интересах безопасности страны ускорить освобождение Бессарабии и воссоединение ее с Советской Родиной»³³.

В «Краткой истории Болгарии», вышедшей в 1987 году, и в «Краткой истории Чехословакии», опубликованной в 1988 году, повторялись прежние сталинские установки, что отражалось и в заголовках разделов: «К полной победе диктатуры пролетариата», «Построение основ социализма»³⁴. В частности, утверждалось, что «в мае 1945 г. Чехословакия вступила в новый этап исторического развития. Сутью его была борьба за власть между пролетариатом, стремившимся направить страну по пути к социализму, и буржуазией, намеревавшейся восстановить прежние капиталистические порядки»³⁵. Роль Красной Армии и СССР в приходе коммунистов к власти в Чехословакии никак не упоминается. События 1968 года не выделены в отдельный раздел,

а посвященные им параграфы названы «Развитие кризиса» и «Начало борьбы за выход из кризиса». О вводе советских войск и войск других государств Варшавского договора говорится только, что «в августе 1968 г. в Чехословакии сложилась обостренная контрреволюционная обстановка, страна очутилась на грани гражданской войны», и поэтому «в условиях, когда деятельность партии была парализована, а государственный строй Чехословакии оказался на грани разложения, СССР и другие социалистические страны, верные своему интернациональному долгу и союзническим обязательствам, вынуждены были пойти на крайнюю меру – введение 21 августа 1968 г. войск на территорию ЧССР»³⁶.

Что же касается советских интервенций в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году, то они представлялись в трудах советских историков как направленные на подавление контрреволюционных сил, уже захвативших власть (Венгрия), или только собиравшихся это сделать (Чехословакия). На русский язык были переведены сборники документов, составленные правительствами этих стран, установленных в результате интервенций и рассказывающие о происках контрреволюции. При этом в сборники о венгерских событиях почему-то попали документы о военных преступлениях французских войск в Алжире³⁷.

Кроме того, были опубликованы пропагандистские репортажи советских журналистов, сделанные по горячим следам событий³⁸, а также переведены на русский язык книги чехословацких авторов³⁹. Об уровне этих пропагандистских публикаций можно судить по заголовкам разделов сборника, посвященного событиям в Чехословакии, – «Лозунг “свободы слова” в руках контрреволюции», «Контрреволюция в Чехословакии – выкормыш международного империализма», «Народы не удастся запугать». Соответствующим был и иллюстративный ряд сборника – советские солдаты, помогающие чешским крестьянам убирать урожай.

Появилось множество пропагандистских публикаций, призванных убедить советских читателей в том, что советские войска подавили в Венгрии контрреволюцию⁴⁰. Как утверждали советские журналисты, в 1968 году в Чехословакии выбор был следующим: «либо позволить международной и внутренней реакции

столкнуть страну с социалистического пути... либо до конца выполнить свой интернациональный долг и всей мощью сил и идей социалистического содружества защитить социалистический строй в Чехословакии»⁴¹.

Один из советских историков, В.М. Алексеев, еще в 1960–1980-е годы подготовил монографическое исследование, достаточно аргументировано опровергавшее официальную версию венгерских событий. Он предполагал опубликовать его закрытым образом, но публикация не могла состояться даже под грифом «секретно», поскольку из исследования было ясно, что в Венгрии в 1956 году произошла народная революция, жестоко подавленная советскими войсками. Алексеев также доказывал, что не существовало угрозы вмешательства в события в Венгрии со стороны США и других стран НАТО. Труд В.М. Алексеева был опубликован только посмертно в 1996 году⁴². Алексеев подчеркивал, в частности, что оппозиционный фронт кануна октябрьских событий 1956 года представлял из себя хаотическое движение разнородных элементов, «солидарных в своей вражде к существовавшему до сих пор порядку вещей, но не объединенных ни совместно принятой программой действий, ни общей дисциплиной, ни единым руководством»⁴³.

В 1987 году посмертно были опубликованы воспоминания бывшего высокопоставленного сотрудника СВАГ генерала И.С. Колесниченко⁴⁴. Здесь сохранены все советские стереотипы о налаживании СВАГ мирной жизни, об основах демократии, которая она будто бы заложило на немецкой земле. СВАГ, по мнению Колесниченко, вела борьбу за новую Германию, за демократию, за умы и сердца немецкого народа.

Даже во второй половине 80-х годов нередко повторялись штампы более раннего времени применительно к процессу советизации Восточной Европы. Например, даже такой либерально настроенный историк как Л.Н. Нежинский еще в 1987 году полагал, что «важное место в истории мирового социализма занимает период второй половины 40-х годов XX столетия. Именно в эти годы социализм широко вышел за пределы одной страны и превратился в мировую систему социалистических государств. Был

дан мощный импульс начатому Великим Октябрем процессу дальнейшего становления и развития международных отношений нового типа – отношений братской дружбы и товарищеского сотрудничества, процессу образования единой семьи социалистических государств, формирования социалистического содружества... Исторический опыт революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, становления социалистического содружества имеет большое политическое и научно-познавательное значение. Он обогатил сокровищницу марксизма-ленинизма новыми выводами и положениями, раздвинул горизонты революционной теории и практики»⁴⁵. Делались попытки доказать, что в странах Восточной Европы в 1944 г., к моменту вступления на их территорию Красной Армии уже сложилась революционная ситуация и значительно возросло влияние компартий, которое ранее в большинстве восточноевропейских стран было ничтожно⁴⁶. Последующее свержение коалиционных правительств, например, в Румынии и Венгрии объяснялось не влиянием Советского Союза, а якобы тем, что эти правительства отказывались проводить в жизнь необходимые социально-экономические реформы⁴⁷.

В позднесоветское время было высказано мнение, что в Восточной Европе после Второй мировой войны «для установления новой сильной власти надо было, чтобы прежняя сильная власть сменилась “демократией”. Свергнуть такую власть, связанную обычно с нестабильностью и отсутствием “порядка”, носителям тоталитаризма было куда проще»⁴⁸. Однако такой взгляд, характерный для тех, кому не довелось жить в демократическом обществе и кто получил характерные представления о демократии как о слабой и нестабильной власти, мало соответствует тому, что происходило в Восточной Европе после Второй мировой войны. Господствовавшие там до войны авторитарные режимы были уничтожены в результате либо германского и итальянского вторжения (Албания, Польша, Югославия), либо в результате прихода в Восточную Европу Красной Армии (Болгария, Венгрия, Румыния). В Чехословакии же, где существовал реальный демократический режим, он был уничтожен в результате германской окку-

пации 1939 года. Возникший же в Словакии авторитарный режим И. Тисы был сметен Красной Армией. Коммунисты свергли не «народную демократию». Она была лишь одним из этапов прихода коммунистов власти, на котором они обладали лишь частью властных структур.

Что касается ввода советских войск в Афганистан, то в историографии он представлялся как «интернациональная помощь» афганской революции, которой будто бы угрожала американская военная интервенция. Убитый же советскими войсками президент Афганистана Хафизулла Амин был объявлен агентом ЦРУ⁴⁹. Только в последние годы существования СССР, в эпоху перестройку, стали появляться книги об афганской войне, в которых было показано, что советским войскам приходится сражаться против афганского народа⁵⁰.

Таким образом, можно констатировать, что в советский период проблемы аннексии и оккупации, интервенции и советизации как способы осуществления внешней политики СССР так и не стали объектом научного изучения, оставаясь лишь объектом пропаганды. Документальная база оставалась весьма ограниченной, а основные пропагандистские штампы практически не менялись с послевоенных сталинских времен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вацетис И.И., Какурин Н.Е. Гражданская война 1918–1921. – СПб.: Полигон, 2002. (1-е изд. – М.: ОГИЗ, 1930). С. 175.

² Там же. С. 174.

³ См.: Тухачевский М.Н. Поход за Вислу / Пилсудский Ю. Война 1920 года. – М.: Новости, 1992.

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 1. – М., 1957; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. – М., 1963.

⁵ См. например: Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 г.). – М.: Наука, 1969. С. 8–51.

⁶ Каменев С.С. Борьба с Белой Польшей // Военный вестник, 1922, № 12. С. 7–15.

⁷ См.: Освобождение Кореи. – М.: Наука, 1976.

⁸ Ласло Райк и его сообщники перед Народным судом. Будапешт, 1949.

⁹ Судебный процесс болгарского государственного преступника Трайчо Костова и его сообщников. Сборник статей и материалов. Изд. отдела информации СКК в Германии. – Берлин, 1950.

¹⁰ *Ракоши М.* Путь нашей народной демократии. Будапешт, 1952. С. 81. В 1990-е годы посмертно были опубликованы его мемуары: См.: «Людам свойственно ошибаться». Из воспоминаний М. Ракоши. Публикация, вступительные статьи и комментарии А.В. Короткова, В.Т. Середы, А.С. Стыкалина, Л.Д. Чернева и А.А. Чернобаева // Исторический архив. 1997. № 3, 4, 5–6; 1998. № 3, 5–6; 1999. № 1.

¹¹ Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 года. – М.: Политиздат, 1949.

¹² *Кравцов И.* Агрессия американского империализма в Корею (1945–1951). – М.: Политиздат, 1951. С. 56.

¹³ *Крайнов П.* Борьба корейского народа за независимость. – М.: Политиздат, 1948. С. 70–71.

¹⁴ См. например: *Ланьков А.Н.* Северная Корея: вчера и сегодня. – М.: Восточная литература, 1995. С. 256.

¹⁵ См.: *Шабшина Ф.И.* Социалистическая Корея. – М.: Политиздат, 1963. С. 70–71; См.: История Кореи. Т. 2. – М.: Наука, 1974.

¹⁶ Документы внешней политики СССР, М.: Госполитиздат, 1953, т. II. С. 542–543.

¹⁷ См.: *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. В 2 тт. Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1956; *Микоян А.И.* Мысли и воспоминания о Ленине. – М.: Политиздат, 1970; *Он же.* Дорогой борьбы. – М.: Политиздат, 1971; *Он же.* В начале двадцатых... – М.: Политиздат, 1975.

¹⁸ *Орджоникидзе Г.К.* Статьи и речи. Т. 1. С. 113.

¹⁹ Там же. С. 142.

²⁰ Там же. С. 151.

²¹ *Лебедев Н.Г.* Заря свободы над Кореей // Во имя дружбы с народом Кореи. – М., 1965. С. 41; *Щетинин Б.В.* Власть – народу // Во имя дружбы с народом Кореи. – М., 1965. С. 125.

²² См.: *Андерс Г.* Роль СВАГ в демократизации органов правосудия // Под знаменем пролетарского интернационализма. – Киев, 1974. *Маяров М.П.* Деятельность СВАГ и ее правовые основы. Авт. дисс. ...к.и.н. – М., 1964.

²³ Борьба за победу Советской власти в Азербайджане 1918–1920: Документы и материалы. – Баку: АН Азербайджанской ССР, 1967. С. 367.

²⁴ См. например: *Нежинский Л. Н., Пушкаш А.И.* Борьба венгерского народа за установление и упрочнение народно-демократического строя 1944–1948. – М.: Изд-во АН СССР, 1961; Освободительная миссия Советских вооруженных сил на Балканах. – М.: Политика, 1989.

²⁵ *Исламов Т.М., Пушкаш А.И., Шушарин В.П.* Краткая история Венгрии. – М.: Наука, 1991. С. 442.

²⁶ Там же. С. 444.

²⁷ Там же. С. 431.

²⁸ Там же. С. 472.

²⁹ Там же. С. 476.

³⁰ Там же. С. 477.

³¹ Краткая история Румынии / Под ред. В.Н. Виноградова. – М.: Наука, 1987.

³² Там же. С. 436.

³³ Там же. С. 363.

³⁴ Краткая история Болгарии / Под ред. Г.Г. Литаврина. – М.: Наука, 1987.

³⁵ Там же. С. 390.

³⁶ Там же. С. 487.

³⁷ Контрреволюционные силы в венгерских октябрьских событиях. Пер. с венгерского. Ч. 1–3. – М., 1956–1957. Ч. 4. Будапешт, 1957.

³⁸ К событиям в Чехословакии. Факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. Вып. 1. – М.: Пресс-группа советских журналистов, 1968.

³⁹ См.: *Марко Милош*. Черным по белому. О событиях в ЧССР в 1968–1969 годах. Перевод с чешского. – М.: Прогресс, 1974.

⁴⁰ О событиях в Венгрии. Факты и документы. – М., 1957; *Долматовский Е.А.* В Венгрии весной 1957 г. – М., 1957; *Толкунов Л., Одинец М.* Венгрия сегодня. – М., 1957; *История Венгрии*. Т. 3. – М.: Наука, 1972; *Безушко П.П.* Контрреволюционные силы и строительство социализма в Венгрии. – М.: Политиздат, 1971. То же самое утверждалось и в переведенных на русский язык трудах венгерских историков и публицистов. См. например: *Пристер Е.* Венгерский репортаж. – М.: Издательство, 1957. Впоследствии, когда была ликвидирована цензура, некоторые из этих авторов давали событиям в Венгрии более реалистическую оценку. См. например: См.: *Долматовский Е.* «Я из-за тебя ночь не спал...» // *Родина*. 1992, № 3.

⁴¹ К событиям в Чехословакии. С. 158.

⁴² *Алексеев В.М.* Венгрия, 56. Прорыв цепи. Предисл. В. Шейниса. – М.: Изд-во Независимой газеты, 1996.

⁴³ Там же. С. 147.

⁴⁴ *Колесниченко И.С.* Битва после войны. – М.: Воениздат, 1987.

⁴⁵ *Нежинский Л.Н.* У истоков социалистического содружества. СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине 40-х годов XX столетия. – М.: Международные отношения, 1987. С. 9–11.

⁴⁶ См. например: *Вознесенский В.Д.* Кризис монархо-фашистской власти в Болгарии // *Новая и Новейшая история*. 1986, № 6; *Жигня К.Л.* Подготовка и заключение мирных договоров с Болгарией, Венгрией и Румынией после II Мировой войны. – Кишинев, 1981. – С. 97.

⁴⁷ См.: *Краткая история Румынии*. – М.: Наука, 1987. – С. 83.

⁴⁸ Тоталитаризм как исторический феномен. – М., 1989. С. 21.

⁴⁹ См. например: *Поляков Г.А.* Афганистан революционный. – М.: Межд. отношения, 1981; *Андронов И.И., Гайдар Т.А.* По волчьему следу. Под афганским небом – М.: Правда, 1983; *Абдуразакова Д.Б.* Афганистан: апрельская революция. Ташкент: изд. Узбекистан, 1982; *Теплинский Л.Б.* СССР и Афганистан. Москва: Наука, 1982; *Петров А.* Перед лицом истины и фактов. – М.: Изд-во АПН, 1983. См. также: *Костыря А.А.* Историография, источниковедение, библиография спецоперации СССР в Афганистане (1979–1989 гг.): монография. 2-е изд. доп. и испр. – Донецк, ООО «ИПП «Промінь», 2009.

⁵⁰ *Боровик А.Г.* Встретимся у трех журавлей: Из блокнота репортера – М.: Мысль, 1988; *Он же.* Афганистан: еще раз про войну – М.: Международные отношения, 1990; *Алексиевич С.А.* Цинковые мальчики. – М.: Молодая гвардия, 1990.

Глава 3

РАСШИРЕНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ БАЗЫ РАЗРАБОТКИ ТЕМЫ В КОНЦЕ 1980-х – 2000-е ГОДЫ

Документы, относящиеся к советской внешней политике и отражающие подлинные, а не официально декларируемые намерения Кремля, начали публиковаться только после падения цензурных барьеров в 1991 году и снятием грифа секретности со многих документов в советских и российских архивах.

Среди прочих в 1990-е годы были впервые опубликованы многие ленинские документы, в том числе посвященные советизации Польши и национальных окраин¹. Они отражают, в частности, конфликты в советском руководстве по поводу продолжения операции в Северной Персии в 1921 году. Весьма показательна также впервые опубликованная в ленинском сборнике директива ЦК РКП(б) коммунистам Прибалтики, утвержденная Политбюро 21 июня 1921 года и означавшая отказ в тот момент от планов советизации этого региона: «ЦК обращает внимание тт. коммунистов Эстонии, Латвии и Литвы на то, что им необходимо сообразовать свою политику с особенностями международного положения РСФСР в настоящих условиях. Эти особенности характеризуются заключением польского мира и торгового соглашения с Англией. Всякие действия, рассчитанные на вовлечение России в военную борьбу с одним из этих государств или могущие иметь последствием такое вовлечение, могут повлечь обострение в ее междуна-

родном положении. Хотя в директиве руководящего органа Латышской партии и заключаются соответствующие указания, но ввиду исключительной важности и остроты вопроса, ЦК считает необходимым со своей стороны поставить этот вопрос со всей определенностью. Поэтому ЦК просит коммунистов Эстонии, Латвии и Литвы проявлять наибольшую осмотрительность как во внешней, так и во внутренней политике, приняв во внимание указание ЦК РКП о том, что в настоящий момент не может быть и речи о военной помощи им со стороны РСФСР»².

Примечателен документ, свидетельствующий о том, что Ленин был чрезвычайно озабочен обеспечением крайней секретности при передаче из Москвы Г.К. Орджоникидзе и И.Т. Смилге, члену Реввоенсовета 11-й армии директив о вторжении в Грузию. 14 февраля 1921 года Ленин писал заместителю Троцкого Э.М. Склянскому: «Сейчас же дайте зашифровать архисторожно, при себе, отняв оригинал, и пошлите Смилге, чтобы он лично стоял у аппарата и лично расшифровывал.

Главкому (С.С. Каменеву. – Авт.) рассказать, не показывая.

Сталин сам пошлет Орджоникидзе.

Итак, тройная и сугубая осторожность. Под Вашей ответственностью.

Ленин. 14. II.

Все сие верните.

Еще и еще раз прошу сугубо налечь на конспирацию и самому проверить лично»³.

Это свидетельствует о том, что Ленин, как и другие советские вожди, были заинтересованы в максимальной маскировке советской интервенции, чтобы выступление ревкома в Грузии выглядело в глазах международной общественности спонтанной акцией, никак не согласованной с Кремлем.

26 января 1921 года, в связи с заключением торгового договора с Англией, Ленин потребовал, чтобы теперь антибританская пропаганда велась не от имени РСФСР, а от имени формально независимых Азербайджана и Бухары. В том же документе был пункт: «Обязать Сокольникову создать к весне нечаянно Хорасанскую советскую республику»⁴. А в выступлении с политиче-

ским отчетом ЦК на IX Всероссийской партконференции Ленин особо подчеркнул: «Те факты, что в Польше хорошо развито пролетарское население и лучше воспитан сельский пролетариат, эти факты говорят нам: ты должен помочь им советизироваться»⁵.

Ряд документов, относящихся к планам советизации Польши в 1920 году, появился в сборнике документов, посвященных взаимоотношениям Политбюро и Коминтерна⁶. В частности, Ленин в телеграмме члену Реввоенсовета Западного фронта И.С. Уншлихту от 16 июля 1920 года прямо указывал, что предложение Польше более выгодной восточной границы, чем предлагал ей лорд Керзон в известной ноте, было направлено на то, чтобы поднять польских рабочих и крестьян на борьбу против Пилсудского. Вступление же Красной Армии на территорию Польши предлагалось трактовать как кратковременное и направленное только на вооружение польских рабочих, после чего Красная Армия должна будет незамедлительно уйти с польской территории⁷.

Весьма важным свидетельством того, что Политбюро переоценивало просоветские настроения польского пролетариата даже после того как Красная Армия была разгромлена под Варшавой и откатилась к Минску, является решение Политбюро, принятое 9 октября 1920 года: «Поручить Секретариату совместно с т. Дзержинским принять немедленно самые энергичные меры к восстановлению во всем объеме работы Польского Бюро в формируемой польской Красной Армии»⁸. Характерно, что в этом сборнике не оказалось ни одного документа, относящегося к попыткам советизации территорий государств-лимитрофов в 1939–1940 годах. К тому времени Коминтерн существовал лишь чисто формально, утратив какое-либо политическое влияние и выполняя лишь разведывательные функции.

В 2009 году впервые вышел том документов о попытках советизации Персии. Материалы этого сборника свидетельствуют, что операция по занятию Северной Персии не была инициативой местных командиров и партийных руководителей, а осуществлялась по инициативе высшего советского руководства в Москве⁹. В то же время, не появилось сборников документов, посвящен-

ных советизации Закавказья, Хивы и Бухары. Это во многом объясняется тем, что документальная база по этим проблемам была в основном создана в советский период.

В 1989 году Советский Союз официально признал существование секретных протоколов к советско-германским договорам 1939 года, и эти протоколы были осуждены на III Съезде народных депутатов СССР. В конце 1980-х и в начале 90-х годов были опубликованы эти протоколы и другие прежде не публиковавшиеся документы советской внешней политики 1939–1941 годов, в том числе и относящиеся к проблемам оккупации и аннексии Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, государств Прибалтики и неудачной попытки советизировать Финляндию. Данные документы собраны в нескольких томах серии «Документы внешней политики СССР»¹⁰. Таким образом, у исследователей появилась солидная документальная база для исследования проблем оккупации и аннексии в предвоенный период.

В 1990-е годы было издано несколько томов документов, посвященных деятельности Советской военной администрации Германии (СВАГ), раскрывающих механизмы функционирования оккупационного режима, а также рассказывающих о структурах органов, его осуществлявших, о пропагандистском обеспечении деятельности СВАГ¹¹. Здесь была опубликована, в частности, директива Ставки Верховного Главнокомандования от 20 апреля 1945 года, которая потребовала от советских войск «изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жесткое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне. В районах Германии к западу от линии устье реки Одер, Фюрстенберг, далее река Нейсе (западнее) создавать немецкие администрации, а в городах ставить бургомистров – немцев. Рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно от-

носятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров, если они не успели удрать»¹². Эта директива ознаменовала собой переход к собственно оккупационной политике на территории восточной Германии.

Также была осуществлена обширная публикация советских внешнеполитических документов по германском вопросу в период 1941–1949 годов, т. е. до окончания режима советской военной оккупации Восточной Германии. Там было показано, как Советский Союз боролся за влияние в послевоенной Германии и отстаивал свои интересы в отношениях с западными державами. Это – первое официальное издание документов политики СССР по отношению к Германии на базе российских архивных материалов, осуществлённое совместно Россией и ФРГ. Оно дает возможность составить максимально полное представление об интересах, мотивах и планах, которыми руководствовался СССР в этой политике¹³. Специальный том документов посвящен советским концлагерям в Германии¹⁴.

В 2001 году Федеральная архивная служба России (Росархив), Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Центр современной истории (Потсдам, ФРГ) и Университет Северной Каролины в Чепел Хилл (США) при финансовой поддержке «Фольксваген» (ФРГ) начали реализацию совместного научно-исследовательского и издательского проекта «Приказы и распоряжения Советской военной администрации в Германии (СВАГ) и Управлений советской военной администрации (УСВА) земель как исторический источник. 1945–1949 гг.».

В ходе проекта создан и сдан в эксплуатацию Электронный архив приказов и распоряжений СВАГ и Управлений Советской военной администрации (УСВА) земель, включающий в себя информационно-поисковую систему, базу данных и хранилище электронных образов документов – описания и изображения почти 24 тысяч документов, именной, географический и предметно-тематический указатель, а также профессиональные инструменты для статистического и контент-анализа содержания приказов. В рамках этого проекта велась работа над четырьмя сборниками документов. В первом сборнике, вышедшем под редакцией

В.В. Захарова, содержится специальный раздел «Проведение политики денацификации, осуществление мер по предотвращению возрождения немецкого милитаризма в Советской зоне оккупации (директивно-распорядительные документы и документы отчетного характера, переписка)»¹⁵. Отмечая всю важность предпринятого проекта, практически все исследователи СВАГ понимают и отмечают, что её полная история может быть написана лишь тогда, когда будут рассекречены и доступны документы из бывшего рабочего архива Сталина, относящиеся к германскому вопросу и советской оккупации.

В числе новых публикаций – сборник документов, посвященных советской оккупационной политике в Австрии¹⁶. В нем представлены более 100 документов, хранящиеся главным образом в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Они включают решения Политбюро ЦК ВКП(б) (КПСС) и Совнаркома (Совета Министров) СССР, доклады о политической ситуации Советского высшего командования в Австрии, протоколы встреч советских офицеров с австрийскими официальными лицами и письма руководителей Австрийской компартии (КПА) Сталину. Особый интерес представляет переписка между бывшим руководителем Коминтерна Георгием Димитровым и Сталиным по поводу миссии австрийских коммунистов, отправленных в апреле 1945 года из московской ссылки на родину. Советский вождь рассчитывал, что коммунисты смогут быстро завоевать популярность среди населения Австрии, и будут играть решающую роль в правительстве страны, но этого не произошло.

Сборники документов, посвященных борьбе с польскими антикоммунистическими вооруженными формированиями, раскрывают роль советских вооруженных сил и органов безопасности Польши в подавлении противников советизации в начальный период¹⁷. Более широким аспектам советизации Польши посвящен сборник документов, вышедший в 1994 году¹⁸. Одновременно в Польше на польском (или на польском и русском) языке вышли еще более обширные сборники документов, посвященные послевоенной советизации Польши¹⁹.

Опубликована также значительная часть документов по Катинскому преступлению, которое было важной составной частью политики советизации как собственно Польши, так и Западной Украины и Западной Белоруссии²⁰.

В 2006 году вышел совместно подготовленный российско-литовский двухтомный сборник документов «СССР и Литва в годы Второй мировой войны»²¹. Документы этого сборника доказывают, что включение Литвы в состав СССР в 1940 году было отнюдь не добровольным. Однако второй том этого сборника не вышел до сих пор.

В то же время публикуются документы по истории аннексии государств Прибалтики, подобранные еще по канонам советского времени и рассказывающие о борьбе советских войск с прибалтийским «буржуазным национализмом»²². Аналогичные сборники документов издаются и по советизации Западной Украины, причем как в России, так и на Украине²³. Вместе с тем выходят и вполне объективные публикации документов по советизации Западной Украины как в довоенный, так и в послевоенный период, осуществленные украинскими историками²⁴.

Сотрудниками Института славяноведения и балканистики РАН подготовлены сборники документов, посвященные советизации Восточной Европы²⁵. Здесь документы федеральных архивов доказывают решающую роль советского фактора в становлении коммунистических режимов в Восточной Европе. Документы демонстрируют, почему, несмотря на наличие в странах Восточной Европы либерально-демократических и социал-демократических сил, отстаивавших соответствующие программы послевоенного общественного развития, победила, в конечном счете, коммунистическая альтернатива. По этим документам можно установить, что определенный компромисс с некоммунистическими силами на первом этапе советизации определялся главным образом влиянием внешнего фактора в виде бывших советских союзников по антигитлеровской коалиции. Документы также помогают проследить путь к воспроизводству советской модели в конце 1940-х – начале 50-х годов, тогда как на первом этапе до конца 40-х годов проводилась политика народного фронта. Они

позволяют проследить советское влияние на внутренние процессы в восточноевропейских странах и роль репрессивно-силовых методов воздействия на общество, где роль советских советников была особенно велика. На основании опубликованных документов можно проследить механизм фабрикации политических судебных процессов.

В сборнике, посвященном отношениям коммунистов с церковью в послевоенной Восточной Европе, показано постепенное установление контроля коммунистов над религиозными институтами.

Среди опубликованных документов представляет интерес, в частности, высказывание Сталина в беседе с албанским коммунистическим лидером Энвером Ходжей 23 марта 1949 года, ориентировавшее коммунистов на временный блок с национально-демократическими силами: «Среди китайской национальной буржуазии, среди мелких и средних фабрикантов и средних торговцев имеются такие, которые поддерживают коммунистов. Мы советовали китайским товарищам не отталкивать эти элементы. Эта национальная патриотическая часть буржуазии считает, что только коммунисты могут отстоять независимость и свободу Китая, а что все остальные партии обанкротились. Поэтому она устанавливает контакт с коммунистами. Эта часть национальной буржуазии отошла от Чан Кайши, потому что увидела, что партия Чан Кайши не способна отстоять объединенный и независимый Китай, потому что убедилась, что борьбу за такой Китай ведут только коммунисты. И буржуазия действительно помогает коммунистам. Как известно, Китай разделен на две части – северный и южный. Некоторые торговые общества на севере Китая поставляют китайским коммунистам товары с юга, в том числе даже американские товары. На вопрос, почему они это делают и почему они жертвуют свои деньги, они отвечают, что не видят, кроме коммунистов, никого, кто мог бы отстоять независимость Китая против Японии и Америки. Ленин всегда считал, что если революция носит антиимпериалистический характер, характер защиты независимости страны, которая находится под угрозой, то коммунисты могут иметь некоторое сотрудничество с нацио-

нальной буржуазией. Это сотрудничество допустимо на известном этапе в первый период»²⁶.

Этот союз с национальной буржуазией Сталин считал необходимым и для компартий Восточной Европы, чтобы замаскировать процесс советизации соответствующих государств и исключить применение каких-либо санкций со стороны США и других государств Запада. По этому поводу Сталин пошутил: «В странах народной демократии национальная буржуазия оскандалилась своими связями с немецкими и итальянскими оккупантами. Поэтому когда русские войска вошли в эти страны, то буржуазия ушла с немцами. На территории Албании не было ни югославских, ни советских войск. Поэтому кое-кто из национальной буржуазии остался, если албанские товарищи всех не перебили. Отталкивать такую буржуазию, которая стоит за национальную независимость страны и может оказать помощь, не следует. То же относится и к некоторым элементам среди интеллигенции, которые не сочувствуют коммунистам, но видят, что отстоять независимость страны могут только коммунисты. Поэтому эти люди из интеллигенции хотя и не сочувствуют коммунистам, но могут оказать им некоторую помощь. Отталкивать их также не следует»²⁷.

Сталин также подчеркнул разницу между ситуацией в России в 1917 году и в странах Восточной Европы после Второй мировой войны: «Русские большевики такую политику не проводили. Россию в момент революции никто не оккупировал и никто ей не угрожал, если не считать войны с Германией. Русская революция поэтому не носила антиимпериалистического характера. Своим острием она была направлена внутрь страны. Поэтому есть разница в том, что происходило в России и что происходит в Китае, в Корее или в других странах. Поскольку в России не было непосредственной угрозы извне, то русская национальная буржуазия оказалась непримиримым врагом революции. Борьба с ней затянулась на несколько лет. Русская буржуазия не была патриотической. Она призывала на помощь французов и англичан, призывала интервенцию. Албанские товарищи в своей политике не должны снимать копий с того, что произошло в России или в

других странах. Они должны учитывать местные особенности»²⁸. Эта инструкция была применима не только к албанской, но и к другим компартиям Восточной Европы, а также к китайским и северокорейским коммунистам.

За прошедшее двадцатилетие опубликован большой массив документов, посвященных венгерскому восстанию 1956 года²⁹. В этих документах, в частности, показывался механизм формирования правительства Я. Кадара, которое первоначально было советской марионеткой, но в дальнейшем приобрело определенную самостоятельность и даже получило карт-бланш на проведение достаточно радикальных по советским меркам экономических реформ³⁰.

Были изданы и документы Коминформа, посвященные советизации Восточной Европы³¹.

Почти полное отсутствие академических публикаций на афганскую тему можно объяснить тем, что основной массив документов, связанных с пребыванием ограниченного контингента советских войск в Афганистане до сих пор не опубликован и не доступен исследователям. Что же касается венгерской и чехословацкой интервенций, то здесь имеются уже и документальные публикации, и попытки академического осмысления чехословацких и венгерских событий. Наиболее полно документы из рассекреченных советских и венгерских архивов по истории венгерского восстания 1956 года и советской интервенции, предпринятой для его подавления, представлены в сборнике «Советский Союз и венгерский кризис 1956 года»³². Они полностью опровергают версию «империалистического заговора» в Венгрии, которую отстаивала советская пропаганда. Хрущев и его соратники в момент принятия решения об интервенции версию такого заговора всерьез не рассматривали.

В то же время были опубликованы документы, доказывающие, что один из фактических лидеров Венгерской революции (пусть зачастую и против своей воли) и вождь реформаторского крыла венгерских коммунистов Имре Надь в 1930-е и 40-е годы был агентом-осведомителем НКВД³³.

Обнародованные после распада СССР документы доказывают, что тезисы советской пропаганды о том, что вторжение войск Варшавского договора в Чехословакию осуществлялось потому, что существовала угроза вторжения блока НАТО, не имеют ничего общего с действительностью. В письме Посольства СССР в США от 3 октября 1968 года отмечалось, что «вопрос о прямой военной “помощи” Чехословакии со стороны США не вставал ни в первый момент, ни в дальнейшем. Хотя правительство США и заняло пропагандистскую позицию “непризнания раздела сфер влияния” между США и СССР, по существу, его первая реакция и последующие действия в связи с Чехословакией исходили из фактического признания того, что Чехословакия входит в социалистический лагерь, в сферу интересов СССР и стран Варшавского Договора»³⁴.

Опубликованные в начале 90-х годов документы доказывают, что новая оценка чехословацких событий была дана на встрече руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза, проходившей 4 декабря 1989 года в Москве. Было решено, что ввод войск пяти государств ОВД в Чехословакию явился вмешательством во внутренние дела суверенного государства и должен быть осуждён.

По итогам этой встречи 5 декабря советское правительство выступило с заявлением, что ввод войск в Чехословакию был необоснованным и ошибочным. Этот шаг был расценен как вмешательство в дела дружественной страны. Он объяснялся острой конфронтацией Востока и Запада. Было заявлено также, что Чехословакия в 1968 году критически переосмысливала опыт своего политического и экономического развития. Одновременно было опубликовано совместное заявление руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза, признававших, что предпринятый в 1968 году ввод войск их государств в ЧССР «явился вмешательством во внутренние дела суверенной Чехословакии и должен быть осужден»³⁵.

Как показали опубликованные после распада СССР документы по Афганистану, Х. Амин и Н.М. Тараки действительно обращались в Москву с просьбами прислать отряд советских войск

для их охраны, а также небольшого контингента войск (от бригады до двух дивизий) для контроля за положением в столице. Однако они никогда не просили о широкомасштабном советском военном присутствии в стране. Максимальная же численность советского военного контингента в Афганистане превышала 100 тыс. человек. Опубликованные документы доказывают, что окончательное решение о вводе советских войск в Афганистан было принято 8 декабря 1979 года на совещании у Л.И. Брежнева, в котором участвовали Ю.В. Андропов, А.А. Громыко, М.А. Суслов и Д.Ф. Устинов. Тогда же было решено с помощью спецназа КГБ устранить Х. Амина и заменить его представителями соперничавшей фракции НДПА³⁶.

В целом, подводя итоги, следует сказать, что исследование проблем оккупации, аннексии и интервенции в советской внешней политике за последние два десятилетия оказалось обеспечено весьма обширной документальной базой из закрытых прежде советских архивов. При этом к настоящему времени в наиболее полной мере документированы попытки советизации бывших национальных окраин и государств, находившихся в зависимости от Российской империи, предпринятые в 1920–1921 годах. Значительная часть документов по этой проблематике была опубликована еще в советское время. Также опубликован значительный массив документов, относящийся в политике советизации в 1939–1941 годы и послевоенной советизации Восточной Европы, включая государства Прибалтики. Однако здесь еще сохраняются существенные лакуны относительно решений, принимавшихся лично Сталиным, и документов, хранившихся под высшим грифом секретности «Особая папка».

Характерно, что сборник документов, содержащий документы «особых папок» Политбюро по международным делам, хронологически ограничен мартом 1939 года и только Европой³⁷. За пределами сборника остались события, связанные с заключением советско-германского пакта о ненападении и с присоединением к СССР территорий, которые в секретном дополнительном протоколе к этому пакту были отнесены к советской сфере влияния.

Из советских интервенций сейчас в наибольшей степени документирована интервенция в Венгрии 1956 года. Здесь уже вряд ли можно ожидать каких-либо сенсационных документальных находок. В наименьшей же степени документирована сегодня советская интервенция в Афганистане, тогда как интервенция в Чехословакии занимает в этом отношении промежуточное положение. В этих случаях еще можно ожидать интересных находок, по мере того как будут рассекречиваться новые документы, что может занять еще не один десяток лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.И. Ленин. Известные документы. 1891–1922. / Под ред. Ю.Н. Амиантова, Ю.А. Ахапкина, В.Т. Логинова. – М.: РОССПЭН, 2000.

² Там же. С. 449.

³ Там же. С. 415. Впервые этот документ было опубликовано: The Trotsky Papers 1917–1922 / Ed. by Jan M. Meijer. Vol. 2. The Hague – Paris: Mouton & Cie, 1971. P. 376.

⁴ В.И. Ленин. Известные документы. С. 412.

⁵ Там же. С. 375.

⁶ Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы / Под ред. Г.М. Адибекова, К.М. Андерсона, К.К. Ширини. – М.: РОССПЭН, 2004.

⁷ Там же. С. 53.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). – М.: Квадрига, 2009.

¹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 22. Кн. 1 (01 января 1939 – 31 августа 1939); Кн. 2. (01 сентября 1939 – 31 декабря 1939). – М.: Международные отношения, 1992; Т. 23. Кн.1 (01 января 1940 – 31 октября 1940). – М.: Международные отношения, 1995; Т. 23. Кн. 2 (1) (01 ноября 1940 – 01 марта 1941); Кн. 2(2) (02 марта 1941 – 22 июня 1941). – М.: Международные отношения, 1998.

¹¹ СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. (Сборник документов). Под ред. Б. Бонвеча, Г. Бордюгова, Н. Неймарка. – М.: АИРО-XX, 1994; Материалы по истории Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 гг. Сост. В.В. Захаров, Д.Н. Филипповых, М. Хайнеман. Под ред. А.В. Огорокова. Выпуск 1 (СВАГ и немецкие

органы самоуправления, 1945–1949). – М.: РОССПЭН, 1999; Материалы по истории Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 гг. Сост. В.В. Захаров, Д.Н. Филипповых, М. Хайнеман. Под ред. О.А. Рыжова. Выпуск 2 (Силовые структуры СВАГ). – М.: РОССПЭН, 1999. См. также: Советская военная администрации в Германии, 1945–1949. Справочник / Отв. ред.: Я. Фойтцик, Т.В. Царевская-Дякина, А.В. Доронин; при участии: Х. Кюнцель, Д.Н. Нохотович. – М.: РОССПЭН, 2009.

¹² СВАГ и немецкие органы самоуправления, 1945–1949. С. 57–58.

¹³ СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации / Сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. Т. 1–3. – М.: Международные отношения, 1996–2003. В США вышла комментированная подборка важнейших документов из российских и германских архивов, посвященных июньским событиям 1953 г. в Берлине: Cold War International History Project Bulletin. Issue 5. Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, D.C., 1995.

¹⁴ Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сборник документов и статей. – М.: РОССПЭН, 2001. Вышел также немецкий перевод этого сборника вместе с русским оригинальным текстом: Sowjetische Politik in Oesterreich 1945–1955. Dokumente aus russischen Archiven. Verlag Der Oesterreichischen Akademie Der Wissenschaften, Wien, 2005.

¹⁵ Деятельность Советской военной администрации в Германии (СВАГ) по демилитаризации Советской зоны оккупации Германии, 1945–1949. Сб. документов. Отв. ред. В.В. Захаров. – М., 2004. С. 499–553.

См. также: Фонды Советской военной администрации в Германии в Государственном архиве Российской Федерации. В 2-х частях. Часть 1. Каталог дел фонда Советской военной администрации в Германии (Р-7317). 1945–1953 гг. – М., 2004. Часть 2. Каталог дел фондов управлений Советской военной администрации в провинциях и федеральных землях, других советских организаций в Германии и Контрольного Совета Союзной контрольной власти. 1945–1950 гг. – М., 2004.

¹⁶ Советская политика в Австрии. 1945–1955. Сборник документов / Под ред. Г. Бордюгова, В. Мюллера, Н.М. Неймарка, А. Суппана. – М.: АИРО-XXI, Дмитрий Буланин, 2006.

¹⁷ НКВД и польское подполье. 1944–1945. – М.: Терра, 1994; Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. Москва–Новосибирск: Новый Хронограф, 2001.

¹⁸ СССР–Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сборник документов. – М.: РОССПЭН, 1995.

¹⁹ Polska w dokumentach z archiwów rosyjskich 1949–1953. Dokumenty do dziejów PRL / Ed. by A. Kochanski et al.. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2000; Polska – ZSRR. Struktury podległości. Dokumenty WKP (b) 1944–1949 / Ed. by G.A. Bordiugow et al. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1995; Techka specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD z Polski

1944–1946 / Ed. bby T. Cariewskaja et al. Warszawa: Institut Studiow Politycznych PAN, 1998.

²⁰ Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. – М.: Международный фонд «Демократия», 1999.

²¹ СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сборник документов / Под ред. А. Каспаравичюса, Ч. Лауринавичюса, Н.С. Лебедевой, А. Никжентайтиса, А.О. Чубарьяна. – Vilnius: LI leidykla, 2006.

²² См. например: Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МГБ СССР. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2011.

²³ См.: Обвиняет земля. Организация украинских националистов. Документы и материалы / Под ред. В.И. Масловского. – М.: Универсум, 1991; Документы изобличают. Сборник документов и материалов о сотрудничестве украинских националистов со спецслужбами фашистской Германии). – Киев, 2004.

²⁴ См.: Ликвидация УГКЦ (1939–1946). Документы советских органов государственной безопасности /Под ред. В. Сергийчука. Т. 1–2. – Киев: ПП Сергійчук М.І., 2006.

²⁵ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. / Под ред. ред. Г.П. Мурашко. Т. 1–2. – М.–Новосибирск: Новый Хронограф, 1997–1998; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы Под ред. Т.В. Волокитиной. – М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1, 2; Власть и церковь в Восточной Европе. Т. 1–2. – М.: РОССПЭН, 2009.

²⁶ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. Т. 2. С. 71.

²⁷ Там же. С. 72.

²⁸ Там же.

²⁹ Как решались «вопросы Венгрии». Рабочие записи заседаний Президиума ЦК КПСС. Июль – ноябрь 1956 г. Публ. В.Т. Середы при участии С.А. Мельчила и Е.Д. Ореховой // Исторический архив. 1996. № № 2, 3. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Под ред. Е.Д. Ореховой, В.Т. Середы, А.С. Стыкалина. – М.: РОССПЭН, 1998.

³⁰ «Мы навели порядок в Венгрии...» (Как возник режим Кадара. Документы бывшего архива ЦК КПСС, ноябрь 1956 г.). Предисл. В.Т. Середы, публ. и комм. Е.Д. Ореховой, В.Т. Середы, А.С. Стыкалина / I Континент, № 85 (1995). С. 210–242.

³¹ Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 1998. С. 153.

³² Советский Союз и венгерский кризис 1956 года / Под ред. Е.Д. Ореховой, В.Т. Середы, А.С. Стыкалина. – М.: РОССПЭН, 1998.

³³ Агент «Володя». Неизвестные факты из биографии Имре Надя // Источники. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». 1993, № 1. С. 71–73.

³⁴ «От правды никуда не уйдешь...» (Новые документы о событиях в Чехословакии 1968 г.) // Кентавр, 1993, № 5.

³⁵ «От правды никуда не уйдешь...» (Новые документы о событиях в Чехословакии 1968 г.) // Кентавр, 1993, № 5.

³⁶ Документы советского руководства о положении в Афганистане. 1979–1980 // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 94. См. также: Антонов А. «Штурм-333». Как штурмовали дворец Амина // Родина. 1999. № 2. С. 48; Гроссман А.С. Секретные документы из особых папок: Афганистан // Вопросы истории. 1993. № 3.

³⁷ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения `особой папки`. 1923–1939 гг. – М.: РОССПЭН, 2001.

Раздел II

Анализ особенностей
политики советизации
в 1920-е годы

На заключительном этапе Гражданской войны Советская Россия предприняла ряд военных интервенций, чтобы установить свой контроль над территориями, ранее входившими в состав или в сферу влияния Российской империи. Осуществлялись интервенции под лозунгом мировой революции, которую в случае успеха интервенций предполагалось совершить с помощью советских войск и в сопредельных странах, например, в Персии и Германии.

Как отмечает российский историк Л.Н. Нежинский, выступающий с марксистских позиций, «на протяжении нескольких десятилетий официальная советская историография настойчиво пропагандировала идею о том, что главной целью большевистской партии до и после Октября 1917 года в области внешней политики было во что бы то ни стало добиться мирных условий существования для Советской власти. И лишь в некоторых работах весьма глухо упоминалось о том, что была и другая цель – поддержка “мировой революции”. (В зарубежной историографии об этом говорилось давно и открыто.) Примерно с середины 1980-х годов спор по вопросу о направлении внешнеполитического курса возникшего в 1917 году Советского государства – на поддержку мировой революции или на “сожителство”, сосуществование с капиталистическим окружением? – возобновился с новой силой. В последние годы ширится признание концепции (разделяемой и автором этой книги), согласно которой российские большевики на подходе к Октябрю 1917 года и после октябрьского переворота стремились строить свою внешнюю политику на достижении двух трудно совместимых целей: инициирования и поддержки “мировой революции” и выхода России из войны и установления для нее мира в той форме, в какой считало необходимым большевистское руководство»¹.

Необходимо заметить, что преследовать две столь разные цели, не подчиняя одну другой, действительно невозможно. Поэтому среди исследователей, как российских, так и зарубежных, существует два основных мнения. Одни историки предполагают, что главной целью, по крайней мере, до середины 20-х годов, была именно мировая революция. Этой стратегической цели подчинялась вторая, тактическая цель – обеспечение Советской России, а потом СССР мирной передышки и признания со стороны ведущих держав мира. Тогда, с одной стороны, советские дипломатические представительства могли бы использоваться в целях мировой революции. А, с другой стороны, победа революции хотя бы в некоторых ведущих странах Европы сразу бы вывела Советский Союз из дипломатической изоляции и надежно гарантировала бы там сохранение господства коммунистов.

Как отмечает видный политик и историк эпохи перестройки А.Н. Яковлев, даже самые горячие сторонники идеи мировой революции, в интересах самосохранения не могли полностью игнорировать внутренние потребности страны и народа. Поэтому и в ранних, и в последующих внешнеполитических декларациях советского правительства соседствовали проповеднический пыл и прагматика, утопии и реальные расчеты².

Сторонники другой точки зрения, к которой, как представляется, склоняется и сам Л.Н. Нежинский, признающий мировую революцию утопией, а декрет о мире – отражением реальных намерений большевиков, склонны считать, что главным для советского руководства в начале 20-х годов был именно выход из дипломатической изоляции и обеспечение мирной передышки. Лозунг же мировой революции был данью некоей идеологической догме и служил своеобразной разменной монетой и средством шантажа в достижении главной цели. Мы полагаем, что к истине ближе все-таки первая точка зрения, согласно которой, по крайней мере, до 1923 года мировая революция была главной целью большевиков. В то же время, это не исключает определенной тактической борьбы в советском руководстве за выбор между мировой революцией и мирной передышкой уже на этом раннем этапе.

Комментируя ленинский тезис о том, что «на деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, помогла этой революции, но форму помощи избирала соответственно своим силам» Л.Н. Нежинский подчеркивает, что Ленин «особо акцентировал внимание на форме возможной помощи международному пролетариату со стороны победившего рабочего класса и соответствия этой помощи его силам», и понимает ленинский тезис как «призыв трезво учитывать всю совокупность объективных и субъективных политических, экономических и иных факторов, связанных с отмеченной помощью»³. На практике к 1920 году схема помощи мировой революции практически сложилась. Она включала в себя формирование революционного органа в определенной стране, который обращается к Советской России призывом о помощи. Далее следует война Красной Армии против местного «буржуазного правительства», оккупация страны, ее аннексия (присоединение к Советской России) и последующая советизация. Как справедливо отмечает Л.Н. Нежинский, «шумная пропаганда о праве наций на самоопределение прикрывала военные акции Москвы по занятию и удержанию территорий на окраинах страны. А из бюджета государства выделялись большие средства для “подталкивания” революций в других странах, а также учинялись провокации против неугодных соседей. Вследствие всего этого международный курс большевиков не представлял собой нечто цельное, и тем более – прямолинейное. В одних случаях он определялся идеологическим мифотворчеством, в других – практическими интересами страны, в-третьих – имперскими амбициями государственного руководства»⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Нежинский Л.Н.* В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. – М.: Наука, 2004. С. 9.

² *Яковлев А.Н.* Сумерки. – М.: Новости, 2003. С. 231.

³ Там же. С. 38.

⁴ *Нежинский Л.Н.* Указ. соч. С. 114.

Глава 1

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА 1919–1920 ГОДОВ И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Боевые действия между Советской Россией и Польшей в 1919–1920 гг., кульминацией которых стала советско-польская война 1920 г., до сих пор вызывают различные оценки российских и польских историков. Большинство российских историков разделяет старую советскую точку зрения, согласно которой в 1920 году имела место агрессия Польши против Советской России.

Российские историки указывают на то, что еще Декретом о мире от 26 октября (8 ноября) 1917 года и декларацией прав народов России от 2/15 ноября 1917 года право на самоопределение вплоть до образования собственного государства было предоставлено всем народам России, включая польский. А декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 29 августа 1918 года содержал пункт об отказе от договоров России с Германией и Австро-Венгерской империей о разделах Польши. Статья 3 этого декрета провозглашала: «Все договоры и акты, заключённые правительством бывшей Российской империи с правительствами Королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство, – отменяются настоящим бесповоротно»¹. Однако в советских документах того периода ничего не говорится о польских границах. Ю. Иванов обращает внимание на декрет

от 28 ноября 1917 года о создании народного комиссариата по делам польской национальности и на декрет от 17(30) января 1918 года «Об охране предметов старины и искусства, принадлежащих польскому народу», однако никак не связывает их с планами «советизации» Польши².

Между тем, отказ Советской России как правопреемницы Российской империи ото всех актов по разделу Польши, как считало польское правительство, автоматически возвращал стороны к границам 1772 года, от которых и следовало отталкиваться при переговорах. По мнению Ю. Иванова, «вопреки национальным интересам народов обеих стран... начала расти напряжённость, приведшая в конце концов к трагическому исходу – к войне». По его мнению, «нелепо обвинять Россию», переживавшую период Гражданской войны и разрухи, «в агрессивных намерениях в отношении соседних стран, как это иногда имеет место. Но если Россия тогда шла на такие уступки, то не потому, что считала справедливыми претензии соседей, а потому, что не было иного пути выхода из войны и ослабления угрозы для самого своего существования. Подобный подход проводился и в отношении Польши, нормализации связей с которой Москва придавала большое значение и на протяжении всего периода постоянно предлагала прекратить вооружённое противостояние, установить дипломатические отношения, приступить к решению путём переговоров многих практических вопросов, возникших в результате мировой войны и в связи с фактом отхода Польши от России». В то же время, вина за конфликт возлагается исключительно на польскую сторону: «Варшава не устояла перед соблазном воспользоваться временным ослаблением Российского государства и попытаться добиться максимальных территориальных приобретений на востоке»³. При этом не учитываются вполне реальные планы руководства большевиков по экспорту мировой революции, предусматривавшие обязательную советизацию Польши, что рассматривалось важным шагом по пути революции в Германии. Еще в январе 1919 года ЦИК социал-демократии Польши и Литвы представил на рассмотрение ЦК РКП(б) проект создания Революционного военного совета Польши (Польреввоенсовета) для

«организации и поддержки рабочего восстания в Польше, в тесной связи с защитой РСФСР». По конспиративным соображениям Польреввоенсовет предлагалось создать под видом Реввоенсовета Западной дивизии РСФСР. ЦК РКП(б), одобрив этот план принял решение «выдавать ежемесячно 200000 руб. на партийную работу польским товарищам»⁴.

По мнению российского историка М.И. Мельтюхова, «как и большинство других (польских. – *Авт.*) политиков, Пилсудский был сторонником восстановления польской границы 1772 года и считал, что чем дольше в России продолжается неразбериха, тем большие территории сможет контролировать Польша. Своеобразной программой максимум Пилсудского было создание ряда национальных государств на территории европейской России, которые находились бы под влиянием Варшавы»⁵. В действительности Пилсудский не собирался возвращаться к границам 1772 года, прекрасно понимая, что невозможно удержать в составе Польши столько народов, совокупная численность которых значительно превышала бы численность поляков. Как раз идея федерации – союза, в котором Польша играла бы ведущую роль как наиболее сильное государство, фактически означала отказ от возвращения к границам 1772 года.

Некоторые российские авторы считают уже захват Бреста польскими войсками в середине февраля 1919 года являлся началом необъявленной войны Польши против Советской России. Однако в действительности после капитуляции Германии, провозглашения независимости Польши и аннулированием Советской Россией условий Брестского мира началось продвижение советских и польских войск соответственно с востока и запада на территории, прежде оккупированные Германией.

В качестве доказательства агрессивности Польши российские историки обычно рассматривают выдвинутый начальником Польского государства Ю. Пилсудским план создания под эгидой Польши федерации Польши с Украиной, Белоруссией и Литвой, которая могла в дальнейшем вступить в союз с Латвией, Эстонией, Финляндией и Румынией. Польские историки рассматривают этот план как попытку создания «санитарного кордона» против

советской экспансии, хотя многие из них не отрицают и экспансионистский характер этого плана самого по себе. Российские историки обращают внимание на то, что Парижская мирная конференция в 1919–1920 гг. рекомендовала в качестве восточной границы Польши линию Керзона, примерно совпадающую с границей этнически польских земель. Все попытки польской стороны распространить свой контроль к востоку от линии Керзона российские историки рассматривают как акт агрессии. Как полагает Ю. Иванов, «наступали именно польские войска, именно они вышли за границы польской территории, создав тем самым угрозу возникновения широкомасштабного вооружённого конфликта, а не советские войска, как пыталась и пытается оправдать свои действия польская сторона». Но, строго говоря, с тем же успехом и Советскую Россию можно обвинить в нарушении этнических границ. Ведь столкновения Красной Армии с войсками Пилсудского происходили в Белоруссии, Литве и на Украине, которые этнически русскими территориями никогда не являлись⁶.

Первое боевое столкновение между войсками Советской России и Польши произошло 13 февраля 1919 года под Волковыском, примерно в 20 км от нынешней польско-белорусской границы. Активные же боевые действия между советскими и польскими войсками начались только во второй половине марта 1919 года. Однако поход Красной Армии на Варшаву тогда не состоялся из-за активизации боевых действий со стороны белых армий Колчака и Деникина. На Украине же советские и польские войска впервые встретились в конце июля 1919 года под Ровно, но уже в конце августа польские войска, заняв Бобруйск в Белоруссии, прекратили активные боевые действия, дав тем самым советскому руководству перебросить войска против Деникина, поскольку большевиков почти все польские политики считали меньшим злом по сравнению с белыми.

Российский историк Г.Ф. Матвеев считает, что в феврале 1919 года в Москве, вопреки мнению польских историков, еще не было плана советизации Польши. В доказательство этого тезиса он цитирует телеграмму, отправленную 15 февраля Г.В. Чичерину начальником штаба Западной армии Ф.В. Костяевым. К тому вре-

мени советские войска достигли рубежа Поневеж – Вильно – Лида Барановичи – Пинск, и Костяев, бывший генерал русской армии, спрашивал, что делать дальше: «Военная обстановка позволяет дальнейшее продвижение, особенно на Брест-Литовск и Ровно, но политическая обстановка, главным образом со стороны Польши, остается неопределенной, посему благоволите указать, до какой линии или до каких пунктов считаете возможным наше продвижение, не нарушая политических соотношений, а также определить восточные границы Польши, которые для военного командования остаются совершенно неизвестными»⁷.

На наш взгляд, сам по себе этот документ не доказывает отсутствие или наличие у Москвы планов советизации Польши в тот момент. Вопрос о том, как далеко на запад должна продвигаться Красная Армия, решали политические вожди, и прежде всего Ленин, а не военное командование и даже не глава НКВД. А остановка в продвижении была вызвана тем, что опасались силовой реакции со стороны Антанты. Когда стало ясно, что ее пока нет, продвижение возобновилось. Г.Ф. Матвеев прав, когда утверждает, что для Пилсудского большевики были меньшим злом, чем белые генералы. Как отмечает российский историк, летом 1919 года «большевики были согласны на любые территориальные уступки за счет нерусских территорий, лишь бы завершить конфликт на западе и высвободить силы для борьбы на Южном и Восточном фронтах. И Пилсудский вошел в их положение... Пилсудский, поставив ряд жестких условий военного характера, дал слово руководителю советской делегации Ю. Мархлевскому при их соблюдении советской стороной не вести активных наступательных действий на Литовско-Белорусском фронте. Но сделанное через Мархлевского советское предложение начать мирные переговоры польская сторона проигнорировала»⁸. Тем самым невольно российский историк подтверждает свидетельство Пилсудского, согласно которому в конфликте с Советской Россией главным для него были не территориальные приобретения, а разгром Красной Армии, поскольку он не сомневался, что после победы над белыми советские войска пойдут походом на Польшу, чтобы прорваться в Западную Европу⁹.

Г.Ф. Матвеев убежден, что весной 1920 года советские войска перебрасывались на Западный фронт исключительно в оборонительных целях, что бы отразить ожидавшееся польское наступление¹⁰. Однако этому противоречат наступательные планы и группировка советских войск.

Польские историки Д. Липиньская-Наленч и Т. Наленч подчеркивают, что в Польше значительные разногласия по вопросам «восточной политики» были между Пилсудским и лидером национал-демократов Р. Дмовским. Последний предполагал дружить не с Украиной, а с некоммунистической Россией, которой после свержения большевиков, он готов был оставить Украину¹¹. Д. Липиньская-Наленч и Т. Наленч указывают, что в 1919 году не оправдались советские ожидания на коммунистические революции в Германии и Польше¹². Они также указывают, что осенью 1919 года подписать мирный договор между Пилсудским и Мархлевским не удалось из-за того, что Пилсудский настаивал на признании независимости Украины¹³. Польские историки также утверждают, что «уже в марте 1920 года командование Красной Армии приняло решение о подготовке широкомасштабного наступления на Польшу, о чем почти сразу узнала польская разведка. Это убедило Пилсудского в необходимости нанесения упреждающего удара по противнику»¹⁴.

Российский историк И.С. Яжборовская полагает, что уже в конце 1980-х годов на заседаниях совместной Советско-польской комиссии историков ученые двух стран согласились рассматривать войну 1919–1920 годов в контексте складывающихся двусторонних отношений, тщательнее изучать позиции обеих сторон, сопоставлять их логику. Например, было отмечено, что идея установления федеративных отношений со смежными территориями вынашивались в то время обеими сторонами. Была призвана определенная противоречивость советской внешней политики того времени. Так, Народный комиссариат иностранных дел официально признавал принцип уважения прав польского народа на самоопределение и существование суверенного национального государства. В то же время это признание перечеркивалось верой в близкий крах Версальской системы, назревание мировой рево-

люции, другими коминтерновскими установками. Это наложило неоднозначный отпечаток на становление и развитие советско-польских отношений, на возникновение и ход войны 1919–1920 годов¹⁵.

На наш взгляд, дело скорее не в противоречивости советской внешней политики, не в борьбе в ней различных тенденций, а в разделении функций между НКВДом. Дипломаты боролись за признание Советской России, поэтому они использовали и право наций на самоопределение и принцип уважения государственного суверенитета. Коминтерн же выступал проводником мировой революции и говорил о пролетарской солидарности и международной помощи, независимо от государственных границ. Деятельность обоих ведомств координировалось ЦК и Политбюро. Иной раз между их деятельностью возникали противоречия, как в отношении Польши в 1919–1920 годах, но это была объективная данность, а не субъективное столкновение интересов. По большому счету, до середины 20-х годов, пока существовали надежды на мировую революцию, НКВД служил своеобразным дипломатическим прикрытием для Коминтерна, создавая благоприятные внешнеполитические условия для мировой революции.

Польский историк М. Корнат отмечает, что в польской историографии существуют различные точки зрения на восточную политику Пилсудского в 1919–1920 годы. А. Новак полагает, что наступление на Киев весной 1920 года фактически являлось превентивным ударом, поскольку было направлено против планируемого советского наступления. С ним солидарен М.К. Дзевановский. Напротив, А. Чубинский и М. Жарновский придерживаются точки зрения, преобладавшей у польских историков коммунистического периода. Согласно этой точки зрения, Киевский поход являлся следствием захватнических планов Пилсудского на Востоке. Также существуют разногласия относительно провозглашенной Пилсудским идеи федерации. М.К. Дзевановский и Я. Чисек видят в этой федерации некий прообраз будущего Европейского Союза. Т. Комарницкий и П. Вандыч считают, что главной целью федерации был отрыв от России Украины, с которой Польша должна была заключить военный союз. А. Новак считает, что

Пилсудский пытался создать польскую империю, но потерпел неудачу¹⁶.

Российские историки И.С. Яжборовская и В.С. Парсаданова полагают, что «становление отношений между РСФСР, Украинской народной республикой, ЗУНР, Украинской и Литовско-Белорусской советскими республиками, БССР и Литвой с возрожденной после 123 лет национального порабощения Польской республикой – государствами, возникавшими на основе объективно сложного разделения и перестройки трех империй “черных орлов”, включавших более ста лет в свой состав разделенные польские земли, с неизбежностью происходило крайне противоречиво, столкнув разные правды народов и умножив прежние противоречия между ними. Достижение критической остроты конфликты как правило разрешались вооруженной рукой, мир же лишь фиксировал ставшие их результатом новые территориальные конфигурации»¹⁷. Они также считают, что переход польской этнографической границы Красной Армией отражал стремление советского руководства к воссозданию довоенных границ Российской империи и «доверсальской конфигурации Европы»¹⁸. В то же время до середины июля 1920 года «идея “советизации” Польши не получала сколько-нибудь значительного распространения. Чичерин считал ее прямой авантюрой и еще 14 июля предупреждал от опасности “зарваться”. Однако в ходе успешного контрнаступления уже в середине июля в среде политиков во главе с Лениным возобладали иные настроения»¹⁹.

На наш взгляд, нельзя в данном случае говорить об агрессии со стороны Польши или Советской России. Обе стороны готовились к схватке за Украину и Белоруссию и каждая хотела создать пояс зависимых от себя государств. Советская Россия все зависимые от себя государства, включая Польшу, планировала объединить в единое федеративное государство. Польша же, не планируя заполучить в свою сферу влияния Россию, собиралась возвести перед ней барьер, прежде всего в виде независимой Украины.

В действительности после разгрома Деникина советское руководство решило повторить поход на Польшу. 10 марта 1920 года

тогдашний главнокомандующий вооруженными силами РСФСР С.С. Каменев разработал директиву о кампании против Польши, которой предусматривалось:

«а) главный удар нанести на Западном фронте; б) на Юго-Западный фронт возложить задачу по активному сковыванию противника, усилив его Конной армией; в) Западный фронт, отвлекая внимание и силы противника на Полоцком и Мозырском направлениях, главный удар должен нанести в направлении Игумен, Минск». 31 марта началась соответствующая перегруппировка советских войск, и одновременно возобновилось наступление советских войск на Украине. Генеральное же наступление Красной Армии должно было начаться 5 мая²⁰. Пилсудский же в это время был занят подготовкой совместной армией УНР похода на Украину, для чего 22 апреля заключил союз с правительством С.В. Петлюры. 25 апреля польское генеральное наступление началось. Если объективно подходить к решению вопроса об агрессии, то надо признать, что весной 1920 года наступательные (или агрессивные) намерения, и бессмысленно считать агрессором какую-либо из сторон. Разумеется, Пилсудский не знал точной даты начала советского наступления, равно как и командование Красной Армии не знало, когда начнется польское наступление. Поэтому обе стороны стремились упредить друг друга. Случайно это удалось сделать Пилсудскому. Между тем, в российской историографии преобладает мнение о том, что в 1920 году в роли агрессора выступала Польша. Это мнение выразил, в частности, Л.Н. Нежинский, утверждающий: «26 апреля начался пресловутый поход войск Пилсудского “на Советы”, целью которого была аннексия большей части украинских и белорусских земель, а в целом “вассализация” Украины и Белоруссии. В первые два месяца войны фортуна была благосклонна к агрессору: в течение нескольких недель его армии удалось оккупировать значительную часть Украины, включая Киев, и ряд районов Белоруссии»²¹.

Примерно к такому же выводу приходит и историк М.И. Мельтюхов. Он приводит в своей книге донесение от 11 апреля 1919 года, направленное президенту В. Вильсону американским представителем при миссии государств Антанты в Польше

генералом Дж. Кернаном, который отмечал, что, «хотя в Польше во всех сообщениях и разговорах постоянно идет речь об агрессии большевиков, я не мог заметить ничего подобного. Напротив, я с удовлетворением отмечал, что даже незначительные стычки на восточных границах Польши свидетельствовали скорее об агрессивных действиях поляков и о намерении как можно скорее занять русские земли и продвинуться насколько возможно дальше. Легкость, с которой им это удалось, доказывает, что полякам не противостояли хорошо организованные советские вооруженные силы. Я убежден, что наступательный воинственный крестовый поход, предпринятый из России, центра распространения пропаганды большевизма или советского движения, остановлен. Но он может быть снова вызван к жизни агрессивными действиями извне, а их можно ожидать как со стороны Польши, так и других государств»²². Мельтюхов, однако, почти ничего не пишет о планах «советизации» Польши, о создании и деятельности Польского ревкома в период наступления Красной Армии на Варшаву. Он отмечает только, что ревком в составе Ю. Мархлевского, Ф. Дзержинского, Ф. Кона и Э. Прухняка был создан 30 июля 1920 года в Белостоке и что Москва выделила для финансирования его деятельности 1 млрд. рублей. Однако это не помогло, поскольку, хотя «задачей Польревкома являлась подготовка советизации Польши, но нехватка подходящих кадров и слабое знание местных условий привело к тому, что население в массе осталось безучастным к его начинаниям. Особенно повредила имиджу Польревкома попытка решения аграрного вопроса по российскому образцу: тогда как польские крестьяне стремились получить помещичью землю в личную собственность, на ней стали создавать социалистические хозяйства»²³. Мельтюхов, однако, не раскрывает, в чем именно состояли планы советизации Польши.

Стоит вспомнить, что Ленин, выступая в сентябре 1920 года на IX конференции РКП(б), прямо признал, что, задача Красной армии в советско-польской войне состояла в том, чтобы «прошупать штыком» готовность польского пролетариата и батрачества к социальной революции, «помочь советизации Польши», а также Литвы и вовлечь в революцию рабочих Германии и других близ-

лежащих стран. Тем не менее, «главным результатом» войны, по признанию Ленина, «было то, что мы оказались потерпевшими громадное, неслыханное поражение». Но, тем не менее, тогда же вождь большевиков заявил: «Мы еще и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех не разобьем до конца»²⁴.

По мнению российского историка М.А. Персица, публикация в 1992 году доклада Ленина на IX партконференции о советско-польской войне, т. е. через 72 года после того, как он был произнесен, развеяла официально созданный и поддержанный советскими общественоведами и мной, в частности, миф о политической трезвости и мудрой умеренности вождя, будто бы всегда охлаждавшего горячие головы «левых» коммунистов и тем спасавших их от социальных авантюров»²⁵. Здесь можно возразить, что все-таки доклад на партконференции, пусть даже и для узкого круга функционеров, имел определенное пропагандистское значение. Поэтому оптимистическая концовка могла иметь цель взбодрить партийную публику, приунывшую после варшавского разгрома, тогда как Ленин, вполне возможно, весьма мрачно смотрел на ситуацию.

Ю. Иванов, по всей видимости, прав, когда заключает, что мирные предложения поляков весной 1920 года были неискренними и лишь прикрывали агрессивные намерения²⁶. Однако то же самое справедливо относительно советских предложений того времени. Также и Мельтюхов уверен, что «в условиях ожесточенной Гражданской войны советское руководство стремилось мирно договориться с Польшей о границе, но экспансионистские притязания Варшавы не позволили реализовать этот вариант»²⁷. Аналогичной точки зрения придерживается и Л.Н. Нежинский, полагающий, что «правительство Советской России неоднократно предлагало польской стороне прекратить конфронтацию и сесть за стол переговоров, подчеркивая, что Польше не угрожает никакая опасность со стороны советского государства и что во взаимоотношениях новой России и Польши не существует ни одного вопроса (территориального, экономического или иного), который не мог бы быть решен мирно, путем переговоров, взаим-

ных уступок и соглашений. Но все эти призывы остались без ответа. Более того, используя помощь и поддержку держав Антанты и свое преобладающее влияние в правительстве и в армии, военная группировка во главе с Ю. Пилсудским, который с ноября 1918 года занимал пост главы государства и главнокомандующего вооруженными силами Польши, упорно готовилась к вооруженной агрессии на востоке»²⁸. Нежинский отмечает, что еще 16 июня 1920 года ВЦИК, правительства РСФСР и УССР обратились с воззванием к польским рабочим, крестьянам и легионерам с призывом прекратить бессмысленную, братоубийственную войну между трудящимися Польши и советскими Россией и Украиной. В воззвании содержался также призыв к свержению «буржуазно-помещичьего строя» в Польше²⁹.

Политику «советизации» Польши довольно подробно описывает Л.Н. Нежинский. Он считает, что «в то время как Г. Чичерин заверял общественность, что Россия не планирует вмешиваться во внутренние дела Польши, большевистская верхушка предприняла попытку превратить справедливую, оборонительную войну с панской Польшей в классовую, наступательную войну. Тогда, на волне эйфории, вызванной первоначальными победами Красной Армии над польскими интервентами, многим руководящим деятелям Советской России и Коминтерна казалось, что появилась, наконец, реальная возможность приблизить, «подтолкнуть» победу революции в Польше, вслед за ней в Германии, а потом, возможно, и в остальной Европе»³⁰. Говоря о деятельности Польревкома в Белостоке, Нежинский подчеркивает, что «историкам еще предстоит дать всестороннюю оценку деятельности этого органа, взявшего на себя функции Временного польского правительства. Но уже сейчас большинство исследователей сходятся в том, что, наряду с принятием решений в интересах трудовых слоев населения, Польревком допустил серьезную ошибку: конфисковав на освобожденной части польской территории все помещичьи, казенные, монастырские и костельные земли, не разделил их между малоземельными и безземельными крестьянами, а приступил к организации на них государственных хозяйств». Это привело польское крестьянство на сторону Пилсудского³¹. В то же

время, ни Мельтюхов, ни Нежинский, ни большинство других российских авторов не говорят о том, что «советизация», прежде всего, предполагала террор против буржуазии, помещиков и всех несогласных с новой властью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Иванов Ю.* Очерки истории советско-польских отношений в документах, 1917–1945 гг. // Наш современник, 2003, № 10.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Нежинский Л.Н.* Указ. соч. С. 82.

⁵ *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. – М.: Вече, 2001. С. 18–19.

⁶ Там же. С. 174.

⁷ *Матвеев Г.Ф.* Начало // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под ред. А.В. Торкунов, А.Д. Ротфельд. – М.: Аспект-пресс, 2010. С.С. 31–32.

⁸ Там же. С.С. 33–34.

⁹ *Пилсудский Ю.* Война 1920 года // *Тухачевский М.Н.* Поход за Вислу / *Пилсудский Ю.* Война 1920 года. – М.: Новости, 1992. С. 91–96.

¹⁰ *Матвеев Г.Ф.* Начало. С. 35.

¹¹ *Липиньская-Наленч Д., Наленч Т.* Начало // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. С. 57.

¹² Там же. С. 58.

¹³ Там же. С. 60.

¹⁴ Там же. С. 62.

¹⁵ *Яжборовская И.С.* Современная историография российско-польских от ношений // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. С. 740–741.

¹⁶ *Корнат М.* Современная историография российско-польских от ношений // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. С.С. 772–773.

¹⁷ *Яжборовская И.С., Парсаданова В.С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. – М.: Academia, 2005. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 225.

¹⁹ Там же. С. 226.

²⁰ *Какурин Н.Е., Меликов В.А.* Гражданская война в России: Война с белополяками. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 105–106; *Мельтю-*

хов *М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. – М.: Вече, 2001. С. 30.

²¹ *Нежинский Л.Н.* Указ. соч. С. 83.

²² *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 20.

²³ Там же. С. 77.

²⁴ *Ленин В.И.* Политический отчет ЦК РКП(б) на IX Конференции РКП(б) 22.1X. 1920 г., – «Исторический архив», 1992 г., № 1. С. 16–18, 21, 27.

²⁵ *Персиц М.А.* Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран. 1920–1921 гг. – М.: АИРО-XX, 1996. С. 10.

²⁶ *Иванов Ю.* Указ. соч.

²⁷ *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 385.

²⁸ *Нежинский Л.Н.* Указ. соч. С. 82.

²⁹ Там же. С. 83.

³⁰ Там же. С. 83.

³¹ Там же. С. 83–84.

Глава 2

СОВЕТИЗАЦИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ

Сразу после разгрома Красной Армией вооруженных сил Юга России под командованием генерала А.И. Деникина последовала советизация Азербайджана. Документы, опубликованные в последние годы перестройки, а также в постсоветское время, ясно свидетельствуют, что никакой революции в Азербайджане, а также в Армении и Грузии, вопреки утверждениям советской историографии, не было, а была интервенция Красной Армии с целью установления там советской (коммунистической) власти и присоединения этих стран к Советской России.

Как пишут российские историки М. Волхонский и В. Муханов, развал СССР привел к исчезновению не только геополитического, но и когда-то единого интеллектуального пространства историков, занимавшихся исследованием исторических судеб народов, населявших советскую империю. В получивших только что независимость республиках бывшего Союза историки и политологи тут же «получили целенаправленный заказ со стороны правящих элит на историческое обоснование приобретенного суверенитета и государственности, а также на разоблачение “фальсификаций” советской науки»¹. Вместо объективного исследования спорных вопросов в бывших советских республиках получил преобладание процесс создания новых исторических мифов. Естественно, одним из главных объектов мифотворчества стала тема образования независимых государств после распада Российской империи. Это вполне понятно, если учесть, что именно небольшой период с 1917 по 1922 год стал для большинства го-

сударств на пространстве СНГ точкой отсчета истории их государственности². Волхонский и Муханов утверждают, что «в границах распавшейся Российской империи в этот период рождались и гибли многие эфемерные государственные образования. Почти все они были плодом усилий определенных внутренних и внешних сил, преследовавших свои политические цели в кровавом хаосе русской смуты. Общеизвестно, что в период с 1917 по 1920 год Закавказье стало ареной борьбы таких крупных международных игроков, как Германия, Турция, Англия, Франция и США. С учетом этих фактов справедливо задать вопрос: не являлась ли Азербайджанская Республика всего лишь одним из подобных образований, возникшим в результате сложных политических игр и неожиданных комбинаций различного рода социальных и экономических факторов»³. Указанные авторы используют типологию фаз развития национальных движений, разработанную чешским историком Мирославом Хрохом. В фазе пробуждения у интеллигенции возникает интерес к языку, истории, фольклору своего народа, в фазе агитации национальная идентичность распространяется в широких слоях этноса, а в фазе массового движения этнос осознает национальное единство и он мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость⁴.

А вот насчет того, какие фазы были характерны для разных российских народов, существуют разные мнения. Так, российский социолог Б.Н. Миронов полагает, что грузины как «старая нация», не проходили фазы культурного пробуждения, а сразу после эпохи Великих реформ перешли к фазе агитации. Армяне, которые этап культурного возрождения прошли еще в XVIII веке, в агитационную фазу вступили в конце XIX столетия. Азербайджанцы же культурную фазу прошли только в XIX веке, и только в 1905 году вошли в агитационную фазу. Фаза же политической мобилизации все три указанных народа начали только в 1905 году, и у азербайджанцев она совпала с агитационной фазой⁵.

Волхонский и Муханов называют независимость Азербайджана, Грузии и Армении «вынужденной» и подчеркивают вслед за английским исследователем О. Коджаманом, что признание этих

государств державами Антанты было всецело связано с крахом Колчака и Деникина. Как пишет Коджаман, «к концу октября 1919 г. на всех фронтах гражданской войны началось отступление антибольшевистских сил. Зимой 1919–1920 гг. победа большевиков стала очевидной, в том числе и на Кавказе». С помощью независимых Армении, Азербайджана и Грузии пытались создать «санитарный кордон» против большевиков на Кавказе⁶.

В период независимости Азербайджан испытывал глубокий экономический и, в частности, объем нефтедобычи и нефтепереработки составлял лишь 35–40 % от уровня 1913 года⁷. Это справедливо, но не надо забывать, что в кризисе к началу 1920-х годов оказались почти все страны, участвовавшие в Первой мировой войне, не исключая победителей. А уж по сравнению с Советской Россией с ее экономической разрухой, вызванной политикой «военного коммунизма» и гражданской войной, Азербайджан, вероятно, выглядел процветающим государством.

По словам российских историков, «изменение ситуации в самой России в пользу большевиков к началу 1920 года вернуло на повестку дня вопрос о действиях окрепшей советской власти в отношении таких традиционно находившихся в российской сфере влияния регионов, как Кавказ и Средняя Азия. Тем более что к этому времени на территории Азербайджана уже не находились британские оккупационные войска, которые покинули ее в августе 1919 года»⁸.

В результате преследования отступающих белых советские войска вышли к азербайджанской границе. Еще 17 марта 1920 года Ленин телеграфировал Реввоенсовету Кавказского фронта: «Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти. То же относится и к Грузии, хотя к ней относиться советуем еще более осторожно»⁹.

В качестве предлога на этот раз использовали не восстание созданного с советской помощью Ревкома, а начавшееся 22–23 марта восстание армян Карабаха. В результате почти все войска азербайджанского правительства, как отмечает американский ис-

торик Майкл Круассан, были отвлечены в Карабах, чем не преминула воспользоваться Красная Армия¹⁰.

Еще 2 января 1920 года Г.В. Чичерин писал: «Правительство РСФСР обращается к Азербайджану с предложением вступить в немедленные переговоры с Советским правительством о заключении военного соглашения между обоими военными командованиями, имеющего целью ускорить и добить белогвардейские армии юга России». Нарком закончил это послание очень пафосно, но в то же время в ультимативной форме: «Мы обращаемся к Азербайджану и азербайджанскому народу с призывом начать борьбу против Деникина. Правильно понятые интересы Азербайджанского государства и социально-политические интересы его трудящихся классов должны заставить Азербайджан ответить согласием на наше предложение». Как справедливо заметил американо-польский историк Тадеуш Свентоховский, эта нота «была залпом психологической войны против Азербайджана» и «прозвучала скорее как призыв к местному пролетариату, чем как дипломатическое послание – она была перепечатана и широко пропагандирована коммунистической прессой в Баку»¹¹.

Как справедливо заключают Волхонский и Муханов, «руководство Советской России, начав это диалог, не преследовало цель наладить дипломатические и экономические отношения с Азербайджаном, скорее собиралось просто выиграть время для подготовки силовой операции, а в случае успеха переговоров втянуть Азербайджанскую Демократическую Республику в открытое противостояние с Деникиным, дабы упростить себе в дальнейшем захват республики»¹².

Как важный этап подготовки «советизации» Азербайджана указанные авторы рассматривают образование в феврале 1920 года компартии Азербайджана, объединившей все левые партии и группы. Помимо денежных средств, из России в Баку в Баку из разных регионов стало направляться оружие. Один только Реввоенсовет Туркестанского фронта выделил 1200 винтовок. Еще в 1919 году военный министр Азербайджана неоднократно жаловался на плохую работу полиции и соответствующих органов, не препятствовавших деятельности большевиков, отмечая, что «мно-

гие лица большевистского направления, состоящие, к сожалению, из мусульман, стараются всеми способами проникнуть в казармы, чтобы пропагандировать свои разрушающие основы спайки войск и привить им большевистские идеи». Новоиспеченные большевики не испытывали серьезных полицейских гонений, а местная элита готова была при определенных условиях сдаться советской России, если будет гарантировано сохранение автономии Азербайджана.

В советизацию Азербайджана важную роль играло стремление Москвы поставить под свой контроль бакинскую нефть. Возможная задержка с захватом северокавказских нефтепромыслов вызвала гнев Ленина. 28 марта 1920 года он направил телеграмму Реввоенсовету Кавказского фронта, где отмечал: «Нам до зарезу нужна нефть, обдумайте манифест населению, что мы перережем всех, если сожгут и испортят нефть и нефтяные промыслы, и, наоборот, даруем жизнь всем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целости...»¹³.

В ночь на 21 апреля командующий Кавказским фронтом М.Н. Тухачевский издал директиву, предписывающую 11-й армии и Волжско-Каспийской военной флотилии о наступлении на Баку: «Главные силы Азербайджана заняты на западной границе своего государства. В районе ст. Ялама – Баку, по данным разведки, имеются лишь незначительные азербайджанские силы. В развитие полученных мною директив приказываю:

1. Командарму 11-й армии 27 апреля сего года перейти границу Азербайджана и стремительным наступлением овладеть территорией Бакинской губернии. Операцию Ялама – Баку закончить в 5-дневный срок. Выслать кавалерийские отряды для захвата Закавказской железной дороги в районе Кюрдамир.

2. Комфлота Раскольникову ко времени подхода частей 11-й армии к Апшеронскому полуострову произвести в районе ст. Алят десант небольшого отряда, который должен быть выделен распоряжением командарма 11-й армии. Быстрым налетом овладеть в Баку всем наливным флотом, не допустить порчи нефтяных промыслов»¹⁴.

27 апреля 1920 года Красная армия вторглась в Азербайджан и на следующий день практически без сопротивления заняла Баку, «советизировав» мусаватистскую республику. Армия Азербайджанской Демократической Республики капитулировала перед двумя советскими бронепоездами, вошедшими в Баку. Всего же на территорию Азербайджана вошли 11-я армия 26-я, 28-я и 32-я стрелковые дивизии и 2-й конный корпус 11-й армии (всего свыше 30 тыс. человек) вторглась на территорию Азербайджана.

Российские историки консервативного направления сосредотачивают свое внимание на чисто военной стороне похода Красной Армии в Азербайджан, не затрагивая политической стороны вопроса. А.Б. Широкопад отмечает только, что «вторжение советских войск в Азербайджан производилось по стандартному большевистскому сценарию: местный ревком поднимает настоящее или “виртуальное” восстание рабочих и сразу же обращается за помощью к Красной Армии. По этой схеме действовали свыше 50 лет – вторжение в 1956 году в Венгрию, в 1968 году в Чехословакию и т. д.». Он также подчеркивает, что руководство компартии Азербайджана прибыло в Баку на советском бронепоезде что Бакинский ревком обратился за помощью к Совнаркому РСФСР 28 апреля, но эта «помощь» начала оказываться на день раньше¹⁵. Правительство партии «Мусават» передало власть Бакинскому ревкому. Вся полнота власти в стране перешла к Военно-революционному комитету Азербайджана (Азревкому), который провозгласил Азербайджанскую Советскую Социалистическую Республику. Попытка правительства мусаватистов бежать из города потерпела неудачу. Отряд турецких аскеров захватил его и сдал в полном составе прибывшему 29 апреля в Баку Штабу Красной Армии. Это было осуществлено в рамках заключенного весной 1920 года договора Кавказского бюро ЦК РКП(б) с правительством Ататюрка: в обмен на помощь против англичан кемалисты согласились помочь Красной армии захватить Азербайджан. В ответ на письмо Кемалия Ленину от 26 апреля 1920 года, содержавшее просьбу о помощи, правительство РСФСР направило кемалистам 6 тысяч винтовок, свыше 5 млн. винтовочных патронов, 17.600 снарядов и 200,6 кг золота в слитках¹⁶. Как отме-

чает О. Коджаман, «наступление британских войск на Стамбул 16 марта 1920 года оказало решающее влияние на характер советско-турецких отношений, склонив таких видных турецких лидеров, как Кязим Карабекир и Февзи Чакмак, к идее наладить связи с большевиками для получения от них военной помощи»¹⁷.

Азербайджанские историки подчеркивают, что правительство АДР пыталось сопротивляться, но вынуждено было уступить превосходящей силе, но с условием сохранения территориальной целостности Азербайджана¹⁸. Ревком сразу же направил телеграмму Ленину с предложением заключить военно-политический союз, необходимость которого он мотивировал следующим образом: «Временный Военно-революционный комитет Азербайджанской Советской независимой республики, ставшей у власти по воли революционного пролетариата гор. Баку и трудового крестьянства Азербайджана, объявляет старое мусаватское правительство изменником народа и врагом независимости страны, порывает всякие сношения с Антантой и с другими врагами Советской России. Не имея возможности собственными силами удержать натиск соединённых банд внешней и внутренней контрреволюции, Временный Революционный Комитет Азербайджана предлагает правительству Российской Советской Республики вступить в братский союз для совместной борьбы с мировым империализмом и просит немедленно оказать реальную помощь путём присылки отрядов Красной Армии»¹⁹. Это предложение, разумеется, было принято. Никакими вооружёнными силами, кроме российских, Бакинский ревком не располагал. Войска АДР, узнав о капитуляции, практически не оказывали сопротивление Красной Армии, которая за 10–15 дней заняла весь Азербайджан. Всего погибло около 40 красноармейцев и 70 солдат АДР. 30 тыс. солдат Красной Армии имели против себя лишь 1,5 тыс. азербайджанских солдат и жандармов, поскольку все силы азербайджанской армии были в Карабахе. Бывший глава Азербайджанского национального совета и один из руководителей АДР Мамед Эмин Расулзаде писал: «К сожалению, мы забыли наш принцип: “Поднятое раз знамя, никогда больше не опус-

тится”. Из-за боязни за свою жизнь и имущество, мы своё знамя независимости поменяли на кусок красного кумача»²⁰.

Своеобразной благодарностью за мирное принятие коммунистической власти стало сохранение преимущественно армянского Нагорного Карабаха в составе Азербайджана.

Правда, 22 мая – 3 июня 1920 года Красной Армии пришлось подавлять так называемый «антисоветский мятеж в Гяндже» (азербайджанские историки называют его Гянджинским восстанием), но оно было скорее спровоцировано противостоянием азербайджанского и армянского населения города, а также поведением советских войск. Бывший руководитель восстания полковник Джахангирбек Казымбеков, «бесчинства красных частей (в Гяндже были расположены пехотная дивизия Красной Армии и т. н. Шариатский полк, составленный из отбросов мусульманского населения бывшей империи с значительной примесью русских красноармейцев) переходили уже все границы и все труднее и труднее становилось подавлять справедливый гнев храброй Гянджи». Повстанцы поддерживали связь с меньшевистской Грузией. После поражения повстанцы отступили в Грузию²¹. Как отмечает историк Тадеуш Свентоховский, Гянджинский мятеж спровоцировал серию региональных мятежей, но ни один из них не превзошел Гянджинский по своему размаху²².

По заключению Волхонского и Муханова, «советизация» Азербайджана прошла «быстро и безболезненно». Поскольку «намерение Москвы вернуть контроль над жизненно важным регионом оказалось твердым и последовательным», ради этого она готова была идти практически на любые жертвы и уступки, в том числе за счет Армении, только чтобы обеспечить контроль над промышленным Баку с его нефтепромыслами и нефтеперерабатывающими заводами. Сам процесс «советизации» Волхонский и Муханов оправдывают тем, что «в Азербайджане Красную Армию действительно принимали хорошо, надеясь на улучшение экономической ситуации в республике. Вспыхнувшие летом 1920 года выступления ни в коем случае нельзя приписывать реакции местного населения на свержение правительства республики – это было прямым ответом на неоправданно жесткие действия, если

хотите репрессии, советской власти. Предельная жесткость была продолжена и при подавлении этих восстаний, обернувшись значительными потерями среди населения Азербайджана, как военного, так и гражданского»²³. Солдаты же мусаватистской армии, как справедливо подчеркивают историки, не имели желаний воевать с Советской Россией²⁴.

При этом «большевистское руководство всегда считало этот регион неотъемлемой частью России, что в данном вопросе сближало их с принципиальным противником – лидерами Белого движения. Однако в отличие от Деникина большевики смогли проявить определенный политический прагматизм, что и позволило им одержать убедительную стратегическую победу – к 1921 году все Закавказье оказалось под жестким контролем Москвы и вскоре вошло в состав единого союзного государства»²⁵.

Итоги советизации Азербайджана провел Т. Свентоховский: «К 1940 году в результате происходивших при Багирове чисток погибли, по приблизительным подсчетам, 70 тыс. азербайджанцев. Интеллигенция была истреблена, сломлена и ликвидирована как социальная сила»²⁶. Азербайджанский историк Заур Гасымов, работающий в Германии, считает, что одним из наиболее трагических последствий советизации стало разрушение национальной культуры и нарушение связей с Турцией в силу перевода азербайджанского языка с латиницы на кириллицу в конце 30-х годов. После восстановления независимости кириллица была заменена латиницей²⁷.

После начала советско-польской войны большевикам на время стало не до Закавказья. Поэтому 7 мая 1920 года между Советской Россией и Грузией был заключен мирный договор, согласно которому Россия признавала независимость и территориальную целостность Грузии и обещала не вмешиваться в ее внутренние дела. А Грузия, в свою очередь, признавая Советскую Россию, обязалась легализовать деятельность компартии на своей территории. Стороны обменялись дипломатическими представительствами. До конца мая между советскими и грузинскими войсками происходили столкновения у Пойлунского моста, затем было заключено перемирие.

В советизации Армении большевикам очень помогли турецкие кемалисты, которых Москва рассматривала как своих союзников. 28 сентября 1920 года турецкие войска в ходе армяно-турецкой войны, начатой дашнакским правительством в Ереване, вторглись в Армению и заняли за месяц большую часть территории страны. На запрос о намерениях Антанты, сделанный в Тифлисе армянским представителем Александром Хатисовым, представитель Англии Стокс заявил, что Армении не остается ничего кроме как выбрать из двух зол меньшее: мир с Советской Россией.

В ноябре 1920 года С. Орджоникидзе организовал Армянский ревком и отправил его в Казахский район для «подготовительной работы» по провозглашению Советской власти в Армении. Из частей 11-й Красной армии был создан «армянский» полк, который захватил город Караван-Сарай. «Думаю, что все пройдет без особых затруднений», – докладывал Орджоникидзе Ленину и Сталину 29 ноября. В этот день под предлогом оказания помощи в борьбе с турками, призыв о которой поступил от армянских большевиков, создавших ревком, части 11-й армии вторглись в Армению, и ревком провозгласил создание Армянской ССР. 30 ноября того же года советский полпред Борис Легран ультимативно потребовал вхождения Армении в советскую сферу, после чего 2 декабря между ним и представителями правительства Армении (Дро и Тертеряном) было подписано соглашение, согласно которому: Армения провозглашалась независимой социалистической республикой; образовывался Временный военно-революционный комитет в составе 5 членов от Коммунистической партии и левых дашнаков и 2 членов Дашнакцутюн по соглашению с коммунистами; Москва признавала за Арменией: Эриванскую губернию, часть Карсской области, Зангезурский уезд и часть Казахского уезда; офицеры армянской армии и члены партии Дашнакцутюн не должны подвергаться никаким репрессиям. 4 декабря Красная армия взяла Ереван. 6 декабря 1920 года в Эривани советские войска передали власть Ревкому, состоявшему в основном из этнических армян из Азербайджана. Ревком отказался

признавать подписанное с дашнаками соглашение, после чего начались вооруженные столкновения.

16 марта Московский договор (1921) оставлял Карс и Ардаган Турции. Были четко обозначены границы Армении, бывший Нахичеванский уезд передавался Азербайджанской ССР, бывший Зангезурский уезд передавался Армении, обговаривался вывод турецких войск из Александрополя, завершившийся к середине мая. Формально, новые условия были оформлены Карским договором, подписанным 13 октября 1921 года закавказскими правительствами с Турцией, который нынешняя Республика Армения не признает. Армянские историки считают, что Советская Россия занимала протурецкую и проазербайджанскую позицию и решила в пользу Турции и Азербайджана территориальные споры с Арменией²⁸.

Орджоникидзе убедил турецкие власти в том, что «советизация» Армении – в интересах Турции. «Турки настаивают на вводе наших войск в Армению для утверждения Советской власти, считая это гарантией своего тыла... – объяснял ситуацию Серго во время переговоров по телеграфу члену РВС Кавказского фронта Трифонову. – Положение становится совершенно ясным, нерискованным».

Теперь настал черед Грузии. 1 декабря Орджоникидзе телеграфировал Сталину: «Грузины транзита для Армении (уже советской. – *Ред.*) не дают и последние дни страшно обнаглели. Помоему, вопрос о Грузии вообще ближайшего времени, причем тогда это потребует больше сил и больше жертв. Нельзя ли догадаться».

12 декабря 1920 года Орджоникидзе писал Ленину и Сталину: «Положение в самой Грузии таково, что без особого труда мы с ней покончим: восстания в Борчалинском уезде, Абхазии, Аджарии, Душетском уезде будут проведены»²⁹. Мятежи в Абхазии и Южной Осетии в период 1918–1921 годов вспыхивали неоднократно, поскольку значительная часть абхазского и осетинского населения выступала за присоединение к РСФСР.

В январе 1921 года Ленин составил проект постановления по Грузии: «1) Поручить НКВД оттягивать разрыв с Грузией. 2) За-

просить Кавфронт о том, насколько подготовлены наши наличные военные силы на случай немедленной или близкой войны с Грузией, и поручить формулировку этого вопроса, с указанием на крайнее обнагление Грузии, комиссии из тт. Троцкого, Чичерина и Сталина. 3) Дать директиву РВСР и Кавфронту готовиться на случай войны с Грузией»³⁰. А 27 января глава военного ведомства Лев Троцкий направил РВС Кавказского фронта запрос, в котором в стиле булгаковского Пилата давал понять, как будут развиваться события дальше: «Если бы советская республика оказалась против своей воли вынуждена дать военный отпор провокационной политике Грузии, считаете ли вы, что в вашем распоряжении для этой операции достаточно сил и средств, принимаемая во внимание оккупацию территории и пр.?»³¹.

В том, что Англия и Франция не вмешаются, вожди большевиков уже не сомневались. 6 февраля приказом командующего Кавказским фронтом В. Гиттиса была создана группа войск Тифлисского направления под командованием М. Великанова. В ночь на 12 февраля 1921 года в Борчалинском и Ахалкалакском уездах Грузии местные коммунисты подняли восстание, скоординированное с командующим 11-й армией А. Геккером. Большевиками были заняты Гори, Душети и весь Борчалинский уезд. 16 февраля повстанцы обратились к Красной армии за помощью. Накануне, 14 февраля, Ленин попросил заместителя Троцкого Э.М. Склянского «зашифровать архиосторожно» и направить в РВС Кавказского фронта телеграмму: «Цека склонно разрешить 11 армии активную поддержку восстания в Грузии и занятие Тифлиса при соблюдении международных норм и при условии, что все члены РВС 11 после серьезного рассмотрения всех данных ручаются за успех...»³².

17 февраля Кавказское бюро ЦК РКП(б) создало ревком Абхазии, и в тот же день войска 9-й Кубанской армии вступили на абхазскую территорию. 18 февраля грузинский ревком во главе с Ф. Махарадзе в Шулаверах, занятых советскими войсками двумя днями ранее, провозгласил Грузинскую ССР. 25 февраля в Тбилиси вошла 11-я армия. В этот день Орджоникидзе отправил телеграмму Сталину: «Над Тбилиси реет красное знамя советской

власти. Да здравствует советская Грузия!». Этот день позднее, после восстановления независимости Грузии, стал считаться днем советской оккупации, но не в память об исторической телеграмме Орджоникидзе, а в память о грузинских юнкерах, которые в этот день сражались с советскими войсками на подступах к Тбилиси³³. 17 марта правительство Жордания капитулировало и на следующий день покинуло Грузию.

В 2010 году парламент Грузии принял постановление об объявлении 25 февраля Днем советской оккупации. В этом постановлении говорится: «Так как 25 февраля является днем аннексии и оккупации Грузии, и так как Российская Федерация до сегодняшнего дня оккупирует значительную часть территории Грузии, грузинский парламент устанавливает 25 февраля каждого года – днем советской оккупации»³⁴.

В связи с 90-летием советской оккупации Грузии в феврале 2011 года появилось немало публикаций, неоднозначно оценивающих это событие. Например, украинский историк Филипп Улановский задается вопросом: «Могла ли Грузия избежать советизации? При другом раскладе сил в мире, возможно, и смогла бы. Вот Юзефу Пилсудскому в Польше удалось справиться с бандами Тухачевского в 1920 году... А генералам Мазнишвили и Квинитадзе никак не удалось бы справиться с 11-ой армией Советов, поскольку военные силы молодой республики явно уступали силам России, да и класть на поле сражений со свирепой скифской ордой всю грузинскую молодежь генералы тоже не хотели. Ибо такой страшной ценой можно было лишь отсрочить утрату независимости, причем максимум на год или два, а вот предотвратить аннексию такое решение не позволило бы»³⁵.

И этот же автор признает, что за годы Советской власти было немало сделано для экономического, социального и культурного развития Грузии: «В полупустынной степи юго-западнее Тбилиси после Второй мировой войны вырос город металлургов и химиков Рустави, предприятия которого работали в основном на привозном сырье, и быстро зачахли с распадом СССР. На реке Ингури была построена уникальная арочная плотина Ингури ГЭС. В этот период развитие получили грузинская наука, культура, промыш-

ленность и сельское хозяйство. Советы много строили, и развилось градостроительство, причем изобретение грузинских инженеров Симонова и Карманова (межэтажные перекрытия – симкары), впервые использованные в середине 30-х годов при сооружении двухэтажного Солдатского базара (ныне – комплекс Попули-Сити – ГТС), были повсеместно внедрены в СССР»³⁶.

В противоположность Ф. Улановскому и ряду российских авторов грузинский публицист Гоги Майсурадзе настаивает: «В марте 1921 года окончательно была завершена советизация независимой Демократической Грузии, и части Красной Армии подобно чуме заполонили всю территорию страны. Ревком Грузии, идея создания которого принадлежала Ленину, а ее воплощение в жизнь произошло при содействии Сталина–Орджоникидзе, со всем рвением приступил к осуществлению имперских замыслов большевистской России. Первые мероприятия Ревкома были направлены на введение нового территориального деления Грузии. Грузинские большевики под диктовку Кремля приступили к осуществлению невиданной национальной политики. Ее результаты превзошли все ожидания. На маленькой территории Грузии, население которой составляло два с половиной миллиона человек, появились новые образования: Абхазская Советская Социалистическая Республика, Аджарская Автономная Советская Социалистическая Республика и Юго-Осетинская Автономная область»³⁷.

В Обращении к народам мира от 9 апреля 1991 года, опубликованном за подписью Председателя Верховного Совета Республики Грузия З. Гамсахурдиа, в котором указывается, что «31 марта 1991 года в Республике Грузия состоялся всенародный референдум, в котором население единодушно поддержало восстановление государственной независимости Грузии на основе “Акта о независимости Грузии” от 26 мая 1918 года»³⁸.

Таким образом, нынешнее правительство Грузии считает себя правопреемником Демократической Республики Грузии, существовавшей в 1918–1921 годах, а не Грузинской ССР, и поэтому рассматривает весь период 1921–1991 годов как период совет-

ской оккупации, с чем категорически не согласны российские историки и политики.

В тексте Конституции Грузии 1995 года в преамбуле прямо говорится: «Граждане Грузии... опираясь на многовековые традиции национальной государственности и основные принципы Конституции Грузии 1921 года, провозглашают настоящую Конституцию»³⁹.

Азербайджанский историк Заур Гасымов видит только негативные результаты советизации Грузии, в результате которой было разрушено грузинское демократическое государство: «В Грузии коммунистический режим был нацелен на истребление политической оппозиции, которая за время существования Грузинской Демократической Республики в 1918–1921 годах смогла выработать достаточно сильную социал-демократическую идеологию. Грузинская социал-демократия была тесно связана с европейскими левыми политическими кругами. В 1919–1920 годах по приглашению Ноя Жордания республику посетила многочисленная делегация европейских социал-демократов. Мощный потенциал отечественной политической оппозиции и высокий уровень национального самосознания населения были той основой, на которой в 1924 году развернулось широкое антисоветское восстание, жестоко «умиротворенное» большевиками». Он подчеркивает уничтожение большевиками в Закавказье религиозных учреждений⁴⁰.

В целом при советизации Закавказья большевики удачно для себя использовали противоречия между Азербайджаном, Грузией и Арменией, а также межнациональные противоречия внутри этих стран. Особенно остро было противостояние Армении и Азербайджана. Во многом успех советизации Азербайджана был обеспечен восстанием армян в Карабахе. Также грузино-абхазские и грузино-осетинские противоречия были использованы как повод для советизации Грузии. Существовавшие территориальные споры между Грузией и Азербайджаном также исключали союз между ними. Единственным шансом для государств Закавказья попытаться избежать советизации был военный союз между ними, но острые межнациональные противоречия исключали это.

Здесь было отличие от ситуации в Прибалтике 1918–1920 годов, где взаимопомощь Латвии, Эстонии и Финляндии было важным препятствием их советизации. Но решающую роль играла позиция держав Антанты. Они поддержали независимость балтийских государств в 1918–1921 годах, но не поддержали независимость Грузии, Армении и Азербайджана в этот период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. – М.: Европа, 2007. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Там же.

⁴ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 121–127.

⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд. – СПб.: Дм. Буланин, 2003. Т. 1. С. 20–50.

⁶ Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 123; Коджаман О. Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период / Пер. с англ. – М.: 2004. С. 48.

⁷ Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 145; Борьба за победу Советской власти в Азербайджане 1918–1920: Документы и материалы. – Баку, 1967. – С. 37.

⁸ Там же. С. 177.

⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений Т. 51. С. 163–164.

¹⁰ Croissant Michael P. Armenia-Azerbaijan Conflict: Causes and Implications. – Westport, CT: Praeger, 1998. P. 15.

¹¹ Борьба за победу Советской власти в Азербайджане 1918–1920: Документы и материалы. – Баку, 1967. – С. 367; Свентховский Т. Русское правление, модернизаторские элиты и становление национальной идентичности в Азербайджане // Азербайджан и Россия: общества и государства. – М., 2001.

¹² Волхонский М., Муханов В. По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 178.

¹³ Счастье на штыках. Секретная борьба в большевистском руководстве по поводу «советизации» Закавказья // Лабиринт времен. Исторический альманах. № 5 (<http://www.hist.ru/kavbolsh.html>).

¹⁴ *Широкорад А.Б.* Великая речная война. 1918–1920 годы. – М.: Вече, 2006. С. 242.

¹⁵ Там же. С. 243–244.

¹⁶ *Международная жизнь*, М., 1963, № 11. С. 147–148.

¹⁷ *Коджаман О.* Южный Кавказ в политике Турции и России в постсоветский период / Пер. с англ. – М., 2004. – С. 50.

¹⁸ *Гасанлы Дж. П.* История дипломатии Азербайджанской Республики: Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920). – Флинта: Наука, 2010. Т. I. – С. 531–534.

¹⁹ История гражданской войны в СССР. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 5. С. 225.

²⁰ *Гасанлы Дж. П.* История дипломатии Азербайджанской Республики: Внешняя политика Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920). С. 534.

²¹ *Казум-Бек Дж.* Воспоминания о событиях 1920 года (http://www.azeri.ru/papers/echo-az_info/11320/)

²² *Swietochowski Tadeusz.* Russian Azerbaijan, 1905–1920: The Shaping of National Identity in a Muslim Community. Part III. – New York : Columbia University Press, 1995.

²³ *Волконский М., Муханов В.* По следам Азербайджанской Демократической Республики. С. 212.

²⁴ Там же. С. 16.

²⁵ Там же. С. 230.

²⁶ *Swietochowski T.* Azerbejdżan. Warsaw: Trio, 2006. S. 266.

²⁷ *Гасымов З.* Диссидентство и оппозиция на Кавказе: Критики советского режима в Грузии и Азербайджане в 1970-х – начале 1980-х годов // Международная конференция «Конфликты на Кавказе: история, современность и перспективы урегулирования». – Баку: Тбилиси, 2012 (http://www.ca-c.org/c-g/2009/journal_rus/c-g-1/17.shtml)

²⁸ См.: *Оганесян Эдуард.* Век борьбы. Т. 1, М.–Мюнхен, 1991. С. 322–332; *Minassian Anahide Ter.* La république d'Arménie. 1918–1920 La mémoire du siècle, éditions complexe. – Bruxelles, 1989. P. 220.

²⁹ *Счастье на штыках. Секретная борьба в большевистском руководстве по поводу «советизации» Закавказья // Лабиринт. Исторический альманах времен. Вып. № 5* (<http://www.hist.ru/kavbolsh.html>); *Соколов Б.* Первая грузинская // *New Times*, 2008, № 38, 22 сентября (<http://newtimes.ru/articles/detail/3583/>)

³⁰ *Ленин В.И.* Полн собр. Соч. Т. 54. С. 437.

³¹ *Соколов Б.* Первая грузинская // *New Times*, 2008, № 38 22 сентября (<http://newtimes.ru/articles/detail/3583/>)

³² *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 52. С. 71.

³³ *Баланчивадзе Реваз.* День советизации Грузии решено отмечать вновь, но с приспущенными флагами // *Вечерний Тбилиси*, 2010, 24 июля.

³⁴ *Ахметели Нина*. Советизация Грузии: 90 лет спустя // http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/02/110225_georgia_anniversary.shtml

³⁵ *Улановский Ф.* Прошло 90 лет со времени советской оккупации // Кавказ, 2011, 28 февраля (http://caucasia.at.ua/news/okkupacija_soveticizacija/2011-02-28-932)

³⁶ Там же.

³⁷ *Майсурадзе Г.* Такие ошибки никогда не должны повторяться // Expertclub? 30.12.2010 (http://rus.expertclub.ge/portal/cnid__7246/alias__Expertclub/lang__ru/tabid__2546/default.aspx)

³⁸ Свободная Грузия. 1991, 10 апреля.

³⁹ Грузия. Республика Грузия. Вводная статья // Конституции государств Европы. Т. 1. – М., 2001. С. 702–703.

⁴⁰ *Гасымов З.* Диссидентство и оппозиция на Кавказе: Критики советского режима в Грузии и Азербайджане в 1970-х – начале 1980-х годов // Международная конференция «Конфликты на Кавказе: история, современность и перспективы урегулирования». – Баку: Тбилиси, 2012 (http://www.ca-c.org/c-g/2009/journal_rus/c-g-1/17.shtml)

Глава 3

РЕВОЛЮЦИОНИЗИРОВАНИЕ И СОВЕТИЗАЦИЯ ВОСТОКА

Общие черты процесса советизации феодальных государств Средней Азии, находившихся в вассальной зависимости (фактически – под протекторатом) Российской империи, отметил российский историк М. Калишевский: «Население Бухары состояло преимущественно из таджиков и узбеков. Хиву населяли большей частью узбеки, а также таджики, туркмены. В таких условиях государство не воспринималось как имеющее выраженную этническую принадлежность, а среди жителей преобладала не этногосударственная, а религиозная (исламская) самоидентификация, а также “оазисное” мышление – то есть население той или иной местности воспринимало себя, прежде всего, в качестве жителей данного оазиса, данной территории, а не той или иной этнической группы или государства... Новые предпринимательские слои из числа местных этнических групп в основном были политически и психологически связаны с Россией и сотрудничали с русскими властями. Но существовали и небольшие группы националистов (“младобухарцы” и “младохивинцы”), которые тяготели к Турции, а также к Западу... Советское правительство Туркестана еще в ноябре 1917 года признало суверенитет Бухары и Хивы. Однако оно намеревалось поддерживать свое политическое влияние в обоих государствах на том же уровне, на котором его сохраняло российское императорское правительство. Это не соответствовало интересам среднеазиатских монархий. Ощущая возрастающее давление со стороны советских властей Туркестана и предвидя угрозу распространения советской власти в своих

владениях, эмир бухарский Сеид Алим-хан стал увеличивать численность своей небольшой до той поры гвардии. В Хивинском ханстве в январе 1918 года власть захватил вождь туркменских военных отрядов Джунаид-хан (Мухаммад Курбан-Сердар), организовавший военный переворот, в результате которого правивший с 1910 года Исфандияр-хан был убит. Его брат Сеид Абулла-хан, возведенный Джунаид-ханом на ханский престол, стал чисто формальным главой государства, а вся реальная власть принадлежала Джунаид-хану. Заключив союз с представителями Великобритании, он в конце 1918 года совершил ряд нападений на Амударьинский отдел Туркестанской автономной республики, но в апреле 1919 года вынужден был заключить с ней мирный договор. В 1919 году хивинские отряды продолжали нападения на советскую территорию, а Джунаид-хан вступил в переговоры с представителями правительства адмирала А. Колчака. Одновременно он жестоко преследовал националистическую оппозицию – “младохивинцев”, которые заключили блок с большевиками»¹.

Младохивинцы (джадиды) в начале 1919 года в Туркестане создали Хивинскую революционную партию, переименованную впоследствии в Хорезмскую коммунистическую партию. Ее цель заключалась в свержении ханской власти с советской помощью. Как и младобухарцы, младохивинцы был людьми весьма состоятельными, но принадлежали к группировкам, находящимся в оппозиции к хану. В ноябре 1919 года по приказу туркестанских большевиков, младобухарцы подняли восстание, начавшееся в туркменских районах и распространившееся на узбекские. Был образован Революционный комитет (ревком) Хивы, на территорию ханства вступили советские войска, разгромившие в январе 1920 года Джунаид-хана у Балыкчи. 2 февраля Сеид Абдулла-хан официально отрекся от престола².

«Советизация» Хивы была связана с внутренним восстанием в ханстве против туркменского вождя Джунаид-хана. В данном случае советская власть использовала противоречия между узбеками и туркменами как повод для вторжения войск в Хиву, в результате которого было образовано Временное революционное правительство. 26 апреля 1920 года в Хиве 1-й Всехивинским

съездом (курултаем) была провозглашена Хорезмская Народная Советская Республика. Хорезм был объявлен «народным государством». Но сохранялись право частной собственности, система шариатского суда, избирательные права для «свергнутых классов», а первое хивинское правительство почти полностью состояло из мулл и купцов. Новая власть была в значительной степени вынуждена опираться на подобных людей: муллы и купцы зачастую были единственными элементарно грамотными (умевшими писать и считать) представителями местного населения. Тем не менее, в Хиве свержение хана опиралась все же на более широкую поддержку, чем в Бухаре³. Провозглашение ХНСР должно было служить своего рода промежуточным этапом в советизации вассала бывшей Российской империи.

Российский историк В.П. Булдаков, опираясь на архивные документы, утверждает: «Еще до официальной советизации Хивы эмиссары III Интернационала уже демонстрировали здесь невиданное самоуправство. В порядке избавления от “классово чуждых элементов” практиковалась выдача специальных поручений-записок красноармейцам на отстрел отдельных “контрреволюционеров”. Характерно, что сам хан относился к этому с одобрением – это помогало ему приструнить оппозиционную аристократию»⁴.

Другой российский историк Михаил Калишевский полагает, что в «в создании ХНСР нашел свое отражение поиск коммунистическим руководством форм советского национально-государственного строительства, имевший своей целью с помощью интернационал-популистской демагогии и псевдофедеративных структур смягчить межнациональные противоречия и по максимуму унифицировать столь этнокультурно и социально разнородное пространство, каким являлась “одна шестая” мировой суши, “железом и кровью” склепанная большевиками под сенью серпа и молота»⁵. Он справедливо считает ХНСР формально независимым, но фактически эфемерным государственным образованием, созданным большевиками на короткий промежуточный период перед присоединением этой территории к СССР.

Летом 1920 года вслед за «советизацией» Хивинского ханства произошла «советизация» Бухарского эмирата. Правительство Туркестанской Советской республики пыталось объединить все антиэмирские силы вокруг пробольшевистского крыла младобухарцев во главе с Файзуллою Ходжаевым. Чтобы получить поддержку со стороны советского правительства в Туркестане, младобухарцы, эмигрировавшие в Туркестан, еще в сентябре 1918 года учредили Бухарскую коммунистическую партию (БКП). Ее программа в целом ничем не отличалась от программы младобухарской партии. В то же время в Туркестане сформировался другой центр младобухарцев во главе с Ф. Ходжаевым – Партия младобухарцев-революционеров (ПМР), также стремившаяся к свержению эмира при помощи Советской России⁶.

Как пишет известный казахский историк Асылбек Бисенбаев, «если в Казахстане и Туркестане существовали хотя бы социал-демократические кружки, то в Бухаре и Хиве таковые вообще отсутствовали. Бухарская компартия была создана на съезде в Ташкенте 25 сентября 1918 года с целью создания повода для свержения режима эмира при помощи штыков Красной Армии. Аналогичную функцию выполняла Хорезмская коммунистическая партия, которая также создавалась вне пределов ханства. Обе партии были малочисленны. К концу 1919 года Бухарская компартия насчитывала около 900 коммунистов, а Хорезмская компартия к апрелю 1920 года набрала 600 человек. После установления Советской власти понадобилось несколько чисток в этих партийных организациях, чтобы привести ее состав в соответствие с минимальными требованиями. В Бухарской компартии в первой половине 1923 года из 16 тысяч человек осталось не более одной тысячи. В Хорезмской компартии в 1922–1923 годах было проведено три чистки и их 1157 человек осталось 532 человека, в их числе было 415 дехкан, 40 рабочих, 46 кустарей, 15 служащих и 16 прочих»⁷.

В августе в 1920 году в ряде городов Бухарского ханства были организованы вооруженные выступления с обращениями повстанцев за помощью к правительству Туркестана. И советское правительство вскоре откликнулось.

13 августа 1920 года М.В. Фрунзе в приказе войскам Туркестанского фронта указал, что общая политическая обстановка требует от Красной Армии готовности выступить активно, когда этого потребуют интересы революции. В предвидении этого выступления в районе г. Новый Чарджуй сосредоточивалась Чарджуйская группа в составе одного пехотного полка, одного дивизиона текинской конницы и одного дивизиона легкой артиллерии. Этот отряд усиливался, кроме того, отрядом бухарских революционных войск Кульмцхаметова; в подчинение начальника отряда поступали также Амударьинская флотилия и красные гарнизоны городов Чарджуя, Керки и Термеза.

25 августа командование фронтом отдало свой приказ № 3667, который определил активное содействие Красной Армии с вооруженными силами начавшими восстание внутри эмирата. Политическая цель операции была определена Фрунзе как «революционная братская помощь бухарскому народу в его борьбе с деспотией бухарского самодержца». Начало операции назначалось в ночь с 28 на 29 августа.

Бухарские коммунисты и младобухарцы организовали Бухарский революционный совет, который 28 августа в ходе восстания был реорганизован во временный революционный комитет (ВРК). Председателями Бухарского ВРК в период 29 августа – 2 сентября был Сардар Бяшим, а 2–14 сентября – Ахмеджан Абдусаидов. 27 августа вооруженные дружины Бухарской компартии, поддержанные отрядами Чарджуйской группы, начали восстание в старом Чарджуе, вступив в бой с отрядами местного бека. 28 августа к Фрунзе прибыли уполномоченные лица восставших, которые, как и планировалось, обратились к РСФСР с просьбой поддержать бухарскую «революцию» и начать военные действия против эмира⁸.

Чарджуйская группа должна была оказать содействие бухарским повстанцам по овладению г. Старым Чарджуем, а затем захватить переправы Нарызым и Бурдалык через р. Амударью, чтобы перехватить всех беглецов, в том числе эмира и членов правительства, если бы они попытались спастись бегством по этим путям в Афганистан. 29 августа началось советское наступ-

ление. 31 августа авиаотряды Туркфронта сбросили на Бухару более 200 бомб. Возможно, прояви бухарский эмир выдержку, ему бы удалось удержать Бухару еще какое-то время. Но, именно в тот день, эмир Алим-хан, опасаясь собственного пленения, вместе с казной, под охраной отряда в тысячу всадников бежал из Бухары в сторону Гиджувана. Для защитников Бухары это был сильный моральный удар, ослабивший оборону. 2 сентября Старая Бухара была взята. В тот же день Фрунзе послал Ленину телеграмму, в которой говорилось: «Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом соединенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над Регистаном победно развевается красное знамя мировой революции. Амир с остатками приверженцев бежал...»⁹.

Эмиру вместе с правительством и охраной удалось уйти в Восточную Бухару, где он укрепился сначала в Байсуне, а затем в Душанбе. В Бухаре 2 сентября была провозглашена Бухарская народная советская республика. В ноябре 1920 года БНСР заключила с РСФСР договор о военной взаимопомощи, что дало возможность частям Красной Армии остаться на территории новой республики.

Российский исследователь А. Арапов так оценивает взятие Бухары Красной Армией: «Штурм Бухары стал устрашающей “демонстрацией силы” российской регулярной армии, шок от которой имел долговременные последствия. Крупнейший город Центр Азии испытал тотальную атаку с использованием новейших военно-технических средств начала XX в. В результате артиллерийских и авиационных ударов большая часть строений цитадели Арк была разрушена. Seriously пострадал исторический центр Бухары, включая окружающие его базары и жилые кварталы. Тысячелетний символ Бухары минарет Калян получил множество выбоин, у него была обрушена часть фонаря. Бухара и Карши были охвачены пожарами “неслышанной силы”: “горели дворцы, важнейшие базары, крупнейшие склады, погибло громадное количество продовольственных запасов хлеба, сотни тысяч пудов

сахара, чая, красок, ковров, шелка и т. д.». Убытки от пожаров только по Бухаре оценивались в десятки миллионов рублей»¹⁰.

С Араповым солидарен таджикский историк Камолудин Абдуллаев. Он подчеркивает, что эмир Алим-хан пытался достичь мира с Советской Россией: «Стремясь наладить отношения между государствами, эмир в июне 1920 г. отправил посольство в Москву для возобновления и подписания договора с Россией. В самой Бухаре проходили переговоры уполномоченного Наркоминдела Гопнера с эмиром и его правительством. Тем не менее, весь июнь и июль в Каган стягивались советские войска. Зная, что Россия привлекает на свою сторону джадидов (младобухарцев. – *Авт.*), эмирское правительство сделало и им шаг навстречу. Правители Бухары послали джадидам в Каган баранов и риса в надежде, что те одумаются и придут к эмиру каяться. Успокоенные, эмирские министры отпустили солдат в увольнение». А вот как он описывает падение Бухары: «Все, кто мог передвигаться покинул город. Много люда собралось в Ситораи Мохи Хоса, поближе к эмиру. Выслушав доклад афганцев о сдаче города, эмир, по словам очевидца, глубоко вздохнул и сказал: “Такова судьба. Делать нечего, надо бежать”. Алим Хан и его приближенные разместились в 6–7 фаэтонах. Воздев руки к небу, все присутствующие попросили у Бога удачи. Как вспоминал Балджуони, «тысячи людей, не выдержав, начали стонать и плакать. Дочери, матери, сыновья и отцы, не стесняясь друг друга, кричали: “вой шариат”, “вой дини ислом”! (“о, шариат”, “о исламская религия”). Это было сильнейшее психологическое потрясение. Падение эмира в массовом представлении явилось сильнейшим ударом по самой исламской религии. Тот день запомнился бухарцам не только как “рузи фирок”, но и как “киемати асгар” (малый конец света). В тот же день, следуя примеру правителя, тысячи конных, пеших, военных и гражданских отправились прочь от города. Премьер-министр Низамеддин Дивонбеги (Мирзо Урганджи) с несколькими тысячами аскаров 1 сентября из Ситораи Мохи Хоса через ворота Каракул вошел в город с “джихадом”, но потерпел поражение и отступил на юго-восток, вслед за эмиром»¹¹.

К. Абдуллаев отмечает опереточный характер Бухарской народной советской республики: «Сразу после победы революционный комитет провозгласил Бухару “независимой Бухарской Советской Республикой”. Однако очень скоро бухарские революционеры убедились, что с независимостью все не так просто. В Бухару был направлен ленинец В.В. Куйбышев, в качестве представителя РСФСР при правительстве Бухары и уполномоченного ЦК РКП(б) и Коминтерна при ЦК КП Бухары. Он вел «тонкую» политику, соблюдая внешнее уважение и признание суверенитета новой советской республики. Однако на деле Москва взяла бухарские дела под свой жесткий контроль. Вскоре были сформированы органы власти, куда вошли бухарские коммунисты и младобухарцы. Всебухарский революционный комитет возглавил сын бухарского богача, противника эмира Абдукадыр Мухиддинов, правительство – Файзулла Ходжаев (Файзулла Ходжа). В начале октября в Бухаре был собран Всебухарский курултай (съезд) народных представителей, на котором была провозглашена Бухарская Народная Советская Республика (БНСР). Вновь образованная республика обратилась к богатым бухарцам помочь правительству. На призыв откликнулись богатейшие бухарские фамилии, в первую очередь Ходжаевы. Представители этой фамилии – Файзулла Ходжа, и его двоюродные братья Ата Ходжа и Усман Ходжа вошли в высшее руководство молодой Советской республики (последний позже, в 1922 г. перейдет на сторону басмачей и эмигрирует)»¹².

Абдуллаев также пишет о попытках эмира добиться интервенции Англии. В феврале 1921 года королю Англии Георгу V поступило письмо от эмира Бухары, где тот просил: «Я надеюсь, что в этот трудный час Ваше Величество окажет мне свою доброту и благосклонность и отправит мне в качестве дружеской поддержки 100 000 фунтов стерлингов в счет государственного долга, 20 тысяч ружей, 30 орудий с боеприпасами и 10 аэропланов с необходимым оснащением. Если оказанию помощи вы предпочтете связаться с русскими, чтобы бороться против них, я буду признателен, если 2 тысячи вооруженных солдат будут посланы мне срочно через Каратегин».

Как пишет Абдуллаев, «это была мольба о помощи. Она давала Великобритании формальный повод для интервенции. Речь, по сути, шла о крупномасштабной военной операции с индийской территории, чреватой развязыванием войны с Советской Россией. Лондон был, разумеется, встревожен вторжением Красной Армии в пределы Бухарского эмирата. Появление российских полков на Памире и в Дарвазе, означавшее замыкание большевистского фронта на самых подступах к британской империи объективно укрепляло большевистские позиции в регионе и открывало благоприятные перспективы для дальнейшей экспансии революционных войск на восток. Тем не менее, Британия воздержалась от прямого вмешательства в дела Бухары.

Чиновники индийского правительства рассуждали следующим образом:

“Нас выгнали из Кавказа, Персии. Вероятно, придется уходить и из Багдада... В Афганистане мы удерживаемся с большим трудом. У нас нет времени для еще одной авантюры в Средней Азии”¹³.

На руку Советской России играло то, что британские позиции в Южной и Юго-Западной Азии значительно ослабли после поражения в 1919 года в Третей англо-афганской войне. Рост национально-освободительного движения в Индии заставлял британские власти думать, как удержать эту наиболее важную часть империи, а отнюдь не о том, чтобы посылать войска, которых и так не хватало, на помощь Хиве и Бухаре.

Как справедливо отмечает А. Арапов, «по своим политическим формам новое бухарское государство подражало РСФСР – являлось Народной Советской Республикой (БНСР), декларирующей народовластие через Советы. Конечно, это была политическая “псевдоморфоza”, советизация Бухары оставалась мифом на протяжении всего периода существования БНСР. Тем не менее, Бухарская Республика не входила в Российскую Федерацию и была суверенным государством. В сентябре 1921 года была принята Конституция БНСР, которая в сравнении с Конституцией РСФСР 1918 года более соответствовала мировым демократическим стандартам. В ней отсутствовало положение о диктатуре

пролетариата, сохранялась частная собственность и право её наследования. Отменялись ограничения в отношении частного владения и распоряжения капиталом, свободного занятия промышленностью. Правом избирать и быть избранным наделялись все граждане, в т. ч. капиталисты, торговцы и землевладельцы. Отражением мусульманской специфики Бухары стало то обстоятельство, что судебные функции в БНСР исполнялись на основе шариата народные суды казиев.

Однако сам характер бухарской “революции” определил силу и слабость новой Республики, запрограммировав ее будущее. Она произошла при помощи красных российских штыков и не могла без них существовать. Уже с первых дней БНСР столкнулась с вооруженным сопротивлением, организованным свергнутым амиром. К декабрю 1920 года ему удалось восстановить свое влияние в Восточной Бухаре и создать военные отряды численностью до 15 тыс. человек. Антисоветские мятежи были подняты сторонниками амира в Шахрисябзе, Китабе, Яккабаге, Чиракчи. Поскольку было ясно, что без участия российской Красной Армии Бухарская Республика погибнет, то БНСР подписала с РСФСР соглашение, сохранившее присутствие российских военных сил на территории Бухары. На основании его в конце 1920-начале 1921 года была организована российская Гиссарская военная экспедиция, разгромившая отряды Сайида Алим-хана в Восточной Бухаре, и, изгнавшая его самого в Афганистан. Сначала Алим-хан остановился в Ханабаде, а в мае 1921 года прибыл в Кабул, где находился в статусе почетного пленника и получал содержание от афганского правительства. В результате этой военной операции власть БНСР распространилась на всю территорию бывшего эмирата. В августе 1921 года по просьбе бухарского руководства Гиссарский экспедиционный отряд был выведен с территории Восточной Бухары. Однако это не остановило антисоветского басмаческого движения, имевшего такого лидера как Ибрагим-бек, назначенного амиром «главнокомандующим войсками ислама», противодействующего новой власти и защищающего старые порядки. Поэтому на территории Восточной Бухары для противовеса басмаческим

отрядам были оставлены небольшие гарнизоны российской Красной Армии»¹⁴.

В БСНР и ХНСР избирательных прав были лишены только крупные землевладельцы, за частью «эксплуататорских классов» они были сохранены. Сохранилась частная собственность на землю, основные орудия и средства производства. М. Калишевский отмечает: «Однако в 1920 году в Туркестане началось проведение земельно-водной реформы, в результате которой было ликвидировано крупное землевладение и часть среднего. Продовольствия стало не хватать, и в 1920 году власти распространили на Туркестан продразверстку. Хотя она и имела здесь менее тяжелый характер, чем в России, но все же вызвала сильное недовольство и укрепило позиции антисоветских сил – так называемых “басмачей”. Да и в целом советская власть, установленная насильственным путем, была принята далеко не всеми слоями местного населения»¹⁵.

Окончательный крах суверенитету БНСР, как считает Арапов, положило пантюркское движение в Восточной Бухаре во главе с бывшим военным министром Турции Энвер-пашей. Но еще до этого, в 1921 году ряд руководителей БНСР, включая председателя ЦИК Усманходжу Пулатходжаева, перешел на сторону басмачей. Руководство БНСР вынуждено было обратиться за помощью к Красной Армии и дистанцироваться от своих руководителей, которые добивались вывода советских войск. 2 февраля 1922 года Бухарская Компартия вошла в состав РКП(б), что фактически означало установление полного контроля Москвы над правительством Бухары. Убийство Энвер-паши 4 августа 1921 года и разгром его отрядов, чему способствовало прекращение помощи из Афганистана, означали завершение в основном советизации Бухарского эмирата, хотя басмаческое движение здесь продолжалось еще многие годы¹⁶.

30 октября 1923 была преобразована в Хорезмскую Социалистическую Советскую Республику. Это завершило формальный процесс ее советизации. 5-й Всебухарский курултай Советов 19 сентября 1924 года принял решение о преобразовании БНСР в Бухарскую Советскую Социалистическую Республику. Этим был

завершен процесс советизации Бухары. Формально в состав СССР территории Хивы и Бухары вошли в 1924 году, входе проведения национально-территориального размежевания в Средней Азии. 14 октября 1924 года ЦИК СССР принял постановление, которым учреждалась новая национально-государственная организация Средней Азии по языково-этническим критериям. Территория Хивы вошла в состав Туркмении и Узбекистана, а территория Бухары – в состав Узбекистана, Киргизии и Таджикистана.

Слабость феодальных монархий Хивы и Бухары, раскол местных элит на джадидов-реформаторов и сторонников сохранения традиционных феодальных порядков значительно облегчили советизацию Хивы и Бухары. При этом практически ни один из младобухарцев и младохивинцев, занявших руководящие посты в компартиях Средней Азии, не пережил Большого террора 1937–1938 годов. Как российские историки, так и историки государств Центральной Азии согласны друг с другом в том, что захват Хивы и Бухары был нарушением международного права и продолжением Советской Россией имперской политики. В то же время, отмечается определенный прогресс, который обеспечили Средней Азии ликвидация архаичных феодальных порядков и капиталовложения из Москвы.

5 августа 1919 года, т. е. сразу после получения известий о падении Венгерской советской республики, председатель Реввоенсовета РСФСР Л.Д. Троцкий пишет и направляет в ЦК РКП(б) секретный меморандум, в котором поднимает вопрос о необходимости переориентировать внешнюю революционную активность Советской России на Восток, поскольку, по его мнению, «время теперь такое, что большие события на Западе могут нагрянуть нескоро», так как «инкубационный подготовительный период революции на Западе может длиться еще весьма значительное время». Учитывая изменившуюся международную ситуацию и полагая, что «на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской (политики)», он призывал партийно-государственное руководство республики «стать лицом к Востоку», ибо «дорога на Индию может оказаться для нас в дан-

ный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию». Поэтому необходимо поддержать план «создания конного корпуса (30–40 тыс. всадников) с расчетом бросить его на Индию», который, по его словам, предложил «один серьезный военный работник»¹⁷.

Но 4 июня 1920 года, еще до поражения Красной Армии под Варшавой Троцкий, как отмечает М.А. Персиц, пересмотрел свои взгляды по поводу возможности «советизации» Востока, считая, что Красная Армия должна здесь служить угрозой, но интервенции предпринимать не должна, чтобы избежать столкновения с Англией. Однако Ленин в тот момент считал экспорт революции на красноармейских штыках делом вполне оправданным и возможным, надеясь на скорое поражение Польши¹⁸.

Как отмечает российский историк М.А. Персиц, создававшиеся с помощью Москвы коммунистические партии Востока «формировались и воспитывались в России, на советские деньги, под пристальным руководством РКП(б), по ее образу и подобию, как целеустремленные и действенные инструменты экспорта социалистической революции в свои страны»¹⁹.

Для революционирования Востока имелся определенный людской потенциал. К 1917 году в России находилось более миллиона подданных Китая, Персии, Кореи, Турции, находившихся тут на заработках. Из этих людей вербовались кадры новых компартий Востока. В зоне политики советизации на Востоке оказались страны, так или иначе зависевшие до революции от Российской империи.

Советская интервенция в Иране была одной из первых попыток революционизировать Восток. В советской историографии пребывание частей Красной Армии в иранской провинции Гилян представлялось не только как исключительное благо для местного населения, но и как результат самостоятельных действий всего одного человека – командующего Волжско-Каспийской флотилией Ф.Ф. Раскольников. Теперь же среди российских историков преобладает мнение, что «гилянская революция – это неудавшаяся попытка большевиков и руководимой ими группы первых коммунистов Ирана насильственно, с помощью вооруженной ин-

тервенции, перевести национально-освободительное движение Гиляна на рельсы социалистической революции с перспективой советизации всей Персии»²⁰.

В январе 1920 года начались подготовительные мероприятия для интервенции в Персии. 25 января командующий Туркфронтом М.В. Фрунзе просил Троцкого ускорить высылку оружия для фронта, так как вскоре «предстоят значительные расходы в связи с организацией революционных войск на территории Персии и Индии». 11 марта по приказу Советского правительства последовало официальное обращение к Туркфронту Совета интернациональной пропаганды, размещавшегося в Ташкенте, за подписями его председателя – руководителя первых турецких коммунистов в России М. Субхи и заведующего Орготделом того же Совета Султан-Заде, возглавлявшего организацию персидских коммунистов «Адалет» на Кавказе и в Туркестане. Они просили «разрешить формирование в Средней Азии персидских войсковых частей из иранских рабочих», которые должны были стать основой будущей Персидской Красной Армии». Просьба мотивировалась отсутствием в Персии промышленного пролетариата, в связи с чем иранским коммунистам не на кого опереться, кроме как на советские войска. И, если таковые, в 20–30 тысяч человек, им предоставят, то «трудовой народ Персии не только будет избавлен от английских империалистов, но раз и навсегда будет освобожден от собственных эксплуататоров... и войдет в братскую семью советских республик»²¹. Численность Персидской красной армии не превышала 1,7 тыс. человек. Поэтому для советизации Ирана требовалось участие советской Красной Армии и флота. Энзелийская операция по оккупации персидского побережья Каспия была проведена с санкции Ленина, данной 28 марта 1920 года, и осуществлялась как преследование белых войск (в Энзели был интернирован флот Деникина). Точно так же, в ходе преследования белогвардейских войск, осуществлялась позднее, в 1921 году, советизация Монголии и Тувы. М.А. Персиц, исходя из того, что российский НКВД с опозданием ответил на предложение Персии вернуть весь российский и азербайджанский флот и никак при этом не отреагировал на это предложение, делает вывод,

что возвращение флота было отнюдь не главной целью Энзелийской операции в мае 1920 года²². Он приводит слова вождя гиланских повстанцев Кучек-хана, который в январе 1921 года в беседе с советским агентом отметил, что революционеры Ирана «после низвержения царского режима в России», и «объявления социалистической республики... глубоко... надеялись на русских социалистов как на братскую революционную опору..., с помощью которых нам чудилось окончательное освобождение от второго [после царизма] нашего страшного врага – Англии... Еще до прихода большевиков в Азербайджан, [находившегося тогда под властью мусаватистов] я стремился войти с ними в связь для успешности борьбы против англичан и отправил для этой цели... одного члена нашей организации к большевикам»²³.

По мнению российского историка А.Б. Широкограда, «нарком иностранных дел Чичерин предложил хитрый ход – считать высадку в Энзели личной инициативой Раскольниковца, а в случае осложнений с Англией «повесить на него всех собак», вплоть до объявления его мятежником и пиратом». Тот же историк указывает, что уже 1 мая 1920 г. командующий морскими силами Советской России А.В. Немитц отдал Раскольникову приказ занять Энзели, и этот приказ был согласован с Лениным и Троцким²⁴.

Соответствующие документы делают полностью несостоятельной советскую версию о каких-либо местных инициативах в оккупации иранской территории.

Для прикрытия политических целей Энзелийской операции 23 мая НКВД обратился к Тегерану с нотой, в которой утверждал, что Раскольников предпринял энзелийскую операцию по собственной инициативе «без распоряжения о том» центральной власти РСФСР и, что «о совершившихся в Энзели фактах Российское советское правительство было поставлено в известность лишь после того, как означенная операция была доведена до конца»²⁵. Намерение же остаться в Энзели и после того, как флот белых и военное имущество были оттуда вывезены, Раскольников мотивировал восторженным приемом, который оказало советским морякам местное население. Троцкий, Карахан и другие советские руководители подчеркивали, что советское вмешательст-

во в Персии должно быть тайным, чтобы не дать Англии повода для открытия военных действий. Поэтому советские военнотружущие действовали под видом добровольцев в войсках Кучек-хана, на три четверти состоявших из красноармейцев. Кроме того, у Кучек-хана были советские политические инструкторы, помогавшие создавать советские органы власти, в том числе подобие ЧК²⁶.

В то же время, между коммунистами Персии и Кучук-ханом сохранялись противоречия, и в Гиляне фактически сохранялось двоевластие между Совнаркомом, который возглавлял Кучек-хан, и Реввоенсовета, где преобладали иранские коммунисты, подрывавшие своими репрессиями основную базу Кучек-хана, национальную буржуазию. 31 июля 1920 года коммунисты при советской поддержке совершили переворот²⁷. После переворота, по словам заведующего советским информбюро в Персии В.Г. Гардова, гилянкой экспедиции был придан характер «Советско-империалистического предприятия»²⁸. Раскол среди персидских революционеров способствовал поражению персидской армии в боях с казачьей персидской дивизией – единственной боеспособной дивизии армии шаха, созданной русскими казаками. Несмотря на переброску новых советских войск, осуществленную вопреки запрету из Москвы, положение спасти не удалось. 20 сентября 1920 года на Пленуме ЦК РКП(б) обсуждался вопрос, как в дальнейшем советизировать Персию, идти ли быстрым путем радикального усиления происходящей интервенции и вооруженного свержения шаха, или использовать средствами длительного и мирного воздействия на Иран. В последнем случае предусматривался вывод советских войск и установление дружественных отношений с шахским правительством, но при одновременной поддержке внутренних национально-демократических и особенно коммунистических сил в Персии и при обязательном сохранении за РСФСР военного плацдарма в Энзели. Предложивший оба эти варианта действий заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан в письме, адресованном Пленуму ЦК, отмечал, что приходится ставить «общий вопрос о нашей политике в Персии на ближайший период» поскольку произошел

«развал советского правительства [в Гиляне].., отступление от Решта и угроза быть выбитыми вооруженными англо-персидскими силами из Персии при равнодушии и враждебном настроении персов». Называя свержение Кучек-хана Персидской Красной армией проявлением «политических ошибок и политических бестактностей», Карахан констатировал, что «дело революции в Гилянской провинции (Энзели и Решт) сильно скомпрометировано» тем, что «участие [советских граждан] в революции... и хозяйничание их как в завоеванной стране очень быстро вооружило против нас все население, ослабило [его] враждебное отношение к англичанам, а торговые круги даже бросило [в их объятия]».

Рассматривая, тем не менее, Персию как страну почти уже на грани возможной советизации, Карахан пишет: «Терять сейчас Персию и предоставить ее англичанам было бы серьезным ударом нам... (как признак нашей слабости)». Карахан предлагал усилить советские войска в Энзели «экспедиционным корпусом в 8–10 тысяч человек, что обеспечивает нам вполне занятие Тегерана, свержение шахского правительства и совершенно достаточно для дальнейшей борьбы и совершенного изгнания англичан из Персии». Далее «в Тегеране образуется не коммунистическое, но советского типа правительство, с привлечением в него национал-демократических элементов. Политика этого правительства строила бы свои расчеты на крестьянстве, в то же время не затрагивая интересов (до поры, до времени) торгового капитала». Как подчеркивает М.А. Персиц, «этот рецепт Карахана стал классическим. Он вполне сохранил свою действенность, особенно в послевоенный период в Европе и Азии»²⁹. В случае же реализации «мирного» варианта Карахан предлагал заключить «с шахским правительством дружественный договор, преследующий агитационно-пропагандистские цели (отказ от царских договоров, концессий, привилегий и возвращения награбленных земель и имущества)», чтобы использовать в дальнейшем Персию в антибританских целях. Сам Карахан стоял за военный вариант благодаря которому, как он думал, мог быть нанесен наиболее сильный удар британским интересам. Но пленум ЦК выступил за переговоры с шахским правительством, хотя войска из Энзели пока

уводить не стал. В дальнейшем Москва пыталась убедить Тегеран, что в Гиляне остаются не российские, а азербайджанские войска. Однако нарком Г. Чичерин получил из Лондона от иранского посланника в Англии Гафар-хана ноту, датированную 7 сентября 1920 года. В ней «с прискорбием» сообщалось, что войска персидского правительства, направленные в Гилян, «чтобы подавить восстание», захватили в плен труппу солдат, среди которых обнаружили бойца 244 полка 28 дивизии Красной армии Михаила Шутова из Ставрополя. При допросе он сообщил, что «его полк, состоящий из 800 русских, пришел из Баку на судах и был высажен в Энзели. Комсостав весь русский», командир полка Шонин, в ноте с сожалением отмечалось, что этот «неприятный инцидент» произошел в то время, когда чрезвычайный посланник персидского правительства «собирается вести переговоры с советским правительством в Москве с целью разрешить все текущие вопросы и установить дружественные отношения между двумя государствами»³⁰.

Персиц считал главной ошибкой Москвы отстранение от власти популярного в Персии Кучек-хана и ставку на левацки настроенных руководителей иранских коммунистов³¹. Но, как нам представляется, даже в этом случае шансов на свержение шаха не было, поскольку популярность Кучек-хана ограничивалась Иранским Азербайджаном.

После подписания в феврале и ратификации в марте 1921 года советской стороной советско-персидского договора об установлении дружественных отношений комиссия Политбюро 17 мая рекомендовала вывести войска из Гиляна, поскольку «оккупационные войска в Энзели и Реште, [в основном из азербайджанцев и персов] находятся в состоянии великого разложения и небоеспособны. Их дальнейшее присутствие там не служит гарантией от наступления англичан.» К тому же, «удаление наших частей из Персии направит всю ненависть народных масс против иностранцев исключительно на англичан и сделает их положение в Персии гораздо более трудным». Главное же, без эвакуации советских частей «нам невозможно освободиться от связавшихся с нашими частями групп Эхсануллы-хана и других, которые по до-

говору должны быть ликвидированы». Вопрос об эвакуации советских войск использовался для того, чтобы добиться от Персии заключения Советско-персидского договора на выгодных для Москвы условиях. Полностью их вывели только тогда, когда 15 декабря 1921 года персидский меджлис наконец ратифицировал этот договор, в котором Москве удалось добиться сохранения за Россией рыболовной концессии. Англичане же вывели войска еще в начале июня 1921 г., после чего весь гнев местных жителей обратился на советские войска³². Советские войска ранее совместно с персидской Красной Армией пытались организовать поход на Тегеран, но потерпели неудачу.

Как признает М.А. Персиц, «к концу шло и само долголетнее (с 1914 г.) освободительное движение Гиляна, с 1918 г. направлявшее удар против Англии и шаха. Отказавшись уже с 6 мая 1921 года быть простым прикрытием советской интервенции, оно лишилось материальной поддержки России, ибо большевики хотели советизации Персии, а не только ее избавления от шаха и английского диктата. Затруднилось и финансовое положение Ревкома. Крупные торгово-помещичьи элементы, прежде поддерживавшие Кучек-хана, давно ушли из Гиляна, а оставшиеся мелкобуржуазные не слишком и могли раскошелиться. Значительно охладело к революционерам население. Оно устало от постоев и насилий интервентов и повстанческих властей, разуверилось в возможностях изнурительной и бесплодной революционной борьбы. На этом фоне возник разлад в среде гилянских вождей, который перерос затем в кровавую распрю между ними и закончился физическим или политическим уничтожением всех действовавших в драме лиц»³³.

Проанализировав всю историю «гилянской революции» 1920–1921 годов по советским документам, М.А. Персиц подчеркивает, что в этих документах слово «интервенция» практически не употреблялось, хотя по сути действия Советской России были именно интервенцией, и все участники событий это прекрасно понимали³⁴. Точно так же ни в советской печати, ни в самых секретных документах слово «интервенция» никогда не употребля-

лось в связи с вводом советских войск в Венгрию в 1956 г., в Чехословакию в 1968 г. и в Афганистан в 1979 г.

А.Б. Широкоград следующим образом рассуждает о правовых основаниях ввода советских войск и флота на персидскую территорию: «Ситуация с белой флотилией, стоявшей в Энзели, была очень сложной в правовом отношении. С одной стороны, Персия – формально независимое государство, придерживавшееся формального и фактического нейтралитета в Гражданской войне в России. Белые суда, пришедшие в Энзели, были интернированы в полном соответствии с международным правом. К примеру, точно так же были интернированы в китайских портах несколько русских кораблей в 1904–1905 годах, и японцы их не посмели тронуть.

Но, с другой стороны, большинство судов, ушедших в Энзели, раньше были танкерами, и они были более чем необходимы для перевозки нефти из Баку в Астрахань. Не было никакой гарантии, что белые суда в нужный момент не будут вооружены и не начнут крейсерские операции на Каспии. Наконец, согласно Туркманчайскому миру (от 10 февраля 1828 года), Персия вообще не имела право содержать на Каспии военный флот. В начале XX века было несколько прецедентов – высадок русских десантов в Энзели»³⁵. Фактически историк считает достаточным оправданием для интервенции нужду Советской России в нефтеналивном флоте, а также состояние зависимости Ирана от царской России, наследником которой в данном случае выступала Советская Россия. В то же время, А.Б. Широкоград приводит цитату из газеты «Таймс», которая 7 мая 1920 года сообщала: «Страна открыта большевизму, весь английский престиж теперь поставлен на карту, захват персидского порта Энзели является громадной угрозой, которая может заронить искру в легко воспламеняющийся материал, рассеянный по всему Среднему Востоку». Он утверждает, что «британское правительство не рискнуло вступить в вооруженный конфликт с Советской Россией»³⁶. Но это не совсем так. Хотя непосредственно британские войска с советскими войсками не сражались, но они поставляли шахским войскам оружие, и имели там своих инструкторов. Широкоград ограничивается ана-

лизом собственно Энзелийской операции, а в дальнейшем описывает действия флотилии лишь против «банд мусаватистов» на азербайджанском побережье, равно как и против русских крестьян-повстанцев в устье Волги, но ничего не говорит о боевых действиях против персидских правительственных войск и о Персидской Красной армии.

Советизация Монголии, с 1913 года находившейся под протекторатом Российской империи, происходила параллельно с борьбой Красной Армии с отступившими на монгольскую территорию отрядами белогвардейцев, ранее подчинявшихся адмиралу А.В. Колчаку. Крупнейшим из них была Азиатская дивизия генерала барона Р.А. Унгерна-Штернберга, в рядах которой были бурятские и монгольские отряды. 4 февраля 1921 года унгерновцы выбили китайцев из Урги.

Еще до окончания гражданской войны Советское правительство думало о восстановлении своего влияния в Монголии. В марте 1920 года на съезде в Иркутске была создана Монгольская народно-революционная партия. Она объединила две марксистские группы, действовавшие в стране, одну под руководством Дамдина Сухэ-Батора и Солийна Данзана и вторую, возглавляемую Хорлогийном Чойбалсаном и Догсомыном Бодоо. В марте 1921 года в Кяхте, занятой советскими войсками, состоялся 1-й съезд МНРП и Народное Временное правительство Монголии³⁷.

Действия белых с территории Монголии против Дальневосточной Республики дали повод для вторжения Красной Армии в Монголию. Уже 6 июля 1921 года советские войска взяли столицу Монголии Ургу (ныне Улан-Батор). Советский дипломат А.А. Иоффе писал Ленину, Троцкому, Зиновьеву и Сталину в конце 1921 года: «Советизация Монголии не явилась результатом последовательного, продуманного и организованного плана. Если бы в Монголии не было Унгерна и наши товарищи там не поспешили бы, мы также не советизировали бы Монголию, как не советизировали Восточный Туркестан, несмотря на то, что там также был Бакич. Чичерин не оказал должного отпора местному головатяпству»³⁸. Советские войска передали власть народному правительству красных монголов во главе с Сухэ-батаром. Фор-

мально сохранялась власть Богдо-гэгэна – теократическая конституционная монархия, и только после смерти Богдо-гэгэна в 1924 г. Монголия была провозглашена народной республикой. Однако фактически никаких властных полномочий с июля 1921 г. Богдо-гэгэн не имел. Они принадлежали руководству МРНП и советским советникам.

Наиболее подробно на проблеме советизации остановился С.Л. Кузьмин в своей биографии барона Унгерна. Он полагает, что советизация Монголии гарантировала ее независимость от Китая, хотя основы независимости заложил Унгерн, разбив китайские войска на монгольской территории. Являясь убежденным монархистом, Кузьмин винит большевиков в разрушении традиционной теократической системы правления и традиционной культуры. Он утверждает: «Временное народное правительство старалось легитимировать свои действия указами Богдо-гэгэна, а затем заставило его «добровольно» отказаться от государственной власти. Эти шаги не были легитимными. Курс на уничтожение феодализма, монархии и буддизма в Монголии был навязан иностранной силой через Коминтерн и МНРП. Во времена Унгерна Богдо-гэгэн VIII и его правительство самостоятельно правили страной, а барон только влиял на правительственные решения. Теперь же ситуация изменилась: политику, общественное устройство, идеологию и экономику страны определяли большевики, а народное правительство Монголии лишь влияло на их решения и определяло «монгольскую специфику» построения социализма. Но в одном курсе всех монгольских руководителей оставался постоянным: страна должна быть независимой от Китая»³⁹. Кузьмин также обращает внимание на то, что во время революции 1921 года погибло 2 тыс. человек, а во время китайской оккупации 1919–1920 годов – 17 тыс. человек, в том числе 15 тыс. – от голода. В то же время, в ходе восстания против красных в 1932 году погибло 3 тыс. человек, а в ходе коммунистических репрессий 1928–1952 годов – 50 тыс. человек⁴⁰.

Взгляды Кузьмина близки взглядам современных монгольских историков, которые считают, что Коминтерн навязал Монголии свою волю и внедрил на монгольскую почву чуждую монголам

политическую и идеологическую модель⁴¹. Монгольский историк Б. Лхамсурэн справедливо отмечает, что Советская Россия унаследовала многое от царской России в своем отношении к Монголии, добавив только специфические задачи революционно-классового характера. Народную революцию 1921 года этот историк определяет как новый этап в борьбе за независимость, признавая в то же время двойственность и неполноту суверенитета МНР, ее полную зависимость от Советского Союза⁴². По мнению монгольского историка Д. Дашпурева, «советско-монгольские связи представляли собой случай несчастливого брака; но, как это часто случается, это было полезно и для СССР, и для Монголии»⁴³. Другой монгольский историк, Б. Баабар, полагает, что в 1921 году Монголия стала «марионеточным государством» Москвы⁴⁴.

Советизация Урянхайского края, который, формально являясь, как и Монголия, являясь территорией Китая, с 1914 года находился под протекторатом Российской империи, началась 18 июля 1919 года, когда партизаны Баджейской Советской Республики, под натиском колчаковских войск отступившие в Урянхайский край, захватили его столицу Белоцарск (ныне Кызыл). В июне 1921 года на западе Урянхайского края в г. Чадан урянхайские революционеры заявили о стремлении к независимости края при поддержке Советской России. 13–16 августа 1921 года в селе Суг-Бажы прошёл Всетувинский учредительный хурал провозгласил создание нового государства под покровительством Советской России. В декларации хурала говорилось: «Народная Республика Тану-Тува является свободным, ни от кого не зависящим в своих внутренних делах государством свободного народа, в международных же отношениях Республика Тану-Тува действует под покровительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Однако Сиббюро РКП(б) не поддерживало в тот момент линию Москвы в Урянхайском крае. В посланной 1 сентября 1921 года в Кызыл телеграмме говорилось: «Сиббюро ЦК РКП получена от Вас телеграмма о том, что Урянхай на своем съезде провозгласил свою государственную необходимость, фактически край остается под протекторатом Советской

России. Сиббюро ЦК РКП считает нужным указать, что оно не разделяет той линии, которую, по-видимому, Вы проводите в Урянхае. Установление протектората Совроссии над Урянхаем будет большой политической ошибкой и вскоре испортит наши отношения с Монголией. С нашей точки зрения, Урянхай должен входить на широких автономных началах в состав Монголии». В относящемся к тому же времени секретном Информационно-политическом письме № 1 Сибревкома и Сиббюро РКП(б) говорилось: «Населяющие этот край сойоты относятся антогонистически к монголам /и китайцам/, рассматривая их как пришельцев завоевателей ... Сиббюро поэтому считало, что политика в Урянхайском вопросе должна быть такой: Советская Россия не покушается на Китайский суверенитет в Монголии и на суверенитет Автономной народно-революционной Монголии в Урянхкрае: Монголия входит в состав Китая на федеративных началах, а Урянхкрай – на широких автономных началах в состав Монголии... По последним сведениям ЦК и Наркоминдел полностью одобрили линию Сиббюро»⁴⁵. Судя по всему, конфликт был также между НКИДом, который не хотел восстанавливать протекторат России над Урянхайским краем, и партийными лидерами, которые готовы были пойти на это под видом эфемерной независимости Тувы.

Главой правительства Тувы стал Монгуш Буян-Бадьргы, приемный сын влиятельного нойона Хайдыпа. Он считается основателем тувинской государственности. В 1929 году в рамках кампании борьбы с буддизмом его арестовали, а в 1932 году расстреляли по обвинению в «контрреволюционных бандитско-грабительских» действиях. Его реабилитировали только в 1994 году Буян-Бадьргы является одним из культовых героев современной Тывы. У власти была поставлена созданная в конце 1921 года Тувинская Народно-Революционная партия, первый съезд которой прошел только в марте 1922 года. Она находилась под полным контролем Москвы и Коминтерна. В 1924 года независимость Тувы признал СССР, а в 1926 году – Монголия. Такая задержка с признанием независимости была связана с развитием советско-китайских отношений, поскольку на Туву претендовал Китай, в том числе и

революционное правительство Сунь Ятсена и его преемника Чан-Кайши.

Российский историк В.Г. Дацышен уличает индийского историка Шарада К. Сони в том, что он ошибочно относит время признания Тувы Москвой к 1921 году⁴⁶. Возражая индийскому историку, Дацышен утверждает: «Нахождение Тувы в составе российской Сибири является результатом не “Большой Игры”, не российско-китайского соперничества, а сложных и противоречивых объективных процессов развития народов Евразии»⁴⁷. Как представляется, дело было все-таки не в объективных процессах развития народов Евразии, а в субъективных спорах в советском руководстве по чисто тактическим вопросам: включать ли Урянхайский край в советскую сферу влияния путем присоединения к Монголии или посредством создания эфемерного независимого Тувинского государства.

В 1923 году, после ликвидации последних белых отрядов, советские войска были выведены из Тувы. Когда в 1924 году вспыхнуло восстание части нойонов и аратов, желавших присоединиться к Монголии, его подавляли главным образом военные формирования русских колонистов (их можно назвать и советскими колонистами, так как они имели советское гражданство), координировавшие свои действия с правительством Тувы. Фактически эти формирования были подконтрольны Москве⁴⁸. Однако все правительственные органы и небольшая армия Тувы находились под полным контролем советских советников. Экономически Тува полностью зависела от Советского Союза, который был ее единственным торговым партнером. В октябре 1944 года Тува стала частью территории СССР на правах Тувинской автономной области по просьбе Малого Хурала ТНР и без проведения референдума.

Современные тувинские исследователи справедливо полагают, что создание ТНР было вовсе не следствием так называемой национально-освободительной революции, а результатом политического развития событий в России после Октябрьской революции. Советское правительство направило через народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина обращение

к тувинскому народу, в котором говорилось: «В настоящее время, когда рабочие и крестьяне России свергли ненавистное деспотическое царское правительство и совершенно отстранили от власти царских чиновников, рабоче-крестьянское правительство России, выражающее волю трудящихся масс, торжественно объявляет, что отнюдь не рассматривает Урянхайский край как свою территорию и никаких видов на него не имеет». Признавая самостоятельность Тувинской Народной Республики, советское правительство гарантировало всестороннюю экономическую и культурную помощь в ее дальнейшем развитии.⁴⁹

Привлечение части буддийской сангхи для государственного управления на первоначальном этапе истории ТНР было не политической ошибкой, как считали некоторые авторы, а весьма продуманной мерой новых властей, руководимых Советской Россией. Ибо она позволила в условиях почти всеобщей неграмотности опереться на образованных лам и создать предпосылки для подготовки новой партийно-государственной элиты из числа «революционно настроенных» тувинских аратов, которые обучались в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) в Москве⁵⁰.

При советизации Монголии и Тувы общим было то, что речь шла о территориях, прежде находившихся под протекторатом Российской империи, причем среди населения обоих территорий резко преобладал буддизм. И Урянхайский край, и Внешняя Монголия прежде были территорией Китайской империи, а Монголия также претендовала на территорию Урянхайского края, поскольку Богдо-гэгэн был духовным лидером и для местных буддистов. поэтому процесс советизации Монголии и Тувы протекал в сложном треугольнике советско-китайских, советско-монгольских и китайско-монгольских отношений. В дипломатических проблемах заключались причины того, что Монголия сохранила свою формальную независимость все время существования СССР, а Тува была присоединена к Советскому Союзу только почти четверть века спустя после провозглашения независимости, в 1944 году.

Подведем итоги. В случае советизации Монголии и Тувы, равно как и при советизации Бухары, Хивы и Персии, российские историки солидарны с местными историками, равно как и с западными исследователями, в том, что советские интервенции, прикрытые лозунгами мировой революции, явно нарушали международное право. Советское правительство в отношении Персии, Хивы, Бухары, Монголии и Тувы фактически продолжало имперскую политику царской России. В Персии последняя делила сферы влияния с Англией, остальные же территории безоговорочно относились к сфере российского влияния. А вот по отношению к советской интервенции в Польше позиция российских историков оказывается двойственной. Большинство из них признают, что поход на Красной Армии на Варшаву был по существу экспортом мировой революции, но оправдывают его тем, что он явился ответом на польскую агрессию – польский поход на Киев в апреле 1920 года. Польские же историки отказываются рассматривать этот поход как агрессию, считая его оборонительной мерой против планировавшегося и частично уже начавшегося наступления советских войск, и считают, что Советская Россия продолжала в отношении Польши прежнюю имперскую политику царской России. Приемы советизации бывших азиатских протекторатов Российской империи, когда у власти в некоторый переходный период оставались представители «народной демократии» (младохивинцы, младобухарцы, часть прежних князей феодалов, как в Монголии и Туве), были использованы позднее при советизации государств Восточной Европе. В то же время, при советизации государств Закавказья, являвшихся прежде неотъемлемой частью Российской империи народно-демократический этап практически отсутствовал. Это объяснялось тем, что к моменту советизации Закавказья белое движение в России было уже в основном было подавлено, а державы Антанты давали ясно понять, что не будут препятствовать продвижению Красной Армии в Закавказье. А вот попытка распространить советский контроль на север Персии встретила значительное британское противодействие и потому закончилась неудачей.

В 1929 году имела место также советская военная интервенция в Афганистане. Однако она не преследовала цели советизации Афганистана. Москва пыталась лишь помочь удержаться на престоле королю Аммануле-хану, против которого началось вооруженное восстание, не пытаясь установить в стране советские порядки. Поэтому вопрос об этой интервенции мы рассмотрим в главе, посвященной советской интервенции в Афганистане в 1979–1989 годах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Калишевский М.* «Хорезмский эксперимент» большевиков // Фергана – международное агентство новостей, 2010, 25 апреля (<http://www.ferghananews.com/article.php?id=6554>)

² *Андреева В.* Несменяемые: К вопросу об эволюции родоплеменной власти, 2003. // <http://www.nomad.com>

³ *Генис В.* «С Бухарой надо кончать...»: К истории бутафорских революций. – М., 2001. С. 27.

⁴ *Булдаков В.П.* Революция, насилие и архаизация массового сознания в гражданской войне: провинциальная специфика // Белая гвардия. Вып. 6. – М.: Посев, 2002. С. 9.

⁵ *Калишевский М.* «Хорезмский эксперимент» большевиков // Фергана – международное агентство новостей, 2010, 25 апреля (<http://www.ferghananews.com/article.php?id=6554>)

⁶ *Пылев А.И.* Политическое положение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в 1917–1920 гг. – СПб.: 2005. С. 173.

⁷ *Бисенбаев А.К.* Другая Центральная Азия. Алматы, 2003 // Бабротекa: Электронная библиотека Бабра (<http://lib.babr.ru/?book=3389>)

⁸ См.: *Тимошков С.П.* Как Красная Армия советизировала Туркестан // Басмачество. Сборник. Под ред. Шумов С. – М.: Эксмо, 2004. Также опубликовано: 2005, 2 сентября // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1125613680>

⁹ М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны: Сборник документов. – М., 1941. С. 330.

¹⁰ *Арапов А.* Бухарская «революция» (1920), 2010, 13 мая // http://memo-gyoffuture.blogspot.com/2010/05/blog-post_13.html

¹¹ *Абдуллаев К.* История в лицах. Последний мангыт (глава из монографии «От Синьцзяна до Хорасана. История среднеазиатской эмиграции 1917–1934 годов»), 2007, 6 августа // <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1186413780>

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ *Арапов А.* «Мы войдем в историю...!» (к политической биография Файзуллы Ходжаева (1896–1938)) // <http://alexarapov.narod.ru/article17.html>

¹⁵ *Калишевский М.* «Хорезмский эксперимент» большевиков // Фергана – международное агентство новостей, 2010, 25 апреля (<http://www.fergananews.com/article.php?id=6554>)

¹⁶ См.: *Пылев А.И.* Энвер-паша и среднеазиатское басмачество: различные интерпретации в исследовательской литературе. 2004, <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=1738>

¹⁷ Родина. 1990. № 10. С. 12–13 (Цит. по: Нежинский Л.Н. Указ. соч. С. 77.

¹⁸ *Персиц М.А.* Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран. 1920–1921 гг. – М.: АИРО-XX, 1996. С. 13. См. также: Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). – М.: Квадрига, 2009.

¹⁹ *Персиц М.А.* Застенчивая интервенция. С. 6.

²⁰ Там же. С. 7.

²¹ Там же. С. 15–16.

²² Там же. С. 17.

²³ Там же. С. 18.

²⁴ *Широкопад А.Б.* Великая речная война. 1918–1920 годы. – М.: Вече, 2006. С. 245–246.

²⁵ Документы внешней политики СССР, М.: Госполитиздат, 1953. Т. II. С. 542–543.

²⁶ *Персиц М.А.* Указ. соч. С. 18–19. Точку зрения российских историков вполне разделяют азербайджанские историки. См.: *Гасанлы Джамиль.* 1920: Иран готовится к социалистической революции // <http://news.1ru.net/news/1461351.html>; *Он же.* Крах иранского опыта большевиков // <http://www.regnum.ru/news/1466477.html>

²⁷ *Персиц М.А.* Указ. соч. С. 21–28.

²⁸ Там же. С. 28.

²⁹ Там же. С. 34–36.

³⁰ Там же. С. 38.

³¹ Там же. С. 40–42.

³² Там же. С. 46.

³³ Там же. С. 54.

³⁴ Там же. С. 73–74.

³⁵ *Широкопад А.Б.* Великая речная война. 1918–1920 годы. С. 246.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: *Железняков А.* Монголия и «русский коммунизм» // Научно-информационный бюллетень. Вып.8 (специальный). – М., 1996. – С. 28–36.

³⁸ *Лузянин С.Г.* Россия-Монголия-Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. – М.: Огни. 2003. С. 115.

³⁹ *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна. Опыт реконструкции. – М.: КМК, 2011. С. 357.

⁴⁰ Там же. С. 456.

⁴¹ *Dash D. Soliin Danzan.* – Ulan-Bator, 1990; *Dashpurev D.* Mongolia: Revolution and Independence. 1911–1992. – New Delhi, 1993; *Dashpurev D.* Reign of Terror In Mongolia. 1920–1990. – New Delhi, 1992. *Лхамсүрэн Б.* Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол (Внешняя среда и государственная независимость Монголии). – Уланбатар, 1995 См. также: *Лузянин С.Г.* Россия–Монголия–Китай: Внешнеполитические отношения в 1911–1946 гг.: Автореферат диссертации... доктора исторических наук: 07.00.03. – Москва, 1997. С. 40. По мнению С.Г. Лузянина, «Соглашаясь с тем, что Коминтерн действительно отрицательно влиял на Монголию, деформируя и разрушая традиционный монгольский уклад, и не обеляя там его деятельность, нужно признать, что советско-монгольский союз, несмотря на болезненную взаимную адаптацию сторон, был реальным вариантом сохранения монгольской государственности и выхода Монголии в 1945 г. на международную арену» (Там же.).

⁴² *Лхамсүрэн Б.* Указ. соч. С. 52, 81–82.

⁴³ *Dashpurev D.* Mongolia: Revolution and Independence. 1911–1992. P. 4.

⁴⁴ *Баабар Б.* XX зууны Монгол: нуудэл, суудал. Т. 4. С. 327.

⁴⁵ *Дацышен В.Г.* Российские регионы в работах зарубежных исследователей: «Сибирская республика Тува» индийского историка Ш.К. Сони // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – Владивосток, 2011, № 2 (17). С. 203.

⁴⁶ *Дацышен В.Г.* Российские регионы в работах зарубежных исследователей: «Сибирская республика Тува» индийского историка Ш.К. Сони // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – Владивосток, 2011, № 2 (17). С. 203; *Сони, Шарад.* Сибирская республика Тыва // Россия в Азии: перспективы партнерства и взаимодействия: Сб. мат. – Новосибирск, 2008. С. 274.

⁴⁷ Там же. С. 205.

⁴⁸ Там же. С. 204.

⁴⁹ *Монгуш М.В.* История буддизма в Туве. – Новосибирск: Наука, 2001 (<http://www.tyvanet.com/modules.php?name=Pages&go=page&pid=59>)

⁵⁰ *Москаленко Н.П., Дубровский В.П.* Тува и Россия / Этнографическое обозрение. 1995. № 6. С. 93–102.

Раздел III
Научные
и общественные дискуссии
вокруг советской
аннексионистской политики
в 1939–1941 годах

Действия СССР в 1939–1940 годах, предпринятые в реализацию секретных советско-германских договоренностей, зафиксированных в секретных протоколах к пакту Молотова-Риббентропа и к советско-германскому договору о дружбе и границе, остаются предметом острого спора западных, восточноевропейских и балтийских историков, с одной стороны, и российских, с другой. Западные, а особенно восточноевропейские и прибалтийские историки, настаивают, что СССР совершил акты агрессии и оккупировал территории Западной Украины, Западной Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины, а также, напад на Финляндию, отторгнул от нее значительные территории в Карелии и на Карельском перешейке. Российские историки стараются не употреблять слово «оккупация» по отношению к советским территориальным приобретениям 1939–1940 годов, хотя чаще всего признают факт аннексии территорий, а также факт агрессии против Финляндии. Они рассматривают присоединение и советизацию присоединенных территорий как сложный, достаточно длительный и противоречивый процесс со своими плюсами и минусами.

Из нашего рассмотрения исключены последствия советско-финской войны, поскольку СССР были переданы финские территории, с которых практически полностью было эвакуировано население. Поэтому ни о какой реальной советизации населения в данном случае говорить не приходится. Речь только идет о подготовке так и не удавшейся советизации Финляндии, в связи с чем была образована марионеточная Финская Демократическая Республика во главе с О. Куусиненом.

Также существует значительная по объему историография как в России, так и в балтийских странах, посвященная проблемам ввода советских войск на территорию Литвы, Латвии и Эстонии в 1939–1940 годах и аннексии этих государств Советским Союзом. Здесь основные споры идут по поводу необходимости признания факта оккупации и принесения извинений за нее.

Российские историки, причем как либерального, так и консервативного толка, не признают факт долгосрочной советской оккупации Прибалтики. Здесь их позиция совпадает с позицией Российского государства, которое опасается признанием факта оккупации также ухудшить положение русскоязычных меньшинств в странах Балтии. Ведь основная часть русскоязычного населения появилась там после 1945 года. Поскольку эта проблема, равно как и проблема 1939–1940 годов, все еще остается весьма актуальной во взаимоотношениях России и трех государств Балтии, на эту тему написано гораздо больше работ российских историков, чем по проблемам, связанным с включением в состав СССР в 1939–1940 годах Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Украины.

Российские историки в своих исследованиях делают основной упор на изучение планов и методов советизации аннексируемых территорий. В целом политика на присоединенных в 1939–1940 годах территориях осуществлялась по одной и той же схеме: короткий период военной оккупации, во время которого принимались акты о присоединении данных территорий к Советскому Союзу. Затем следовала аннексия, после которой начинался процесс советизации, который растянулся на десятилетия и полностью не завершился даже к моменту распада СССР, если учесть, что именно на территориях, присоединенных в 1939–1940 годах, наиболее активно действовали национальные и антикоммунистические движения в последние годы существования Советского Союза.

Ввод Красной Армии на территорию Бессарабии и Северной Буковины в 1940 году и последующая советская аннексия этих территорий является важной темой для современной румынской и молдавской (но не украинской) историографии, где эти действия СССР подвергаются осуждению. В российской же историографии тема аннексии Бессарабии и Северной Буковины имеет явно периферийное значение и по степени внимания к ней современных историков далеко уступает проблемам Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики.

Польские, румынские, молдавские и прибалтийские историки в настоящее время рассматривают действия СССР, вытекавшие из пакта Молотова-Риббентропа и советско-германского договора о дружбе и границе, приведшие к включению в состав Советского Союза Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, Литвы, Латвии и Эстонии, а также Карельского перешейка и некоторых других территорий Финляндии как акты агрессии и оккупации, полностью противоречащими международному праву. Факт оккупации стран Балтии подчеркивается, по преобладающему среди местных политических классов мнению, тем обстоятельством, что после восстановления независимости в Эстонии, Латвии и Литве было восстановлено действие довоенных конституций. В то же время украинские и белорусские историки считают действия СССР восстановлением исторической справедливости, связанным с завершением процесса собирания украинских и белорусских земель, хотя и признают противоправный характер этих действий с точки зрения международного права. В этом последнем пункте их позиция совпадает с позицией польских коллег.

Российские историки в своем подавляющем большинстве не считают события 1939–1940 годов советской оккупацией применительно как к польским восточным воеводствам, Бессарабии и Северной Буковине, так и по отношению к трем государствам Прибалтики, полагая, что оккупацией может служить только период оккупации территории на период военных действий. В случае советских аннексий 1939–1940 годов период военной оккупации был очень коротким, продолжаясь считанные дни или недели, так что ни о какой собственно оккупационной политике говорить в данном случае не приходится.

Глава 1

ОККУПАЦИЯ И АННЕКСИЯ ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ И ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ

Наиболее богатая историография проблемы действий Советского Союза в 1939–1941 годах существует в Польше и России. Она посвящена проблемам советско-германского пакта о ненападении от 23 августа 1939 года, вступления Красной Армии на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, которые в тот момент составляли восточные воеводства Польши, и последующей аннексии этих территорий. Это объясняется существованием в обеих странах давней историографической традиции польско-советских и польско-российских отношений, в которых остается немало острых вопросов, в которых позиции российских и польских историков, а также общественного мнения двух стран не совпадают. Для совместного решения ряда дискуссионных проблем действует совместная российско-польская Группа по трудным вопросам, вытекающим из истории польско-российских отношений. Нынешние сопредседатели этой группы А.Д. Ротфельд и В.В. Торкунов убеждены, что «работа Группы должна быть ориентирована в будущее, на поиски решений, ведущих к согласию и доверию между нашими обществами. Это должно быть сделано с учетом исторического контекста, в том числе вопросов, по-прежнему вызывающих озабоченности обеих сторон»¹.

В то же время, польские историки, признавая противоправный характер советской оккупации восточных польских земель, не выдвигают территориальных претензий к Литве, Белоруссии и

Украине. Они не хотят подвергать ревизии принцип нерушимости послевоенных границ в Европе, поскольку после войны Польша получила значительные территории, отторгнутые от Германии.

Польский историк М. Корнат так суммирует мнение польской историографии последних двух десятилетий о событиях 1939 года: «В 1939 г. Польша стала жертвой двух тоталитарных держав, а пакт Молотова-Риббентропа дал Германии возможность начать войну; однако это не означает, что война не началась бы, если бы советско-германский договор от 23 августа 1939 г. не был подписан»². Последний тезис, однако, скорее отражает личную точку зрения М. Корната, поскольку многие польские историки придерживаются иной точки зрения, полагая, что именно советско-германский пакт о ненападении дал старт Второй мировой войне, а без его заключения она могла бы не начаться, по крайней мере, в 1939 году.

Например, польский историк и политолог С. Дембский считает, что «заключение 23 августа 1939 г. пакта о ненападении с Третьим рейхом явилось венцом советских усилий по ликвидации преград, которые могли бы помешать Гитлеру вторгнуться в Польшу. Хотя шансы на создание антигерманского союза западных держав и СССР были невелики, тем не менее в Берлине опасались, что если, несмотря ни на что, такой союз возникнет, то он может нарушить все планы Гитлера»³. В случае, если бы пакт о ненападении между Советским Союзом и Германией не был бы заключен, одно только затягивание переговоров СССР с Англией и Францией в Москве о заключении военной конвенции могло сорвать планы Гитлера по нападению на Польшу, поскольку благоприятное время с точки зрения погодных условий было бы упущено. Кроме того, руководители Англии и Франции были осведомлены о содержании секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении и поэтому знали, что вскоре после германского вторжения с Запада войдет Красная Армия, а в войне на два фронта Польша не продержится дольше трех-четырёх недель. За это короткое время французская армия, во всяком случае, не могла изготавиться к наступлению, поэтому западные союзники Польше помогать не стали, бросив ее на произвол судьбы.

Польские историки М. Тымовский, Я. Кеневич и Е. Хольцер утверждают, что «успешному для Германии продвижению вглубь Польши способствовали... события на ее восточных рубежах. 17 сентября, также без объявления войны, советские войска перешли советско-польскую границу. Москва оправдывала этот шаг полным распадом польского государства, а также необходимостью защиты проживавших в Польше украинцев и белорусов. В действительности был приведен в действие план, разработанный и предусмотренный соглашениями советско-германского пакта. На восточных землях Польши еще существовали возможности для оказания длительного сопротивления в том случае, если бы западные союзники нанесли обещанный удар по Германии, что вынудило бы немцев перебросить на запад часть сил с польского фронта»⁴.

Такого же мнения придерживается и С. Дембский, считающий что советская оккупация восточных польских земель «окончательно положила конец сражению на Висле. Это помогло Германии завершить военные действия на востоке и отдалить от нее угрозу ведения войны на два фронта»⁵. Другой польский историк, А. Гловацкий, пишет, что советское вторжение сорвало план польского командования, издавшего 12 сентября 1939 года приказ об отходе основных сил польской армии к так называемому Румынскому предместью. Там, используя в качестве естественных рубежей реки Днестр и Стрый, поляки надеялись организовать длительную оборону и все-таки дожждаться начала англо-французского наступления на Западном фронте. Правда, сам же Гловацкий признает, что надежды на наступление западных союзников были построены на песке, поскольку в тот же день 12 сентября, когда германские танки были уже у Львова, Высший военный совет Англии и Франции пришел к выводу, что Польша войну уже проиграла. Поэтому было решено не предпринимать в 1939 году наступления против Германии на Западном фронте. Совет принял во внимание известное союзной разведке содержание секретного дополнительного протокола к пакту Молотова-Риббентропа, предусматривавшего раздел Польши и вступление Красной Армии на польскую территорию, сочтя, что вступление

Красной Армии в войну обязательно последует, а тогда положение Польши будет безнадежным⁶.

Насчет возможности длительного сопротивления на восточных землях в суждениях польских историков, очевидно, присутствует патриотическое преувеличение, особенно принимая во внимание то, что Англия и Франция наступать на Западном фронте не собирались. Но то, что формальное обоснование советского вторжения в Польшу тем обстоятельством, что Польское государство будто бы перестало существовать, не выдерживало никакой критики, очевидно.

Польские историки, сравнивая СССР и Германию, полагают, что «политика обоих захватчиков во многом была схожей». 22 октября 1939 года в западнобелорусских и западноукраинских землях был проведен так называемый «референдум». В обстановке террора население высказалось за присоединение к Советскому Союзу⁷. В действительности это был даже не референдум, а призванные заменить его выборы в так называемые Народные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии, вся функция которых свелась к обращению к Верховным Советам Украинской ССР и Белорусской ССР с просьбами о принятии в их состав. Выборы действительно проходили в условиях запугивания избирателей, при отсутствии свободы агитации и с выдвижением только одного кандидата на одно место, причем все кандидаты представляли блок коммунистов и беспартийных. Но в то же время, большинство российских историков, соглашаясь с этими доводами, резонно указывают, что в тех конкретных условиях у избирателей реально не было выбора, поскольку альтернативой присоединения к СССР была оккупация соответствующих территорий Германией. Поэтому многие украинцы и белорусы искренне хотели в тот момент присоединиться к советским Украине и Белоруссии⁸.

Польские историки отмечают, что вторжение Красной Армии в восточные польские земли значительно понизило моральных дух польских солдат, особенно из числа украинцев, белорусов и евреев, для которых продолжение войны стало бессмысленным. При этом «иногда командование само освобождало солдат от

службы и отправляло домой. Однако случалось и так, что дезертиры переходили на сторону врага, разоружали польских офицеров, нападали на местных жителей, осадников и полицейских. Тем не менее, остальные сохранили верность присяге, не сложили оружие и разделили драматичную судьбу солдат-поляков... Информация о поражениях Войска Польского в борьбе с германской агрессией, особенно о вторжении Красной Армии ободрила коммунистов и нарушителей законов, часть белорусского и украинского крестьянства, а также бедные слои еврейского населения. Начались выступления против польской администрации и представителей более зажиточных слоев»⁹.

Здесь следует добавить, что вскоре после окончания боевых действий большинство польских солдат из числа украинцев и белорусов были отпущены из советского плена. Российские историки, как и их польские коллеги, обращают внимание на случаи расправ украинских и белорусских крестьян над поляками, чему часто попустительствовали красноармейцы¹⁰.

Как справедливо указывают польские историки, «в зоне советской оккупации» наиболее трагичной была судьба польских офицеров и полицейских, в том числе резервистов из интеллигенции, расстрелянных в Катыни и других местах, а сотни тысяч жителей польских восточных земель были направлены в лагеря и ссылки¹¹. Они также подчеркивают, что «трагические события того времени глубоко укоренились в сознании обеих сторон конфликта и привели к огромному росту взаимной ненависти»¹².

Польский историк А. Гловацкий доказывает несоответствие действительности советского утверждения о том, что «в 1939 г. рабочие массы на восточных территориях Польши якобы сами совершили общественно-политическую революцию, сегодня известно, что это произошло по подготовленному в Москве плану, который был реализован силовыми ведомствами. В директиве НКВД СССР от 15 сентября и в директивах Военных советов Красной Армии от 16 сентября 1939 г. содержался перечень задач, которые необходимо было выполнить на занятых территориях. После вступления в любой город следовало создать в нем («от имени армии» как «единственной власти») не революционный

комитет, а временное управление, в состав которого должны были войти: политработник Красной армии (как председатель), представитель оперативной группы НКВД, а также по одному “представителю” от местных рабочих и интеллигенции, придерживавшейся левых политических взглядов. В гминах и деревнях в свою очередь следовало создать сельские коммунисты из представителей бедного крестьянства и середняков. Предписывалось также оказать помощь в организации Рабочей гвардии и позаботиться о том, чтобы в новые органы власти не проник “контрреволюционный и провокаторский элемент с враждебными намерениями”¹³. Автор также подчеркивает, что «с верхушки социальной иерархии в своей стране поляки вдруг оказались сброшенными в самый низ иерархии в СССР. На оккупированных территориях было ликвидировано их экономическое, политическое, социальное и культурное преобладание. Яркие проявления антипольского курса местных органов советской власти в западных областях Украинской и Белорусской ССР (запрет на использование польского языка, сложности с трудоустройством поляков, затруднение процесса открытия школ с преподаванием на польском языке) встречали осуждение даже со стороны республиканских властей. Взаимные польско-белорусские, польско-украинские или польско-еврейские предубеждения, которые особенно проявились в первые два года после установления советской власти на аннексированных восточных территориях Польши, крайне негативно повлияло на дальнейшее развитие отношений между этими народами»¹⁴.

Российские историки в целом дают процессу аннексии западноукраинских и западнобелорусских земель сходные оценки. Н.С. Лебедева признает, что, «как свидетельствуют документы, преступления советских властей против польских военнопленных и мирных граждан не были отдельными эксцессами или случайными эпизодами, но являлись неотъемлемой частью советизации и деполонизации присоединенных осенью 1939 г. к СССР территорий, средством закрепления результатов агрессии и предотвращения освободительного движения в этих регионах»¹⁵. Российские историки из общества «Мемориал» О.А. Горланов и А.Б. Рогинский полагают, что в 1939–1941 годах на территориях

Западной Белоруссии и Западной Украины и аресты с предъявлением обвинения, и депортации, проведенные в административном порядке, были подчинены одним и тем же задачам. Первой из них была «советизация». Репрессии, с точки зрения власти, были хотя и не единственным, но необходимым (и традиционным) методом нивелирования социально-политического лица бывших польских земель со всей остальной территорией СССР. Специфика в западных областях заключалась в особой интенсивности репрессий. Борьба с «враждебными классами», «националистической контрреволюцией», «ликвидация кулачества» и т. д. – то есть все то, что делалось в «старых» регионах непрерывно в течение двадцати лет, здесь надлежало осуществить в самые сжатые сроки. Другая задача, вполне прагматическая и, может быть, важная, резко увеличившая масштабы арестов и депортаций, состояла в необходимости (с точки зрения власти) провести генеральную чистку новых приграничных территорий от «неблагонадежного элемента» (или – «потенциально неблагонадежного») в условиях ясно осознаваемой предвоенной ситуации. Соединение этих двух задач и обусловило грандиозный размах репрессий на бывших польских землях, определило их характер и направленность. Неслучайно такой высокий процент в репрессиях приходится на депортации – функционально именно они представлялись власти наиболее эффективным способом проведения чистки. Устрашение же было скорее естественным следствием массовой операции, чем ее основной задачей. Проведенная операция была действительно массовой. Арестам и депортациям было подвергнуто более 400 тысяч человек, то есть, по крайней мере, 3 % от общего числа жителей бывших польских земель. Более интенсивными за весь довоенный период советской истории были только репрессии эпохи коллективизации¹⁶.

Что касается Катынского преступления, которое уже само по себе обросло очень значительной историографией как с польской, так и с российской стороны, рассмотрение которой требует отдельного монографического исследования, то мнения российских и польских исследователей насчет фактических обстоятельств трагедии, в ходе которой были казнены почти 22 тыс. польских

офицеров и мирных граждан, сейчас полностью совпадают. Советскую версию о казни поляков в Катыни немцами осенью 1941 года поддерживают сейчас лишь политически ангажированные публицисты крайнего националистического и сталинистского направления. Различия касаются лишь в квалификации этого преступления, и этот вопрос оказывается чрезвычайно политизирован. Практически все польские историки, вслед за Польским государством, признают Катынское преступление преступлением против человечества, на которое не распространяется срок давности. Большинство российских историков, поддерживая официальную позицию Российского государства, считают Катынское преступление военным преступлением. Однако отдельные российские историки, в том числе Н.С. Лебедева и И.С. Яжборовская, придерживаются той точки зрения, что преступление в Катыни можно квалифицировать подобно тем преступлениям, за которые были осуждены главные военные нацистские преступники Нюрнбергским трибуналом, как преступление против человечества. Такая квалификация связана, в частности, с тем, что в Нюрнберге советское обвинение, когда пытались приписать Катынское преступление нацистам, то настаивало на том, что это было преступление против человечества.

Как пишет Н.С. Лебедева, 13 июля 1994 года руководитель следственной группы Главной военной прокуратуры (ГВП) Яблоков вынес постановление о прекращении уголовного дела за смертью виновных. В нем констатировалось, что Сталин, Микоян, Калинин, Каганович, Берия (непонятно почему Н.С. Лебедева не указала в этом перечне В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова, также подписавшихся под печально знаменитым решением Политбюро от 5 марта 1940 г. о расстреле поляков. – *Авт.*), другие руководители и сотрудники НКВД, исполнители расстрела виновны в совершении преступлений, предусмотренных пунктами «а», «б», «с» статьи 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге, то есть в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности. Однако ГВП и Генеральная прокуратура через три дня отменили постановление Яблокова и дальнейшее расследование поручило дру-

гому прокурору. В 2005 году дело было окончательно закрыто, решение по нему засекречено, как и большая часть из 182 томов. В то же время следует отметить, что ни разу следователи Военной прокуратуры не поставили под сомнение факт расстрела польских офицеров, полицейских и узников тюрем органами НКВД¹⁷.

Польскую позицию по Катынскому преступлению сформулировал секретарь Совета охраны памяти борьбы и мученичества А. Пшевозник, трагический погибший во время авиакатастрофы в Смоленске в апреле 2010 года. Она сводится к тому, что «поляки все еще живут с чувством боли от утраты своих близких. Но позиция властей новой России для многих из них непонятна, она лишь усиливает эту боль. Впечатлительные сердца поляков, не только пораженных “катынским синдромом”, продолжает ранить нежелание правительства РФ признать, что катынское преступление явилось следствием решений высших органов государственной власти Советского Союза и произнести в адрес польского народа слово “простите” за преступление и за 60 лет лжи, культивировавшейся и распространявшейся советскими властями. Не менее болезненным является сохранение грифа секретности на ключевых для дела и для семей жертв преступления документах (или подтверждение их уничтожения); речь идет о протоколах заседаний “тройки”, подтверждениях исполнения ее решений (не только в отношении пленных, но и заключенных), учетных делах пленных (особенно личных делах), “белорусском” списке (списке польских заключенных, расстрелянных в тюрьмах Западной Белоруссии. – *Авт.*), поименных списках лиц, вывезенных из Старобельска, которые должны были храниться вместе с такими же списками пленных, вывезенных из лагерей в Козельске и Осташкове. До сих пор неизвестны места захоронения останков поляков, фигурирующих в так называемых “украинском” и “белорусском” катынских списках. Вызывает недоумение прекращение российской военной прокуратурой следствия и засекречивание как решения об этом, так и значительной части документации. И, конечно, самую большую боль причиняет полякам столь категоричная правовая квалификация этого преступления российской

военной прокуратурой, не имеющая ничего общего с моралью и справедливостью»¹⁸. Характерно, что засекреченными остаются те документы по Катынскому делу, которые относятся к установлению личности погибших и факта расстрела каждого конкретного лица, что необходимо для подачи исков о выплате компенсаций.

М.И. Мельтюхов в своей работе, посвященной советско-польским войнам, выказывает убеждение, что Германия «никакой помощи со стороны СССР в Польше не получила», никакого «устойчивого фронта» Польша против Германии после 17 сентября создать не могла¹⁹. Однако подобные утверждения противоречат историческим фактам. У поляков еще были не введенные в бой резервы, которые могли бы еще в течение пары недель оборонять Румынское предместье, что позволило бы значительной части польских сил уйти в Румынию и там интернироваться. Советское вторжение нарушило эти планы.

В более раннем издании этой же работы М.И. Мельтюхов оценивает присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии как сугубо позитивное явление. Он цитирует советские пропагандистские документы и приходит к выводу, что украинцы и белорусы радостно приветствовали советских освободителей и выражали желание стать советскими гражданами²⁰. Характерно, что поляки и евреи, составлявшие почти половину населения присоединенных территорий, в эти донесения не попали. М.И. Мельтюхов аргументирует законность присоединения западных областей Украины и Белоруссии официальными данными о результатах выборов в Народные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии, на которых 22 октября 1939 года за коммунистических кандидатов (а других в бюллетенях просто не было) проголосовало 90,5 % избирателей²¹. Здесь он солидаризируется с мнением М.И. Семиряги о том, что «итоги выборов показали, что подавляющее большинство населения этих регионов согласилось с установлением советской власти и присоединением к Советскому Союзу»²². Между тем, эти выборы, как и другие советские выборы, проходившие в сталинское время, никак нельзя назвать демократическими.

В последнем издании своей книги о советско-польских войнах Мельтюхов, признавая, что с юридической точки зрения ввод советских войск в восточные польские земли можно квалифицировать как агрессию, выражает убежденность в том, что «межгосударственные договоры действуют лишь до тех пор, пока это выгодно», и что государство должно использовать все представившиеся возможности для того, чтобы взять реванш за прежние поражения. Как кажется, автор не задумывается над тем, что было бы, если бы подобный циничный принцип применили к России. Мельтюхов обосновывает аннексию Западной Украины и Западной Белоруссии тем, что происшедшее «не только восстанавливало историческую справедливость, но и улучшало стратегические позиции Советского Союза в Восточной Европе, открывало перед ним новые перспективы на пути закреплению за собой статуса великой державы»²³. Учитывая, что у разных государств и народов существуют совершенно разные и часто диаметрально противоположные представления как об «исторической справедливости» и «стратегических интересах», то если бы правительства следовали этим принципам, то на земле бы шла война всех против всех. Мельтюхов принадлежит к тем российским историкам, которые применяют к поведению своей страны и своего правительства совсем иные историко-правовые критерии, чем к поведению других стран и правительств. Они также лишь выборочно признают и используют в своих трудах исторические факты. Часто эти труды вырождаются в политическую публицистику с весьма произвольным обращением с фактами. Их авторы имеют своей целью не прояснение исторической истины, а обоснование собственных взглядов с помощью произвольно взятых исторических фактов²⁴. Но именно эти работы имеют наибольшую популярность среди российских читателей, многие из которых тоскуют о распаде советской империи и находят своеобразную морально-политическую компенсацию в том, что перекалывают на Польшу, Румынию и государства Прибалтики вину за развязывание Второй мировой войны и за мнимые преступления против Советского Союза, оправдывая тем самым политику Сталина. В то время, как представители либеральной историографии гос-

подствуют в сфере собственно научных публикаций, историко-политическая публицистика в России, равно как и история на телеэкране, почти целиком отданы на откуп историкам ура-патриотического направления.

Российский академик А.О. Чубарьян, директор Института всеобщей истории РАН так оценивает советскую акцию в Западной Украине и Западной Белоруссии, в советской историографии называвшуюся «освободительным походом»: «Целью вступления советских войск на территорию Восточной Польши, по официальной версии, объявлялось воссоединение украинского и белорусского народов. При подобной интерпретации Советский Союз избегал обвинений в союзнических отношениях с Германией. Отодвигая же дату ввода войск в Польшу, советское руководство как бы дистанцировалось от Германии. Получалось, что СССР вводит свои войска в тот момент, когда немцы почти подошли к линии разграничения интересов двух государств, и выступает в защиту украинского и белорусского населения»²⁵. Он также полагал, что «переоценка сотрудничества с Германией, нежелание понять, что фашизм остается главным противником, привели к тому, что СССР не смог ни в военном, ни в моральном плане подготовиться к запланированному нападению немецких армий на СССР. Приобретенные территории повышали ощущение безопасности и успехов, но в то же время создалось множество проблем, ослабивших СССР перед лицом главного противника – нацистской Германии»²⁶. По мнению А.О. Чубарьяна, использование советским правительством формулировки о том, что «польское государство фактически перестало существовать», облегчило включение ее восточных областей в состав СССР «без формальностей»²⁷.

Даже российские историки либерального направления склонны рассматривать пакт Молотова-Риббентропа в целом как проигрыш Сталина. Так, М.М. Наринский пишет: «Заключением советско-германского пакта Сталин выиграл не время, а территорию. Он счел соглашение с Гитлером более выгодным и осуществил эту сделку... Бесспорно, что советско-германский пакт о ненападении был тактическим выигрышем Сталина. СССР вошел в чис-

ло ведущих держав, делавших мировую политику. Он сумел не допустить нового Мюнхена, добился территориальных приобретений... Есть основания считать, что если советско-германский пакт и был тактическим успехом Сталина, то весь курс на сотрудничество с Берлином стал его стратегическим просчетом. Он позволил Гитлеру разгромить Польшу и выйти на общую границу с Советским Союзом. В последующем Германия получила возможность нанести поражение Франции, что лишало СССР потенциального союзника в Европе. Тактический выигрыш Сталина обернулся его стратегическим проигрышем к июню 1941 г.»²⁸.

Однако война в Европе, как известно, закончилась не в июне 1941, а в мае 1945 года. И судить о стратегическом проигрыше или выигрыше Сталина можно только по итогам войны, а не по обстановке, сложившейся к июню 1941 года. Если бы Сталин не заключил пакта о ненападении с Гитлером, а предпочел бы пойти на союз с Англией и Францией, то Вторая мировая война, скорее всего, вообще бы не состоялась. Но в этом случае Сталин остался бы с Советским Союзом в границах 1938 года и никак не смог бы реализовать никаких экспансионистских замыслов. Наоборот, если он рассчитывал, что пактом с Гитлером спровоцирует начало войны между Германией и западными державами, то можно сказать, что он достиг не только тактического, но и стратегического успеха. Ведь в результате в качестве потенциальных союзников он получил не только Францию, но и Англию и США, а в такой коалиции он мог рассчитывать на победу в будущем столкновении с Германией, как бы и когда бы оно не началось. В итоге войны Сталин сумел подчинить себе пол-Европы и значительные территории в Азии, так что пакт с Гитлером он сам наверняка считал стратегическим выигрышем. В проигрыш можно отнести неисчислимы людские и материальные потери, которые Советский Союз понес в ходе Великой Отечественной войны, но Сталина, как хорошо известно, никогда не волновала цена его политики в человеческих жизнях. Так что с точки зрения Сталина, как нам кажется, пакт Молотова-Риббентропа был безусловным стратегическим выигрышем, даже с учетом позднейшего внезапного нападения Гитлера на СССР.

Оговоримся, что мы не можем документально доказать, какие конечные цели преследовал Сталин в войне и когда именно он рассчитывал столкнуться с Германией. Однако то, что он фактически приобрел в результате Второй мировой войны, наверняка входило в состав его первоначальных целей. Оккупация и аннексия восточных польских земель, а потом Прибалтики, Бессарабии и Буковины, очевидно, приближали столкновение с Германией, поскольку усиление СССР вызывало беспокойство в Берлине, и нет данных, что Сталин этого не сознавал. Более того, есть мнение, что он сам собирался напасть на Гитлера в 1941 г.²⁹

М.М. Наринский полагает, что нет никаких оснований считать, что пакт 1939 года стал решающим шагом к развязыванию Второй мировой войны. Хорошо известно, что принципиальное решение осуществить нападение на Польшу не позднее 1 сентября гитлеровское руководство приняло еще в апреле 1939 года, то есть до начала серьезных контактов с СССР³⁰. На это можно возразить тезисом, что нет и никаких доказательств того, что Гитлер решился бы напасть на Польшу без заключения со Сталиным пакта о ненападении. Да кое-какие сигналы со стороны СССР о возможности советско-германского сближения поступали в Берлин еще до апреля 1939 года. Например, сигналом такого рода для Риббентропа и Гитлера было выступление Сталина 10 марта 1939 года на XVIII съезде партии с выводом о том, что «новая империалистическая война стала фактом» и с резкой критикой Франции и Англии за Мюнхенское соглашение. А зондировать СССР через поверенного в Берлине А.Ф. Мерекалова Гитлер начал еще в январе 1939 года³¹.

Н.С. Лебедева полагает, что, вводя без объявления войны части Красной Армии на территорию Польши, санкционируя боевые действия против ее армии, сталинское руководство тем самым нарушило договор о мире, подписанный в Риге 18 марта 1921 года; протокол от 9 февраля 1929 года о досрочном введении в силу пакта Бриана-Келлога, запрещавшего использование войны как инструмента национальной политики; конвенцию об определении агрессии 1933 года; договор о ненападении между СССР и Польшей от 25 июля 1932 года, подтвердивший Рижский договор

как основу взаимных отношений двух стран и обязавший стороны воздерживаться от агрессивных действий или нападения друг на друга отдельно или совместно с третьими державами; протокол 1934 года, продлевавший действие договора о ненападении до 1945 года.

Для польского правительства и верховного командования вступление Красной Армии на территорию страны явилось полной неожиданностью. Полагая, что советские войска вводятся в Польшу для того, чтобы помешать вермахту оккупировать значительную часть ее территории, и понимая, что война на два фронта невозможна, руководство армии и государства решило сражаться только против гитлеровцев. Армия выполнила приказ своего главнокомандующего Э. Рыдз-Смиглы, гласивший: «С Советами в бой не вступать, оказывать сопротивление только в случае попыток с их стороны разоружения наших частей... С немцами продолжать борьбу. Окруженные города должны сражаться. В случае если подойдут советские войска, вести с ними переговоры с целью добиться вывода наших группировок в Румынию и Венгрию». Как видим, у польской стороны еще имелись иллюзии в отношении намерений сталинского руководства³².

На наш взгляд, иллюзий у польского главнокомандующего уже в тот момент никаких не было, а было лишь осознание безнадёжности сопротивления. Поэтому он пытался вывести остатки своих войск в нейтральные страны, а потому старался избегать столкновений с Красной Армией, в которых у поляков не было никаких шансов на успех.

Н.С. Лебедева подробно описывает процесс преобразования военно-оккупационного режима в аннексию. Сталинский режим поспешил оформить присоединение к СССР территорий, входивших по Рижскому договору в состав Польши. Еще до завершения «освободительного похода», 1 октября 1939 года, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло развернутое решение о советизации захваченных территорий. В нем предлагалось созвать 26 октября народные собрания – Украинское во Львове и Белорусское в Белостоке, проведя для этого 22 октября выборы. Эти народные собрания должны были утверждать передачу помещичьих земель

крестьянским комитетам, решить вопрос о характере власти – советской или буржуазной, определиться с вхождением в СССР, принять постановления о национализации банков и крупной промышленности. Право выдвигать кандидатов в народные собрания закреплялось за крестьянскими комитетами, временными управлениями городов, собраниями рабочих по предприятиям, собраниями рабочей гвардии. Затем на окружных совещаниях «доверенные лица» кандидатов должны были «договориться» об общей кандидатуре по округу. Таким образом, избирателям, как и на территории всего Советского Союза, предстояло «выбирать» одного из одного.

В соответствии с решением Политбюро избирательную кампанию следовало проводить под лозунгами установления советской власти на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, вхождения их в УССР и БССР, одобрения конфискации помещичьих земель, требования национализации банков и крупной промышленности. Народные собрания должны были затем принять «декларации», текст которых готовился ЦК КП(б)У и ЦК КП(б)Б.

Политбюро ЦК ВКП(б) предписывало Центральным Комитетам Компартий Украины и Белоруссии срочно приступить к созданию на присоединенных территориях коммунистических парт-организаций. Наряду с приемом в них «передовых рабочих, оказавших помощь Красной Армии», предлагалось демобилизовать из Красной Армии и направить в распоряжение белорусской парторганизации 800 коммунистов, украинской парторганизации – 1000 коммунистов. Кроме того, на работу в западные области предписывалось направить 2 тыс. украинских и 1,5 тыс. белорусских коммунистов³³. Лебедева на основе новых документов проиллюстрировала недемократический и формальный характер выборов в Западной Украине и Западной Белоруссии, результаты которого, еще до объявления самих выборов, были подробно расписаны в Москве. Бросается в глаза, что, в отличие от ситуации после ввода советских войск в Прибалтику в июне 1940 года, во время предвыборной кампании в Западной Украине и Западной Белоруссии прямо выдвигались лозунги установления советской

власти и присоединения к Украинской ССР и Белорусской ССР. Это объяснялось тем, что советская сторона считала Польское государство ликвидированным, что в восточных польских землях как бы возник вакуум власти, который Советский Союз собирался заполнить, не оглядываясь на Англию и Францию и пользуясь в этом вопросе полной поддержкой Германии.

Российский историк Д.Г. Наджафов попытался показать некорректность уподобления пакта Молотова-Риббентропа с Мюнхенским соглашением, которое сделал Сталин в беседе с президентом США Ф. Рузвельтом. Что характерно, запись этой беседы Сталина с Рузвельтом, состоявшейся 8 февраля 1945 года в Ялте, до сих пор остается секретной в Архиве внешней политики России. В Мюнхене интересы Германии открыто удовлетворялись за счет Чехословакии, а Молотов и Риббентроп тайно урегулировали свои интересы сразу за счет нескольких стран. Главное же, «Мюнхен оставил окончательное решение вопроса о войне и мире открытым, а советско-германский пакт, подписанный в самый канун ожидаемого нацистского нападения на Польшу, подвел под ним черту, означавшую неизбежность европейского конфликта. Был упущен последний шанс предотвратить войну, связанный с трехсторонними англо-франко-советскими переговорами, которые велись весной и летом 1939 г. в целях организации совместного противодействия агрессии»³⁴.

А вот экономические и репрессивные мероприятия, проводившиеся на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, затем были в точности воспроизведены в Прибалтике, Бессарабии и Северной Буковине. Н.С. Лебедева отмечает, что на восточных польских землях, военная оккупация которых Красной Армией завершилась только в начале октября 1939 года, уже 10 ноября была национализирована нефтяная промышленность, а в начале декабря – все остальные промышленные предприятия. 8 декабря был изъят из обращения золотый, причем меняли лишь 300 золотых на 300 рублей – сумму, не превышавшую зарплаты машинистки в наркомате. А уже в январе 1940 года было введено советское плановое хозяйство, фиксированные цены, советская система оплаты труда и социального страхования и налогообло-

жения. Были приняты и постановления о введении колхозов и совхозов. Одновременно с декабря 1939 года проводилась депортации неблагонадежных элементов, причем всего было выселено до 388 тыс. поляков. А весной 1940 года по решению Политбюро были казнены почти 22 тыс. польских офицеров и гражданских лиц³⁵. Точно так же проходила советизация республик Прибалтики и Бессарабии: национализация промышленности, конфискационная денежная реформа, введение советской системы хозяйствования, депортации и планы введения колхозной системы, нереализованные только из-за германского нападения. Подобное совпадение, как отмечают российские историки, свидетельствует о наличии единого плана советизации присоединенных территорий³⁶.

Польский историк А. Гловацкий отмечает, что уже 8 сентября 1939 года началось создание оперативных групп НКВД, которые должны были действовать на территории Польши, занятой советскими войсками. В задачу этих групп входило создание временных органов управления, поддержание порядка, контроль над коммуникациями, банками, типографиями, репрессии против «контрреволюционеров»³⁷. Уже один этот факт опровергает доводы советской пропаганды, что Красная Армия вступила на территорию Польши только тогда, когда Польское государство перестало существовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Запись по итогам встречи председателей Группы по трудным вопросам, вытекающим из истории польско-российских отношений А.Д. Ротфельда и А.В. Торкунова // Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. – М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 814.

² *Корнат М.* Современная историография российско-польских отношений // Белые пятна. Черные пятна. С. 802.

³ *Дембский С.* Происхождение Второй мировой войны // Белые пятна. Черные пятна. С. 193.

⁴ *Тымовский Михал, Кеневич Ян, Хольцер Ежи.* История Польши. Пер. с польского. – М.: Весь мир, 2004. С. 433.

⁵ Дембский С. Происхождение Второй мировой войны // Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. – М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 194.

⁶ Гловацкий А. Польша между СССР и Германией 1939–1941 // Белые пятна. Черные пятна. С. 230–231.

⁷ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. С. 434–435.

⁸ См.: Горланов О. А., Рогинский А.Б. Об арестах в западных областях Белоруссии в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан: Сб. ст.. Польская комиссия Общества «Мемориал» / Под ред. А.Э. Гурьянова. Вып. 1. – М.: Звенья, 1997; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. – М.: Высшая школа, 1992. С. 102.

⁹ Гловацкий А. Польша между СССР и Германией 1939–1941 // Белые пятна. Черные пятна. С. 232–233.

¹⁰ См.: Горланов О.А., Рогинский А.Б. Об арестах в западных областях Белоруссии в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан: Сб. ст.. Польская комиссия Общества «Мемориал» / Под ред. А.Э. Гурьянова. Вып. 1. – М.: Звенья, 1997.

¹¹ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. С. 435.

¹² Гловацкий А. Польша между СССР и Германией 1939–1941 // Белые пятна. Черные пятна. С. 237.

¹³ Там же. С. 240.

¹⁴ Там же. С. 278.

¹⁵ Лебедева Н.С. Польша между СССР и Германией 1939–1941 // Белые пятна. Черные пятна. С. 225.

¹⁶ Горланов О.А., Рогинский А.Б. Об арестах в западных областях Белоруссии в 1939–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан.

¹⁷ Лебедева Н.С. Катынское преступление // Белые пятна. Черные пятна. С. 301. В этой статье есть краткая российская историография Катынского дела. См. также: Яжборовская И.С. Современная историография российско-польских отношений // Белые пятна. Черные пятна. 737–767.

¹⁸ Пшевозынь А. Катынское преступление // Белые пятна. Черные пятна. С. 334–335. В этой статье приведена также краткая польская историография Катынского дела. См. также: Корнат М. Современная историография российско-польских отношений // Белые пятна. Черные пятна. С. 767–813.

¹⁹ Мельтюхов М.И. 17 сентября 1939: Советско-польские конфликты 1918–1939. – М.: Вече, 2009. С. 539–540.

²⁰ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. – М.: Вече, 2001. С. 363–366.

²¹ Там же. С. 382–383.

²² Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. С. 102.

²³ Мельтюхов М.И. 17 сентября 1939: Советско-польские конфликты 1918–1939. С. 542, 544.

²⁴ См., например: Яковлева Е.В. Польша против СССР. 1939–1950. – М.: Вече, 2007; Широкопад А.Б. Польша. Непримиримое соседство. – М.: Вече,

2008; Жуков Д.А. Польша – цепной пес Запада. – М.: Яуза-Пресс, 2009; Нарочницкая Н.А., Фалин В.М. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М.: Вече, 2009; Мухин Ю.И. Главная антироссийская подлость. – М.: Яуза-Пресс, 2010; Швед В.Н. Тайна Катюши, или Злобный выстрел в Россию. – М.: Алгоритм, 2010.

²⁵ Чубарьян А.О. Советская внешняя политика (1 сентября – конец октября 1939 года) // Война и политика 1939–1941 / Под ред. А.О. Чубарьяна, Г. Городецкого. – М.: Наука, 2000. С. 9.

²⁶ Там же. С. 19.

²⁷ Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 года. – М.: Наука, 2008. С. 5.

²⁸ Наринский М.М. Происхождение Второй мировой войны // Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. – М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 150–160.

²⁹ См., например: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. – М.: Вече, 2000. Критику тезиса о намерениях Сталина напасть на Гитлера см. статьи Г. Городецкого, М.А. Гареева, Ю.А. Горькова и Ю.Н. Семина в сборнике «Война и политика 1939–1941» (М.: Наука, 1999).

³⁰ Наринский М.М. Происхождение Второй мировой войны. С. 160.

³¹ См.: Молодяков В.Э. Риббентроп. Упрямый советник вождя. – М.: АСТ-Пресс, 2008. С. 138, 141.

³² Лебедева Н.С. Польша между Германией и СССР в 1939 г. // Война и политика 1939–1941. С. 74.

³³ Там же. С. 81–82.

³⁴ Наджафов Д.Г. Начало Второй мировой войны. О мотивах сталинской руководства при заключении пакта Молотов-Риббентроп // Война и политика 1939–1941. С. 86–87.

³⁵ Лебедева Н.С. Польша между СССР и Германией 1939–1941 // Белые пятна. Черные пятна. С. 224–225. Существуют и более низкие оценки числа депортированных из восточных польских земель – 316–325 тыс. человек (Репрессии против поляков и польских граждан: Сб. ст. Польская комиссия Общества «Мемориал» / Под ред. А.Э. Гурьянова. С. 77–113, 121; Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. 1939–1941. Варшава; М., 2001). По оценке российского историка И.С. Яжборовской, всего жертвами советских репрессий стали около 850 тыс. поляков, включая жертвы среди советских граждан польской национальности (Современная историография российско-польских отношений // Белые пятна. Черные пятна. С. 749).

³⁶ См.: Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. С. 101.

³⁷ Гловацкий А. Польша между СССР и Германией 1939–1941 // Белые пятна. Черные пятна. С. 231.

Глава 2

ОККУПАЦИЯ И АННЕКСИЯ БЕССАРАБИИ И СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ

Что касается обстоятельств аннексии Бессарабии и Северной Буковины, то румынские историки отмечают, что быстрые темпы немецкого наступления весной 1940 года и капитуляция Франции застали врасплох правительство Румынии, оставшееся без союзников. Поэтому, когда 26 июня 1940 года Советский Союз в рамках секретных приложений к пакту Молотова-Риббентропа «потребовал от Румынии в ультимативной форме срочной эвакуации Бессарабии и северной части Буковины. Германия посоветовала Румынии уступить советским требованиям, с тем, чтобы не нарушать мир в Балканском регионе. Аналогичным образом поступили Италия, Греция и Югославия. Бухарест был поставлен перед выбором: уступить территориальным претензиям или оказывать военное сопротивление в течение нескольких недель, которое неизбежно закончилось бы разделом страны между СССР, Венгрией, Болгарией и даже Германией. Большинство членов Королевского совета высказались за принятие советских требований, чтобы все-таки сохранить румынскую государственность. Попытки румынской стороны договориться с советским руководством встретили резкий отказ, а эвакуацию пришлось завершить в течение 4 дней – срок, который не был соблюден со стороны СССР. Советские войска вступили на эти территории 28 июня, спровоцировав многочисленные столкновения. Румыния уступи-

ла территорию площадью в 50762 кв. км с населением около 3770 тыс. человек». Румынские историки подчеркивают также, что именно уступка советским требованиям спровоцировала требование Венгрии, чтобы Румыния уступила ей Трансильванию¹. С их точки зрения захват СССР Бессарабии и Северной Буковины был актом агрессии, оккупации и аннексии, который и принудил Румынию стать союзником Гитлера и объявить вместе с ним войну Советскому Союзу: «Вступив в июне 1941 г. в войну против СССР на стороне Германии без заключения какого-либо военного соглашения, в котором бы оговаривались четкие рамки сотрудничества Бухареста с Берлином, румынская армия сумела до конца июля освободить Бессарабию и восстановить там румынскую администрацию. Одна из главных целей, ради которой Румыния выступила вместе с Германией на Восточном фронте, была, таким образом, достигнута, однако 27 июля 1941 г. Гитлер потребовал от Антонеску продолжить наступление за Днестром»².

Румынские историки убеждены, что выступление Румынии на стороне Гитлера может быть оправдано действиями СССР против Румынии в 1940 году. С этим решительно несогласно большинство российских историков. Они полагают, что, напротив, Румыния в 1918 году совершила акт агрессии против России, оккупировав и аннексировав Бессарабию. Поэтому действия Сталина в 1940 году были всего лишь актом восстановления исторической справедливости. Из этой схемы, правда, выпадает Северная Буковина, которая никогда не была частью Российской империи, а до присоединения к Румынии являлась австрийской провинцией.

Эту точку зрения наиболее последовательно представляет М.И. Мельтюхов. Он считает, что оккупация советскими войсками Бессарабии и Северной Буковины в июне 1940 года была оправдана как с точки зрения интересов безопасности СССР, так и с точки зрения учета воли народов Бессарабии и Северной Буковины, которые стремились стать частью СССР, а не оставаться в Румынии. Мельтюхов рассматривает действия СССР в 1940 году как адекватный ответ на действия Румынии в 1918 году. Он признает, что его книга рассказывает о том, «как удалось Румынии оккупировать и аннексировать Бессарабию, какие последствия

это имело для советско-румынских отношений межвоенного периода и как был решен бессарабский вопрос летом 1940 г.»³. В предисловии к книге М.И. Мельтюхова, подписанном «Фондом исторической перспективы», критикуются «пришедшие к власти в восточноевропейских странах политические силы, которые не могут похвастаться какими-либо заметными успехами в развитии своих стран, успешно освоили методику отвлечения общественного внимания на гиперкритику недавнего прошлого, когда ведущую роль в Восточной Европе играл Советский Союз. Огульно критикуя все и вся, выставляя своего восточного соседа в виде некоего “тоталитарного монстра”, восточноевропейские политики стараются доказать свою “европейскость”, отработать вложенные в них средства. Естественно, они не могут признать, что, будучи нищим европейским захолустьем и аграрным придатком западных стран, Восточная Европа именно во второй половине XX века получила возможность самостоятельного развития на благо своих собственных народов, сделав скачок к современным стандартам развитости. Ведь признать это означает признать и положительную роль СССР в регионе. Понятно, что это полностью противоречит навязываемому ныне образу Советского Союза как “оккупанта”»⁴.

К сожалению, в подобной аргументации игнорируется как противоправность действий СССР в ходе осуществления аннексий, предпринятых в рамках секретных советско-германских протоколов к договорам 1939 года, так и тот факт, что Советский Союз в тот момент был державой с крайне низким уровнем жизни населения даже по сравнению с не самыми богатыми странами Восточной Европы. Развита в СССР была только военная промышленность. Следует также отметить, что далеко не все восточноевропейские страны можно было в конце 1930-х годов называть «аграрными придатками» Западной Европы. Чехословакия, например, была одной из наиболее промышленно развитых стран континента. Но тенденциозность предисловия вполне объяснима убежденностью в справедливости популярной формулы советских времен: «история – это политика, опрокинутая в прошлое»⁵.

Неизвестный автор предисловия к книге Мельтюхова, как можно понять, склонен позитивно оценивать пакт Молотова-Риббентропа, как и вытекавшие из него территориальные изменения в Восточной Европе. Утверждается, что Англия и Франция стремились только к тому, чтобы толкнуть Гитлера на разгром СССР. Поэтому «договор 1939 г., поменяв “всего лишь” “расписание” войны, поменял и послевоенную конфигурацию, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу ни в начале войны, ни после победы. А, следовательно, потерпели крах надежды изъять Восточную Европу из орбиты СССР. Соответственно договор стал выдающимся успехом советской дипломатии, восстановившим территорию исторического государства Российского. С другой стороны, пакт Молотова-Риббентропа 1939 г. является крупнейшим провалом английской стратегии за весь XX в., и именно поэтому его всегда будут демонизировать»⁶.

Совершенно непонятно, каким образом «англосаксы» собирались вернуться в Восточную Европу, если бы Германия разгромила СССР. Большинство российских историков придерживается мнения, подтвержденного на III съезде народных депутатов СССР в постановлении от 24 декабря 1989 года, что секретные протоколы к пакту Молотова-Риббентропа и к советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года подлежат осуждению и были недействительны с момента их подписания, поскольку они «находились с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран»⁷.

М.И. Мельтюхов, напротив, вполне положительно относится к секретным советско-германским протоколам. Он пишет: «Англо-франко-советские переговоры показали, что Англия и Франция не готовы к равноправному партнерству с СССР. В этих условиях предложения Германии оказались более привлекательными, и 23 августа 1939 года в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении, ставший значительным успехом советской дипломатии. Согласно секретному дополнительному протоколу к этому договору, советская сторона подчеркнула свой интерес к Бессарабии, а германская заявила “о ее политической

незаинтересованности в этих областях». Тем самым СССР смог добиться признания своей позиции по бессарабскому вопросу со стороны Германии. В результате этого соглашения СССР удалось остаться внеевропейской войны, получив при этом определенную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах». Мельтюхов также подчеркивает, что именно соглашение с Берлином позволило мирным путем решить бессарабский вопрос⁸. Практически тем самым он уподобляет интересы нашей страны интересам Сталина.

Автор предисловия к книге Мельтюхова полагает, что, «по мнению Бухареста, все “аннексированные” СССР в 1940 году территории, на которых ныне расположены Республика Молдова, а также Черновицкая область и ряд районов Одесской области Украины, должны быть “возвращены” Румынии, для чего следует идеологически обосновать эти притязания»⁹.

Данное утверждение является заведомо неверным, поскольку в действительности румынское правительство уважает европейские договоры о нерушимости границ и никаких территориальных претензий ни к Украине, ни к Молдавии не выдвигает. Эта позиция была озвучена первым некоммунистическим президентом Румынии И. Илиеску: «Потом был 1940 год и пакт Риббентропа-Молотова, по которому СССР опять занимает румынскую территорию, причем не только Бессарабию, но и север Буковины, который никогда не принадлежал России или СССР... Все это осталось в памяти румын. Но сейчас мы не выдвигаем ни к кому территориальных претензий. Мы выступали и выступаем за развитие отношений и с Республикой Молдова, и с Украиной. А с Россией мы должны отложить в сторону все обиды, включая недовольство русских и украинцев участием румынской армии в войне на стороне Германии»¹⁰. Ее придерживаются практически все румынские историки. Что касается возможности воссоединения Румынии и Молдавии, то румынские политики и историки считают, что это зависит всецело от воли молдавского народа, так что ни о каком автоматическом «возвращении» речи не идет, да и

сама идея объединения с Молдавией не пользуется популярностью среди румынского населения.

М.И. Мельтюхов оправдывает присоединение к СССР Бессарабии и Северной Буковины, равно как и другие советские аннексии 1939–1940 годов, необходимостью «вновь начать борьбу за возвращение в клуб великих держав»¹¹. Своих оппонентов он обвиняет в стремлении «к огульному очернению советской внешней политики», для чего «используются абстрактные моральные оценки, без учета конкретных исторических реалий и менталитета эпохи». Для того, чтобы доказать, что для молдаван присоединение к СССР стало «праздником освобождения», он приводит данные о выборах в Верховный Совет СССР 12 января 1941 года, в которых на территории Бессарабии и Северной Буковины, по официальным советским данным, проголосовало 99,6 % избирателей, из которых за кандидатов от блока коммунистов и беспартийных проголосовало 99,2 %¹². Однако сам историк наверняка помнит степень демократичности советских выборов, а потому крайне сомнительной, с научной точки зрения, кажется попытка выдавать их результаты за подлинное выражение воли народа.

Как полагает Мельтюхов, «применение термина “советская агрессия” к оккупированной Румынией территории Бессарабии просто невозможно. Даже если бы советская сторона и совершила указанные в конвенции (об определении агрессии. – *Авт.*) действия, их следовало бы квалифицировать как меры пресечения румынской агрессии и освобождения советской территории. Что же касается Северной Буковины, то поскольку вступлению советских войск на ее территорию предшествовали дипломатические переговоры, завершившиеся согласием румынской стороны с советским вариантом решения бессарабского вопроса, с юридической точки зрения действия Москвы не являются агрессией»¹³.

Однако эти аргументы выглядят не вполне убедительными. Ведь Бессарабия никогда не входила в состав СССР. Поэтому, с точки зрения международного права, она была лишь спорной территорией, но никак не оккупированной советской территорией, даже если ее так называли в Москве. Что же касается Северной Буковины, то ранее на нее Советский Союз вообще не вы-

двигал претензий, так что ее присоединение к СССР, осуществленное под угрозой применения силы, может рассматриваться в качестве агрессивного акта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Румынии / Под ред. И.-А. Попа, И. Болована. Пер. с румынского. – М.: Весь мир, 2005. С. 582–583.

² Там же. С. 586–587.

³ *Мельтохов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. – М.: Вече, 2010. С. 15–16.

⁴ Там же. С. 3–4.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 4–5.

⁷ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 29. Ст. 579. См. также: Семиряга М.И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000. С. 160–174 (раздел «Очередной раздел Польши»).

⁸ *Мельтохов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917– 1940. С. 390–391.

⁹ *Мельтохов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917– 1940. С. 5. Тут же автор отмечает, что комиссия Академии наук Молдовы признала события 1940 г. советской оккупацией.

¹⁰ Цит. по: *Мельтохов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917– 1940. С. 18.

¹¹ Там же. С. 16.

¹² Там же. С. 375.

¹³ Там же. С. 394–395.

Глава 3

ОККУПАЦИЯ И АННЕКСИЯ ЛИТВЫ, ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ. ПОПЫТКА ЗАХВАТА ФИНЛЯНДИИ

История советской оккупации и аннексии Прибалтики также является ареной жарких споров, которые остаются чрезвычайно политизированными. Историки стран Балтии более или менее единодушно оценивают события 1939–1940 годов как оккупацию и аннексию своих государств Советским Союзом. Так, эстонские историки полагают, что «под угрозой применения силы Советский Союз... 28 сентября 1939 г. навязал Эстонии пакт, согласно которому на ее территории были размещены части Красной Армии... 17 июня 1940 г. Красная Армия оккупировала Эстонию. Руководивший событиями эмиссар Сталина Андрей Жданов организовал 21 июня 1940 г. в Таллинне демонстрацию трудящихся, и президент Пятс под нажимом утвердил Йоханнеса Вареса-Барбаруса премьер-министром сформированного в советском посольстве правительства. Новый порядок был утвержден вскоре после выборов нового парламента, прошедших 14–15 июля 1940 г. в обстановке запугивания, игнорирования действующих законов и отстранения от участия в выборах оппозиции... Став частью тоталитарного государства, Эстония лишилась возможности нормального развития»¹.

Свою позицию заявляет литовский историк Людас Труска: «Мы... не можем согласиться с политиками России, с некоторыми

историками, которые утверждают, что не было оккупации. Правда, это была достаточно необычная оккупация, не в классическом ее понимании, потому что метрополия жила хуже своих колоний, а не наоборот, как было у колонизаторов Англии или Франции. Однако то, что в результате этой оккупации Литва потеряла государственность, – и это бесспорно. Но не надо искусственным образом обострять отношения»².

Эстонские историки настаивают, что советская военная агрессия против Эстонии началась 14 июня 1940 года, в день предъявления ультиматума, а 17 июня, уже после прихода в Эстонию Красной Армии, главнокомандующий Эстонской армии генерал Лайдонер подписал приказ о передаче советским войскам контроля за коммуникациями, о запрете демонстраций и сдаче оружия населением. В этот день, как считают эстонские историки, независимость сменилась оккупацией³. Они подчеркивают, что участники демонстрации 21 июня состояли из фабричных рабочих, из русских из Печорского района и строителей с советских военных баз⁴. Мати Граф так оценивает мотивы действий Советского Союза в Прибалтике в 1939–1941 годы: «Мы не сомневаемся, что Сталин не смирился с отделением Балтии от России, и именно его воля стала определяющей в решении Балтийского вопроса в благоприятных для этого международных условиях. Вероятно, что именно мюнхенское соглашение осенью 1938 года стало для Сталина толчком для вынесения Балтийского вопроса в повестку дня. Чувствовалось, что наступила пора «перекраивания» европейских границ, время для «исправления исторической несправедливости», которой являлось отделение Балтии от России в 1918–1920 гг.»⁵. В том, что именно Мюнхенское соглашение подтолкнуло Сталина на пакт с Гитлером и на аннексию бывших территорий Российской империи с М. Графом согласно большинство российских историков.

Латышские историки оценивают советский ультиматум 17 июня 1940 года и последующее вторжение в Латвию Красной Армии как нарушение латвийско-российского договора 1920 года и пакта о ненападении от 1932 года. Решение президента К. Ульманиса не оказывать сопротивление они считают оправданным с

военной точки зрения и направленным на то, чтобы избежать больших жертв, но критикуют президента за то, что он не заявил хотя бы дипломатического протеста. Советский Союз назван «убийцей независимости и существования Балтийских стран». Латвийские историки доказывают, что оценка поведения агрессора не должна зависеть от оценки поведения жертвы. И приводят пример Литвы, где «президент Антанас Сметана бежал, не подписав ни одного продиктованного оккупантами распоряжения, но это, по существу, ничего не изменило ни в ходе, ни в сути оккупации»⁶. Главной целью советской стороны было «придать аннексии видимость легальности», для чего понадобилась инсценировка с избранием «народного парламента», выборы в который проходили под полным контролем советских представителей. При этом подчеркивается, что единственный допущенный к выборам Блок трудового народа во время предвыборной кампании тщательно скрывал, что Латвия должна быть включена в состав СССР, что там будет установлена Советская власть и проведено масштабное отчуждение частной собственности⁷.

Латышские историки рассматривают включение Латвии в состав СССР в качестве аннексии, а весь период пребывания в составе СССР – периодом оккупации. Неслучайно параграф, где речь идет о вхождении Латвии в состав Советского Союза, назван «Аннексия», а следующий озаглавлен «Режим оккупации»⁸. Как полагают латышские историки, «террор “страшного года” (с лета 1940 года по лето 1941 года – *Авм.*) коснулся прежде всего частной собственности населения Латвии: все, что было накоплено поколениями, было обречено на уничтожение, разграбление и захват коллаборационистами и оккупантами»⁹.

Литовский историк П. Станкерас признает: «В Литве о приближающейся войне между Германией и Советским Союзом шли разговоры с весны 1941 г. В Литве, страдающей от сталинского террора, многие ждали начала войны как спасения, особенно после начала насильственных депортаций в Сибирь 14 июня 1941 г. Страдающей Литве в то время было безразлично, кто будет бить Советы, так как была надежда на восстановление независимости Литвы, пока два гиганта дерутся»¹⁰.

Можно согласиться с тем, что репрессии и особенно депортации 1941 года подвигли жителей стран Балтии на активную борьбу против советской власти и вызвали антисоветские восстания после нападения Германии на СССР, причем возглавляли их организации, созданные при содействии германских спецслужб¹¹. По мнению литовских историков, к примеру, восстание 23 июня 1941 года было закономерной и хорошо продуманной попыткой воссоздать грубо попорченную независимость Литвы. В результате восстания 23 июня государственный суверенитет Литвы был восстановлен как в правовом, так и в практическом смысле. В правовом смысле восстановление суверенности не может быть спорным уже только потому, что сама Конституция Литвы от 12 мая 1938 года, а именно её 1-я статья, определяет, что «суверенитет государства принадлежит Народу». Своим восстанием 23 июня литовский народ реализовал эту конституционную норму, а не создал какое-то новшество, не признанное до сих пор другими государствами¹². В то же время, историки балтийских стран стараются не подчеркивать в своих исследованиях тот факт, что антисоветские восстания 1941 года играли на руку нацистской Германии и нисколько не приближали Литву, Латвию и Эстонию к независимости.

Российские историки справедливо указывают, что в результате антисоветских восстаний 1941 года государственность Литвы, Латвии и Эстонии может считаться восстановленной. Ведь германские оккупационные власти рассматривали страны Балтии как свои колонии и не собирались возвращать им независимость¹³.

Практически никто из российских историков не владел и не владеет ни эстонским, ни латышским, ни литовским языками. Поэтому они работают главным образом с русскоязычными документами и материалами, что закономерно делает центром их исследований проблему присоединения Прибалтики к СССР в 1939–1940 годы. Некоторые историки склонны до некоторой степени оправдывать сталинскую политику в Прибалтике в 1939–1941 годы. Так, военный историк А.С. Орлов считает, что «во многих публикациях 1988–1992 гг. главный упор делался на мо-

рально-правовую сторону советско-прибалтийских отношений. Безусловно, раскрытие несоответствия сталинской дипломатии нормам международного права правомерно и необходимо. Но такой подход страдает односторонностью. Нарушаются принятые в историографии принципы объективности и историзма. Вне рассмотрения остаются главные для историка вопросы: почему события происходили именно так, а не иначе?, как видели мир и из чего исходили в своих решениях политики, дипломаты, военачальники того времени?»¹⁴. По мнению автора, советская политика по отношению к Прибалтике позволила реализовать свои геополитические устремления в рамках определенной секретным протоколом «сферы интересов», не дав при этом повода для мирового сообщества обвинить СССР в нарушении нейтралитета в войне. Заключенные СССР в 1939 году договоры о взаимопомощи со странами Прибалтики «соответствовали интересам безопасности не только СССР, но объективно и прибалтийских государств. Они обеспечили народам Прибалтики мир еще почти на два года»¹⁵.

Такая позиция категорически отвергается историками балтийских стран, которые считают эти договоры, заключенные под прямым советским давлением, первым шагом к последующей аннексии этих республик Советским Союзом, принесшую еще большую несвободу, чем при прежних авторитарных режимах, террор и репрессии и нисколько не предотвратившую превращение Прибалтики в театр боевых действий Второй мировой войны. Вряд ли для жителей Литвы, Латвии и Эстонии была большая разница, начнется ли опустошительная война годом раньше или годом позже.

Е.Ю. Зубкова, автор единственной действительно научной монографии в российской историографии, целиком посвященной истории стран Прибалтики в 1940–1953 годы, признает, что договора о взаимопомощи с Литвой, Латвией и Эстонией заключались под угрозой применения силы со стороны Советского Союза¹⁶. В то же время исследовательница полагает, что при заключении этих договоров осенью 1939 года у Сталина еще не было планов советизации этих стран: «На основании документов я не могу

сделать вывод о том, что в октябре 39-го года у Сталина был план именно захвата Прибалтики как части советской территории. Проникновения туда – да. У историков нет права домысливать то, чего не было»¹⁷.

Между тем, представляется совершенно невероятным, что в тот момент у Сталина еще не было плана советизации Прибалтики, особенно принимая во внимание то, что множество документов, относящихся к высшим эшелонам советского руководства, до сих хранятся неопубликованными в Архиве Президента РФ. Надо учитывать, что Сталин действительно собирался воевать с Литвой, Латвией и Эстонией и реально сконцентрировал значительные группировки советских войск у прибалтийских границ осенью 1939 года, что, кстати сказать, избавило его от необходимости проводить значительные перегруппировки войск в июне 1940 года, когда произошла военная оккупация балтийских стран. Военный сценарий, как известно, осенью 1939-го применять не пришлось, поскольку руководство Литвы, Латвии и Эстонии согласилось принять на своей территории советские военные базы. А вот с Финляндией, отвергшей договор о взаимопомощи, Сталину пришлось начинать войну. И с первого дня боевых действий начал реализовываться политический сценарий советизации Финляндии, связанный с созданием марионеточного правительства Финляндской Демократической Республики старого коминтерновца Отто Куусинена и состоящего при нем корпуса Финской народной армии. С этим правительством сразу же был заключен договор о дружбе и взаимопомощи, который отказалось подписать правительство в Хельсинки. После того как разбить финскую армию не удалось, и был заключен компромиссный Московский мирный договор, ФДР тут же объединилась с Карельской АССР в Карело-Финскую ССР, которой были переданы почти все отторгнутые от Финляндии территории, и правительство Куусинена прекратило свое существование как правительство независимого государства, превратившись в правительство союзной республики. Нет сомнений, что если бы СССР одержал полную победу в советско-финской войне, в Хельсинки водворилось бы правительство Куусинена, которое тут же объединилось бы с

советской Карелией в Карело-Финскую ССР. А народная армия ФДР действительно превратилась в 71-ю стрелковую дивизию Красной Армии. Что интересно, формировать Финскую народную армию для правительства Куусинена начали еще за месяц до нападения на Финляндию¹⁸. Трудно поверить, что в случае с Литвой, Латвией и Эстонией, с которой Сталин точно так же собирался воевать, не были разработаны, еще за несколько недель до предъявления советских ультиматумов, планы ускоренной советизации, подобные тем, что реализовывались во время войны с Финляндией.

А.С. Орлов признает, что «наивно было бы утверждать, что советские гарнизоны, которые были размещены в странах Прибалтики, не оказывали никакого воздействия на внутрисоциальную жизнь. Сам факт их присутствия создавал обстановку, в которой левые силы, демократические круги трех прибалтийских республик могли действовать более активно, чем раньше»¹⁹. В действительности коммунисты смогли всерьез развернуть свою деятельность только после фактической оккупации прибалтийских государств Красной Армией в середине июня 1940 года.

Основные мотивы ускоренной советизации Прибалтики летом 1940 года А.С. Орлов видит в том, что вермахт завершал победоносную кампанию во Франции. Советскому Союзу приходилось считаться с возможностью переброски германских войск на восток для нападения на СССР и одновременного захвата Прибалтики. В сложной обстановке лета 1940 года руководство СССР не могло не учитывать тревожную информацию, получаемую от разведки и из других источников о враждебных СССР настроениях многих высших военных и политических деятелей прибалтийских стран, об их связях с Германией. Поэтому советское правительство сочло необходимым принять срочные меры по укреплению своего передового стратегического рубежа обороны в прибалтийских государствах. Но для этого необходимо было установить там такие режимы, которые не противодействовали бы усилению советского военного присутствия в регионе²⁰.

Необходимо оговориться – реальной угрозы германского нападения на СССР в 1940 году еще не было. Вплоть до 20-х чисел

июня германские войска были заняты во Франции, и создать необходимую ударную группировку на Востоке даже к середине осени не было никакой возможности. Что же касается присоединения к СССР Литвы, Латвии и Эстонии, то оно было продиктовано не столько соображениями безопасности, сколько желанием использовать благоприятные обстоятельства, сложившиеся для реализации программы, зафиксированной в секретных советско-германских протоколах после разгрома Франции. А летом 1941 года вермахт захватил Прибалтику всего лишь за полтора месяца.

Вместе с тем А.С. Орлов признает, что советские ноты Литве, Латвии и Эстонии «являлись отражением сталинских методов внешней политики», а требование изменить состав правительств было «грубым нарушением международного права, вмешательством во внутренние дела суверенных государств». Он также указывает на «имперские замашки» А.А. Жданова в Эстонии, отмечая, что точно так же действовали и советские представители в двух других прибалтийских странах²¹.

Орлов считает вполне оправданными цели, которые Сталин преследовал в Прибалтике, но осуждает методы, которые были использованы для достижения этих целей. Однако очень трудно себе представить, что эти цели, заключающиеся в аннексии балтийских государств, могли быть достигнуты с помощью других, цивилизованных и демократических методов. Автор пытается представить свержение существовавших в Прибалтике правительств после ввода советских войск как следствие роста влияния левых сил²². Однако опубликованные советские документы свидетельствуют, что все «народные революции» планировались в кабинетах Сталина и его прибалтийских эмиссаров, что хорошо показано, в частности, в упомянутой монографии Е.Ю. Зубковой. Она понимает выработку решений, которые привели к советизации Прибалтики в 1940–1953 годы²³, и саму советизацию как «процесс, целью которого являлось “встраивание” региона в советскую систему, преобразование политических, социальных и экономических структур в соответствии с советской моделью»²⁴. Зубкова также приходит к выводу о том, что эту модель до конца внедрить в Прибалтике так и не удалось, поскольку «Прибалтика

продолжала оставаться для Москвы “проблемной зоной” – вплоть до распада СССР»²⁵. Автор справедливо говорит, что для оправдания последующей аннексии балтийских стран была проведена инсценировка «народных революций», осуществленных под полным советским контролем.

Концентрируя свое внимание на формирование советских органов власти и механизме принятия решений по советизации Прибалтики в период правления Сталина, Зубкова подходит к данной проблеме с позиций либеральной российской историографии. Она признает, что в 1940 году имела место оккупация и последующая аннексия Советским Союзом государств Прибалтики. В ее книге отмечается, что «действия Советского Союза в Прибалтике с момента вторжения до решения сессии Верховного Совета СССР о вхождении Латвии, Литвы и Эстонии в состав Советского Союза, т. е. с 15–17 июня до 3–5 августа 1940 г., могут быть, хотя и с большой долей условности, расценены как “военная оккупация” – если не по “букве”, то по сути». Вместе с тем «термин “оккупация” совершенно не соответствовал ни долгосрочным планам Советского Союза относительно Прибалтики, ни реальному развитию событий в этом регионе. Во-первых, советская власть пришла туда “всерьез и надолго”, что противоречит временному характеру оккупации. Во-вторых, и это главное, балтийские государства потеряли свой суверенитет, стали частью Советского Союза с установлением там правовых и иных порядков, принятых на всей территории СССР. Народы Латвии, Литвы и Эстонии стали советскими гражданами, получили советские паспорта, что тоже противоречит оккупационной политике. А если выйти за границы международного права и оценить последствия аннексии 1940 г. как политическое событие? Режим, установленный в Прибалтике в результате советского вторжения не был оккупационным – он был коммунистическим режимом советского образца»²⁶.

После того, когда было принято формальное решение о вхождении трех республик Прибалтики в состав СССР, «началось насаждение политического режима советского образца. Даже если иметь в виду временный исторический характер этого периода, то

под определение оккупации он никак не подпадает. Термин «оккупация» является некорректным как с юридической, так и с криминологической и политической точки зрения»²⁷. Однако как быть с приведенными Зубковой примерами методов, которыми обеспечивался «социалистический выбор» народов Прибалтики? Неслучайно соответствующий параграф её книги красноречиво назван «Имитация “народных революций” под присмотром советских эмиссаров». Отмечается, что «демонстрации в поддержку СССР в балтийских странах начались немного позднее – 20 и 21 июня, когда ситуация в городах уже контролировалась частями Красной Армии, под прикрытием которых местные левые силы смогли развернуть свою деятельность»²⁸, что «сочиненные и утвержденные в Москве новые правительства между тем надо было тоже “легализовать”. Чтобы получить статус “народных”, эти правительства должны были появиться на основе движения снизу: по советскому сценарию народ должен был потребовать отставки прежних правительств и формирования новых»²⁹. Зубкова также показывает, что некоторые деятели прибалтийских компартий забежали вперед, требуя немедленного провозглашения Советской власти, но все прошло, как и было задумано в Москве, и советскую власть и добровольное присоединение к СССР провозгласили новые парламенты, избранные в условиях фактической однопартийности и под строгим военно-полицейским контролем.

Как нам представляется, выделенный Е.Ю. Зубковой период военной оккупации Прибалтики с 15–17 июня до 3–5 августа, в действительности можно назвать аналогом народно-демократического этапа в процессе советизации стран Восточной Европы после Второй мировой войны, о чем пойдет речь в следующем разделе нашей книги. В это время формально существовала коалиция коммунистов и других политических сил, некоммунистические правительства даже сохраняли свои армии, срочно переименованные в народные. Такой ситуации не было в Бессарабии, Северной Буковине, а также в Западной Украине и Западной Белоруссии, где власть уже с первых дней перешла к советским органам, присланным из коренных советских территорий. Причина

заклучалась в том, что до 3–5 августа Литва, Латвия и Эстония формально оставались независимыми государствами, хотя фактически таковыми уже не были, тогда как молдавские, украинские и белорусские земли просто присоединялись к уже существующим советским республикам. В Прибалтике даже были проведены выборы в парламент, вылившиеся в фарс. Опыт Литвы, Латвии и Эстонии наглядно показывает, что на самом деле народно-демократический этап никогда не рассматривался Сталиным в качестве альтернативы советской системе. То, что он затянулся в Восточной Европе после войны на 3–4 года, объяснялось исключительно внешнеполитическим фактором – наличием западных союзников по Антигитлеровской коалиции, с которыми до поры Сталин не хотел ссориться.

Российская исследовательница Юлия Кантор в своей книге «Прибалтика: Война без правил» признает факт противоправных действий СССР против Литвы, Латвии и Эстонии и их аннексию. Вслед за Зубковой она показывает, что организованные под советским контролем выборы были откровенным фарсом, а в соответствии с прибалтийской историографией признает, что июньские депортации 1941 года заставили местное население встречать немцев как своих освободителей. Однако Кантор также отрицает правомерность применения термина оккупация к пребыванию государств Балтии в составе СССР, хотя и признает, что присоединение этих стран Советским Союзом было отнюдь не добровольным, хотя далеко не все жители балтийских стран были настроены враждебно против Советской власти даже после аннексии. Ю. Кантор отмечает, что советский террор в Прибалтике был интернациональным, а не был направлен против каких-либо наций или этнических групп³⁰.

Однако известно и доказано, что Сталин осуществлял репрессии не только по сословно-имущественному признаку, но и национальному. Яркий пример – операция НКВД «по национальным контингентам», проведенная в 1937–1938 годах, когда были расстреляны сотни тысяч немцев, поляков, латышей, эстонцев, финнов и представителей других национальностей, чьи государства находились за пределами СССР. Другое дело, что сталин-

ский террор в Прибалтике не был направлен исключительно против эстонцев, латышей и литовцев, хотя они и стали его главными жертвами, или что этот террор преследовал цель полного уничтожения этих народов. В то же время репрессиям в Прибалтике подвергались и русские, и евреи, и представители других национальностей, относящиеся к имущим классам или считавшиеся политически неблагонадежными.

Российский политик Игорь Юргенс в соавторстве с латышскими политиками Янисом Урбановичем и Юрисом Пайдерсом в 2011 году выпустили книгу «Черновики будущего: Латвия 1934–1941». Она построена в форме диалога, который сопровождается материалами эпохи, почерпнутыми главным образом из газет. Авторы книги стремятся доказать, что немецкая оккупация была гораздо хуже советской «инкорпорации». Юргенс утверждает, что «было добровольное решение латвийской элиты в преддверии Второй мировой войны о вхождении в зону интересов СССР», поэтому надо говорить, не об аннексии, а об инкорпорации³¹. Однако в международном праве, как известно, отсутствует понятие «инкорпорация», а согласие или несогласие элиты не делает советские действия менее противоправными.

Одним из немногих российских историков, признающих факт советской оккупации стран Прибалтики в 1940 году и распространяющим понятие «оккупация» и на дальнейшее пребывание Литвы, Латвии и Эстонии в составе СССР, является Б.В. Соколов. Его точка зрения близка к точке зрения историков балтийских стран, но вызывает резкое неприятие большинства российских историков и российского общественного мнения³².

В начале 1990-х годов, т. е. в первые годы существования независимой России, склонность к однозначно отрицательной оценке советских действий, предпринятых в 1939–1940 годах в рамках выполнения секретных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа и советско-германскому договору о дружбе и границе, в российской историографии была распространена значительно больше, чем в настоящее время. М.И. Семиряга в своей монографии, вышедшей вскоре после распада СССР, писал об «ампутации государственного суверенитета Прибалтийских рес-

публик, которую произвели Сталин и Молотов в конце сентября – начале октября 1939 г.»³³. Но и он до некоторой степени оправдывал действия Советского Союза в отношении Прибалтики в 1939–1940 годах тем, что Советская власть была ликвидирована там сначала благодаря интервенции Германии, а затем под давлением стран Антанты. В то же время Семиряга осуждал советскую аннексию стран Балтии. Он утверждал: «...Часть трудящихся выступала за восстановление советской власти. Их борьбу возглавляли коммунисты. Буржуазия осуществляла свою власть, как правило, демократическими методами, но в острые моменты классовой борьбы и политической нестабильности прибегала к репрессиям и политическому произволу... во всех Прибалтийских республиках, хотя и с разной степенью активности, существовали общедемократические движения, которые могли бы привести к победе сил демократии и социального прогресса. Любое подталкивание этого закономерного процесса, как показывает исторический опыт, обычно приводит или к патовому состоянию, или к негативным последствиям. Обстановка в Прибалтийских республиках подтвердила эту историческую закономерность». Однако Семиряга делает оговорку насчет того, что в 1939–1940 годы «лозунги компартий с требованием защиты социальных завоеваний трудящихся и демократизации общественной жизни своих стран находили поддержку»³⁴.

При этом он признавал, что секретный протокол к пакту Молотова-Риббентропа «создавал необходимые предпосылки для ликвидации государственного суверенитета Эстонии, Латвии и Литвы»³⁵. Семиряга также отмечает, что летом 1940 года «перед выборами и во время выборов во всех Прибалтийских республиках стремление инкорпорировать их в состав СССР скрывалось от избирателей. Видимо, надежды на то, что население согласится с добровольной потерей своего государственного суверенитета, не было»³⁶. Историк также подчеркивает, что выборы в странах Прибалтики тогда проводились с грубыми нарушениями действующего законодательства. В книге Семиряги приводится свидетельство эстонского коммуниста Ниголя Андресена, министра иностранных дел в просоветском правительстве Эстонии, о

том, как он сказал Жданову, что для ориентировки на длительный период ему нужно знать, в течение какого времени эстонское руководство должно подготовить присоединение Эстонии к Советскому Союзу: «Жданов поправил меня – не столько языково, сколько по существу, сказав вместо “присоединение” “вхождение”, подчеркнув тем самым метод присоединения»³⁷. Как отмечается в книге, когда осенью 1940 года был осуществлен переход с местной валюты на общесоюзную, «произошло резкое снижение жизненного уровня трудящихся, особенно рабочих и служащих, что привело к ряду забастовок на предприятиях». Крестьян же уже в начале 1941 года обязали поставлять продукцию государству по символическим ценам, а объем поставок зачастую превышал объем производства³⁸.

Семиряга считал, что действия СССР в Прибалтике в 1940 года – это «аннексия, осуществленная сталинским руководством СССР в интересах расширения территории страны и получения военно-стратегических преимуществ»³⁹. В то же время, по его мнению, «если за “образец” взять австрийский вариант, то можно признать наличие в странах Прибалтики тех или иных элементов оккупации, которые не исчезли и с их включением в состав Советского Союза. Но если иметь в виду более типичный для Второй мировой войны немецко-фашистский вариант оккупации, который характеризовался такими признаками, как территориальное расчленение стран, полная ликвидация государственного суверенитета, экономический грабеж, бесправие народа, геноцид, отсутствие избранных свободным волеизъявлением населения демократических органов власти и наличие специфических оккупационных органов управления, то рассматриваемые в совокупности эти признаки к ситуации в Прибалтийских странах в 1939–1941 гг. в полной мере не подходят»⁴⁰.

Другой представитель либерального направления, российский этнолог Сергей Чешко, утверждает: «Республики Прибалтики занимали в составе СССР особое место. По своему культурному облику это была “наша внутренняя Европа”, то самое окно на Запад, которое прорубил Петр I и через которое Россия сообщалась и воспринимала значительную часть влияния западной цивилиза-

ции. Другая особенность состояла в том, что Латвия, Литва и Эстония вошли в состав СССР позже остальных регионов. В течение двадцати лет они были самостоятельными государствами, а их включение в СССР в 1940 г. сопровождалось такими обстоятельствами, что историки и правоведы до сих пор спорят, было это добровольным актом или аннексией»⁴¹. Этот автор допускает, что вхождение стран Балтии в СССР носило хотя бы отчасти добровольный характер.

В целом российские авторы, даже представляющие либеральное течение, по отношению к пребыванию Прибалтики в составе СССР предпочитают оперировать термином «аннексия», а не «оккупация». М.Ю. Крысин даже выступил с особой теорией: «прибалтийские националисты» заменили термин «аннексия» термином «оккупация», когда «открыли, что согласно международному праву присоединенная территория через 50 лет аннексии становится частью страны-“захватчика”»⁴².

Однако в действительности международное право никакой подобной нормы не содержит. И дело заключается только в том, что слово «оккупация» имеет более негативную коннотацию, чем слово «аннексия». Поэтому прибалтийские политики и историки предпочитают чаще употреблять термин «оккупация», а те российские историки и немногие политики, кто признает факт советской аннексии Прибалтики, предпочитают говорить об аннексии, а не оккупации. Когда в предисловии к изданному в 2006 году первому тому совместно подготовленного российско-литовскому двухтомному сборнику документов «СССР и Литва в годы Второй мировой войны» российский историк Н.С. Лебедева признала, что в июне 1940 года Советский Союз начал оккупацию стран Прибалтики, за которой последовала аннексия, в прессе стран Балтии это интерпретировалось как официальное признание российской стороной факта оккупации Литвы, Латвии и Эстонии. Потребовалось разъяснение директора Института всеобщей истории РАН академика А.О. Чубарьяна, сопредседателя российско-литовской комиссии историков, заявившего, что это всего лишь мнение одного историка. Упомянутый сборник документов так и не поступил в России в свободную продажу⁴³.

Официальные позиции Литвы, Латвии и Эстонии в отношении событий 1939–1941 и 1944–1991 годов совпадают. Они выражены, в частности, в словах латышского историка И. Фельдманиса: «Заключенный 23 августа 1939 года Советским Союзом и Германией договор о ненападении и его неотъемлемая составная часть – секретный дополнительный протокол (пакт Молотова-Риббентропа) были противоправной и циничной сделкой, примирением за счет шести третьих государств... Перед началом переговоров о заключении договора о взаимной помощи СССР оказал большое дипломатическое и военное давление на Балтийские государства. У границ этих государств были сконцентрированы три армии, в которые входило 10 корпусов и 39 дивизий и бригад, которые ждали “боевого приказа для вторжения в Балтийские государства”... Учитывая аспекты международного права, договоры, которые были заключены о взаимной помощи между столь неравными по силе сторонами (державой и малыми и слабыми государствами), трудно оценивать как легитимные... 17 июня 1940 года Советский Союз, который в то время был официальным союзником нацистской Германии, “осуществил неспровоцированную военную агрессию против Латвии и оккупировал ее”... Незаконная и противоправная смена правительства произошла 20 июня 1940 года. Вместо кабинета К. Ульманиса пришло советское марионеточное правительство во главе с А. Кирхенштейном, которое официально именовали правительством латвийского народа. Это правительство представляло интересы СССР, и под прикрытием его действий Москва осуществляла свои планы и готовилась к аннексии Латвии. Советская сторона активно вмешивалась во внутренние дела Латвии. Советские учреждения создали сильный аппарат безопасности, в котором распоряжались приехавшие из СССР работники... Аннексия Латвии и других Балтийских государств базировалась на противоправных основах – интервенции и оккупации. Поэтому она не вызвала юридических последствий. Не было также смены суверенной власти: аннексированное государство сохранило свой суверенитет, и аннексирующий ее не получил. Международная субъектность Латвии и других Балтийских государств не исчезла. Латвия, Литва и Эсто-

ния продолжали *de jure* существовать, что признали более 50 государств мира»⁴⁴.

Российские историки, за редчайшим исключением, в настоящее время не только не признают факт долгосрочной советской оккупации стран Балтии, а признавая факт аннексии Литвы, Латвии и Эстонии, они не считают, что сохранился суверенитет балтийских стран, поскольку на время вхождения Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР их суверенитет перешел к Советскому Союзу. Этот вопрос связан, в частности, с правовым положением сотрудников советских силовых органов, оставшихся в странах Балтии после восстановления независимости. Там их порой привлекают к ответственности за преступления против человечности, если репрессии касались гражданского населения. Российская же сторона считает, что страны Балтии не вправе судить их, поскольку в период 1940–1991 годы эти страны не обладали государственным суверенитетом.

Эстонский правовед Л. Мялксон отмечает, что в период советской аннексии стран Балтии ведущие политологи мира ссылались на события 1940 года как «на иллюстрацию пределов международного права в ситуациях, когда оно противопоставляется таким факторам как сила»⁴⁵. Он также убежден, что случаи Литвы, Латвии и Эстонии подобны случаям Чехословакии и Австрии, где не было «военной оккупации», поскольку не было военных действий. Для таких случаев существует понятие «мирная оккупация»⁴⁶.

Здесь под словом «оккупация» понимается любой незаконный захват и удержание территории против воли ее населения. Как подчеркивает эстонский исследователь, «уже к концу Второй мировой войны международное сообщество приняло правовой принцип, согласно которому незаконно аннексированное государство не прекращает своего существования в качестве субъекта международного права. Восстановление стран Балтии вновь подтвердило данную правовую норму в значительно более проблематичных исторических условиях: вопреки тому факту, что незаконная ситуация длилась в течение полувека»⁴⁷.

Л. Мьялсоо формулирует общую позицию трех балтийских стран по поводу советской оккупации:

«...Оккупация и аннексия стран Балтии Советским Союзом были квалифицированы как незаконные деяния. СССР захватил эти государства и, путем депортации и/или убийства десятков тысяч их граждан, причинил существенные потери в человеческих жизнях, нанес материальный и моральный ущерб. Для СССР в незаконно аннексированных странах Балтии в качестве абсолютного минимума были обязательны гуманитарные стандарты, установленные Гаагскими нормами 1907 г. Массовые депортации и “ликвидации”, организованные в этих странах правительством СССР, явно нарушали эти минимальные стандарты, установленные первичными нормами международного права. Без соблюдения должных юридических процедур тысячи представителей народов этих государств были приговорены к долгим срокам заключения в лагерях ГУЛАГа и осуждены выполнять для СССР работу, которая не заслуживает другой оценки кроме как “рабский труд”. Кроме того, в зависимости от позиции в отношении объема правовых обязанностей СССР в течение периода аннексии, могут быть дополнительно квалифицированы как международно-противоправные действия убытки, нанесенные экономике и природной среде этих стран. В любом случае, из практики Международного суда следует, что государство, осуществляющее незаконный контроль над определенной территорией, ответственно за нарушения международного права, совершаемые на этой территории.

Разумеется, крушение Советского Союза в декабре 1991 г. ставит вопрос о возможности приписывания другим государствам международно-противоправных деяний, совершенных СССР. Мы утверждаем, что с точки зрения принципов ответственности государств Российская Федерация как государство-продолжатель СССР ответственна за совершенные СССР международно-противоправные деяния»⁴⁸.

Большинство российских историков также считает, что аннексию государств Прибалтики нельзя признать законной, но что из этого следует незаконность пребывания Эстонии, Литвы и Лат-

вии в составе СССР. Отрицание факта оккупации вызвано, прежде всего, обоснованным опасением, что к России как правопреемнику СССР могут быть предъявлены финансовые иски с требованием выплаты компенсаций гражданам Литвы, Латвии и Эстонии за ущерб, причиненный в 1940–1991 годах.

Бывший министр иностранных дел и нынешний президент Эстонии Т.Х. Ильвес охарактеризовал отношения России со странами по поводу «трудных вопросов» совместной истории словами американской поговорки: «Ты можешь либо остаться правым, либо получить то, что ты хочешь», поскольку «в своих отношениях с Российской Федерацией страны Балтии все в большей мере склонялись к “здравой позиции”, выраженной, по крайней мере, в молчании по определенным вопросам. Будущее покажет, поможет ли это им “получить то, что они хотят”. В связи с договорами о границе Россия высказала свое пожелание, чтобы Эстония и Латвия отказались от своей прежней позиции в вопросе об оккупации. Подобным образом российское правительство избегает принимать на себя тяжелое бремя, и так и не принесло извинений за оккупацию. Ранее возможность таких извинений, по крайней мере, не исключалась. Константин Провалов, посол России в Эстонии с 2001 г., дал во время интервью почти примирительный ответ на вопрос, собирается ли Россия извиняться за оккупацию балтийских республик: “Давайте оставим исторические дебаты для будущего. Как говорится в восточных странах, если хочешь идти в будущее, то закрывай глаза на прошлое, но не забывай ничего”»⁴⁹.

Более консервативно настроенные российские историки, не признающие факт аннексии балтийских государств, часто повторяют в своих работах установки, оставшиеся еще с советских времен. В частности, Ю.В. Емельянов в своей новой книге в значительной мере повторяет текст своей книги 1990 года⁵⁰. Даже главы о событиях 1940 года называются одинаково – «Июньские революции». В некоторых случаях прежние главы, при почти неизменном тексте, теперь имеют более пафосное название. Например – вместо «Провозглашения Советской власти» стало «Социалистический выбор Эстонии, Латвии и Литвы». Зато те-

перь из этого текста исчезли оговорки о нарушении Советским Союзом при действиях в Прибалтике норм международного права, равно как и пассаж о «безальтернативности» выборов 1940 года⁵¹. Исчезли также фразы о негативных последствиях советской индустриализации в Прибалтике. Вместо них новая книга оказалась насыщена обильными цитатами из речей коммунистических лидеров Эстонии, Латвии и Литвы об огромных достижениях этих республик на ниве социалистического строительства, и дополнительными данными ЦСУ, призванными подтвердить эти утверждения. Вполне предсказуемо оказывается общий вывод: «Появление советских войск в трех прибалтийских республиках способствовало подъему борьбы трудящихся против фашистских режимов. Успех этой борьбы облегчался стремлением значительной части населения Прибалтики не допустить развязывания войны и фашистской оккупации на своей территории. Было маловероятно, чтобы в трех прибалтийских республиках сохранился надолго несоветский строй»⁵².

Представители национально-патриотического направления, создавшие коллективный труд «Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР: мифы современных учебников постсоветских стран и реальность социально-экономических подсчетов», главным мотивом, оправдывающим сталинские действия в Прибалтике, назвали соображения обеспечения безопасности: «Для СССР было абсолютно недопустимым, чтобы Прибалтика избрала даже позицию нейтралитета, в случае его войны с Германией. Руководители Советского Союза вполне обоснованно опасались, что прибалтийские республики могут сыграть для СССР ту же роль, что сыграла Бельгия в Первой мировой войне для Франции – то есть стать транзитом для молниеносной переброски германских войск к границам СССР. Если же республики станут на сторону Германии, то для Советского Союза это могло бы обернуться катастрофой. Учитывая же склонность прибалтийских вождей приторговывать в личную пользу национальными интересами, вопрос об усилении советского влияния в регионе становился одним из наиболее важных для СССР»⁵³. В подтверждение этих опасений приводится тот факт, что 7 июня

1939 года Эстония и Латвия подписали с Германией пакт о ненападении⁵⁴.

Здесь необходимо внести уточнения. Во всех странах Балтии прогерманские настроения были довольно слабы, поскольку Литва, Латвия и Эстония ориентировались на Антанту, а Литва еще имела очень неплохие отношения с СССР и очень плохие с Польшей из-за Вильнюса. Реальных же планов вторжения вермахта в Прибалтику не существовало. В случае же, если бы оно произошло, государства Балтии, скорее всего, сами бы позвали Красную Армию на помощь, а сопротивление местных армий могло бы, по крайней мере, задержать продвижение немцев. И уж совершенно непонятно, каким образом пакты балтийских стран с Германией о ненападении могли угрожать СССР. Наоборот, по крайней мере, в теории, такие пакты должны были уменьшить вероятность немецкого нападения на Латвию и Эстонию. При этом некоторые российские историки признают, что договоры о взаимопомощи заключались странами Балтии под угрозой войны, но не видят в этом никакого криминала: «Власти Эстонии посчитали, что следует подписать договор, альтернативой которому может быть война с Советским Союзом». И в доказательство «свободы выбора» приводится цитата из речи генерала Лайдонера: «На нас было оказано определенное давление. И я об этом говорю откровенно – такое давление было. Но в то же время мы должны признать совершенно искренне – Советский Союз предоставил нам свободу выбора – вступать ли в военный конфликт или подписать договор о сотрудничестве и взаимной помощи»⁵⁵.

Для оправдания «народных революций» в Прибалтике утверждается, будто просоветские населения в Литве, Латвии и Эстонии начали нарастать уже в момент поступления предложений Москвы заключить договоры о взаимопомощи. В обоснование этого тезиса цитируются отчеты советских дипломатов и разведчиков⁵⁶, что вряд ли корректно.

Утверждается, что «советизация Прибалтики была необходима, прежде всего, из военных соображений, для наибольшего укрепления позиций Советского Союза», и что в июне 1940 года в странах Балтии «введение дополнительного советского контин-

гента было встречено населением республик вполне спокойно, а в ряде случаев и с радостью»⁵⁷. Результат демонстраций 20–21 июня трактуется таким образом, что «диктаторские режимы, таким образом, в республиках перестали существовать»⁵⁸. Эта фраза должна подразумевать, что в странах Балтии установилась демократия, тогда как в действительности прежние диктатуры сменились гораздо более жестокой сталинской диктатурой. Важнейшим фактором, вынудившим СССР к решительным действиям, якобы стали планы по созданию «Балтийской Антанты»⁵⁹.

Однако на подобные аргументы можно найти убедительные возражения у Е.Ю. Зубковой. Она полагает, что, «когда немецкие войска заняли Норвегию, Данию, стояли буквально под Парижем, и было ясно, что Франция не устоит... Сталин больше не хочет ждать. Надо поторопиться. Уже весной 1940-го года в Москве принято решение, что пакты – это не очень надежная гарантия для обеспечения советских стратегических интересов. Решение уже есть. Надо найти повод.

И тогда в Литве вдруг всплывает история о том, что там пропадают красноармейцы. Эта история начинает активно обрабатываться. 24-го мая 1940-го года полпред Поздняков пишет Молотову бумагу о том, что пропали 2 красноармейца. Их похитили литовские спецслужбы – и надо организовать срочное расследование, защитить наших солдат и т. д. ... Молотов моментально дает делу ход. И уже 25-го мая вызывает к себе полпреда Литвы в Москве Наткевичюса и делает ему большое внушение, вручает ультиматум, что Москва очень недовольна, что Литва не может сама справиться с решением этой проблемы... но история красноармейцами – довольно хлипкий повод для серьезных претензий. И тогда возникает идея о том, что за спиной Москвы страны Прибалтики собираются заключить между собой союз, так называемую «Балтийскую Антанту».

Идея-то старая, возникла еще в 20-е годы. И московская политика по отношению к так называемой Балтийской Антанте была разной. Но в данном случае повод был серьезный. И, используя два этих сюжета, Москва 14-го июня предъявляет Литве ультиматум»⁶⁰.

А комментируя встречу советских войск в Прибалтике, Зубкова: «Были цветы, и было разное отношение со стороны общества к факту советского присутствия. Но были и специальные группы, которые назывались в народе “целователями танков”»⁶¹.

В то же время, как мы уже отмечали, Зубкова не разделяет концепцию балтийских историков о трех оккупациях Литвы, Латвии и Эстонии – первой советской, немецкой и второй советской. В недавней лекции она заявила: «Я не считаю, что действия СССР в Прибалтике можно оценивать как оккупацию. У понятия “оккупация” есть довольно четкие критерии: временное занятие территории противника в условиях военных действий. Военная оккупация – а другой международное право просто не знает. Так вот, действия СССР с момента ультиматума до момента принятия государств Балтии в состав СССР, с моей точки зрения, можно расценивать как оккупацию, хотя формально эти страны не находились в состоянии войны. А дальше идут уже другие процессы. В 40-м году началась не оккупация Прибалтики. Туда пришла советская власть. Последствия внедрения советского режима, по моему, оказались хуже, чем любая оккупация. В Прибалтике очень часто используется теория оккупации. Она является необходимой подложкой для определения позиции сегодняшнего латвийского государства по отношению к той части русскоязычного населения, которая приехала в Прибалтику после 1940-го года. Это очень непростая проблема»⁶².

Историк М.Ю. Крысин дал своей книге вполне «говорящее» название – «Прибалтийский фашизм»⁶³. Он утверждает, что нельзя защищать «режимы Пятса, Ульманиса или Сметоны, нарушавшие права как национальных меньшинств, так и своих собственных народов, и в то же время осуждать как “недемократические” выборы в республиках Прибалтики в июле 1940 г.»⁶⁴. Между тем, между авторитарными режимами балтийских стран и тоталитарным режимом Сталина существовали принципиальные различия. В Литве, Латвии и Эстонии национальные меньшинства могли ограничиваться в правах, но не уничтожались физически. В СССР же, как уже подчеркивалось, в ходе операции НКВД по «национальным контингентам» в 1937–1938 годах были расстреляны

сотни тысяч поляков, немцев, эстонцев, латышей, литовцев, финнов и представителей других «некоренных» национальностей только за свою национальную принадлежность.

Крысин признает, что вопрос о законности выборов 1940 года является «спорным». Но главный упор, вслед за Емельяновым, он делает на то, что «с юридической точки зрения» утверждение о фальсификации выборов 1940 года «является не более чем предположением, так как документальных подтверждений фальсификации выборов в июле 1940 года отсутствует». Историк, правда, не задается вопросом, как такого рода доказательства могли оставить, сохранить избирательные комиссии, работавшие под полным советским контролем. Он также подчеркивает, что в Прибалтике было значительное число тех, кто был недоволен существующим строем и приветствовал присоединение к Советскому Союзу⁶⁵. Между тем, в книгах Семиряги и Зубковой вполне убедительно доказывается, что даже те, кто были в оппозиции к правительствам Пятса, Ульманиса и Сметоны, в своем подавляющем большинстве не были сторонниками ликвидации национальной независимости и присоединения к СССР, вследствие чего во время короткой избирательной кампании, по строжайшему указанию из Москвы, ничего не говорили о намерении включить Эстонию, Латвию и Литву в состав Советского Союза.

Тезис об оккупации Прибалтики Советским Союзом Крысин, как и Зубкова, и большинство российских историков, отвергает ссылкой на чисто военное значение термина «оккупация», как временного занятия территории в ходе войны. Он утверждает, что «Советский Союз ни формально, ни фактически не находился в состоянии войны со странами Балтии... Латвию, Литву и Эстонию в 1940 году не оккупировали, а присоединили при активном содействии местных компартий и поддержки значительной части населения. С точки зрения международного права это называется аннексией. Причем формально произошло это даже не по инициативе Кремля, а по просьбе сеймов Латвии, Литвы и Эстонии. С юридической точки зрения все было сделано безукоризненно»⁶⁶.

Однако известно, что всякой аннексии должна предшествовать хотя бы кратковременная оккупация территории державой, ее аннексирующей, иначе об аннексии, т. е. незаконном присоединении, речи быть не может. Содействие же местных компартий никак не могло иметь решающей роли. До ввода советских войск численность каждой из компартий в Прибалтике не превышала несколько сот человек. Затем начался рост их численности, но даже к началу 1941 года цифры были совсем не впечатляющими. В Литве тогда насчитывалось 2486 коммунистов, в Латвии – 2798 и в Эстонии – 2038. Прирост во второй половине 1940 году был достигнут главным образом за счет вернувшихся из СССР эмигрантов и коммунистов советских воинских частей, дислоцированных в Прибалтике⁶⁷.

Крысин противопоставляет советскую и немецкую оккупации Прибалтики: «“Советская оккупация” 1940–1941 годов оставила республикам Прибалтики новые заводы и предприятия, школы и институты, больницы, театры... Фашистская оккупация за три года разрушила все, что только было можно, превратив в руины целые города и села»⁶⁸. Объективности ради нельзя не учитывать, что все-таки германская оккупация пришлась на годы войны, когда, естественно, ни о каком строительстве гражданских объектов не могло быть и речи. Что же касается разрушений, то на территории балтийских стран их в равной мере производили как немецкие войска, уничтожавшие инфраструктуру при отступлении, так и советская авиация, бомбившая Таллинн, Ригу и другие города.

Другой историк национально-патриотического направления А.Р. Дюков также приводит аргументы, связанные с безопасностью СССР. Он пишет о том, что «оправданием действий Советского Союза» в Прибалтике «могут служить интересы его безопасности накануне мировой войны»⁶⁹. Но эти аргументы сродни тем, которые использовал Гитлер для оправдания своей агрессии против Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии и других стран. Автор полагает, что «в истории взаимоотношений России и Эстонии есть темные страницы. Однако исследовать их необходимо

со строго научных позиций, не повторяя не подтвержденных документально антисоветских мифов»⁷⁰.

Таким образом, в современной российской историографии, посвященной истории стран Балтии в советское время, разные группы историков пытаются опираться на широкий круг источников, в том числе архивных. Однако их интерпретация нередко выборочна и не лишена политической составляющей, вплоть до оправдания сталинского террора в Прибалтике.

Крайне важной в освещении предвоенных событий является неудавшаяся попытка советизации Финляндии. Одновременно с государствами Прибалтики в октябре 1939 года Финляндии были сделаны предложения о заключении договора о дружбе с СССР и о размещении на своей территории советских военных баз. Эти предложения были отклонены, а последующая попытка «советизации» Финляндии в ходе «Зимней войны 1939–1940 гг.» окончилась провалом. Большинство российских историков согласны со своими финскими коллегами в том, что советское нападение на Финляндию было неспровоцированной агрессией советской стороны, что правительство Финской Демократической Республики во главе с видным деятелем Коминтерна О. Куусиненом было марионеточным, образовалось не в Терийоках (ныне Зеленогорск), а на советской территории и не представляло финский народ. Финский историк Хенрик Мейнандер отмечает, что основной причиной советского нападения на Финляндию были «опасения Сталина, что Гитлер может через территорию Финляндии двинуться на Ленинград и северные области СССР. Не помогло здесь и заверение финского правительства на переговорах с Москвой осенью 1939 года в том, что Финляндия готова отразить, в частности, германское наступление»⁷¹. Пустым звуком «стали как решение Сталина учредить финское марионеточное правительство, так и советская пропаганда, согласно которой нападение было проявлением поддержки СССР финского рабочего класса»⁷².

С финскими историками вполне солидарны историки других западных стран. Так, британский историк Джеффри Робертс отмечает, что хотя советская военная кампания против Финляндии,

проводилась под пропагандистскими лозунгами создания народно-демократической или социалистической Финляндии, но, когда дело дошло до мирного договора, дело ограничилось отторжением лишь сравнительно небольших территорий, а правительство Куусинена было ликвидировано⁷³. Финские историки Осмо Юссила, Сеппо Хентилия, и Юкка Невакиви обращают внимание на то, что «известие о создании Терийокского правительства вызвало негодование и упрочило национальное единство в Финляндии». Это «предприятие» не имело успеха еще и потому, что сталинские чистки 1930-х годов уничтожили почти всех до единого руководителей компартии Финляндии. Показательно и то, что никак не удавалось найти достойных кандидатов в «министры» правительства Куусинена⁷⁴.

Российский историк П.А. Аптекарь главу о Финской Демократической Республики и правительстве Куусинена назвал в своей монографии «Выдуманная страна и ее армия». Он пришел к выводу, что «несмотря на все попытки Кремля представить ФДР вполне дееспособным образованием, в Европе сразу поняли, что к чему... Дитя ЦК ВКП(б) и Коминтерна оказалось мертворожденным, несмотря на все финансовые вливания и попытки создания государственных институтов, которые, впрочем, не имели никакой реальной власти как обычная гражданская администрация в тыловых районах действующей армии»⁷⁵. Аптекарь также рисует примерный сценарий деятельности правительства Куусинена в случае победы Красной Армии в «зимней войне», капитуляции Финляндии и оккупации всей ее территории: «“Народное” правительство ФДР – горстка эмигрантов, не знавших своего народа, – хотело оно этого или нет, объективно вело дело к присоединению Финляндии к СССР... Другого выхода в случае прихода к власти “Народного” или “Народнофронтского” правительства не было бы. Запуганный Сталиным Коминтерн приказал бы финским товарищам присоединиться к СССР, и те в силу партийной дисциплины не посмели бы отказаться. А с некоммунистическими “попутчиками” Народного Фронта произошло бы то же самое, что в Польше в 1944–1947 годах, а в Чехословакии в 1945–1948-м, где при помощи НКВД-МГБ новые органы госбезопасно-

сти подавили оппозицию»⁷⁶. Здесь стоит только оговориться, что Коминтерн не просто был запуган Сталиным, а находился под его полным и безусловным контролем, а сам Отто Куусинен впоследствии был вполне послушным функционером КПСС, являясь одно время секретарем ЦК.

А.Б. Широкоград, признавая сам факт нарушения Советским Союзом международного права при вторжении в Финляндию, оправдывает его тем, что «великие западные державы тоже забывали о международном праве тогда, когда им это было выгодно». Например, в 1940–1942 годах Великобритания и США произвели вооруженные вторжения в десятки нейтральных государств и чужих колоний, среди которых Иран (1941 год), Ирак (1942 год), французские территории в Африке (1940–1942 годы) и т. п.⁷⁷. Однако ни один российский историк не отрицает, что вторжение Красной Армии в Финляндию было грубым нарушением норм международного права и что правительство Финской Демократической Республики было сугубо представительским или марионеточным. Никакой реальной власти оно не имело и если оказывало какое-то влияние на финский народ, то в направлении, прямо противоположном тому, что ожидали в Москве. Сам факт существования марионеточной ФДР сплачивал население Финляндии вокруг существующего правительства в Хельсинки. Как отметил М.И. Семиряга, создание правительства Куусинена «не соответствует моральному аспекту международного права». Он отверг предположение, что создание этого правительства «является якобы свидетельством того, что советское руководство не собиралось устанавливать в Финляндии оккупационный режим и после эвентуальной победы могло вывести из этой страны свои войска». Автор считает, что вариант, в соответствии с которым по «требованию широких трудящихся масс» Финляндия могла бы быть присоединена к Советскому Союзу, не был исключен, хотя финские коммунисты отрицали подобную возможность. Но ведь коммунисты Прибалтийских стран до выборов также ее не допускали⁷⁸.

Характерно, что еще 19 ноября 1939 года нарком обороны К.Е. Ворошилов подписал приказ об образовании в Ленинград-

ском военном округе (ЛВО) особого воинского подразделения – 106-й стрелковой дивизии, командиром которой назначался А. Анттила, финн по национальности, бывший до этого командиром 147-й дивизии Харьковского военного округа. 106-я дивизия должна была формироваться в Карелии и Ленинградской области из финнов, ингерманландцев, карел, а также лиц, владеющих финским или карельским языком. Эта дивизия и стала основой Финской народной армии правительства Куусинена⁷⁹.

С.Г. Веригин, проанализировавший деятельность ФНА, делает вывод о том, что «вся история с Народной армией, точно так же, как и с созданием Народного правительства Финляндии в Териоки, была сознательной политической акцией тогдашнего руководства Советского Союза, стремившегося не только решить главную стратегическую задачу – отодвинуть границу от Ленинграда, но и по возможности экспортировать в соседнюю Финляндию правительство Куусинена»⁸⁰.

Подводя итоги раздела, подчеркнем, что в целом при изучении событий 1939–1941 годов большинство российских историков достигает консенсуса со своими иностранными коллегами в признании противоправности советских действий в Восточной Польше, Прибалтике, Бессарабии и Северной Буковине, в осуждении Катынского преступления и методов советизации. В то же время, сохраняются серьезные разногласия с зарубежными коллегами в оценке советского присутствия в Прибалтике, Бессарабии и Северной Буковине как оккупации. В отличие от румынских и балтийских историков, российские историки стараются найти нечто позитивное в пребывании народов аннексированных территорий в составе СССР.

Состояние, близкое к консенсусу, которое существует между российской и финской историографией в международно-правовых аспектах советско-финской войны 1939–1940 годов объясняется тем, что, в силу сложившихся между СССР и Финляндией, а впоследствии между Россией и Финляндией после Второй мировой войны нормальных межгосударственных отношений, Финляндия никогда не выдвигала и не выдвигает территориальных претензий к России и не требует извинений за «Зим-

ною войну». Это объясняется тем, что после этой войны была «война-продолжение» 1941–1944 годов, в которой агрессором выступала уже Финляндия. До некоторой степени подобная «компенсация» есть и в случае с аннексией Бессарабии и Северной Буковины, поскольку Румыния в 1941 году стала союзником Гитлера в его нападении на СССР. Но такой своеобразной «компенсации моральной вины» у Советского Союза не оказывается в случае с Польшей и Прибалтикой, что и вызывает острые споры на исторические темы с этими странами, нередко переходящими в «войны памяти».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эстония. Краткий справочник. – Таллинн: KRK, 2000. С. 27.

² Экспресс-Неделя, Вильнюс, 2011, 29 марта.

³ Laur M., Lukas T. et al. History of Estonia. 2nd Ed. – Tallinn: AS BIT, 2002. P. 263.

⁴ Ibid. P. 264.

⁵ Граф М. Эстония и Россия. 1917–1991: Анатомия расставания. – Таллинн: Арго, 2007. С. 325.

⁶ История Латвии. XX век / Под ред. И. Фрейберги, И. Фельдманиса. Пер. с латышского. – Рига: J.L.V., 2005. С. 231.

⁷ Там же. С. 231–232.

⁸ Там же. С. 234, 236.

⁹ Там же. С. 236.

¹⁰ Станкерас П. Литовские полицейские батальоны. 1941–1945 годы. – М.: Вече, 2009. С. 6–7.

¹¹ Там же. С. 7–8.

¹² Там же. С. 8–9.

¹³ См.: Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. – М.: Вече, 2007. С. 84–124.

¹⁴ Орлов А.С. СССР и Прибалтика 1939–1940 // Война и политика 1939–1941. С. 192.

¹⁵ Там же. С. 192, 196.

¹⁶ Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. С. 44–63.

¹⁷ Зубкова Е.Ю. Сталинский проект для Прибалтики // Полит.ру, 2009, 13 января (<http://www.polit.ru/lectures/2009/01/13/pribal.html>).

¹⁸ См.: *Аптекарь П.А.* Неизвестное войско несуществующей страны // Независимая газета, 1994, 25 ноября. С. 4.

¹⁹ *Орлов А.С.* СССР и Прибалтика 1939–1940. С. 199.

²⁰ Там же. С. 200.

²¹ Там же. С. 201.

²² Там же. С. 203–204.

²³ *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. С. 10.

²⁴ Там же. С. 7.

²⁵ Там же. С. 344.

²⁶ Там же. С. 100–101.

²⁷ *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика как витрина для Запада // Час, Рига, 2008, 12 ноября.

²⁸ *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. С. 79.

²⁹ Там же. С. 83.

³⁰ *Кантор Ю.З.* Прибалтика: война без правил (1939–1945). – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2011.

³¹ *Юргенс И., Урбанович Я., Пайдерс Ю.* Черновики будущего: Латвия 1934–1941 годы. Рига: Балтийский форум, 2011; *Игорь Юргенс:* «Советский Союз спас Европу от абсолютного зла» // Российские вести, 2011, 3 августа.

³² См.: *Соколов Б.В.* Страны Балтии в российских учебниках истории // Образ России и стран Балтии в учебниках истории. – М., АИРО-XX, 2002.

³³ *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. – М.: Высшая школа, 1992. С. 205.

³⁴ Там же. С. 206–207.

³⁵ Там же. С. 214.

³⁶ Там же. С. 235.

³⁷ Там же. С. 238.

³⁸ Там же. С. 246–247.

³⁹ Там же. С. 256. В подтверждение данного тезиса Семиряга цитирует определение аннексии из ленинского Декрета о мире, принятого II съездом Советов в ноябре 1917 г.: принятый в ноябре 1917 г. II Всероссийским съездом Советов Декрет о мире дал следующее определение аннексии: «Под аннексией, или захватом чужих земель, правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет» (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 14).

⁴⁰ *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. С. 257.

⁴¹ Чешко С. Роль этнонационализма в распаде СССР // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза: сборник. – М.: Пушкино: Социально-политическая мысль, 2005. С. 450.

⁴² Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. С. 77.

⁴³ Чебыкин И. Россия стоит потребовать от прибалтов компенсацию // KM.RU, 2011, 18 января <http://news.km.ru/rossii-stoit-potrebovat-ot-pribaltov-kompensatsiyu>; Зубкова Е.Ю. Сталинский проект для Прибалтики // Полит.ру, 2009, 13 января (<http://www.polit.ru/lectures/2009/01/13/pribalt.html>). Н.С. Лебедева буквально написала следующее: «15–16 июня большая часть территории Литвы была занята советскими войсками. Тем самым было положено начало процессу оккупации и последующей аннексии Литвы и других стран Балтии Советским Союзом» (СССР и Литовская Республика (март 1939 – август 1940 гг.), Вводная статья // СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сборник документов / Под ред. А. Каспаравичюса, Ч. Лауринавичюса, Н.С. Лебедевой, А. Никжентайтиса, А.О. Чубарьяна. – Vilnius: LII leidykla, 2006. С. 50.

⁴⁴ Фельдманис И. Оккупация Латвии – исторические и международно-правовые аспекты // Портал МИД Латвии (<http://www.am.gov.lv/ru/latvia/history/history-juridical-aspects/>).

⁴⁵ Мьялсоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. – Тарту, 2005. С. 19.

⁴⁶ Там же. С. 43.

⁴⁷ Там же. С. 359–360.

⁴⁸ Там же. С. 285.

⁴⁹ Цит. по: Мьялсоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет. С. 363.

⁵⁰ Емельянов Ю.В. Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? – М.: Издатель Быстров, 2007. Сравни: *Он же*. Большая игра. Ставки сепаратистов и судьбы народов. – М.: Молодая гвардия, 1990.

⁵¹ Там же. С. 281, 291,

⁵² Там же. С. 281.

⁵³ Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР: Мифы современных учебников постсоветских стран и реальность социально-экономических подсчетов / Под ред. А.А. Данилова, А.В. Филиппова. – М.: Просвещение, 2010. С. 57–58.

⁵⁴ Там же. С. 58.

⁵⁵ Там же. С. 60–61.

⁵⁶ Там же. С. 59.

⁵⁷ Там же. С. 64, 67.

⁵⁸ Там же. С. 68.

⁵⁹ Там же. С. 65–67.

⁶⁰ Зубкова Е.Ю. Сталинский проект для Прибалтики // Полит.ру, 2009, 13 января (<http://www.polit.ru/lectures/2009/01/13/pribalt.html>).

- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ *Крысин М.Ю.* Прибалтийский фашизм. История и современность. – М.: Вече, 2007.
- ⁶⁴ Там же. С. 80.
- ⁶⁵ Там же. С. 77–78.
- ⁶⁶ Там же. С. 74–77.
- ⁶⁷ См.: *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. С. 107.
- ⁶⁸ *Крысин М.Ю.* Прибалтийский фашизм. С. 476.
- ⁶⁹ *Дюков А.Р.* Миф о геноциде: Репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). – М.: Алексей Яковлев, 2007. С. 81.
- ⁷⁰ *Дюков А.Р.* Миф о геноциде. С. 12.
- ⁷¹ *Мейнандер Х.* История Финляндии. – М.: Весь мир, 2009. С. 157.
- ⁷² Там же. С. 158.
- ⁷³ См.: *Робертс Дж.* Сферы влияния и советская внешняя политика политика в 1939–1945 //Новая и новейшая история, 2001, № 5 (<http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/ROBERTS.HTM>).
- ⁷⁴ *Юссила О, Хентила С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. 1809–1995. – М.: Весь мир, 1998. С. 190.
- ⁷⁵ *Антекарь П.А.* Советско-финские войны. – М.: Яуза, ЭКСМО, 2004. С.С. 311–312.
- ⁷⁶ Там же. С. 315–316.
- ⁷⁷ *Широкорад А.Б.* Северные войны России. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2001. С. 543.
- ⁷⁸ *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии. С. 129.
- ⁷⁹ *Веригин С.Г.* Формирование и боевые действия Финской народной армии (ФНА) в зимней войне 1939–1940 годов //Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2009, № 10(ноябрь) (<http://statehistory.ru/1262/Formirovanie-i-boevye-deystviya-Finskoj-narodnoy-armii-FNA-v-zimney-voynе-1939-1940-godov/>).
- ⁸⁰ Там же.

Раздел IV

Основные изменения
в изучении политики
советизации в Восточной
Европе, Закарпатской
Украине и Прибалтике
в 1944–1955 годах

Политика советизации после Второй мировой войны была подчинена тем принципам внешней политики, которые определили И.В. Сталин. В новейших исследованиях особое внимание уделяется вниманию по отношению к национализму и национальному суверенитету несоветских народов. Та часть восточноевропейских коммунистов, которые надеялись после Второй мировой войны преобразовать свои государства в советские республики, наткнулись на решительное несогласие Сталина. Страны Восточной и Центральной Европы должны были быть выстроены вновь на национальной основе. Более того, Сталин разделял тенденцию национального большинства вновь созданных государств к избавлению от своих меньшинств, что и было проведено в жизнь после войны. Он не протестовал против мер по «этническим чисткам», проводимых в Польше и Чехословакии, и изгнания немцев, украинцев и венгров¹.

Важным аспектом внешнеполитических представлений Сталина, по мнению большинства историков, была уверенность в том, что европейские страны должны в течение длительного процесса построения перейти к «социализму» по советскому образцу. При этом каждая страна должна была бы найти свой «мирный», т. е. революционный путь к социализму. Сталин не раз подчёркивал, обращаясь к коммунистическим лидерам Восточной и Западной Европы, что нет никаких оснований к тому, что их государства тоже должны пережить советские ужасы революции и гражданской войны. Путём организации правительств национального фронта, которые должны были быть созданы по образцу народных фронтов 30-х годов и объединить все «антифашистские и демократические» партии, все европейские государства перейдут к развитию в направлении народной демократии².

Много внимания в российской и зарубежной историографии уделяется вопросу о сферах влияния. Создание сфер влияния в послевоенной Европе занимало советскую внешнюю политику со

времени пакта Молотова-Риббентропа и играло важную роль в советских планах³. Дискуссия о сферах влияния со стороны британской политики не была сразу отвергнута, однако с американской стороны, во всяком случае риторически, отклонена. Самое настойчивое требование о допущении советской сферы влияния, выдвинутое во время войны Советским Союзом, относилось к тем странам, которые в соответствии с секретными протоколом 1939 года признавались за СССР. Это означало, что прибалтийские страны, Бессарабия и восточная Польша (т. е. западные Белоруссия и Украина) должны аннексироваться Советским Союзом. После нападения Гитлера на СССР Сталин поставил перед своими новыми союзниками те же территориальные требования. Советский Союз стремился к сфере влияния, которая в соответствии с меморандумом заместителя народного комиссара иностранных дел М.М. Литвинова от 11-го января 1945 г., должна была охватить Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, Югославию, Болгарию, Турцию и Финляндию. При этом Албания не упоминалась, т. к. она, как Сталин позже намекнул в разговоре с югославским коммунистом Милованом Джиласом, должна отойти к Югославии⁴. Кроме того, Литвинов отметил, что Советский Союз заинтересован также в сфере влияния в Скандинавии. Британская зона влияния должна была охватывать Грецию и Западную Европу: страны Бенилюкса, Францию, Испанию и Португалию. Между советской и британской сферами влияния Литвинов планировал «нейтральную зону»: Дания, Германия, Швейцария, Италия и Австрия, «в которой обе стороны могли кооперировать равноправно, постоянно консультируясь друг с другом». Литвинов добавлял, что Великобритания не будет довольна тем, что Скандинавия, Турция и Югославия будут втянуты в советскую сферу влияния и будет пытаться Швецию и Норвегию, как и Данию и Италию (из нейтральной зоны) включить в собственную сферу влияния. В этом случае, предполагал Литвинов, возникнет возможность к переговорам и компромиссам⁵. Ожидалось, что США вскоре после войны выведут войска из Европы. По мнению Молотова, вследствие обострения «холодной войны» планы по сферам влияния Литвинова упрочились. Позже

Молотов говорил, что Соединённые Штаты «обострили своё отношение к нам», поэтому «мы должны укреплять наши завоевания. Мы сделали из нашей части Германии нашу социалистическую Германию и снова восстановили порядок в Чехословакии, Польше, Венгрии и Югославии»⁶. Тито и Джиласу Сталин объяснял в 1945 г.: «Эта война не та, что была в прошлом; кто бы ни завоёвывал новую территорию, он навязывает ей свой общественный строй. Каждый вводит свою систему в тот момент, когда войска занимают территорию. Это не может быть иначе»⁷. Борьба за сферы влияния имела, с точки зрения Сталина, большое значение для будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Naimark Norman M.* Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in 20th Century Europe. – Cambridge, Mass. 2001. P. 112–138. См. также перевод: *Неймарк Н.* Пламя ненависти. Этнические чистки в Европе в XX веке. – М.: АИРО-XXI, 2005.

² *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Народная демократия: Миф или реальность? – М., 1993. См. также: *Kase Francis J.* People's Democracy: A Contribution to the Study of the Communist Theory of State and Revolution. – Leiden, 1968. По Австрии: *Мюллер Вольфганг.* Советская оккупационная власть, народный фронт и мирный переход к социализму: Фрагменты советского планирования в отношении Австрии 1945–1955 гг. // *Mitteilungen des österreichischen Staatsarchivs.* 50/2003. С. 271–297.

³ *Resis Albert.* Spheres of Influence in Soviet Wartime Diplomacy // *Journal of Modern History.* 53/1981. P. 417–439.

⁴ *Djilas.* Gespräche mit Stalin. P. 183.

⁵ СССР и Германский вопрос 1941–1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. – М., 1996–2003. С. 596. См. также: *Филитов А.М.* В комиссиях наркоминдела... // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. – М., 1995. С. 59–60; *Pechatnov Vladimir O.* The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Post-War Relations with the United States and Great Britain // *Cold War International History Project Working Paper.* 13/1995. P. 7–8.

⁶ *Chuev Felix, Resis Albert* (ed.). Molotov Remembers: Inside Kremlin Politics: Conversations with Felix Chuev. – Chicago, 1993. P. 59.

⁷ *Djilas.* Gespräche mit Stalin. S. 146.

Глава 1

ЗАДАЧИ И ЭТАПЫ СОВЕТИЗАЦИЯ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Единой периодизации послевоенного развития стран Восточной Европы ни в российской, ни в восточноевропейской историографии не существует. Обычно выделяют первый этап советизации, который называют еще народно-демократическим. Считается, что в разных странах он длится с 1944–1945 до 1947–1948 годов. Второй этап, на котором происходит создание классического тоталитарного общества советского образца, охватывает период с 1948–1949 до 1953 года, т. е. до смерти Сталина и восстания в ГДР. Затем 1953–1955 годы обычно выделяются в виде переходного периода, когда страны Восточной Европы постепенно получают больше суверенитета и самостоятельности. В конце этого периода происходит вывод советских оккупационных войск из Австрии и создание Организации Варшавского договора.

Последнее означало ослабление контроля Москвы над Восточной Европой, поскольку теперь эти государства входили в военно-политический блок, пусть и с доминирующим положением Советского Союза, тогда как ранее советские советники и представители в этих странах просто диктовали местному руководству внешнюю и оборонную политику. Наконец, в 1956 году, после революций в Польше и Венгрии, начинается новый этап, когда самостоятельность восточноевропейских государств еще больше увеличивается, и они пытаются привнести в коммунистическую систему свои национальные черты. В данной главе мы рассматриваем период 1944–1955 годов, делая при этом основной упор на события, происшедшие до смерти Сталина, после кото-

рой прямое вмешательство СССР в дела Восточной Европы значительно ослабевает.

Восточноевропейские историки полагают, что в советской политике по отношению к Восточной Европе определенный перелом произошел в 1953–1956 годах, после смерти Сталина и ряда восстаний и революций в Восточной Европе Москва отказалась от жесткого требования неременного следования всем особенностям советской мод ели внутри страны, требуя лишь сохранения внешнеполитической лояльности.

В настоящее время проблемами истории стран Восточной Европы в период 1944–1955 годов в России занимается Институт славяноведения и балканистики РАН. В нем работают практически все российские историки, упоминаемые в этом параграфе. Следует сказать, что почти все они занимались этой же темой и в советское время и во многом перенесли в современность те стереотипа процессов становления «народной демократии» и советизации стран региона, сложившиеся еще в позднесоветскую, перестроечную эпоху.

Следует отметить, что из всех стран Восточной Европы в послевоенный период российские историки наибольшее внимание уделяют Польше. Здесь сказывается как традиционный интерес к российско-польским и советско-польским отношениям так и наличие совместной российско-польской Группы по сложным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений. Среди прочего, она занимается также проблемой становления коммунистического режима в послевоенной Польше.

В 1944–1945 годах советские войска освободили страны Восточной Европы и страны Балтии от германской оккупации. После того, как здесь в 1988–1990 годах прошли «бархатные» антикоммунистические революции, в восточноевропейской историографии, а после распада СССР в 1991 году и в историографии стран Балтии возобладало мнение, что советское освобождение в действительности было новой оккупацией, навязавшей народам этих стран коммунистические режимы. В российской историографии в основном сохраняется советская концепция освобождения, но при этом начинают признаваться негативные последствия при-

сутствия советских войск в Восточной Европе и становления там коммунистических режимов советского образца. Теперь, в отличие от советского времени, признается, что социалистический строй устанавливался в этих странах под мощным внешним воздействием со стороны СССР и зачастую вопреки воле большинства или значительной части населения восточноевропейских стран.

Российские историки выделяют два этапа в установлении советского контроля над Восточной Европой.

На первом этапе в 1944–1948 годах происходило становление коммунистических режимов при непосредственной поддержке советских военных органов и при активной роли советских советников в органах власти восточноевропейских стран. На втором этапе, в 1949–1956 годах, идет консолидация этих режимов, параллельно с уменьшением прямого советского влияния через советников в соответствующих госструктурах (прежде всего, в силовых министерствах) и постепенным отзывом советских советников на родину. В то же время, нельзя говорить о том, что советизация Восточной Европы происходила только на втором этапе. Она началась не в конце 40-х годов, когда здесь была установлена фактически однопартийная система и безраздельная власть компартий, а раньше, в некоторых странах – еще в самом конце войны, когда начали реализовываться подготовленные коммунистами при участии Москвы планы, позволившие коммунистам занять доминирующие позиции в силовых структурах стран своих стран¹.

Иногда период 1944–1948 годов в Восточной Европе называют периодом плюралистической демократии («демократическим интермеццо»), перед установлением там режимов диктатуры пролетариата². Нам термин плюралистическая демократия не кажется точным для описания положения в регионе в этот период. Он может ввести в заблуждение. У человека, незнакомого с особенностями политической ситуации в восточноевропейских странах, может создаться впечатление, будто там была такая же демократия, как во США или Англии. Между тем, фактически в восточноевропейских странах выборные процессы во многом

контролировались советскими представителями и местными коммунистами, так что более правильным, наверное, был бы термин «управляемая демократия».

Большинство российских историков отвергает мнение восточноевропейских историков о том, что в установлении коммунистических режимов в Восточной Европе главным был не внутренний, а внешний, советский фактор. Как полагают авторы коллективной монографии «Москва и Восточная Европа: становление политических режимов советского типа», разрыв генетической связи между военно-политическими итогами войны, ростом левых настроений в Европе в целом и преобразованиями в общественном устройстве стран региона после войны при непосредственном участии СССР ведет к подмене в исторической памяти народов понятия «освобождения от фашизма» понятием «новой оккупации». Отсюда делается вывод об исключительно силовом, навязанном извне происхождении послевоенных режимов, не имевших якобы никакой социальной опоры в обществе.

С помощью целенаправленно подобранного конкретно-исторического материала читателю навязывается тезис о том, что Красная Армия появилась на польской земле с единственной и неотложной задачей – с помощью террора и репрессий внедрить сталинский вариант социализма и тем самым вновь поработить Польшу. Польское же общество изображается абсолютно единодушным в своем противостоянии и СССР, и польским коммунистам, что не соответствует исторической правде³.

Авторы убеждены в том, что ошибочно рассматривать восточноевропейских коммунистов как простых марионеток Москвы, вне контекста общего роста популярности левых идей в Восточной Европе в результате советской победы во Второй мировой войне, и осуждают попытки «вывести из числа активных участников этого процесса собственных лидеров рабочих партий и формировавшуюся тогда коммунистическую номенклатуру»⁴.

Между тем, большинство восточноевропейских историков как раз и отводит местным коммунистам роль марионеток при Сталине. Так, польский историк Э. Эйснер утверждает: «Берут и до 1948 г. – Гомулка являлись для Сталина всего лишь исполните-

лями его поручений. Он был для них учителем и хозяином, они, – особенно Берут, его учениками. Не было даже следа партнерских отношений. Речь шла о полном подчинении советскому диктатору. Берут светил отраженным светом... его самостоятельность была иллюзорной!»⁵.

Фактически это признают и российские историки. Так, В.В. Марьяина пишет: «Были ли чехословацкие коммунисты самостоятельны в определении своей политики и, если да, то в какой мере? На первую часть вопроса можно ответить “да”, а на вторую – но лишь в той мере, в какой это позволяли из Кремля. Это была самостоятельность в пределах, допустимых рамками советской внешнеполитической концепции. Суть политики чехословацких коммунистов, что касается отношений ЧСР и СССР, была достаточно четко выражена в беседах сотрудника советского посольства в Чехословакии Н.Я. Демьянова с руководителями КПС Э. Фришем и К. Шмидке в июле 1945 года. Первый из них сказал: “Общая политика компартии Словакии – создать крепкое государство Чехословацкой республики, как надежную опору СССР и его внешней безопасности в Центральной Европе”.

Почти теми же словами эту мысль выразили К. Шмидке и Г. Гусак»⁶. Но самостоятельность лишь в рамках, определенных Москвой, как раз и означает полнейшую зависимость от Кремля коммунистов Чехословакии и других стран Восточной Европы.

Российские историки справедливо указывают, что тезис о полной несамостоятельности коммунистических руководителей Восточной Европы нужен некоторым бывшим функционерам компартий, чтобы умалить свою ответственность за происходящее в период тоталитарных режимов. Обращение же к Сталину за советом трактуется как стремление опереться на огромный авторитет Сталина, хотя и признается, что советы Сталина фактически были директивами, обязательными к исполнению. При этом подчеркивается, что «коммунистические лидеры стран Восточной Европы были единомышленниками советского руководства, а во все не статистами». Российские историки стремятся доказать, что «для Сталина определяющими были интересы формировавшегося

советского военно-политического блока и прочность власти коммунистов в странах этого блока.

Для лидеров восточно-европейских компартий, внутри руководства которых шла непрерывная борьба за место на партийном Олимпе, за право быть источником информации для Москвы, во многом определяющим становилось сохранение личной власти. Последнее можно было обеспечить лишь в союзе со Сталиным, став его единственным «доверенным человеком». Этими мотивами, в частности, определялся выбор жертв для показательных процессов конца 40-х – начала 50-х годов (хотя и советская сторона имела здесь свой голос). Ужесточение же режимов в восточноевропейских странах, начиная с 1948 г., объясняется условиями начавшейся «холодной войны»⁷.

Думается, однако, что не следует преувеличивать самостоятельность восточно-европейских коммунистов. Они могли, конечно, сами выбирать жертвы для репрессий среди конкурирующих фракций или среди некоммунистической оппозиции. Могли решать какие-то тактические вопросы. Но в выработке политической стратегии они безоговорочно подчинялись Москве. Не стоит также преувеличивать степень развития коммунистических настроений в Восточной Европе в конце Второй мировой войны. Число сторонников коммунистических идей под влиянием огромного вклада Красной Армии в победу над нацизмом, несомненно, возросло, но оно все равно было недостаточно, чтобы коммунисты могли прийти к власти легальным путем.

Достаточно проанализировать итоги единственных свободных выборов в Венгрии, состоявшихся в декабре 1945 года, или принять во внимание тот факт, что в Польше численность Армии Крайовой, подчинявшейся некоммунистическому правительству в Лондоне, в несколько раз превышала численность прокоммунистической Армии Людовой. Что же касается влияния «холодной войны» на ускорение процесса «советизации» государств Восточной Европы, то одной из главных причин ее начала как раз и послужило безоговорочное доминирование СССР в Восточной Европе и его неготовность считаться как с интересами западных союзников по Антигитлеровской коалиции, так и с существую-

щими в этом регионе некомунистическими силами. Неслучайно на Западе условной датой начала «холодной войны» чаще всего считают захват коммунистами власти в Чехословакии в феврале 1948 года. И именно обстановка «холодной войны» позволила Тито опереться на поддержку Запада в своем конфликте со Сталиным.

В советское время, не исключая перестроечные годы, в историографии сохранялся единый стереотип восприятия событий в Восточной Европе второй половине 40-х – первой половине 50-х годов XX века как череды социалистических (или народно-демократических) революций, осуществленных народами этих стран без какого-либо прямого участия Советского Союза.

Можно привести пример того, что в коммунистической Румынии события 23 августа 1944 года рассматривались как «народное» или «национальное», «вооруженное восстание» или даже в качестве антифашистская и антиимпериалистическая революция, тогда как в современной румынской историографии они характеризуются, на наш взгляд, значительно точнее, как «государственный переворот»⁸.

А вот как современный венгерский историк Ласло Контлер характеризует результаты Второй мировой войны для Венгрии: «Страна была захвачена иностранными оккупационными войсками, ее ресурсы опустошены, ее нравственное здоровье было подорвано, а национальное самосознание переживало еще более глубокий кризис, чем в начале межвоенного периода»⁹. Здесь не различаются немецкие и советские оккупанты, против чего выступают российские историки. По мнению Л. Контлера, Венгрия входила во внешнюю зону нового советского «пояса безопасности», где «новые завоеватели допускали краткий переходный период от капитализма к советскому строю, хотя с самого начала было ясно, что именно советизация и является их конечной целью»¹⁰.

Венгерский историк так оценил процесс советизации Восточной Европы: «Именно притягательностью этой энергии, которую люди ошибочно восприняли как признак духа времени, объясняется то обстоятельство, что в ряде стран, расположенных к западу

от Венгрии, местным коммунистическим партиям не понадобилось присутствия Советской Армии, чтобы блестяще выступить на выборах в первые послевоенные годы. Там же, где она была расквартирована, ее присутствие сыграло роль силы, определяющей развитие стран, разделивших судьбу Венгрии: в них так или иначе уничтожался политический плюрализм, вводилась плановая экономика, полностью сменялся состав правящей элиты, а всем остальным был предуготован избыточный эгалитаризм. И все это обосновывалось господством марксизма-ленинизма».

Здесь под странами к западу от Венгрии имеются в виду Италия и Франция, где коммунистические партии действительно достигли значительных успехов на первых послевоенных выборах, хотя и не завоевали большинства. Но в отсутствие советских войск у них не было шансов прийти к власти. В отличие от своих французских и итальянских товарищей, венгерские коммунисты выступили на выборах гораздо скромнее, однако при помощи Красной Армии и советских советников быстро смогли взять власть в свои руки.

Венгерский историк отмечает, что большинство венгров сотрудничали с коммунистической властью вследствие ограниченности суверенитета страны и не представляя себе конечный результат в виде тоталитарной системы советского типа¹¹.

Таким образом, тезис об «ограниченном суверенитете» восточноевропейских стран в период после Второй мировой войны из-за присутствия Красной Армии и преобладающего советского политического влияния призван оправдать тех жителей этих стран, которые так или иначе сотрудничали с тоталитарными режимами (а их, естественно, было подавляющее большинство, по крайней мере, тогда, когда режимы были окончательно установлены к началу 50-х годов), и даже были членами коммунистических партий. Поэтому этот тезис весьма популярен среди части восточноевропейских историков. Контлер утверждает, что «что при сложившихся обстоятельствах нежелание народа сотрудничать под любым видом очень мало могло что-либо изменить»¹².

Российский историк А.Ф. Носкова так суммирует основные вопросы, которые обсуждаются в российской и польской исто-

риографии применительно к послевоенной истории Польши: «Принесла ли Красная Армия освобождение или советскую оккупацию? Выиграла или проиграла войну Польша? Является ли утверждавшийся режим результатом насилия и коварства Сталина, а польские коммунисты только его марионетками, или же власть, установленная в 1944 г. и трансформированная в 1945 г.»¹³. Примерно так же ставятся основные историографические проблемы и в отношении других восточноевропейских стран, которые советская пропаганда называла странами народной демократии.

Сама А.Ф. Носкова склонна соглашаться со вторыми альтернативами в своих формулировках, подчеркивая, что в нацистских планах послевоенного устройства мира не было места для польской государственности. Она пишет: «Ответ на вопрос – освобождение или новая оккупация, победа или проигрыш, очевиден: освобождение страны солдатами Красной Армии и Войска Польского от нацизма – победа, ибо произошло спасение нации от уничтожения. Подтверждение тому – в ныне подзабытых общественным мнением проектах “германского освоения жизненного пространства”, в “Генеральном плане Ост”... Победить можно было лишь вместе с СССР и ценой миллионов солдатских жизней.

Оккупационный опыт поляков, испытавших кошмар нацизма, определял в 1944–1945 годы их отношение к Красной Армии. Ее ждали, встречали солдат как освободителей, а не как новых оккупантов (строго говоря, точно так же, как освободителей, встречали вермахт в 1941 году в Прибалтике, да и на многих других советских территориях. Однако очень скоро население убедилось, что освободители устанавливают своими штыками коммунистический режим. – *Авт.*). Подобное восприятие прихода советских войск было весьма распространенным. Но были и другие настроения. Офицеры советской разведки называли их антисоветизмом и враждебностью.

Признавая факт освобождения Польши Красной Армией, исследователи констатируют, что оно сопровождалось нарушением, в том числе силой, права поляков на выбор, независимый от

СССР. Действительно, многие тогда ощущали вместе с освобождением угрозу национальной свободе, горечь поражения правительства в эмиграции, которому доверяли и с которым связывали надежды на возрождение Польши»¹⁴.

Однако иной точки зрения придерживаются польские историки, считающие, что приход Красной Армии в Польшу был одновременно и освобождением, и новой оккупацией, что Польша одновременно и выиграла Вторую мировую войну, оказавшись в коалиции победителей, и проиграла ее, поскольку в значительной мере утратила национальный суверенитет, оказавшись на положении послушного советского сателлита, а ее население и экономика стали жертвами репрессий и коммунистического экономического эксперимента. Польский историк В. Бороздей отмечает, что «в основном благодаря польским историкам уже достаточно много известно о механизмах управления и контроля над польской периферией со стороны московского центра. Существенную поддержку польским исследователям оказали и российские коллеги – без них не появились бы первые сборники документов, без которых трудно представить, в каком состоянии находилось бы сегодня изучение данной проблемы»¹⁵.

А.Ф. Носкова верно отвечает на ей же поставленный несколько риторический вопрос о том, была ли власть коммунистов, установленная в 1944–1945 годы, единственно возможной в Польше в то время. Причем отвечает на него применительно ко всей Восточной Европе словами венгерского писателя Ш. Марай: «Великий народ ценою неслыханных жертв повернул у Сталинграда оглобли истории... для всех, кого преследовал фашизм, этот молодой солдат принес своего рода освобождение, спасение от нацистского террора. Но свободу он принести не мог, ибо не имел ее сам»¹⁶.

В то же время, российский историк полагает, что фальсификация выборов в Польше коммунистами и их союзниками в середине 40-х годов «обуславливалась геополитическими интересами и тогда не была продиктована сменой общественного строя, то есть советизацией»¹⁷. Данное утверждение звучит несколько странно, поскольку польские коммунисты действовали под жестким кон-

тролем СССР, чьи геополитические интересы они как раз и защищали. Так что фальсификация выборов, несомненно, была частью политики советизации.

По мнению А.Ф. Носковой, развивающей точку зрения польского историка В. Борозея, в Польше в 1944–1947 годы существовал авторитарный режим, который стал предвестником перехода к тоталитарному режиму советского образца¹⁸. В. Борозей полагает, что «1945–1947 гг. можно охарактеризовать как переходный период, в ходе которого Польская рабочая партия (ПРП) благодаря разнообразной помощи московского центра добилась уничтожения оппозиции и установления за двойным фасадом – элементов парламентарной демократии, постепенно переходящей в “народную демократию”, – диктатуры одной партии и гегемонии марксизма-ленинизма-сталинизма»¹⁹.

На наш взгляд, трудно говорить об авторитарном режиме, который возглавляют коммунисты, представители тоталитарной партии.

Речь может идти лишь о переходном периоде к тоталитарному государству. Такой переходный период был во всех странах Восточной Европы. Если в случае Румынии и Болгарии это был переход от авторитарно-монархических режимов, существовавших в этих странах, к режиму тоталитарному, то в остальных странах, включая Польшу, переход к тоталитаризму пришлось осуществлять от состояния того политического вакуума, который создался здесь после прихода Красной Армии и прекращения нацистской оккупации. Органы германской оккупационной администрации были ликвидированы, а подпольные некоммунистические органы управления и вооруженные силы подавлены советскими войсками и контролируемые местными коммунистами силовыми структурами, которые в Албании и Югославии обошлись даже без советской помощи.

В. Борозей отмечает, что в переходный период 1945–1947 годов польские коммунисты старались использовать многие символы довоенной польской государственности, равно как и некоторых героев польской истории, вроде Тадеуша Костюшко или Адама Мицкевича, только очищенных от «реакционного содер-

жания». Таким образом сохранились прежние флаг гимн и даже герб – белый орел, только лишенный короны. Однако «вскоре часть московских контролеров в Польше признала этот “фасад” ненужным и – что хуже всего – выражением аутентичного, традиционного национализма польских товарищей. В 1947/48 г. произошел известный поворот в риторике ПРП: в результате национальные формы были признаны опасным элементом, который трудно контролировать и который потенциально может оказаться вредным»²⁰. Это еще раз доказывает, что в переходный период не приходилось говорить о каких-то национальных моделях социализма. Элементы национальной символики использовались только затем, чтобы сделать более приемлемыми для масс коммунистические идеи и самих коммунистов как руководителей государства.

А.Ф. Носкова считает, что «было бы упрощением возлагать исключительно на Сталина ответственность за несвободу в Польше. Сработали правила игры «большой политики». Отсюда сознательно «упущенные» возможности западных держав. В результате Польша, ожидавшая освобождения с Запада, получила его с Востока. Польское правительство потерпело поражение на магистральных направлениях своей политики: национальном (независимость от СССР) и геополитическом (барьер против большевизма)»²¹.

Точка зрения о том, что вину за несвободу Польши и других стран Восточной Европы со Сталиным разделяют западные державы – творцы ялтинско-потсдамской системы, осуществившие раздел континента на сферы влияния, популярен и в польской историографии.

Так, польский историк В. Матерский подчеркивает, что «политический торг в Ялте относительно государств Центральной и Восточной Европы проходил без какого-либо участия как эмигрантского правительства РП, так и Временного правительства РП». В результате была достигнута договоренность о «реконструкции» прокоммунистического Временного правительства несколькими членами эмигрантского правительства, но этот процесс проходил под советским контролем и никак не сказался на

преобладании коммунистов в органах власти. А после окончания войны в Европе президент США Г. Трумэн, нуждаясь в советской помощи на Дальнем Востоке и игнорируя британскую позицию, пошел на более широкий компромисс по Польше, согласившись на ведущую роль СССР при формировании польского правительства. В результате в послевоенном польском правительстве коммунисты получили 15 мест из 21, включая контроль над всеми важнейшими министерствами²².

В данном случае следует признать, что в ситуации 1944–1945 годов у западных держав просто не было реальной альтернативы сдаче Восточной Европы под советский контроль. Географические реалии диктовали то, что Польшу будет освобождать Красная Армия. Чисто теоретически, Англия и США могли в период Варшавского восстания сильнее надавить на Сталина и более активно помогать варшавским повстанцам, вплоть до десантирования в Варшаве американских и британских войск. Однако такой острый конфликт со Сталиным всегда таил в себе угрозу советско-германского сепаратного мира, зондирование которого как раз происходило во второй половине 1944 г. и являлось одним из средств советского давления на англичан и американцев. Главное же, и США, и Англия рассчитывали на содействие Сталина не только в окончании Второй мировой войны, но и в послевоенном устройстве в Европе, и потому не хотели ссориться с ним из-за Польши. Фактор же советского участия в войне против Японии в 1945 году уже большой роли не играл, поскольку положение Японии все равно было безнадежным.

А.Ф. Носкова задается вопросом, «почему Сталин лишь в Польше реализовал вариант прямой передачи решающих позиций во власти коммунистам (Югославия и Албания – другой случай)? Почему здесь имела место такая глубина советского присутствия?» На этот вопрос исследовательница отвечает следующим образом: «...Ни правительство в эмиграции (по характеристике Дж. Кеннана – “обреченные представители обреченного режима”), ни одна из влиятельных политических сил, ориентированных на возврат к скорректированным довоенным порядкам и сохранение спорной восточной границы – этого, как считалось в

Польша, символа независимости, не сделала вывода об изменении геополитической конфигурации на континенте, роли СССР и положения своей страны. Из двух врагов, на чем с довоенных времен покоились польские концепции безопасности, остался один. Он становился победителем в войне и предлагал договариваться. Альтернатив было две. Компромисс ценой территориальных и политических уступок, что, как считали в правительстве, означало предательство интересов Польши, потерю контакта с обществом, или отказ от компромисса и подготовка народа к сопротивлению «оккупантам». Выбрали второе. Но в условиях, когда Польша не могла, а ее западные союзники не торопились отстаивать суверенитет этой страны, возникал и становился перспективным третий вариант – утрата политической власти польского правительства.

Принять компромисс, исходя из новой ситуации и интересов страны, сочли необходимым польские коммунисты.

Руководствуясь программой создания Народной Польши в новых границах и посредством преобразования в интересах большей части населения, они организовали коалицию с левыми социалистами и людовцами, учредили центр власти – Крайову Раду Народову (КРН). Это была левая альтернатива правительству в эмиграции и “подпольному государству”, весьма скромная по влиянию в обществе. Коммунисты претендовали на долю власти, осознав, что их шансы росли по мере того, как падали шансы законного правительства на возвращение в Польшу. Они были готовы стать властью и стали ею при благоприятном стечении обстоятельств (внешнем, т. е. советском, факторе)»²³.

В другой публикации А.Ф. Носкова высказалась еще определеннее: «В результате пребывания Крайовой Рады Народовой в Москве, неоднократных встреч со Сталиным (записей этих встреч я не обнаружила, я даже сомневаюсь, что они есть, потому что далеко не все записывалось; они опубликованы в 70-е годы в воспоминаниях польских участников) обсуждалась проблема организации именно той структуры, которая выйдет навстречу Красной армии. Иначе получалось: входит Красная армия на польскую территорию и не признает структуры, подчиненные

польскому эмигрантскому правительству. Значит, партнера у нее нет, а он нужен. Иначе – оккупационный режим, чего Сталин не мог даже допустить. Эмигрантское правительство не признавали только потому, что понимание национально- государственных интересов этим правительством Польши и понимание советским правительством национально-государственных интересов СССР не совпадало»²⁴.

Тут мы имеем дело скорее не с описанием исторической реальности 1944–1945 годов, а с некой мифологией, созданной сначала польскими коммунистами в последние два десятилетия существования коммунистического режима в Польше и затем, причем в гораздо большей степени, продолженное их посткоммунистическими последователями уже в наше время. Они пытаются создать впечатление, что приход к власти коммунистов в послевоенной Польше был единственной альтернативой еще худшего развития событий: оккупации страны Красной Армией и ее последующей аннексии Советским Союзом.

Нам представляется, что утверждения о спорности восточной границы Польши ошибочны. С момента заключения Рижского мира в марте 1921 года и вплоть до вступления Красной Армии на территорию Польши 17 сентября 1939 года советское правительство не оспаривало существовавшей тогда советско-польской границы и не выдвигало территориальных претензий к Польше. Когда же советские войска вошли в восточную часть Польши, то Москва вообще объявила Польское государство несуществующим и аннексировала значительную часть его территории. Что же касается прямой передачи власти коммунистам Албании и Югославии, то они взяли власть сами, без прямого советского участия, опираясь на преобладавшие на территории этих стран коммунистические партизанские армии.

Но еще важнее другое. Польские коммунисты никак не могли выступать реальной альтернативой ни эмигрантскому правительству, ни советской оккупации Польше, просто потому, что они были агентами Москвы, полностью от нее зависимые, и не могли самостоятельно принять решение о создании КРН, которое фактически было предложено им советской стороной. И совершенно

нелепа картина, когда Сталин уговаривает польских коммунистов взять власть, пугая их советской оккупацией, которой сам же в глубине души не желает. Несомненно, Создавая КРН, а затем ПКНО Сталин реализовывал план советизации Польши, не предусматривающий ее прямой аннексии, поскольку это могло вызвать длительное противостояние с Западом, но призванный установить тесный советский контроль над новым польским государством, особенно в сферах внешней политики, обороны и безопасности.

Что же касается польского эмигрантского правительства, то не стоит преувеличивать степени его враждебности СССР. Оно вполне было готово на компромиссы, в том числе и в вопросе о восточной границе. Но беда в том, что Сталин не хотел никакого компромисса с эмигрантским правительством. Он расстрелял 22 тыс. польских офицеров, полицейских и представителей других имущих классов в Катыни и других местах совсем не для того, чтобы возвращать туда представителей эмигрантского правительства. Сталин видел Польшу просоветской и коммунистической, и деятелям эмигрантского правительства там не было место, что и показал печальный опыт С. Миколайчика, пытавшегося наладить отношения с коммунистами. Да и как мог Сталин думать сохранить у власти, хотя бы временно, правительство, которое непременно вернулось бы к вопросу о Катынском преступлении. Возможность компромисса с эмигрантским правительством была лишь дипломатическая уловка Сталина в переговорах с лидерами Англии и США, поскольку реальные границы такого компромисса никогда не очерчивались.

А прямая передача власти польским коммунистам с помощью Красной Армии, на наш взгляд, обуславливалось тем, что из всех стран Восточной Европы в Польше насчитывалось наиболее многочисленное вооруженное подполье, насчитывавшее в 1946 году, по некоторым оценкам, до 60 тыс. человек и до 1947 года продолжавшее партизанскую борьбу. Подавить его можно было только с помощью Красной Армии²⁵, а нейтральных политических сил в Польше, могущих стать буфером между коммунистами и эмигрантским правительством, просто не было.

Позднейший поиск коммунистам союзников, вроде отколовшейся от партии С. Миколайчика фракции Крестьянской партии, относится к периоду уже после прихода коммунистов к власти. Такого вооруженного сопротивления коммунистам не было ни в одной другой стране Восточной Европы, почему в Польше и не могла работать классическая модель народной демократии.

Можно согласиться с мнением российского исследователя В.А. Хорева: «Новое руководство в Польше, получившее власть с помощью Красной Армии, могло рассчитывать не столько на широкую общественную поддержку, сколько на усталость общества от ужасов войны, на стремление людей к стабилизации, на их надежду скорейшего избавления от “заражения смертью”»²⁶.

А.Ф. Носкова весьма остроумно заметила, что «особенностью политического режима в Польше было отсутствие свойственной классическому тоталитаризму харизматической личности на вершине партийной власти. Б. Берут не располагал качествами “вождя”. Доверие к нему партийцев формировалось пропагандой и агитацией. Мешала фигура предшественника – В. Гомулки, устранение которого добавило к его авторитету в партии общественный ореол борца за право быть независимым от Москвы. Хранящиеся в российских архивах многочисленные обращения Берута к Сталину, Молотову, регулярные просьбы о встречах демонстрируют не только уважение, но и понимание личной и государственной зависимости, стремление все до мелочей согласовывать, получить “совет” и одобрение. Эти материалы дают основания для вывода: линия поведения Берута была осознанно несамостоятельной, а форма обращений – порой сервильной»²⁷.

Думается, неслучайно Сталин предпочел иметь в Польше сервильного Берута, а не харизматичного Гомулку. Проблемы во взаимоотношениях у него возникали прежде всего с харизматичными вождями, имевшими значительную поддержку в своих странах, – с Тито, Готвальдом. Поэтому он предпочитал от них избавляться, если была такая возможность, начав с того, что уничтожив всех своих харизматичных товарищей по Политбюро. Единственным заметным исключением в Восточной Европе был харизматичный вождь албанских коммунистов Э. Ходжа, но его

покладистость объяснялась крайней заинтересованностью отсталой Албании в советской помощи. Наоборот, меньше всего было проблем с нехаризматичными лидерами: И. Ракоши в Венгрии, Б. Берутом в Польше, болгарскими руководителями, пришедшими к власти после смерти харизматичного Г. Димитрова.

В. Бородзей склоняется к тому, что в реальности не было альтернативы советским методам утверждения коммунистических режимов в Восточной Европе. Он цитирует западногерманского историка Д. Гайера, утверждавшего еще в середине 1980-х годов: «С точки зрения Москвы методы осуществления косвенной власти были единственной политической альтернативой аннексии и советизации, единственной, какую смогли изобрести в коммунистической среде межвоенного периода. Этим методы развивали элементы прежней практики Народного фронта. Они были достаточно гибкими и эластичными для того, чтобы учитывать национальное и региональное своеобразие стран Восточной Европы... Не многое указывает на то, что для обеспечения господства и лояльности за границами советского государства Москва использовала другие методы и инструменты, чем те, которые применялись при установлении сталинской системы в самом СССР... Что касается практики осуществления власти, сталинизм в Восточной Европе не мог быть иным, чем на своей родине»²⁸.

Таким образом, метод «народной демократии» является единственной альтернативой присоединению государства к СССР и его советизации в составе Советского государства. Однако вследствие внешнеполитической конъюнктуры, сложившейся в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, Сталин вынужден был обещать своим западным союзникам сохранение хотя бы формальной государственной независимости Польши и других стран Восточной Европы. К тому же аннексия этих государств могло бы вызвать слишком сильное сопротивление их народов. Поэтому Сталин отказался от политики аннексии в Восточной Европе и ограничился лишь созданием полностью зависимых от Москвы коммунистических государств. Этот проект потерпел очевидную неудачу только в Югославии.

Российские историки признают, что «создание в начале 50-х годов на западных и юго-западных рубежах СССР обществ, социально-политически однотипных советскому, соответствовало геополитическим интересам Москвы. В этом заключалась одна из главных причин активного участия советского руководства в массовых политических репрессиях в регионе, переросших к 1951–1952 годам в политический террор. Международный фактор – ужесточение противостояния великих держав и СССР, а также возрождение интенсивно развивавшейся Западной Германии, вошедшей в западный блок – сыграл при этом, несомненно, роль катализатора. В этом же направлении действовала и внутренняя неустойчивая ситуация в самих странах Восточной Европы»²⁹.

В странах Восточной Европы в посткоммунистическое время в историографии возобладала в целом негативная точка зрения по отношению к действиям Советского Союза в послевоенный период, приведшим к установлению коммунистических режимов в этих странах. Так, польский историк М. Корнат, суммируя точку зрения польской историографии последних двух десятилетий на послевоенное развитие Польши, пишет: «Установление коммунистического строя после 1945 года было возможно только при опоре на сталинскую политику свершившихся фактов. В то же время трудно спорить с тем, что после 1956 года эта общественно-политическая система постепенно приобретала национальные черты и эволюционировала по пути все большего расширения круга суверенных прав ПНР и внутренней автономии общества»³⁰.

Можно согласиться с тем, что период 1944–1953 годов, и особенно период 1948–1953 годов в странах Восточной Европы был временем максимальной личной и государственной несвободы и максимальной унификации коммунистических режимов по сталинскому образцу. В 1953 году начался процесс постепенного расширения суверенитета восточноевропейских правительств, который после польской и венгерской революций 1956 года привел к развитию коммунистических режимов по пути большего учета национальной специфики, с попыткой приспособить марксистские теоретические положения к реалиям своих стран.

Польские историки Михал Тымовский, Ян Кеневич и Ежи Хольцер утверждают, что вступление советских войск на территорию Польши и передача власти прокоммунистическому Польскому комитету национального освобождения поставили основную массу польского населения перед свершившимся фактом. Поэтому, «оставшись один на один с советской мощью, поляки решили пойти на компромисс». Однако к такому компромиссу не был готов Сталин, и руководители польского некоммунистического Сопrotивления были заманены в ловушку и отправлены в советские тюрьмы³¹. Тымовский, Кеневич и Хольцер приходят к выводу, что сила польского движения Сопrotивления в боях с немцам, а также героизм участников Варшавского восстания побудили Москву сделать более серьезные уступки Польше, по сравнению с другими странами будущего Варшавского договора, опасаясь проявления недовольства поляков коммунистическими порядками³².

Но, как представляется, ни о каких серьезных уступках Польше при Сталине не приходится. Наоборот, вплоть до 1956 года Москва через своих офицеров и генералов, служивших в Войске Польском, а также через военных советников в Министерстве обороны и Министерстве госбезопасности, осуществляла более жесткий контроль над этими сферами государства, чем в других странах Восточной Европы. Кое-какие уступки были сделаны после волнений 1956 года, но они скорее учитывали большое влияние в Польше католической церкви и особую приверженность польских крестьян к земле, чем события Второй мировой войны.

По мнению польских историков, послевоенная Польша была лишена самостоятельности, но сохранила свою государственность и обрела новые границы³³. Аналогичные выводы делаются и относительно других восточноевропейских стран. Так, румынские историки настаивают, что «социализм может только сталинским и советским»³⁴. В то же время, среди российских историков встречаются различные мнения о природе социализма. Одни, как и большинство их западных и восточноевропейских коллег, убеждены, что социализм как государственный строй может быть только таким, каким был «реальный» социализм в СССР, странах

Восточной Европы и других коммунистических странах. Другие историки допускают существование вариантов социализма, альтернативных «реальному» социализму, хотя и признают, что ни одна из этих альтернатив никогда не была реализована на практике.

В подтверждение оккупационного характера присутствия Красной Армии в странах Восточной Европы местными историками подчеркивается, что поведение Советской Армии «на оккупированных территориях подтвердило ожидания пессимистов и быстро лишило иллюзий тех, кто встречал ее как освободительницу»³⁵. Тем самым делается намек на военные преступления, которые красноармейцы совершали в Восточной Германии, Австрии, Венгрии, Польше, Чехословакии и других восточноевропейских странах. Об этом пишут и российские авторы. Так, А.Ф. Носкова признает, что «советское военное присутствие поддерживало в польском обществе устойчивое раздражение. Протест и возмущение вызывали случаи мародерства и насилия со стороны советских солдат.

Сопутствующая любой войне дегуманизация армии, тем более той армии, которая провела четыре года в окопах и боях, за спиной которой оставались разоренная страна и сотни тысяч погибших семей, стирала в сознании солдат грани дозволенного. При соприкосновении с мирной жизнью и рождались столь преступные деяния и рождались столь преступные деяния. Советское руководство стремилось их пресекать. Приказ Ставки Верховного Главнокомандующего от 19 января 1945 года предписывал военным трибуналам применение высшей меры наказания. Этот приказ не оставался на бумаге, и не одна тысяча военнослужащих была за это расстреляна. Особенно жестоко наказывал подчиненных К.К. Рокоссовский. Известно, что Сталин, ссылаясь на присущий людям инстинкт неподсудности победителя, дважды публично просил простить советскую армию.

Тем не менее факты недостойного поведения из истории не выкинешь, но кощунственно лишь к ним сводить пребывание советских солдат за рубежами своей страны, принижать тем самым человеческое измерение войны, в том числе отданные жизни

красноармейцев во имя освобождения своего и других народов от нацизма»³⁶.

Как подчеркивают польские историки, Красная Армия и части НКВД сыграли решающую роль в борьбе с Армией Крайовой и другими польскими вооруженными подпольными формированиями в 1944–1945 гг. Их участие в борьбе продолжалось вплоть до 1947 года, когда у подполья уже почти не осталось вооруженных сил. Вплоть до этого времени против вывода частей МГБ из страны возражал Б. Берут, вероятно, имевший преувеличенное представление о силах польского подполья³⁷.

Основываясь на рассекреченных документах из архивов этого ведомства, роль НКВД и МГБ в советизации Восточной Европы подробно описал российский историк Н.В. Петров. Он делает обоснованный вывод о том, что «затяжные Сталиным политические судебные процессы в странах Восточной Европы были важным элементом советизации этих стран и приведением их к сталинским стандартам политического общественного устройства. Кроме того, кампания шпиономании и разоблачения “врагов” в странах-сателлитах имела целью подготовить почву для очередной разоблачительной кампании внутри СССР»³⁸. В то же время, после смерти Сталина в 1953 году меняется содержание и характер деятельности советских советников госбезопасности. Теперь на первый план выдвигаются именно советы и помощь по организации работы госбезопасности. Причина тому – иной курс Кремля, направленный, прежде всего на смягчение международной обстановки и отказ от методов политического террора. Вследствие этого деятельность советнических аппаратов возвращается к своему изначальному смыслу. Однако здесь есть и вторая причина – достаточная зрелость местных органов госбезопасности»³⁹.

Российские историки абсолютно правы, когда считают мифом утверждения своих восточноевропейских коллег о том, что в регионе было широкомасштабное вооруженное сопротивление коммунистическим режимам и поддерживавшим их советским войскам⁴⁰. Действительно, вооруженное антикоммунистическое подполье существовало далеко не во всех странах Восточной Ев-

ропы, оно постепенно затухало и к началу 1950-х годов усилиями карательных или полицейских органов сведено почти на нет. Но само отсутствие или затухание вооруженного сопротивления не означает само по себе отсутствие значительной скрытой оппозиции коммунистической власти, так ярко проявившейся после смерти Сталина во время восстаний в Восточной Германии, Венгрии и Польше. Кстати сказать, в Восточной Германии и в Венгрии послевоенного вооруженного сопротивления не было. Как правило, вооруженное сопротивление осталось только в тех странах, где оно существовало уже в конце Второй мировой войны, часто при германской поддержке (в Югославии, Албании и Румынии) или при поддержке Англии и США (в Польше). После окончания войны они были лишены внешних поставок вооружения и боеприпасов (хотя коммунистическая пропаганда обвиняла в таких поставках США и их союзников).

Российские историки по большей части солидарны с мнением меньшинства восточноевропейских историков (К. Каплан, Д. Сирков, В. Мигев и др.), полагающих, что до начала 50-х годов происходило расширение социальной базы коммунистических режимов в Восточной Европе, что свидетельствует о том, что их нельзя назвать импортированными из СССР. Снижение же поддержки коммунистов в первой половине 50-х годов связывается с тем, что обещания коммунистов об улучшении жизни не были выполнены, и с этим снижением связывают кампании политических репрессий⁴¹.

Безусловно, надо иметь в виду, что в условиях, когда отсутствовали свободные выборы, равно как и основные демократические свободы, и на практике существовали однопартийные системы, а социологические опросы вообще не проводились. Нет объективных критериев роста или увеличения социальной поддержки коммунистов в разных странах. Она несомненна, была очень значительной и, может быть, даже преобладающей в Югославии и Албании, довольно серьезной в Чехословакии и сравнительно небольшой в Польше, Венгрии, Румынии и Болгарии.

Что касается понижения уровня жизни, то в большинстве стран оно началось уже в конце 40-х годов из-за роста военных

расходов и ускоренного развития тяжелой промышленности, использовавшейся главным образом для нужд обороны. Порой развитие военно-промышленного комплекса принимало совершенно гипертрофированный вид и доходило до абсурда. Так, Л.П. Берия в июне 1953 года, незадолго до своего падения, писал Г.М. Маленкову, что «в Польше создано такое положение, когда достигнутые мощности по производству вооружения и боеприпасов оказались излишними для поляков и не используются в целях производства этой продукции для других стран народной демократии или загрузки их для выпуска гражданской продукции»⁴². Интересно, что после падения Берии тон кремлевского руководства по отношению к восточноевропейским компартиям временно ужесточился.

Например, в августе 1953 года советское руководство предложило польским коллегам ни много, ни мало как поменять польский национальный гимн. Как «устаревший» в политическом отношении, «антирусский» и «шовинистический». Советский посол Г. Попов беседовал по этому поводу с Берутом, Рокоссовским и Циранкевичем, которые согласились, что гимн устарел и нуждается в замене, но вопрос так и не был решен⁴³.

Также и политические репрессии имели место и в конце 40-х, и в начале 50-х (а против антикоммунистической оппозиции – уже в 1944–1945 годах), и нет возможности соотнести их с уровнем общественной поддержки коммунистов. Некоторые восточноевропейские историки и публицисты левой ориентации придерживаются тезиса о том, что вплоть до 1950 года поддержка коммунистов в обществе нарастала⁴⁴, но большинство дистанцируется от такого утверждения.

Большинство российских историков считают неверной концепцию тех восточноевропейских историков, которые полагают, что рост поддержки коммунистов в Восточной Европе происходил главным образом за счет карьеристов, конформистов и «аполитичных патриотов», готовых пойти на компромисс с любой властью⁴⁵. Заметим, что критикуемая точка зрения также не имеет объективных данных для своего опровержения или подтверждения.

В российской историографии период «народной демократии» 1944–1948 годов иногда называют «политически вариативным»⁴⁶. На самом деле, как нам представляется, именно советское присутствие в регионе гарантировало, что никакой вариативности в этот период происходить не может.

Российские историки полагают, что «московское руководство видело смысл советского военно-политического присутствия в Восточной Европе отнюдь не в установлении классического оккупационного режима или немедленном осуществлении советизации с помощью вооруженной силы»⁴⁷. При этом, как подчеркивает А.С. Стыкалин, советское руководство использовало в своих интересах объективно происшедший после второй мировой войны, причем как в Восточной, так и в Западной Европе, подъем левых настроений⁴⁸.

Как отмечают Г.П. Мурашко и А.Ф. Носкова, «если на Западе рассматривали присутствие Красной Армии в Восточной Европе как новую оккупацию, которая исключала какие-либо варианты в послевоенном развитии стран региона, то в СССР это присутствие однозначно определялось как позитивный фактор, обеспечивавший продвижение к “подлинной демократии”»⁴⁹. В настоящее время большинство восточноевропейских историков в своей оценке периода 1944–1990 годов сблизилось с традиционной западной историографией.

Что же касается советского оккупационного режима, то он практически не существовал в странах Восточной Европы. Собственно военно-оккупационные органы власти функционировали только в последний год войны, когда боевые действия велись на территории этих стран, причем параллельно при активном участии советского Союза формировались правительства этих стран, которым и была передана власть после окончания войны. Оккупационный режим сохранялся только в Германии до 1949 года и в Австрии до 1955 года.

Как справедливо отмечают Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко, А.Ф. Носкова и Т.А. Покивайлова, «смерть харизматического лидера весной 1953 г. стала знаковым явлением в развитии советского блока. Она сделала возможным постепенный, с приливами

и отливами отказ правящих группировок в своей реальной политике от догматических сталинских постулатов»⁵⁰. Как нам представляется, период 1953–1956 годов может быть переходным периодом от сталинских к постсталинским, более либеральным методам советского контроля над странами Восточной Европы. В эти годы постепенно отзывались советские советники из Восточной Европы и происходил постепенный переход от силовых к политическим и экономическим методам контроля. Параллельно с этим происходит частичная десталинизация в СССР, завершившаяся осуждением культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Данный процесс стимулировал реформы в Восточной Европе и стремлением восточноевропейских компартий ослабить свою зависимость от СССР. Этот период, начавшийся с восстания в ГДР в июне 1953 году, завершается восстаниями в Польше и в Венгрии в 1956 году, после которых происходит заметная либерализация политических режимов в большинстве стран Восточной Европы и большой учет ими национальных особенностей своих стран.

Российские историки утверждают, что на первом этапе присутствие советских войск в странах Восточной Европы давало Москве возможность, не применяя классического режима военной оккупации, с помощью политических методов обеспечить участие в правительствах коммунистов и их союзников и их контроль над силовыми министерствами. При этом учитывалось, что в большинстве восточноевропейских стран коммунистические партии действовали в подполье и особым влиянием среди населения не пользовались. По мнению некоторых исследователей, Москва выполняла лишь роль посредника в переговорах между различными политическими силами и партиями⁵¹, что, однако, выглядит слишком большим принижением советской роли в Европе в тот период.

Ориентация коммунистов на создание блоков не только с социал-демократическими, но также и с крестьянскими партиями была вызвана как осознанием слабости компартий, так и необходимостью создавать впечатление перед западными союзниками, с которыми еще не началась холодная война, и особенно перед об-

пественным мнением западных стран, что в Восточной Европе сохраняется многопартийная демократическая система. Тем более что значительная часть английской и американской общественности еще со времен войны сохраняла веру в возможность демократизации советского режима⁵². Из Кремля даже одергивали своих чересчур ретивых союзников, запрещая им говорить о необходимости построения социализма и переформатирования государственных структур по советскому образцу, с установлением однопартийной диктатуры.

Некоторые российские историки полагают, что речь должна идти об «эволюции позиции советского руководства во второй половине 40-х годов – от поддержки тактики демократического блока к ее свертыванию в пользу установления монополии компартий». Они настаивают, что, хотя советский фактор играл определяющую роль, в странах Восточной Европы были реальные альтернативы установлению монопольной власти коммунистов. С другой стороны, несомненно, что часть общества поддерживала местные компартии. Шла борьба носителей этих альтернатив за их реализацию. Советский фактор в Восточной Европе действовал в динамике. Российские историки не считают действие советского фактора в Восточной Европе однозначно негативным и считают, что к нему надо применять более гибкие характеристики⁵³.

Тот же тезис о существовании в 1944–1948 годах в Восточной Европе реальных альтернатив социализму советского образца выдвигают и некоторые восточноевропейские историки. В частности, венгерский историк Л. Контлер полагает, что «те демократические начинания, которые имели место в 1944–1948 годах, при всем их очевидном разрыве с традициями консервативного и националистического авторитаризма межвоенного периода, тем не менее, были вполне органичны для венгерского общества в отличие от большевистского тоталитаризма. Не в первый раз в венгерской истории отсутствие подлинной государственной независимости, вызванное либо иностранной военной оккупацией, либо враждебной международной обстановкой, либо сочетанием обоих этих факторов (как бывало в 1849 и 1918 годах), не давало

возможности развиваться ее собственным тенденциям, тому внутреннему потенциалу, который был заложен в социально-политической жизни самой страны». То, что эта альтернатива не реализовалась, он объясняет ограниченностью суверенитета Венгрии наличием мощного советского фактора⁵⁴. Заметим, что тезис об «ограниченном суверенитете стран Восточной Европы после Второй мировой войны» является общим местом в трудах восточноевропейских историков. Частично он служит для оправдания действий местных коммунистических элит, которые, по мнению значительной части историков, были несвободны в своих действиях. В то же время, по мере ослабления советского контроля после 1953 года их свобода постепенно возрастала.

Однако, как нам представляется, если бы в Венгрии, равно как и в других восточноевропейских странах, «народно-демократическая альтернатива советскому социализму», без присутствия советских войск в принципе не могла бы появиться. Ведь она не была стихийно возникшей программой действий, а частью советского плана по советизации Восточной Европы. В отсутствие советского фактора в Венгрии и других странах Восточной Европы, чисто теоретически, могли бы возобладать либо классические авторитарные режимы, вроде тех, что господствовали в Восточной Европе в межвоенный период, либо демократия западного типа.

По мнению Л. Контлера, «Сталин, похоже, решил временно закрыть глаза на то, что в конце войны в Венгрии и в Чехословакии формируется парламентская демократия. Это было нужно для того, чтобы западные державы смирились с его уже спланированными действиями по скорому уничтожению парламентаризма в Польше, Болгарии и Румынии. В Венгрии, однако, Сталин настоял на том, чтобы власть была разделена между правительством, советскими оккупационными войсками и только что созданным департаментом государственной безопасности (АВО), или же политической полицией, которую возглавил коммунист Габор Петер»⁵⁵.

Однако, как доказывают документы, обнародованные российскими историками, «народно-демократический этап» был изначально запланирован Сталиным для всех стран Восточной Евро-

пы, и этот этап ничего общего с парламентской демократией западного типа не имел. Не может быть ничего общего с парламентской демократией у политической системы, в которой только одна партия осуществляет контроль над МВД и органами безопасности и, пользуясь иностранной поддержкой, осуществляет незаконные репрессии против своих оппонентов. И такой контроль над силовыми структурами коммунисты осуществляли не только в Венгрии, но и, при поддержке советских советников, во всех государствах Восточной Европы.

По мнению Л. Контлера, в Венгрии «приговор почти 4,8 млн. избирателей, т. е. 90 % всех граждан, наделенных избирательным правом, однозначно свидетельствует, что они остановили свой выбор на парламентской демократии, основанной на частной собственности, предпочтя ее социализму с его системой государственного управления и планирования в экономической сфере. Они надеялись, что их выбор победит, несмотря на присутствие в стране советских войск, которые, как они ожидали, уйдут сразу же после подписания мирного договора»⁵⁶. Но в Москве, разумеется, войска выводить не собирались и трагедии из поражения венгерских коммунистов на первых действительно свободных и равных парламентских выборах в декабре 1945 года не делали.

Наоборот, Сталина победа на них некоммунистических партий вполне устраивала, поскольку помогала доказывать западным партнерам, что никакой советизации Венгрии не происходит, и коммунисты отнюдь не обладают монополией на власть. Дальнейшая ликвидация оппозиции в Венгрии, как и в других странах Восточной Европы, планировалось уже с помощью непарламентских методов и по мере того, как падала советская заинтересованность в партнерстве с западными державами.

Любопытно, что в наши дни результаты этих выборов пытаются использовать для доказательства того, что присутствие советских войск не влияло на внутривнутриполитическую ситуацию в Венгрии. В 2005 году российский посол в Будапеште Валерий Мусатов направил письмо в газету «Мадьяр Немзет», где в частности утверждал, что «освобождение страны означало, что присутствие Советской Армии и Союзной контрольной комиссии

в Венгрии в период перед заключением Парижского мирного договора 1947 года способствовало демонтажу старой государственной машины, наказанию военных преступников, искоренению фашизма, прекращению геноцида евреев. Венгрия стала республикой, провела первые свободные выборы, на которых одержали верх отнюдь не коммунисты. Все последующие изменения стали результатом внутривнутриполитической борьбы. Советские войска в Венгрии в годы до заключения Государственного Договора с Австрией (в мае 1955 г.) имели задачей обеспечивать коммуникации, ведущие к группе советских войск, находившихся в Австрии»⁵⁷.

Восточноевропейские историки подчеркивают, что коммунисты были включены в состав правящих коалиций только под прямым или косвенным советским давлением. Например, румынские историки убеждены, что, поскольку западные союзники рекомендовали румынским представителям, с которыми ранее поддерживались контакты о возможности заключения сепаратного мира, обратиться к советскому руководству для заключения перемирия, национал-либералы и национал-цэрэнисты были вынуждены согласиться на участие коммунистов в политическом блоке, направленном против Антонеску⁵⁸.

Можно вполне согласиться с мнением о том, что Сталин не мог не считаться с Западом, не мог нанести удара по существовавшим там иллюзиям относительно возможного преобразования советского тоталитарного режима, его демократизации. Усиленно демонстрируя добрую волю к мирному сосуществованию и сотрудничеству с партнерами по антигитлеровской коалиции после войны, Сталин старался произвести впечатление не завязшего в старом мышлении, а восприимчивого к идеям демократии и добрососедства политика. Стратегические приоритеты были расставлены им адекватно новой ситуации: пока можно было делать ставку на первенство закона (международных договоренностей) перед силой (агрессивным утверждением своих представлений о социалистическом будущем мира). Воспринимая окружавший его мир через призму «сфер влияния» (такой взгляд, впрочем, был свойствен тогда и западным политикам), Сталин полагал, что

«лимитрофов пока можно приобретать без применения открыто силовых методов, опираясь на активно действовавшие и пользовавшиеся возросшим к моменту окончания войны авторитетом национальные коммунистические силы, которые заняли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы более или менее прочные позиции как в верхних эшелонах власти, так и на местах»⁵⁹.

Представители этого направления исследований справедливо отмечают, что советское присутствие в Восточной Европе являлось следствием успешных военных действий Красной Армии против нацистской Германии и ее союзников и было согласовано с союзниками по Антигитлеровской коалиции. С международно-правовой точки зрения оно оправдывалось общими задачами разгрома фашизма, необходимостью обеспечения тыла действующей Красной Армии и выполнения пунктов Декларации об освобожденной Европе, принятой на Крымской конференции в феврале 1945 года⁶⁰.

Аналогичное мнение высказывается и в восточно-европейской историографии. Например, румынские историки полагают, что в стране «при поддержке Красной Армии и при участии коммунистов был установлен политический и экономический режим, означавший подчинение Румынии ее восточному соседу»⁶¹. В то же время, даже представители этого направления готовы признать, что развитие событий во второй половине 1940-х годов по сути вылилось в свершение социалистических революций и установлению режимов советского образца⁶².

На наш взгляд, хотя о прямой оккупации Советским Союзом стран Восточной Европы можно говорить только применительно к 1944–1945 годам, до окончания Второй мировой войны, когда советские войска действительно создавали органы временной оккупационной администрации на территории ряда стран, преобладающее и почти исключительное влияние СССР как на внутривнутриполитическую ситуацию, так и на внешнюю политику восточноевропейских государств, не вызывает сомнений. И вряд ли можно говорить об эволюции советских планов от тактики многопартийно го блока до установления однопартийной диктатуры происходило под действием каких-то внешних факторов. Более

логично предположить, что мы просто имеем дело с двумя этапами одного плана, разработанного в Москве и послушно осуществлявшегося восточноевропейскими компартиями под руководством советских советников и представителей.

В 1949–1953 годах, в период консолидации коммунистических режимов в Восточной Европе, вооруженные силы и органы госбезопасности, оставаясь под контролем советских советников, были практически независимыми от партийного руководства. Тем самым Сталин стремился предотвратить развитие в странах Восточной Европы по югославскому сценарию⁶³. Особенно ярко это проявлялось в Польше. Как вспоминал бывший высокопоставленный офицер польской госбезопасности Ю. Святло, «в вопросах армии Рокоссовский... контактирует непосредственно с советским штабом. Он просто посылает в штаб рапорты без оповещения и информирования Берута»⁶⁴.

Только после смерти Сталина Москва позволила местным коммунистам осуществлять реальный контроль над силовыми структурами, хотя советское влияние в них сохранялось до самого краха социализма в Восточной Европе. В то же время, вскоре после смерти Сталина новое советское руководство стало ограничивать масштабы репрессий в восточноевропейских странах. Так, в мае 1953 года по требованию Москвы была остановлена подготовка сфальсифицированного процесса офицеров польского Генштаба⁶⁵.

По мнению ряда российских историков, на протяжении 1949–1953 годов «страны Восточной Европы охватила “вторая волна” тоталитаризма: там утверждались политические режимы, принципиально новые для данного региона, основу которых составляли национальные варианты власти советского типа. Они различались степенью приближенности к сложившемуся в СССР “классическому сталинизму” – партийно-бюрократической диктатуре. Их относительно быстрое по времени утверждение явилось следствием ряда причин.

Важнейшими из них были потребность ускорения экономического развития и перехода к модернизации экономической сферы, программы которых были предложены коалиционными пра-

вительствами. Свою роль играла и компрометация в годы войны в массовом сознании европейцев либеральных идей и принципов организации общества на их основе, как не обеспечивших успешное противостояние фашизму»⁶⁶.

Тот факт, что режимы в Восточной Европе были режимами советского типа, сомнений не вызывает, равно как и то, что либеральные идеи в период господства авторитарных и тоталитарных режимов были основательно дискредитированы. Однако тезис о том, что быстрое утверждение советских режимов было вызвано потребностями экономического развития стран Восточной Европы, представляется нам достаточно искусственной модернизацией прежнего марксистского тезиса советских времен о народно-демократических революциях, которые были необходимы для преодоления «отсталости» государств региона и их модернизации. В действительности программа индустриализации с упором на ее военную составляющую диктовалась Восточной Европе из Москвы и имела мало общего с интересами местного населения.

Утверждается также, будто можно говорить «о наличии в Восточной Европе политических режимов, несомненно, близких к советскому образцу, левототалитарных по своему характеру, однако имеющих особые “родовые” черты, не дающие возможности считать их аналогами советского сталинского режима»⁶⁷. Это аргументируется тем, что политическая обстановка в странах Восточной Европы в середине 40-х годов была иной, чем в России в 1917 году и в конце 1920 – начала 1930-х годов, когда будто бы и произошло установление сталинского режима. Указывается, что в Восточной Европе были существенные цивилизационные отличия от России, что, в частности, там было гораздо более развито гражданское общество, существовали полноценные политические партии, профсоюзы и общественные организации, что, дескать, и обеспечило то, что в Восточной Европе «в 1944–1948 гг. на антифашистской, национально-освободительной и демократической основах сложился и действовал (в ряде стран по принуждению) механизм общественного консенсуса, основанный на принципе демократии по соглашению различных политических сил»⁶⁸.

Не очень понятно, как можно достигать консенсуса одновременно на принципах демократии и по принуждению. Но если все отличие сводится к наличию у восточноевропейских коммунистических режимов народно-демократического этапа, которого не было у большевиков, то это отнюдь не означает типологического отличия от советского (сталинского) режима. Сам народно-демократический этап был введен по требованию СССР и диктовался главным образом внешним фактором: наличием союзных СССР западных демократий, с которыми Сталин хотел еще в течение какого-то времени продолжать сотрудничество. После же минувания народно-демократического этапа коммунистические режимы Восточной Европы практически не отличались от советского, имея классический набор реальной однопартийности, репрессий, индустриализации, коллективизации и принудительного единомыслия. Формальное отличие в виде сохранения в некоторых некоммунистических партий, действовавших в отнюдь не добровольном блоке с коммунистами, не может иметь сущностного характера, поскольку эти партии были простыми марионетками коммунистов.

Восточноевропейские историки, как правило, считают коммунистические режимы в своих странах во второй половине 40-х – начале 50-х годов сталинистскими. Так, польский историк Д. Ярош полагает, что, хотя историки Польши «убедительно доказывают, что самым кровавым периодом в послевоенное время были 1944–1947 г. г.», но после 1948 года «террор был не только массовым, но и повсеместным, и его целью было не покорение государства, а покорение общества»⁶⁹. Он относит установление сталинистского режима в Польше к 1948 году, когда были ликвидированы последние следы реальной многопартийности и завершился народно-демократический этап. Другой польский историк, К. Персак, доказывает, что польская конституция 1952 года фактически писалась под диктовку Сталина⁷⁰. Еще один польский историк, А. Скшипек, подчеркивает, что «констатация зависимости Польши от СССР после Второй мировой войны – догмат нашей историографии»⁷¹.

Такая же ситуация была не только в Польше. Российский исследователь венгерского происхождения Б.И. Желицкий отмечает, что «лидеры венгерской компартии, долгие годы прожившие в московской эмиграции, хорошо понимали, чего от них ожидает советский центр, где они наблюдали и досконально усвоили механику безраздельного властвования. Эти лидеры считали необходимым утверждать у себя на родине именно культивировавшуюся в СССР модель социализма, отрицавшую разделение властей, гражданское общество и другие атрибуты демократического устройства»⁷². Поскольку коминтерновские эмигранты, долгие годы жившие в СССР, преобладали в руководстве практически всех восточноевропейских компартий, так что вывод, сделанный в отношении Венгрии, будет справедлив и в отношении других государств Восточной Европы.

В странах – бывших союзниках нацистской Германии во Второй мировой войне в Восточной Европе (Румынии, Венгрии и Болгарии) главы Союзных контрольных комиссий, представлявшие СССР и являвшиеся видными советскими политическими и военными деятелями, в определенной мере координировали деятельность местных компартий и советских силовых структур на территории соответствующих стран и в определенной степени ограничивали суверенитет некоммунистических правительств, помогая коммунистам прийти к власти.

Эти комиссии наблюдали за выполнением условий перемирий и обладали широкими возможностями вмешательства во внутреннюю жизнь соответствующих стран. Как отмечают венгерские историки, деятельность СКК служила «легализации советского влияния, прежде всего потому, что эта Комиссия была наделена правом запрещать партии, арестовывать людей и осуществлять цензуру»⁷³.

Российские и болгарские историки отмечают также, что СКК потворствовали массовому террору, проводимому в 1944–1945 годах коммунистами и их союзниками. Особого размаха этот террор достиг в Болгарии, где, по некоторым оценкам, было уничтожено около 18 тыс. человек⁷⁴. А в Румынии советская сторона, готовя отставку некоммунистического правительства Н. Ра-

деску, делала упор на необходимость «обеспечить порядок и честное выполнение (Румынией. – *Авт.*) условий Соглашения о перемирии»⁷⁵.

Коммунисты также формировали собственные военизированные структуры, вроде рабочей милиции, в чем им активно помогали советские советники⁷⁶. В Румынии, согласно Парижскому мирному договору 1947 года, советские войска должны были оставаться всего 90 дней, якобы для налаживания линий коммуникаций с войсками, расположенными в Центральной Европе. В действительности части Советской Армии оставались в Румынии вплоть до 1958 года⁷⁷. По той же схеме сохранялось присутствие советских войск в Венгрии и Болгарии.

Среди российских историков высказывается мнение, что «меньшее влияние на развитие событий Москва оказывала в таких, по сути, разных странах, как Югославия, Албания и Чехословакия. Здесь имелись крепкие позиции и влияние компартий, которым советское руководство до поры до времени полностью доверяло. В Польше, где коммунисты имели малую поддержку в обществе, а русофобские настроения были весьма сильны, а также в Болгарии, Венгрии и Румынии, в прошлом странах-сателлитах нацистской Германии, где действовали СКК во главе с советскими представителями, вмешательство во внутреннюю жизнь со стороны Москвы было значительным»⁷⁸.

Здесь вызывает возражение тезис о том, что СССР мало влиял на развитие событий в Чехословакии. Конечно, позиции коммунистов в Чехословакии были значительно сильнее, чем, например, их товарищей в Венгрии или Румынии. Партия действовала легально, была представлена в чехословацком парламенте, имела харизматичного и популярного в народе лидера К. Готвальда. На руку коммунистам играла и позиция президента Э. Бенеша, сторонника конвергенции, до войны проводившего просоветскую политику. Но советское влияние на события в Чехословакии в послевоенный период было весьма значительным с самого момента освобождения страны, хотя советские войска действительно были выведены из страны вскоре после 9 мая 1945 года.

Это влияние заключалось в том, что костяк новой чехословацкой армии был создан из чехословацких частей, созданных в СССР, главным образом, с просоветски настроенными офицерами. Кроме того, в силовых министерствах имелись советские советники. Поэтому любые антиправительственные выступления населения, даже сравнительно небольшие по численности, не могли подавляться армией и полицией, находившихся, особенно последняя, под фактическим контролем коммунистов. А этот контроль не мог быть установлен без активной советской поддержки.

Представители того направления в российской историографии, которое условно можно назвать социалистическим, или посткоммунистическим, полагают, что главной целью советской политики в Восточной Европе было созданием «пояса безопасности» из дружественных СССР государств, и что это не было только пропагандистской риторикой, а должно было предотвратить возможность повторения германской агрессии 1941 года. Они также всерьез рассматривают призывы Сталина к странам Восточной Европы иметь одинаково хорошие отношения как с Советским Союзом, так и с западными державами⁷⁹. Как нам представляется, все-таки вряд ли правомерно совсем исключать экспансионистский элемент советской внешней политики, проявившийся как в секретных протоколах к советско-германским договорам 1939 года, так и в установлении советского контроля над Восточной Европой в конце Второй мировой войны. Ведь любой «пояс безопасности» обычно служит как средством защиты от внезапной агрессии, так и потенциальным плацдармом для нападения или иных враждебных действий против других стран. Никакого равноправия в отношениях восточноевропейцев с СССР и с Западом Сталин на деле допускать не собирался, что и доказал, не позволив государствам Восточной Европы принять план Маршалла.

Высказывается мнение, что когда Сталин и другие советские политики отождествляли «пояс безопасности» со сферой интересов СССР, они не только использовали пропагандистские штампы, но и искренни опасались, что в противном случае из Восточной

Европы СССР может угрожать опасность. Это аргументируется тем, что термин «пояс безопасности» употреблялся в документах, предназначенных только для служебного пользования и потому максимально деидеологизированных⁸⁰. Беда, однако в том, что идеологические и пропагандистские схемы присутствовали даже в самых секретных советских документах.

Российские историки в качестве документа, отражающего истинные намерения Сталина, цитируют его беседу 23 мая 1946 года с польскими лидерами – коммунистом Б. Берутом и социалистом Э. Осубка-Моравским, во время которой Сталин заявил: «В Польше нет диктатуры пролетариата, и она там не нужна. У нас были сильные противники, мы [в России] должны были свалить трех китов – царя, помещиков и довольно сильный, разбавленный иностранцами класс русских капиталистов. Для того чтобы одолеть эти силы, нужна была власть, опирающаяся на насилие, то есть диктатура. У вас положение совершенно иное. Ваши капиталисты и помещики в такой степени скомпрометировали себя связями с немцами, что их удалось смять без особого труда. Патриотизма они не проявили. Этого “греха” за ними не водилось. Несомненно, что удалить капиталистов и помещиков в Польше помогла Красная Армия. Вот почему у вас нет базы для диктатуры пролетариата. Строй, установленный в Польше, это демократия, это новый тип демократии. Он не имеет прецедента. Ни бельгийская, ни английская, ни французская демократия не могут братья вами в качестве примера и образца. Ваша демократия особая... Демократия, которая установилась у вас в Польше, в Югославии и отчасти в Чехословакии, это демократия, которая приближает Вас к социализму без необходимости установления диктатуры пролетариата и советского строя... Вам не нужна диктатура пролетариата, потому что в нынешних условиях, когда крупная промышленность национализирована и с политической арены исчезли классы крупных капиталистов и помещиков, достаточно создать соответствующий режим в промышленности, поднять ее, снизить цены и дать населению больше товаров широкого потребления, и положение в стране стабилизируется. Количество недовольных новым демократическим строем будет все

уменьшаться, и Вы приблизитесь к социализму без кровавой борьбы. Новая демократия, установившаяся в Польше... является спасением для нее... Режим, установленный ныне в Польше, обеспечивает ей максимум независимости и создает все необходимые условия для процветания без эксплуатации трудящихся. Этот режим стоит сохранить»⁸¹.

Здесь действительно дана развернутая формула «народной демократии». Однако она неслучайно предваряется чисто пропагандистскими, не имеющими ничего общего с действительностью, утверждениями насчет польских «капиталистов и помещиков», будто бы активно сотрудничавших с нацистами. И это в то время, когда уровень коллаборационизма в Польше был наименьшим в Европе, а «помещики и капиталисты» по большей части поддерживали лондонское правительство и Армию Крайову. С учетом этого напрашивается вывод, что и формула «народной демократии» точно так же была изобретена для пропагандистских нужд.

И еще в конце 1943 года в Москве были поставлены пропагандистские задачи, призванные обосновать будущее пребывание Красной Армии на территории восточноевропейских стран. Эти задачи были изложены в письме руководителя Совинформбюро Д. Поликарпова заведующему Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Александрову 17 декабря 1943 года. От органов пропаганды требовалось: всемерное разъяснение славянским народам, что сохранение их свободы и независимости от немецкой агрессии возможно лишь при постоянном и неразрывном сотрудничестве с народами Советского Союза, призыв славян к вооруженной борьбе против немцев, разъяснение значения советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанного 12 декабря 1943 года с эмигрантским правительством Э. Бенеша, для судеб славянских народов. Считалось необходимым «популяризировать советско-чехословацкий договор, определяющий характер отношений СССР с малыми странами, участвующими в общей борьбе против германского империализма». Предполагалось также широко разъяс-

нять советские цели в войне и разоблачать слухи о «русской опасности»⁸².

Авторы коллективной монографии «Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века» совершенно справедливо утверждают, что «идея “народной демократии” не возникла спонтанно. Она была разработана Коминтерном еще в 30-е годы XX в. и апробирована в Испании в годы борьбы против режима Франко, а также частично в странах Прибалтики в 1940–1941 гг., хотя и в сильно урезанном, форсированном варианте. “Народная демократия” задумывалась как переходный режим, необходимый для того, чтобы подвести трудящиеся массы к социалистической революции. Эта идея, приспособленная коммунистами к конкретно-историческим условиям первых послевоенных лет в странах зоны советского влияния, и была воплощена в жизнь. “Народная демократия”... является не альтернативой советскому строю, а ступенью, этапом на пути установления подобного строя»⁸³.

Тут необходимо оговориться, что происходившее в странах Восточной Европы в 1944–1948 годах, вряд ли можно назвать социалистической революцией. Здесь сказывается стереотип советской эпохи. Правильнее говорить об «экспорте социализма» в Восточную Европу, поскольку в отсутствие советских войск установление там «народной демократии», а потом и «диктатуры пролетариата» в этом регионе представляется невероятным. При этом авторы монографии признают, что компартии в большинстве стран Восточной Европы, накануне Второй мировой войны были слабыми и маловлиятельными⁸⁴. Поэтому обоснованным представляется мнение В.В. Марьиной о том, что «это по сути период борьбы коммунистических партий за установление своего политического полновластия при опоре на мощь и возросший после войны международный авторитет Советского Союза.

С точки зрения рассматриваемой темы этот период может быть охарактеризован как переходный от тоталитаризма правого толка (фашизм) к тоталитаризму левого толка (социалистические режимы советского образца)»⁸⁵.

Некоторые российские историки всерьез принимают слова Сталина, сказанные Черчиллю в октябре 1944 года: «Советский Союз не намерен устраивать большевистские революции в Европе»,⁸⁶ хотя это была лишь дань дипломатической вежливости, которой вряд ли поверил даже сам британский премьер. С другой стороны, делается вывод, что «нет оснований сомневаться в том, что Сталин и его соратники оставались верны марксистско-ленинской идеологии, из политико-прагматических соображений отказываясь от некоторых её догм или приспособляя их к нуждам момента»⁸⁷. Ближе к истине, вероятно, последнее предположение, о приспособлении догм «социалистической революции» и «строительства социализма» к пропагандистским и политическим нуждам второй половины 40-х годов в Восточной Европе.

Представляется неудачной трактовка слов Сталина, сказанных президенту Чехословакии Э. Бенешу в конце 1943 года: «Я – ленинец и им останусь», как свидетельство того, что «советская демократия по-прежнему в представлениях Сталина и его соратников оставалась высшим типом демократии, и пропаганду преимуществ советского строя следовало не «откладывать в долгий ящик», а проводить аккуратно, избегая прямолинейности»⁸⁸. Согласимся, что Сталин как приверженец «демократии высшего типа» смотрится трагикомически, ибо демократия для него была не более чем пропагандистским лозунгом. Автор соответствующего раздела В.В. Марьина склонна считать разумным оправдание Сталиным необходимости советского контроля над Польшей соображениями безопасности, поскольку «это вопрос жизни и смерти для Советского государства»⁸⁹. Между тем, это традиционная имперская позиция, объясняющая все завоевания «соображениями безопасностями».

Есть и ошибочные утверждения, вроде того, что «первой зарубежной страной, на территорию которой вступила Красная Армия летом 1944 г. стала Польша»⁹⁰.

Между тем, хорошо известно, что Красная Армия вошла на территорию Румынии еще в марте 1944 года. О вступлении на территорию Польши ранее этой даты можно говорить, только если брать Польшу в границах 1939 года, на которые Красная

Армия вышла еще в январе 1944 года. Однако Сталин эту границу к тому времени уже не признавал, считая настоящей границей Польши линию Керзона. Поэтому вряд ли правомерно говорить о выходе Красной Армии на польскую границу уже в январе 1944 года, о котором в советских газетах вообще не упоминалось ни словом.

При этом признается, что «слова “советизация”, “большевизация”, “социалистическая революция”, “социализм”, “диктатура пролетариата” были исключены не только из официального лексикона советских лидеров и пропаганды, но и из не рассчитанных на обнародование выступлений и заявлений советских и партийных функционеров не первой величины»⁹¹. Это обстоятельство как раз доказывает, что все эти цели Сталин продолжал преследовать, но он боялся раньше времени вызвать обеспокоенность как западных держав, так и основной массы населения Восточной Европы, которая настороженно относилась к «советскому раю».

Курс на советизацию проводился с самого начала освобождения стран Восточной Европы Красной Армией. Так, уже 5 апреля 1945 года в освобожденных советскими войсками Кошицах (Словакия) была принята чехословацкая правительственная программа, которая была выработана в Москве при активном участии чехословацких коммунистов. Она предусматривала, что послевоенная Чехословацкая республика должна была сохранять тесный союз с СССР, строить армию и службу безопасности по советскому образцу, национализировать ключевые отрасли промышленности и банки, создать Национальный фронт чехов и словаков, включавший лишь партии и организации, участвовавшие в национально-освободительной борьбе. Было также объявлено о необходимости конфискации имущества немцев, венгров и чешских и словацких коллаборационистов и декларировано создание новых органов государственного и общественного управления – национальных комитетов⁹².

В той же монографии высказывается мнение, что в конце 40-х годов как внутренние, так и международные условия «созрели для того, чтобы режим “народной демократии”, по мысли Сталина, начал выполнять функции диктатуры пролетариата. Коммунисты,

опираясь на поддержку СССР, “переиграли” своих партнеров-соперников по национальным (народным) фронтам, используя как тактику проведения социально-экономических реформ, в которых были заинтересованы широкие массы трудящихся, т. е. преобладающая часть общества, так и силовые приемы». События 1944–1948 (1949) годов рассматриваются как растянутая по времени народно-демократическая революция⁹³.

Однако партнеры коммунистов по коалициям в восточноевропейских странах сами выступали за проведение глубоких социальных реформ, в частности аграрной, так что здесь коммунистам не надо было их «переигрывать». «Народно-демократическая» фаза нужна была во многом для западных наблюдателей, поскольку пока сохранялись надежды на какое-то сотрудничество и помощь со стороны западных партнеров по Антигитлеровской коалиции, нельзя было открыто переходить к «этапу диктатуры пролетариата». Партнеры коммунистов, подвергшись силовому воздействию, достаточно быстро поняли свою обреченность, так что многие некоммунистические политики предпочли эмигрировать.

Более обоснованной кажется нам точка зрения тех российских исследователей, которые полагают, что советский фактор играл решающую роль в установлении коммунистических режимов в подавляющем большинстве стран Восточноевропейского региона, за исключением Югославии и Албании. Компартии всех этих стран, включая также Албанию, а в период до 1948 года – и Югославию, подчинялись Москве и выполняли советские указания, хотя отдельные случаи саботажа таких указаний имели место.

Коммунистические партии Восточной Европы, к моменту освобождения их стран от нацистской оккупации, за исключением Албании и Югославии, не имели преобладающего влияния среди населения своих стран и не имели шансов победить на свободных выборах и придти к власти без советской поддержки и использования силовых методов в принципе не могли. В Албании и Югославии коммунисты контролировали ситуацию, причем эти страны практически не были оккупированы Красной Армией в годы

войны. Советские войска были только в Белграде и в части Сербии, и то всего лишь два месяца.

Как отмечают российские историки, югославским коммунистам удалось занять главенствующие позиции во властных структурах Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ) «при поддержке и с согласия всех держав антигитлеровской коалиции: западные союзники не могли не учитывать активности народно-освободительного движения во главе с коммунистами в борьбе с оккупантами, полагая в то же время, что небольшая по численности группировка коммунистов будет “растворена”, “поглощена” крестьянской массой их сторонников по этой борьбе. Однако, как вскоре стало ясно, этого не случилось. КПЮ смогла укрепиться у власти, используя как благоприятную международную конъюнктуру (соглашение между СССР и Западом о разделе сфер влияния на Балканах), так и ряд других факторов»⁹⁴.

Тут можно добавить, что еще в период Второй мировой войны Иосип Броз Тито активно контактировал с западными союзниками и получал от них значительную помощь. Для Англии и США он был уже тогда достаточно приемлемым главой Югославии. Не исключено, что еще в 1945 руководители западных держав предполагали возможность конфликта Тито со Сталиным и потому не слишком активно протестовали против его утверждения у власти в Югославии.

Главную же причину силы КПЮ российские историки справедливо видят в том, что, «подняв знамя “общеегославского патриотизма” в противовес “местным”, национальным патриотизмам», коммунисты постепенно снискали симпатии значительной части общества, уставшего от оккупации, межнациональных, межрегиональных политических противостояний и жаждущего, наконец, обрести спокойствие». При этом, однако, «патроном для Белграда, несмотря на его “ершистость” и стремление проводить самостоятельную политику на Балканах, в ту пору все же оставалась Москва, куда коммунисты и обращались за помощью и советом». Неслучайно еще в феврале 1945 года приехавший в Москву секретарь ЦК КПЮ Э. Кардель говорил, что «нам необходимо следующее: самый тесный контакт с Москвой для консультаций

по всем вопросам нашей внешней и внутренней политики». Он также просил присылать как можно больше литературы и материалов, а также советников «по всем вопросам государственного строительства»⁹⁵. Эта просьба могла быть также и дипломатическим ходом с целью еще раз продемонстрировать лояльность Кремлю. Но то, что восточноевропейские коммунисты в ту пору действительно нуждались в помощи советских советников, подтверждают и местные историки. Так, в Румынии, где борьбу за власть в компартии вели две группировки, одна из коммунистов, ранее работавших в Коминтерне и вернувшихся из СССР, и другая, состоявшая из тех, кого в 1944 г. выпустили из тюрем, причем «в силу ограниченности мировоззрения и внутренних распрей ни одна из сторон не могла принимать сколько-нибудь важных решений без консультации с советниками или дипломатами из Москвы и не получив их согласия»⁹⁶.

В остальных странах Восточной Европы советская поддержка была необходимым условием установления и существования коммунистических режимов, утверждают историки направления, которое можно условно назвать несоциалистическим. Они отвергают мысль о возможности осуществления народно-демократической альтернативы (реального блока коммунистов и некоммунистических демократических сил) сталинскому социализму, поскольку сама эта альтернатива была лишь временным пропагандистским средством, позволявшим коммунистам укрепить свои позиции и дезориентировать некоммунистические партии Восточной Европы и общественное мнение западных стран⁹⁷.

По мнению представляющего данное направление Л.Я. Гибанского, двумя факторами, обеспечившими установление коммунистических режимов в Восточной Европе, были, с одной стороны, «единство социально-политических целей режима, существовавшего в СССР, и компартий, вставших у власти в странах Восточной Европы, общность их основных представлений о путях и средствах достижения этих целей – “построение социализма” в каждой из стран и расширения его “сферы” на мировой арене, борьбы против “империализма”». С другой стороны, имела большое значение «организационная связь компартий с Советским

Союзом как мировым коммунистическим центром, сложившаяся еще со времени Коминтерна. Выросшая из доктринально-политических основ коммунистического движения эта связь на завершающем этапе второй мировой войны особенно усилилась для компартий Восточной Европы ввиду той важнейшей роли, которую играл СССР в установлении и поддержке их господствующего положения.

В большинстве стран региона советское военное присутствие и их включение в сферу советского военного и политического контроля имело решающее значение в приходе коммунистов к власти»⁹⁸. Он также подчеркивает, что создание коммунистических режимов в Восточной Европе, которые должны были образовать тесный военно-политический блок с Советским Союзом, Сталин рассматривал в контексте новой войны с западными державами, которую он считал весьма вероятной через 10–20 лет после окончания Второй мировой войны⁹⁹. Л.Я. Гибианский делает правильный вывод о том, что фактический военно-политический блок СССР и стран Восточной Европы сформировался в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы как монолит, всецело подчиненный Москве. Он обеспечил существование коммунистических режимов и гарантировал советское господство в Восточной Европе¹⁰⁰.

Тот же историк доказывает, что с самого начала вступления советских войск в Восточную Европу в 1944–1945 годы. Сталин взял курс на установление там левых режимов, в которых рано или поздно преобладающую роль должны были играть местные коммунисты. Создание таких режимов было обусловлено взаимодействием советского фактора с внутренними социально-политическими процессами в странах региона. При этом форсирование процессов советизации в большинстве стран приходится на 1947–1948 годы. Оно связано с начавшейся холодной войной¹⁰¹.

По утверждению Г.П. Мурашко и А.Ф. Носковой, имеющиеся в распоряжении исследователей советские документы МИДа, МВД и ЦК КПСС, не позволяют дать однозначный ответ на вопрос, существовал ли у советского руководства план построения

социализма в странах Восточной Европы, отличный от советского образца, т. е. с сохранением реальной многопартийности и демократических свобод, или это была только тактическая уловка, вызванная необходимостью укрепить позиции восточноевропейских компартий и не ссориться открыто с США, Англией и Францией¹⁰². Тот факт, что потом во всех восточноевропейских странах, где приход коммунистов к власти и последующее строительство социализма проходили под советским контролем, развитие происходило по советскому образцу, доказывает, по нашему мнению, что альтернативных планов построения социализма для восточноевропейских стран у Сталина не было. 2 сентября 1946 году он объяснял лидеру болгарских коммунистов Г. Димитрову: «Невыгодно иметь Рабочую партию, при этом называющуюся коммунистической... Вам нужно объединить рабочий класс с другими слоями трудящихся на основе программы-минимум, а для программы-максимум время еще придет... Трудовая партия или рабоче-крестьянская партия подходит для такой страны, как Болгария. Это будет народная партия... И с точки зрения международного положения страны это значительно облегчит ваши задачи. По существу партия будет коммунистическая, но получит более широкую базу и удобную маску для нынешнего периода. Этим вы поможете переходу к социализму по собственному пути – без диктатуры пролетариата. Положение со времени нашей революции коренным образом изменилось, и необходимо использовать другие методы и формы, а не подражать русским коммунистам»¹⁰³. На наш взгляд, главное здесь – слова про «маску», из чего следует, что гримирование коммунистов под «трудовиков» или «народных демократов» должно было только замаскировать их сущность (с «диктатурой пролетариата» и террором) как перед собственными народами так и, что еще важнее, перед западными державами.

Альтернативные варианты построения социализма проявились, однако, только в восточноевропейских странах, которые не были оккупированы Красной Армией, – в Албании, которая с начала 60-х годов XX века пыталась строить социализм по китайскому образцу, и особенно в Югославии, где была предпринята

попытка построения своеобразного рыночного социализма и введения рабочего самоуправления на предприятиях. Интересно, что именно в этих странах отсутствовала многопартийность, и диктатура компартий была установлена еще в 1944–1945 годах. В Югославии компартия была единственной легальной политической силой. Другие партии прекратили свое существование, поскольку были подавлены либо германскими оккупантами, либо коммунистами. В Албании же других партий, кроме КПА, вообще не существовало¹⁰⁴.

Следовательно, сравнительная умеренность, которую проявляли по советской указке коммунисты и их союзники в 1944–1948 годах, была обусловлена чисто тактическими обстоятельствами.

Также спорно утверждение Г.П. Мурашко и А.Ф. Носковой, будто «концепция национального пути к социализму, ориентированная на внутривластный компромисс и общественную консолидацию, имела убежденных сторонников из числа таких политических прагматиков в руководстве ряда компартий, как К. Готвальд, В. Гомулка, Г. Димитров, Й. Реваи, Л. Патрашкану и др.». Названные коммунистические лидеры, однако, никакой самостоятельной роли не играли. Г. Димитров и К. Готвальд действовали под полным контролем из Москвы и по диктуемой оттуда схеме. Л. Патрашкану проиграл во внутривластной борьбе Г. Георгиу-Дежа и был казнен, а реабилитировали его только при Н. Чаушеску. И. Реваи вообще никогда не играл первых ролей в венгерской компартии. Что же касается В. Гомулки, то его попытки придать социализму «польское лицо» относятся к периоду после 1956 года, когда он вновь вернулся к власти после ареста и тюремного заключения. Хотя и до этого среди польской общественности было распространено мнение, что он может спасти Польшу от полной советизации и заимствования советских образцов¹⁰⁵. Ранее же он заявлял: «Все наши партии желают черпать из драгоценной сокровищницы опыта и героической борьбы ВКП(б), указаний товарища Сталина – великого продолжателя революционной мысли и дела Маркса-Энгельса-Ленина»¹⁰⁶. До этого времени, учитывая полный советский контроль над поль-

ской армией и другими силовыми структурами, гораздо более жесткий, чем в других восточноевропейских странах, ни о каком проявлении польской самостоятельности говорить не приходится. В Польше, как и в ряде других стран Восточной Европы, значительное число советских граждан были зачислены в штаты вооруженных сил, МВД и служб безопасности, фактически руководя их деятельностью¹⁰⁷.

Контрольно-инспекторские функции по отношению к восточноевропейским компартиям осуществляли отделы международной информации и внешней политики ЦК ВКП(б), а также МИД, советские посольства, советские советники и специалисты и корреспонденты¹⁰⁸.

Существует мнение, что за политический диктат Советский Союз в первые послевоенные годы щедро расплачивался со странами Восточной Европы экономической помощью¹⁰⁹. Между тем, первые послевоенные годы отличались как раз неэквивалентностью в торговле между СССР и странами в Восточной Европы, причем в пользу Москвы. Кроме того, Москва заставляла своих восточноевропейских союзников развивать военную промышленность и содержать большие по численности армии для противостояния НАТО. Как пишет польский историк А. Скушпек, «польская промышленность должна была помогать советской в ее стремлении к созданию атомной бомбы и ее носителей... Начавшаяся одновременно гонка вооружений... имела для Польши определенные последствия, скорее негативные, чем выгодные»¹¹⁰. В результате «на рубеже 1955 г. оказалось, что Польша не в состоянии справиться со своими обязательствами по отношению к СССР»¹¹¹.

Ситуация изменилась только после смерти Сталина, когда сырье и энергоносители в Восточную Европу из СССР стали поступать по ценам, которые были ниже цен мирового рынка. Советский Союз тогда стал главным потребителем изделий восточноевропейской промышленности, которые на мировом рынке были неконкурентоспособны. Таким образом Москва пыталась купить симпатии жителей Восточной Европы к социализму советского образца. Во Второй половине 40-х и в начале 50-х ситуация была

иная. СССР выкачивал по дешевке из восточноевропейских стран стратегическое сырье, вроде урана, и промышленную продукцию, а собственное сырье и топливо продавал по более высоким ценам. В частности, СССР навязал Польше обязательные поставки СССР угля по заниженным ценам. Кроме того, СССР демонтировал значительную часть германской промышленности и другого имущества на германских землях, передаваемых Польше или эксплуатировал эти объекты в течение длительного времени для нужд Красной Армии¹¹².

Как полагает российский историк Л.Б. Валева, «выжидательная позиция, занятая Красной Армией на границах Болгарии 6–7 сентября в условиях уже объявленной войны, создавала для болгарских коммунистов наиболее благоприятную ситуацию для захвата власти, парализовав действия правительства. При этом СССР формально не нарушал договоренностей с западными союзниками о невмешательстве во внутренние дела других стран. Важно было, чтобы правительство Отечественного фронта пришло к власти самостоятельно, без прямой поддержки со стороны советских войск»¹¹³. Несомненно, само присутствие советских войск у границ Болгарии во многом обеспечило победу коммунистов и их союзников.

Л.Б. Валева также подчеркивает, что с первых дней сентябрьского восстания 1944 года болгарские коммунисты захватили контроль над силовыми структурами, которые впоследствии использовали для репрессий против своих оппонентов, в том числе и из состава бывшего Отечественного фронта¹¹⁴. Террор, организованный против представителей «правых» партий и бывших чиновников и военных, маскировался под «народную стихию», но в действительности осуществлялся болгарскими коммунистами по заранее составленным спискам и с полного одобрения Москвы¹¹⁵. Подобное развитие событий стало возможным потому, что «в соответствии с договоренностями “большой тройки” о разделе сфер влияния СССР имел возможность прямого воздействия на развитие внутривнутриполитических процессов в Болгарии. Это обеспечивалось присутствием в стране советских войск и оперативных групп НКВД, доминированием СССР в Союзной контрольной

комиссии (СКК) в Болгарии, использованием системы политических, экономических и военных советников»¹¹⁶. Все действия болгарских коммунистов происходили по командам из Москвы.

В частности, не желая портить отношения с западными союзниками, Сталин потребовал от них обеспечить возможность легального существования оппозиции в Болгарии, перенести парламентские выборы и т. д. В то же время, он потребовал не делать никаких уступок оппозиции по составу и политике правительства. Можно применить ко всем восточноевропейским странам вывод о том, что «репрессии против оппозиции снижали степень недовольства населения, вызванного ухудшением экономического положения в первые послевоенные годы, а также ошибками и перегибами в хозяйственной политике нового режима»¹¹⁷.

Следует отметить, что в разных странах пик репрессий приходился на разные годы. Так, в Польше основные репрессии пришлись на 1944–1947 годы, когда была ликвидирована реальная оппозиция коммунистам. Такая же ситуация была в Албании и Югославии. Наоборот, в Венгрии, Болгарии, Румынии и Чехословакии наиболее суровые репрессии приходятся на 1948–1950-е годы, когда коммунисты уже укрепились у власти.

Кроме репрессий, использовался и откровенный шантаж, о чем российские историки обычно стараются не упоминать. Так, в Румынии в 1944–1945 годах коммунисты усиленно распускали слухи, что Северная Трансильвания, где действовала советская военная администрация, будет возвращена Румынии Советским Союзом только в том случае, если будет обеспечено доминирование коммунистов в румынском правительстве¹¹⁸. В то же время, российские историки отмечают, что советская сторона использовала территориальные споры между восточноевропейскими государствами для усиления своего влияния и продвижения к власти местных коммунистов, но не поддерживая прямо ни одну из сторон конфликта. Термин «шантаж» при этом не употребляется¹¹⁹. Подобные методы были особенно важны в Румынии, где, как отмечают румынские историки, «в отличие от компартий других восточноевропейских стран, румынские коммунисты не могли сослаться на какие-либо заслуги в организации антифашистского

сопротивления». В Румынии также большую роль играл контроль над средствами массовой информации, установленной коммунистами при помощи советских войск¹²⁰. Такой контроль был установлен во всех странах региона сразу же после их оккупации Красной Армией¹²¹.

Основными задачами цензуры были ликвидация политического и идейного плюрализма, закрытие некоммунистических газет, изоляция от западных стран и жесткая ориентация общественно-го мнения на СССР и страны восточного блока¹²².

Л.Я. Гибианский справедливо отмечает, что послевоенное развитие отношений Москвы с компартиями Восточной Европы происходило в полном соответствии с принципами, выработанными еще в эпоху Коминтерна, упраздненного в 1943 году: «Когда осенью 1946 г., после парламентских выборов, должно было быть сформировано новое правительство Болгарии, Димитров послал А.А. Жданову “предварительный план” его состава с просьбой сообщить, “если тов. Дружков (так обозначался Сталин. – Л.Г.) будет иметь замечания по этому предварительному плану”».

Подобная модель отношений, свойственная коммунистическому движению еще с коминтерновских времен, была привычна компартиям Центральной и Юго-Восточной Европы. Тем более что их социально-политические цели и присущие компартиям методы борьбы в своих странах в общем и целом совпадали с установками, исходившими от советского руководства.

Когда же некоторые восточноевропейские коммунистические деятели по тем или иным причинам начинали проявлять колебания в осуществлении каких-то сторон общей линии на создание общественного строя, подобного советскому образцу, как, к примеру, было с Гомулкой в Польше или с Л. Пэтрэшкану в Румынии, соединение воздействия Москвы и внутреннего давления в собственных партиях либо устраняло этих деятелей и подавляло связанные с ними тенденции, либо вынуждало их переступить через свои колебания и следовать заданному курсу»¹²³. Как отмечает И.С. Яжборовская, «Сталин имел за спиной Гомулки прямую связь с Политбюро, постоянно давая его членам понять, что он недоволен поведением польского лидера. Этого было довольно,

чтобы последний путем согласованных манипуляций был “отсечен” от руководства партией»¹²⁴.

Весьма показателен следующий документ – донесение резидента НКВД из Бухареста на имя Л.П. Берии о событиях, предшествовавших формированию в Румынии коммунистического правительства во главе с П. Грозу: «...Королю удалось оттянуть окончательное решение этого вопроса (о новом правительстве. – *Авт.*) до понедельника 5 марта. Большая демонстрация нар.-дем. фронта... перенесена на понедельник.

Руководство земляков (коммунистов. – *Авт.*), в случае несогласия короля, готовится к формированию намеченного кабинета Петре Гроза и собирается осуществить это явочным порядком, обратившись с воззванием к народу.

Нами предпринимаются соответствующие организационные мероприятия.

Руководство Союзной Контрольной Комиссии продолжает энергично проводить дальнейшее сокращение бухарестского гарнизона и изъятие оружия.

Ожидается прибытие в течение 4–5 марта в окрестности Бухареста трех наших дивизий (прибыли две дивизии НКВД, через месяц одна была выведена. – *Авт.*). Положение в столице так же, как и в районных центрах, продолжает оставаться напряженным»¹²⁵.

Данный документ хорошо иллюстрирует тот факт, что свертывание демократических структур и продвижение коммунистов власти происходило при непосредственном использовании советских силовых структур на территории этих стран.

Как считают авторы монографии «Власть – общество – реформы», «Сталин в конце войны не отказался от тезиса о классово-миссии “своей” армии и делал ставку на советские войска как на одно из орудий продвижения идей социализма на Запад. Миссия Советских Вооруженных сил таким образом имела двоякий характер: будучи освободительной, она в то же время преследовала цели распространения советского влияния – с более или менее удаленной перспективой установления советского строя в странах Центральной и Юго-Восточной Европы»¹²⁶. Вряд ли, од-

нако, Сталин в тот момент думал о социализме. Скорее он руководствовался логикой обычного империалиста, стремящегося максимально расширить сферу своего контроля.

Представляется обоснованной точка зрения В.В. Марьиной о том, что «советские руководители в конце войны, исходя из собственной общей внешнеполитической стратегии, предостерегали компартии от постановки вопроса о немедленной советизации своих стран, считая, что это дело более или менее отдаленного будущего. Сталинская рекомендация “идти шаг за шагом и прежде, чем сделать следующий шаг, нужно закрепить завоеванные позиции” была отражена в политике национальных фронтов, одобренной Москвой. Но эта политика рассматривалась коммунистическими руководителями не как нацеленная в первую очередь на поиск возможностей сотрудничества с партнерами по фронту, а как выгодная для компартий с точки зрения ведения ими классовой борьбы. Развитие международной ситуации сократило не определенные заранее сроки подведения масс к социализму советского образца до минимума»¹²⁷.

Как признают российские историки, для прихода к власти коммунисты использовали подтасовки итогов выборов и референдумов, репрессии против оппозиционных деятелей, развал оппозиционных партий изнутри и запугивание избирателей, а также насильственное слияние бывших союзников по коалициям с коммунистами. Сталин был в курсе этих методов, но на встречах с союзниками коммунистах лицемерно говорил о недопустимости подобного¹²⁸. Как один из способов подавления сопротивления оппозиционных коммунистам сил отмечается депортация их представителей в Советский Союз¹²⁹.

По мнению российского историка И.С. Яжборовской, Советским Союзом в Польше «был проведен наиболее чистый, лабораторный политический эксперимент: политическое поле было очищено “ликвидацией” польского государства, оставлением на нем узкого спектра левоцентристских сил»¹³⁰.

Хотя силовые методы применялись в странах Восточной Европы в период 1945–1955 годов сравнительно редко и не масштабно, именно наличие советских войск и сознание того, что за

местными коммунистами стоит вся мощь Советского Союза, побуждали некоммунистические силы к поискам каких-то компромиссов с коммунистами. Однако, как только коммунисты чувствовали, что они проигрывают в политической борьбе, они без колебания применяли силу.

Как полагают Г.П. Мурашко и А.Ф. Носкова, «ставшие доступными новые архивные материалы показывают, что “рывок” компартий к монополии на власть в 1947 году был во многом обеспечен именно использованием неполитических методов воздействия на ситуацию». Эти же авторы утверждают, что «пока в распоряжении исследователей нет достаточных данных, подтверждающих прямое участие советской стороны в разработке планов организации и разоблачения подобных “заговоров” или фальсификации итогов выборов. Но мы можем с полной уверенностью говорить о том, что Москва последовательно брала на себя внешнеполитическое обеспечение этих акций, используя свое военно-политическое присутствие в регионе и влияние СССР на международной арене»¹³¹. Сознывая высокую степень зависимости восточноевропейских компартий от СССР, трудно поверить, что они изобретали мнимые «заговоры» или фальсифицировали итоги выборов без одобрения Москвы. А учитывая наличие советских советников в органах госбезопасности и МВД этих стран, можно предположить и прямую советскую помощь в фабрикации «заговоров».

Как отмечают те же авторы, «в советской внешней политике в Восточной Европе после второй мировой войны совершенно четко проявлялись две, казалось бы, полярные тенденции. С одной стороны, налицо было стремление к использованию политических инструментов для решения задач утверждения своего влияния в регионе. С другой, наблюдалось с приливами и отливами, начиная с 1944–1945 годов, использование откровенно силовых методов и силовых структур для подавления и удаления противников с политической сцены»¹³². На самом деле никакого противоречия между этими двумя тенденциями нет. Политические инструменты использовались только в контексте осознания политическими противниками коммунистов того, что у тех есть

в запасе силовые методы, которые те без колебаний пустят в ход, если их партнеры по переговорам не будут достаточно уступчивы. Это напоминало тактику злого и доброго следователя, когда первый запугивает подследственного, а второй получает от него признательные показания.

Как подчеркивают публикаторы сборника документов «Советский фактор в Восточной Европе», «процесс установления политических режимов советского типа оказался по историческим меркам стремительным, что во многом объяснялось наличием в обществе стран региона, хотя и значительно отличавшихся социальной структурой, уровнем политического и культурного развития, ментальными традициями и пр., своего рода “общего знаменателя” в виде свойственной переходным периодам маргинализации жизни и сознания людей, проявлявшейся, помимо прочего, в леворадикальных настроениях, облегчавших восприятие советской модели»¹³³. Здесь же подчеркивается, что по советскому образцу и подобию и на основе советских нормативных документов в конце 1940-х и в начале 50-х годов коммунистические режимы вводили меры по изоляции этих стран от внешнего мира, в том числе посредством глушения западных радиостанций, ограничения передвижения иностранных дипломатов, ограничения въезда иностранцев и выезда собственных граждан за границу¹³⁴.

В то же время даже в Польше, где влияние Советского Союза было особенно велико еще с 1944 года, а силовые методы в борьбе с оппозицией применялись наиболее активно, установившийся к 1948 году режим и соответствующая ему политическая система, по признанию некоторых польских исследователей, не были полностью тождественны советскому типу организации общества¹³⁵.

В 1948 году фактически начинается «холодная война» между СССР и западными державами, вызванная как разногласиями по поводу послевоенной судьбы Германии, отказом западных держав заседать в Контрольном совете, так и коммунистическим переворотом в Праге, установившим однопартийную диктатуру. В связи с этим СССР стал создавать антизападный военный блок в Восточной Европе, заключая с государствами региона соглашения о военном сотрудничестве. В этой связи российские историки

подчеркивают, что Сталин требовал от своих восточноевропейских партнеров не провоцировать Запад непродуманными заявлениями или действиями¹³⁶.

В целом советский фактор вплоть до 1948 года, как полагают российские историки, и в этом у них наблюдается единство, способствовал усилению роли силовых методов управления партией и обществом в целом и переходу от устранения политической оппозиции коммунистам к «подавлению “инакомыслия” уже в самих коммунистических рядах во имя утверждения доктринальных марксистско-ленинских установок, реализованных в советской общественно-политической модели»¹³⁷. Следует подчеркнуть, что абсолютно по тому же пути шла эволюция коммунистического режима в СССР.

Споры идут о природе социально-политической системы, установленной с помощью СССР в Восточной Европе. Некоторые исследователи отказываются называть ее социалистической, поскольку она существенно отличалась от той теории социализма, которую предлагали К. Маркс и Ф. Энгельс. Поэтому советский и восточноевропейский социализм они предпочитают называть «тоталитарным социализмом», достаточно далеким от марксистского идеала. Их оппоненты полагают, что никакого другого социализма быть не может, что социализм носит тоталитарный характер, и концепция «реального социализма» призвана оправдать тоталитаризм советского образца.

Большинство современных российских исследователей сегодня полагает, что «между социалистическим проектом “классиков” и общественными системами, сложившимися в СССР, а затем и в Центрально-Восточной Европе, существовали большие различия (государство управляло отнюдь не только вещами, но и людьми; отношения человека и общества оказались опосредованными иерархически соподчиненными структурами; государство доминировало над личностью и т. д. и т. п.). Однако эти различия были результатом не столько злой воли тех или иных исполнителей, сколько следствием принципиальной невозможности (по крайней мере, на нынешнем этапе развития человеческой цивилизации) воплотить в первоизданном виде в жизнь установки “на-

учного социализма”. В некотором смысле “реальный социализм” – это воплощенная в жизнь утопия». При этом делается существенная оговорка о том, что в рамках «реального социализма» «отдельным странам удалось решить важные цивилизационные задачи, а во всех из них довольно глубоко укоренились ценности человеческой солидарности и справедливости. Вряд ли может быть оспорено и то, что социальные достижения в этих странах оказали сильное влияние на развитие всего остального мира»¹³⁸.

Однако совершенно непонятно, какие именно «цивилизационные задачи» удалось решить странам Восточной Европы в период господства там коммунистических режимов, тесно связанных с Советским Союзом, если все технологическое и научно-техническое заимствование происходило, за редчайшим исключением, с Запада, либо напрямую, либо, чаще всего, через Советский Союз. Понятия же социальной справедливости и солидарности существовали в этих странах и до прихода Красной Армии.

Насчет же реального социализма резонной представляется точка зрения М.С. Восленского, согласно которой «реальный социализм – разумный термин. Система, реально сложившаяся в СССР, отличается от системы в других развитых странах. Она является результатом “социалистического выбора” и должна иметь название. Так как во всех странах “социалистического выбора” система не отличается от существующей в Советском Союзе, ясно, что реальный, а не книжно-умозрительный социализм именно таков, как в СССР»¹³⁹.

В то же время совершенно справедливым представляется мнение о том, что сложившаяся в восточноевропейских странах под влиянием СССР командно-административная система управления «сковывала творческую инициативу работников производства, ограничивала хозяйственную самостоятельность предприятий и тем самым тормозила развитие производительных сил»¹⁴⁰.

Высказывается также мнение, что реальный социализм в странах Восточной Европы «представлял собой одну из самых несправедливых организаций общественной жизни, построенную на тотальной государственно-монополистической эксплуатации народа, постоянном его притеснении и ограблении и потому на-

сквозь пронизанную социальными и национальными антагонизмами. Коммунистический режим как государственная система всегда был чуждой большинству граждан, стоящей над ним и гнетущей это большинство полицейской силой»¹⁴¹.

Некоторые российские исследователи утверждают, что представители нового правящего класса в Восточной Европе, как свидетельствуют опубликованные советские документы, выражали прямую заинтересованность в деятельности советских советников, особенно в сфере госбезопасности¹⁴². Вероятно, это утверждение справедливо применительно к первым годам становления коммунистических режимов в Восточной Европе, когда помощь советских советников была необходима местным коммунистам в борьбе с антикоммунистической оппозицией. Однако после 1948 года, когда подобная оппозиция была уже практически полностью ликвидирована, и коммунистической монополии на власть внутри страны ничего не угрожало, местные власти постепенно сокращали число советских советников, и после смерти этот процесс ускорился. И, как известно, полное удаление из страны советских советников было требованием демонстрантов в Польше в 1956 году, благодаря которым Владислав Гомулка стал главой ПОРП, а маршал К.К. Рокоссовский, занимавший пост министра обороны Польши, и почти все советские генералы и офицеры, служившие в Войске Польском, вынуждены были покинуть страну. А ведь в 1949 году еще до назначения Рокоссовского из 192 командных должностей только 84 высшие должности в польской армии занимали советские офицеры.

С приходом Рокоссовского советское влияние резко усилилось. Если на 15 марта 1950 года из 45 генералов Войска Польского 27 были советскими, то в декабре 1950 года из 52 генералов 40 были генералами Советской Армии. В то же время, в 1949–1954 годов из армии было уволено свыше 9 тыс. офицеров, в основном из кадров довоенной Польши¹⁴³. Российские историки, в противоположность мнению, высказывавшемуся в историографии в позднесоветское время, теперь приходят к выводу, что назначение Рокоссовского было инициировано не польской стороной, как гласила официальная версия, а Москвой¹⁴⁴.

Это свидетельствует, что, по крайней мере, после 1948 года, местные коммунистические власти стремились ослабить советскую опеку. Опубликованные же советские документы касаются главным образом контактам советских представителей с коммунистическим руководством стран Восточной Европы. Естественно, что на этих встречах, особенно в период правления Сталина, восточноевропейские политики не рисковали впрямую ставить вопрос об отзыве советских советников и предпочитали положительно отзываться об их деятельности.

Польский историк В. Бороздей считает, что в ноябре 1949 года вместе с назначением Константина Рокоссовского главнокомандующим Войска Польского и маршалом Польши зависимость – в противоположность довоенному принципу суверенности – получила символ, который двумя годами ранее трудно было представить. Можно, следовательно, предполагать, что уже осенью 1949 года зависимость от Москвы не стеснялись особенно маскировать. Даже в наиболее чувствительной сфере национального достоинства – подчеркивании якобы польского происхождения польского маршала. Тем самым зависимость стала определенно открытой, и такое положение вещей в несколько видоизмененном варианте сохранялось в течение последующих шести лет¹⁴⁵.

Однако Рокоссовский действительно был поляком по отцу и родился в Варшаве, хотя, конечно же, в годы войны и в послевоенное время воспринимался поляками как советский (русский) маршал. Что же касается более открытых форм советского господства в Восточной Европе, то они были обусловлены начавшейся «холодной войной» с бывшими союзниками по Антигитлеровской коалиции и открытым конфликтом с Тито. Теперь больше не требовалось, ради поддержания отношений с США и Англией, маскировать коммунистический характер режимов в странах Восточной Европы и их полную зависимость от Москвы. Ссора же с Тито побуждала его более открыто демонстрировать свое господство в странах Восточной Европы и на корню пресекать попытки говорить о каких-то национальных особенностях социализма.

А вот мысль о том, что Москва удачно использовала своих представителей в период фабрикации политических процессов над представителями ряда фракций в восточноевропейских компартиях кажется верной. Обвинения подсудимых в связях с Тито было всего лишь ритуальным словосочетанием. По команде из Кремля в каждой стране Восточной Европы требовалось найти ответственного партийного руководителя, чтобы обвинить его в «титоизме»¹⁴⁶. В частности, по требованию Москвы был организован процесс над Т. Костовым в Болгарии, Л. Райком в Венгрии, В. Гомулкой в Чехословакии, В. Клементиса в Чехословакии и др.¹⁴⁷.

Как отмечают российские исследователи, Москва в целом успешно использовала политические амбиции национальных лидеров, получая при этом уникальную возможность связать круговой порукой главных действующих лиц и усилить собственные контрольные рычаги в регионе. Учитывая конечную цель, советское руководство достаточно индифферентно относилось к выбору жертв репрессий, который осуществлялся «на местах», то есть в самих странах советского блока и «собственными силами». «Москва предстает как координатор и арбитр, направлявший “течение” репрессий в нужное ей русло и регулировавший механизм согласования решений»¹⁴⁸.

Однако как показывают российские историки, было бы ошибочным полагать, что только вмешательство СССР вызывало репрессии в Восточной Европе. Например, точно такие же репрессии были проведены И. Тито в Югославии уже после разрыва с СССР¹⁴⁹.

Советские советники рассматриваются российскими историками как инструмент воздействия и контроля за общественным развитием стран Восточной Европы¹⁵⁰. При этом справедливо отмечалось, что сохранившиеся в документах запросы на присылку советников, равно как и просьбы продлить срок их пребывания в странах свидетельствуют, что « компартии и их руководство не были готовы (прежде всего, в силу нередко низкого общеобразовательного и профессионального уровня) к самостоятельному реальному управлению обществом. Копирование советского опыта, обусловленного коммунистической доктриной, объективно выте-

кало и из этой неготовности, что давало советскому руководству возможность воздействия на правившую коммунистическую элиту»¹⁵¹.

Характерно, что арестованных в ходе кампании репрессий конца 1940-х – начала 50-х годов экономисты и торговые работники обвинялись в пренебрежительном отношении к советским советникам и специалистам и шире – к советскому опыту¹⁵². К началу 50-х годов во всех странах Восточной Европы, может быть, за исключением Югославии, уже были в наличии главные элементы системы советского (сталинского) типа¹⁵³.

Как полагают российские историки, «советское руководство было убеждено, что новая национальная элита, даже получив всю полноту власти, не сможет правильно решить первоочередные задачи без прямого советского участия и контроля. Поэтому Москва стремилась сделать советников постоянным фактором влияния на внутреннюю жизнь стран Восточной Европы»¹⁵⁴. Только 13 ноября 1958 года министр обороны СССР Р.Я. Малиновский и командующий объединенными вооруженными силами Варшавского договора И.С. Конев предложили ЦК КПСС заменить институт военных советников во всех странах Восточной Европы, кроме Венгрии, представительствами объединенных вооруженных сил, как это было уже осуществлено в Польше. Этот процесс был завершен в конце 50-х годов¹⁵⁵.

Однако дело здесь не только в неготовности восточноевропейских коммунистических элит, но и в осознании своей зависимости от СССР, чья материальная помощь и присутствие советских войск гарантировали стабильность коммунистических режимов в Восточной Европе. В рассматриваемый период 1945–1955 годов внутри компартий Восточной Европы, за исключением Югославии и Албании, ввиду их относительной слабости, не возникало влиятельных движений за национальную независимость. В Югославии и Албании ситуация была иная. Здесь компартии с самого окончания войны абсолютно доминировали на политической сцене своих стран и располагали мощными вооруженными силами. Это помогло Тито во время конфликта 1948 года полностью покончить с советским влиянием в стране. В Албании ситуация

была иная. Из-за крайне небольших размеров страны, ее экономической отсталости и территориальных претензий со стороны Югославии местный коммунистический лидер Энвер Ходжа нуждался во внешней поддержке, которую и получил в лице Советского Союза. От советской зависимости он смог избавиться только в начале 60-х годов, когда переориентировался на маоистский Китай в качестве своего спонсора.

Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко и А.Ф. Носкова полагают, что была реальная альтернатива модели советского социализма в Восточной Европе в виде модели народной демократии, но в силу ряда причин в 1948 году победила советская модель¹⁵⁶. Авторы убеждены, что «в странах Восточной Европы имел место феномен народной демократии, возникший и оформившийся на завершающем этапе второй мировой войны в специфических условиях подъема “народного радикализма”». Покончив с фашизмом и авторитарными режимами, в Восточной Европе начали рассматривать различные модификации демократии – от либерализма до «крестьянского социализма» и «демократического социализма». В этих условиях коммунисты будто бы предприняли попытку совместить марксизм-ленинизм с новыми политическими реалиями. Это привело к идее промежуточных, переходных форм власти различных политических сил, противостоящих фашизму. Эта модель, развившаяся на местной почве Восточной Европы, была названа «народной демократией». Она рассматривается как стадия, на которой существовали реальные альтернативы, из которых в силу ряда причин осуществилась именно советская модель¹⁵⁷.

Необходимо подчеркнуть, что сами коммунистические лидеры Восточной Европы рассматривали «народную демократию» лишь как первый этап на пути к полному захвату власти. Так, Клемент Готвальд еще в апреле 1945 года заявил активу Компартии Словакии: «Мы стоим не у цели, но мы на верном пути к ней... и только вмешательство черта может помешать нашей партии использовать благоприятные условия, чтобы достигнуть в ближайшее время тех конечных целей, за которые мы боролись всю свою жизнь»¹⁵⁸.

Как признает Г.П. Мурашко, «к февралю 1948 года использование непарламентских методов в борьбе за власть осознавалась К. Готвальдом как насущная необходимость.

Это подтверждается информацией временного поверенного в делах СССР в Чехословакии М.Ф. Бодрова. 17 февраля на основании состоявшейся у него беседы с К. Готвальдом Бодров сообщал в Москву, что правые партии при поддержке социал-демократов сумели изолировать коммунистов в правительстве и провести против них несколько решений. Принятие намеченных коммунистами законов и новой конституции в создавшейся ситуации нереально. Готвальд, анализируя по ходу беседы создавшееся положение, не исключал со стороны правых партий при поддержке Э. Бенеша осуществления такого шага, как выражение недоверия существующему правительству с целью формирования нового кабинета. При таком развитии событий, говорил Готвальд, коммунисты «тоже пойдут на крайнюю меру, т. е. при помощи имеющих у коммунистов министерства внутренних дел и большинства армии силой возьмут полностью всю власть в стране и окончательно расправятся с реакцией»¹⁵⁹.

При этом признается, что в Восточной Европе в середине 40-х годов возникла не нормальная представительная демократия западного образца, а ограниченный вариант демократии, который Т.В. Волокитина, Г.П. Мурашко и А.Ф. Носкова называют «демократией по соглашению». Они соглашались с тем, что народная демократия как и всякая демократия по соглашению имела временный характер, поскольку стороны, коммунисты и некоммунистические политические силы, преследовали принципиально разные стратегические цели. Поэтому «по мере того, как исчерпывалось решение общенациональных задач, размывалась и основа общественного консенсуса». Однако исчерпание консенсуса будто бы открывало возможность реализации одной из двух альтернативных моделей, либо народно-демократической, либо советской¹⁶⁰.

Тут необходимо возразить, что модель «народной демократии» отнюдь не была изобретением восточноевропейских коммунистов, а была им спущена им из Москвы. Причем не только им,

а и коммунистам Китая, Вьетнама, Кореи и других стран, к Восточной Европе никакого отношения не имевшим. Еще важнее то, что народно-демократическая модель не была реализована ни в одной из социалистических стран ни в Восточной Европе, ни в Азии, в том числе и в тех странах, где советское влияние было не столь велико или даже вовсе сошло на нет (Албания, Югославия, Китай и др.). Это говорит о том, что народно-демократическая модель не представляла собой жизнеспособного механизма, а использовалась исключительно в пропагандистских целях.

Данное обстоятельство, конечно, не исключает того, что отдельные представители восточноевропейских компартий и некоммунистических политических сил верили в эффективность народно-демократической модели государственного устройства, что, однако, не делает ее сколько-нибудь реалистической. Так, президент Чехословакии Э. Бенеш полагал, что преобразования, ведущие к социализму, следует осуществлять постепенно, используя только демократические методы и избегая насильственного перехода от одного строя к другому, установления диктатуры пролетариата с использованием марксистской теории. Он признавал, что назрел переход от буржуазной демократии, все недостатки которой были для него очевидны, к народной, но считал, что этот естественный процесс займет десятилетия и в каждой стране будет идти своим путем¹⁶¹. Весьма показательны, что, по распоряжению Сталина, Э. Бенеша охранял батальон войск НКВД и зенитный полк¹⁶². Бенеш питал иллюзии, что можно сохранить некоммунистическое правительство в Чехословакии, если учитывать внешнеполитические интересы Советского Союза¹⁶³. Такого же мнения до своей вынужденной эмиграции придерживался и лидер польской оппозиции С. Миколайчик¹⁶⁴.

Некоторые исследователи полагают, что, «если в силу ряда внутренних и особенно внешних условий (сталинское давление) она была тогда обречена, это вовсе не означает, что в другой ситуации ее опыт не может быть использован. В связи с этим хотелось бы отметить, что народная демократия имеет много общего с идеей народного фронта, которую долгое время отстаивали многие деятели европейского демократического движения, рас-

сматривая ее не как кратковременный тактический маневр, как считали сторонники диктатуры пролетариата, а как реальный путь политического развития»¹⁶⁵.

Между тем, еще 8 января 1937 года Сталин говорил германскому писателю-антифашисту Лиону Фейхтвангеру: «Мы не хотим отказываться от слова демократия, мы объединяем наш фронт борьбы с фронтом борьбы рабочих, крестьян, интеллигенции против фашизма за демократию. Сохраняя слово “демократия”, мы протягиваем им руку и говорим им, что после победы над фашизмом и укрепления формальной демократии придется еще бороться за высшую форму демократии, за социалистическую демократию»¹⁶⁶. Здесь уже присутствует программа «народной демократии», причем она представляется лишь первой фазой борьбы за высшую «социалистическую демократию». Другое дело, что в 1937 году Сталин намеревался реализовывать эту модель в странах, находившихся за пределами зоны советского влияния (Франция) или в странах, где шла гражданская война, одну из сторон в которой поддерживал СССР.

Но цель политики «народного фронта» в 1930-е годы и политики «народной демократии» была одна – усилить влияние коммунистов, чтобы сделать их более приемлемыми как для широких кругов общественности своих стран, так и для общественного мнения и политиков западных великих держав, чтобы в перспективе привести коммунистов к власти и позволить им начать «второй этап строительства социализма», т. е. реализацию советской модели. В 30-е годы из-за неспособности СССР оказать достаточную силовую поддержку коммунистам в Испании, Китае и тем более во Франции, та модель, которая позднее была названа народно-демократической, не была реализована. А во второй половине 40-х годов, благодаря присутствию Красной Армии в Восточной Европе, народно-демократическая модель получила свое воплощение, но, в полном соответствии с замыслом Сталина, только как некое преддверие для реализации советской модели.

В Восточной Европе коммунистические историки середины 1980-х годов, уже испытывавшие влияние горбачевской перестройки, равно как и наследовавшие им современные историки

левой ориентации, склонны поддерживать мнение большинства российских историков о существовании реальной народно-демократической альтернативы советской модели в 1940-е годы.

В частности, венгерский историк И. Вида полагает, что «Красная Армия, освободив Венгрию в 1944–1945 годах, сделала то, чего не смогли сделать сами венгерские народные массы из-за относительной слабости и раскола прогрессивных сил общества»¹⁶⁷. Он также положительно оценивает усилия советских оккупационных властей по налаживанию жизни и восстановлению государственного управления в Венгрии. И. Вида полагает, что «в освобожденных от германского гнета районах, на руинах хортистского государственного аппарата, при поддержке советских властей развернулось широкое, самодеятельное демократическое массовое движение», которое и давало реальную альтернативу советской модели в виде прямой демократии» масс. В действительности вряд ли в данном случае уместно говорить о самодеятельности масс. Не говоря уже о том, что советская военная администрация отдавала явное предпочтение коммунистам, в том числе вернувшимся в страну с обоза Красной Армии эмигрантам, но и сам процесс полностью контролировался советской стороной, не допускавшей по возможности никакой стихийности в деле государственного строительства.

В Венгрии, как и в других странах Восточной Европы, советские войска и представители советской оккупационной администрации не допускали возникновения каких-либо параллельных народных органов власти. Они предпочитали, чтобы коммунисты и их союзники постепенно овладевали существующими органами государственной власти, прежде всего силовыми. Никаких стихийных революционных выступлений они не допускали. То, что потом было названо народными революциями, вроде организованных коммунистами демонстраций в Праге в феврале 1948 года, правильно называть, как и так называемые «революции» в странах Балтии летом 1940 года, на самом деле были государственными переворотами, осуществленными с непосредственной советской помощью.

В качестве единственного примера народного органа власти И. Вида приводит возглавляемый комитет Мишкольца, который после освобождения города Красной Армией две недели управлял городом, пока не был упразднен советской военной администрацией. Но этот пример как раз и доказывает, что никаких народных органов власти не создавалось. Оттого, что новые органы местной власти стали называться в Венгрии национальными комитетами, никаких принципиальных изменений не произошло, поскольку никаких других органов власти, выполнявших те же функции, тогда не существовало в принципе. Просто сперва советское командование передало власть в Мишкольце коммунистам, но затем было решено, что столь быстрая и открытая советизация Венгрии может вызвать недовольство союзников по Антигитлеровской коалиции, и аналог Совета или ревкома русской революции 1917 года и гражданской войны был без шума ликвидирован.

В ряде сел, где советских комендатур не было, как отмечает И. Вида, «местные организации Венгерской коммунистической партии (ВКП) сами (кое-где вместе с профсоюзами) руководили селом; были случаи, когда они же назначали руководителей района», причем не допуская к управлению представителей других партий. Но эта самодеятельность продолжалась недолго. Как признает венгерский историк, «вскоре центральные органы ВКП, областные государственные руководители и советское командование выступили против этого “левачества”, и директории прекратили свое существование или были преобразованы в коалиционные политические организации». Никаких стихийных проявлений «коммунистической революционности» Сталин не просто не допускал. Он их не без оснований опасался, и, как показало время, не без оснований. Ведь именно те коммунистические режимы, которые имели достаточно широкую народную поддержку (а Югославии, Албании и Китае), достаточно быстро ушли от советской опеки и даже стали в какой-то период времени враждебными СССР. И уже в рамках новой советской политики в годе Ходмезавашархей через две недели после освобождения «был создан городской совет из шести человек, в который по два пред-

ставителя делегировали коммунисты, социал-демократы и Независимая партия мелких сельских хозяев»¹⁶⁸. Это как раз и было началом осуществлением советской политики «народных демократий».

По мнению И. Вида, в период с осени 1947 до весны 1949 года произошла полная ликвидация органов прямой демократии, что осуществлялось параллельно с победой народно-демократической революции в Венгрии, с установлением диктатуры пролетариата. Все это явилось результатом предшествовавшего периода политической деятельности, неблагоприятного состояния дел в международном рабочем движении, неправильного, одностороннего и догматического толкования диктатуры пролетариата, схематичного копирования строительства социализма в Советском Союзе, вульгаризованного применения идей марксизма-ленинизма.

Венгерский историк считает, что главной причиной столь неблагоприятного, с его точки зрения, развития событий стали ошибки тогдашнего руководства венгерской компартии, которое отказалось от сохранения рабочих комитетов на предприятиях, ликвидировав тем самым свою опору в виде самоуправления трудящихся, равно как и национальных комитетов, в которых многие тогда в Венгрии видели аналог российских Советов периода революции 1917 года¹⁶⁹. Однако очевидно, что венгерские, равно как и другие восточноевропейские коммунисты не обладали никакой свободой воли, и в вопросе о рабочих комитетах, равно как и в других принципиальных вопросах в то время должны были ориентироваться на позицию Москвы. Характерно, что Иосип Броз Тито смог ввести самоуправление на предприятиях, неизменно критиковавшееся в СССР, вплоть до эпохи перестройки, только тогда, когда в 1948 году избавился от советской зависимости. Что же касается национальных комитетов, то они действительно были лишь временными органами власти. Как органы влияния компартии они потеряли всякий смысл, когда под контролем компартии оказался весь центральный аппарат власти.

В начале второго этапа создания коммунистических режимов в Восточной Европе в 1948–1949 годах советский опыт построения социализма был признан единственно верным и применимым

в деятельности восточноевропейских компартий. Это произошло на третьем заседании Коминформа в ноябре 1949 года. Один из руководителей польской компартии Я. Берман, в частности, заклеил, по его выражению, «теориейки», о «новых» путях к социализму, отличных, по существу, от советского пути и не встречавших должного отпора со стороны коммунистов¹⁷⁰.

Л.Я. Гибианский, на наш взгляд, верно определяет Коминформ как советский инструмент «дополнительного контроля над восточноевропейскими коммунистическими режимами и организации с территории стран “народной демократии” пропагандистских и иных усилий, направленных против югославского коммунистического режима, отторгнутого от “социалистического лагеря”»¹⁷¹.

Вполне правильным кажется нам вывод авторов монографии «Власть – общество – реформы» о том, что главной причиной того, что в Восточной Европе «победила коммунистическая концепция развития “народной демократии”, ориентированной на социализм советского образца» было то, что «страны региона оказались включенными в сферу советского влияния»¹⁷². Но вот только, по нашему мнению, на практике никакой «некоммунистической концепции» «народной демократии» в Восточной Европе на практике не существовало.

Не приходится сомневаться, что в понятие «народная демократия» иное содержание, чем коммунисты, «вкладывали национальные социалисты, идеологическим лидером которых был Бенеш, социал-демократы, возражавшие против слияния с коммунистами на марксистско-ленинской платформе, представители крестьянского политического движения, руководствовавшиеся теорией аграризма (Болгария, Венгрия, Польша, Югославия, где они имели сильные позиции)»¹⁷³. Однако ни у одной из перечисленных политических сил не было «концепции развития народной демократии». Такая концепция была только у коммунистов, точнее, у Москвы, которая и требовала от восточноевропейских компартий использовать лозунг «народной демократии» как первую фазу взятия власти и установления «диктатуры пролетариата». И эта концепция была совсем не публичной, а наоборот, тщательно скрывалась как от общественности, так и от партнеров по коали-

циям. И правильной представляется точка зрения В.В. Марьиной о том, что «народная демократия была мифом, иллюзией, поскольку существовавшие международные реалии (вхождение Восточной Европы в советскую сферу влияния) не давали ни малейшего шанса утвердиться этой отличной от советской и в представлении Кремля низшей по сравнению с ней форме демократии»¹⁷⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы: «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948: Сборник / Под ред.: В.В. Марьиной. – М.: Наука, 2002. С. 14.

² Власть – общество – реформы. С. 140. См. также: Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы: «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948: Сборник / Под ред. В.В. Марьиной. – М.: Наука, 2002.

³ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. С. 14. В данном случае подвергается критике, в частности, мнение польского историка А. Фитовой: Fitowa A. Poslowie // NKWD I polskie podziemie 1944–1947. – Krakow, 1998. Vol. 2. S. 421–444.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Spor o PRL. – Wrocław, 1996. L. 20.

⁶ Марьиная В.В. Чехословацкий «Февраль» 1948 г. начинался в 1945 г. Международный исторический журнал, № 7, 2000, январь – февраль.

⁷ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. С. 15–18. 29 октября 1949 г. лидер болгарских коммунистов В. Коларов заявил советскому послу, что необходимо «организовать дело так, чтобы все советы из Москвы исполнялись немедленно» (Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. С. 475–476).

⁸ Движение Соппротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945 гг. М.: Наука, 1995. С. 525.

⁹ Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2002. С. 500.

¹⁰ Там же. С. 503.

¹¹ Там же. С. 503–504.

¹² Там же. С. 504.

¹³ *Носкова А.Ф.* Послевоенное десятилетие. 1945–1955 // Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. – М.: Аспект-Пресс, 2010. С. 394.

¹⁴ Там же. С. 394–395.

¹⁵ *Бородзей В.* Послевоенное десятилетие 1945–1955 // Белые пятна. Черные пятна. С. 431. В. Бородзей здесь ссылается на следующие вышедшие в Польше сборники документов, подготовленные совместно с российскими историками: *Polska w dokumentach z archiwów rosyjskich 1949–1953. Dokumenty do dziejów PRL* / Ed. by A. Kochanski et al. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2000; *Polska – ZSRR. Struktury podległości. Dokumenty WKP (b) 1944–1949* / Ed. by G.A. Bordiugow et al. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1995; *Techka specjalna J.W. Stalina. Raporty NKWD z Polski 1944–1946* / Ed. bby T. Cariewskaja et al. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1998.

¹⁶ *Носкова А.Ф.* Послевоенное десятилетие. 1945–1955 // Белые пятна. Черные пятна. С. 395. Слова Ш. Мараи цитируются по: *Аристов В.* Русский мир Будапешта и Венгрии (Очерки и статьи по истории и современности). – Будапешт, 2003. С. 146.

¹⁷ *Носкова А.Ф.* Послевоенное десятилетие. 1945–1955 // Белые пятна. Черные пятна. С. 429.

¹⁸ Там же. С. 399–401, 428, 429.

¹⁹ *Бородзей В.* Послевоенное десятилетие 1945–1955 // Белые пятна. Черные пятна. С. 432.

²⁰ Там же. С. 443.

²¹ *Носкова А.Ф.* Послевоенное десятилетие. 1945–1955 // Белые пятна. Черные пятна. С. 397.

²² *Матерский В.* Военное время. 1941–1945 // Белые пятна. Черные пятна. С. 389–392.

²³ *Носкова А.Ф.* Послевоенное десятилетие. 1945–1955 // Белые пятна. Черные пятна. С. 397.

²⁴ *Носкова А.Ф.* Польша на рубеже войны и мира // Уроки истории. XX век, 17.11.2010 (<http://www.urokiistorii.ru/%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B0/1253>).

²⁵ *Хорев В.А.* Польская литература XX века. – М.: Индрик, 2009. С. 129.

²⁶ Там же.

²⁷ *Носкова А.Ф.* Послевоенное десятилетие. 1945–1955 // Белые пятна. Черные пятна. С. 412.

²⁸ Цит. по: *Носкова А.Ф.* Послевоенное десятилетие. 1945–1955 // Белые пятна. Черные пятна. С. 445–446.

²⁹ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. С. 425–426.

- ³⁰ *Корнат М.* Современная историография российско-польских отношений // Белые пятна. Черные пятна. С. 803.
- ³¹ *Тьмовский Михал, Кеневиц Ян, Хольцер Ежи.* История Польши. Пер. с польского. – М.: Весь мир, 2004. С. 445, 448.
- ³² Там же. С. 449.
- ³³ Там же. С. 451.
- ³⁴ История Румынии / Под ред. Иоан-Аурел Поп, Иоан Балованю Пер. с румынского. – М.: Весь мир, 2005. С. 620.
- ³⁵ *Контлер Л.* История Венгрии. С. 506.
- ³⁶ *Носкова А.Ф.* Послевоенное десятилетие 1945–1955 // Белые пятна. Черные пятна. С. 402–403.
- ³⁷ *Бородзей В.* Послевоенное десятилетие 1945–1955 // Белые пятна. Черные пятна. С. 437–438.
- ³⁸ *Петров Н.В.* По сценарию Сталина. Роль органов НКВД-МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 265.
- ³⁹ Там же. С. 266.
- ⁴⁰ *Бородзей В.* Послевоенное десятилетие 1945–1955. С. 17–18.
- ⁴¹ Там же. С. 18–19.
- ⁴² Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 2. С. 919.
- ⁴³ *Хореев В.А.* Москва и культурная политика Варшавы (1948 – начало 60-х гг.) // Польша – СССР 1945–1989. С. 434.
- ⁴⁴ *Kuron J., Zakowski J.* PRL dla poczatkujacuch. – Wroclaw, 1995. S. 62.
- ⁴⁵ Там же. С. 19–20. Критикуемую точку зрения см.: *Контлер Л.* История Венгрии. С. 508–509.
- ⁴⁶ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. – М.: РОССПЭН, 2002. С. 3.
- ⁴⁷ Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. Т. 1. С. 8.
- ⁴⁸ Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы: «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948. С. 50.
- ⁴⁹ *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Советское присутствие в Восточной Европе. 1944–1948 гг.: некоторые политические аспекты // Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). – М.: Ин-т славяноведения РАН, 1999 (Центральноевропейские исследования. Вып. 1).
- ⁵⁰ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. С. 5.
- ⁵¹ *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Советское присутствие в Восточной Европе. 1944–1948 гг.: некоторые политические аспекты.
- ⁵² См.: *Фогелсон Д.С.* (США). Американские надежды на преобразование России во время второй мировой войны / Предисл. В.Л. Малькова // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 80–105.

⁵³ См.: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1954. Т. 1. С. 6–7; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе, 1944–1948 гг. – М., 1993; *Idem.* Das Zentralkomitee der WKP (b) und das Ende der «nationalen Wege zum Sozialismus» // *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung.* 1994; *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Советский фактор в послевоенной Восточной Европе, 1945–1948 гг. // Советская внешняя политика в годы «холодной войны». 1945–1985. Новое прочтение. – М., 1995; *Idem.* A szovjet tényero kelet-Európa országainak háboru utáni fejlődésében, 1945–1948 // *Múltunk.* 1996. № 2. 49–80 old.; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. – М.: РОССПЭН, 2008.

⁵⁴ *Контлер Л.* История Венгрии. С. 505.

⁵⁵ Там же. С. 508.

⁵⁶ *Контлер Л.* История Венгрии. С. 514.

⁵⁷ *Кузьмин А.* Пренебрежение историческими фактами // *Дуэль*, 2005, 24 мая, № 20.

⁵⁸ История Румынии. С. 589.

⁵⁹ *Марьина В.В.* Чехословацкий «Февраль» 1948 г. начинался в 1945 г. // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы: «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948. С. 113.

⁶⁰ Советский фактор в послевоенной Восточной Европе, 1945–1948 гг. Т. 1. С. 8.

⁶¹ История Румынии. С. 590.

⁶² *Марьина В.В.* Чехословацкий «Февраль» 1948 г. начинался в 1945 г. // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы: «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948. С. 89.

⁶³ *Тымовский Михал, Кеневич Ян, Хольцер Ежи.* История Польши. С. 459.

⁶⁴ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. С. 487–488.

⁶⁵ Там же. 478–479.

⁶⁶ Там же. С. 656.

⁶⁷ Там же. С. 663.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ *Ярош Д.* Сталинизм в Польше (1948–1956) // Польша – СССР 1945–1989. С. 142.

⁷⁰ *Персак К.* Роль Иосифа Сталина в подготовке конституции Польской народной Республики 1952 г. // Польша – СССР 1945–1989. С. 153–168.

⁷¹ *Скиштек А.* Зависимость Польши от СССР и внешняя политика Варшавы в 1944–1956 гг. // Польша – СССР 1945–1989. С. 163.

⁷² Власть – общество – реформы. С. 140.

⁷³ *Контлер Л.* История Венгрии. С. 510.

⁷⁴ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. С. 68; Исусов М. За някои съвременни оценки на най-новата история на България // История и обществознание. 1990. № 2. С. 10.

⁷⁵ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. С. 69.

⁷⁶ Советский фактор в послевоенной Восточной Европе, 1945–1948 гг. Т. 1. С. 15–16.

⁷⁷ История Румынии. С. 595.

⁷⁸ Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / отв. ред. Э.Г. Задорожнюк. – М.: Наука, 2006. С. 71.

⁷⁹ Советский фактор в послевоенной Восточной Европе, 1945–1948 гг. Т. 1. С. 9.

⁸⁰ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. С. 29 и след.

⁸¹ Там же. С. 37–38.

⁸² Марына В.В. Чехословацкий «Февраль» 1948 г. начинался в 1945 г. // Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы: «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948. С. 82.

⁸³ Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / отв. ред. Э.Г. Задорожнюк. – М.: Наука, 2006. С. 9.

⁸⁴ Там же. С. 21.

⁸⁵ Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы: «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948. С. 8.

⁸⁶ Там же. С. 27.

⁸⁷ Там же. С. 31.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. С. 33.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 29.

⁹² Там же. С. 126.

⁹³ Там же. С. 9.

⁹⁴ Там же. С. 44.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ История Румынии. С. 608.

⁹⁷ См.: Новопашин Ю.С. О причинах краха международного коммунизма // Восточная Европа: контуры посткоммунистической модели развития. – М., 1992; Он же. Вводные замечания // Бывшие хозяева Восточной Европы: По-

литические портреты. – М., 1995; СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в середине и второй половине 1940-х годов // Сов. славяноведение. 1991. № 6. С. 13 (выступление Ю.С. Новопашина).

⁹⁸ *Гибианский Л.Я.* СССР, Восточная Европа и формирование советского общества // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. С. 19.

⁹⁹ Там же. С. 20.

¹⁰⁰ Там же. С. 35.

¹⁰¹ *Гибианский Л.Я.* Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива. – М.: Олма-Пресс, 2003.

¹⁰² *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Советское присутствие в Восточной Европе. 1944–1948 гг.: некоторые политические аспекты. Документальные публикации, посвященные роли СССР в установлении коммунистических правительств в странах Восточной Европы, см.: Советский фактор в странах Восточной Европы. 1944–1953 гг. // Под ред. Т.В. Волокитиной, Г.Л. Мурашко, О.В. Наумов, А.Ф. Носкова, Т.В. Царевская. Т. 1. 1944–1948. Т. 2. 1949–1953. Москва: РОССПЭН, 1999–2002. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 / Под ред. Г.П. Мурашко, Т.В. Волокитиной, Т.М. Исламова, А.Ф. Носковой, Л.А. Роговой. Т. 1–2. 1949–1953. М.–Новосибирск: Новый Хронограф, 1997–1998; Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946 гг. Документы российских архивов. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1998; Из Варшавы. Москва. Тов. Берия... Документы НКВД о польском подполье. 1944–1945 гг. М.–Новосибирск: Новый Хронограф, 2001.

¹⁰³ Георги Димитров. Дневник (9 март 1933–6 февруари 1949). – София, 1997. С. 533–534.

¹⁰⁴ Советский фактор в странах Восточной Европы. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. Т. 2. С. 6.

¹⁰⁵ *Тымовский Михал, Кеневич Ян, Хольцер Ежи.* История Польши. С. 458.

¹⁰⁶ Цит. по: Власть – общество – реформы. С. 66.

¹⁰⁷ См.: *Nalepa E.J.* Ornicerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim, 1943–1968. – Warszawa, 1995.

¹⁰⁸ *Гибианский Л.Я.* СССР, Восточная Европа и формирование советского общества // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. С. 28.

¹⁰⁹ *Сератионова Е.П.* Эдуард Бенеш: планы послевоенного развития Чехословакии и реальность // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. С. 129.

¹¹⁰ *Скиштек А.* Зависимость Польши от СССР и внешняя политика Варшавы в 1944–1956 гг. // Польша – СССР 1945–1989. С. 181.

¹¹¹ Там же. С. 186.

¹¹² *Бородзей В.* Послевоенное десятилетие 1945–1955 // Белые пятна. Черные пятна. С. 434–436.

¹¹³ *Гибианский Л.Я.* СССР, Восточная Европа и формирование советского общества // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. С. 79.

¹¹⁴ Там же. С. 82.

¹¹⁵ *Валева Л.Б.* Политические процессы в Болгарии 1944–1948 гг. // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. С. 161.

¹¹⁶ *Гибианский Л.Я.* СССР, Восточная Европа и формирование советского общества // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. С. 86.

¹¹⁷ Там же. С. 94.

¹¹⁸ История Румынии. С. 592.

¹¹⁹ *Серапионова Е.П.* Эдуард Бенеш: планы послевоенного развития Чехословакии и реальность // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. С. 133.

¹²⁰ История Румынии. С. 593–594.

¹²¹ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. С. 305–343.

¹²² См.: *Чичовска В.* Главлит (1952–1956). Изграждане на една цензурна система в България // Исторически преглед. 1991. № 10. С. 43–58.

¹²³ *Гибианский Л.Я.* Введение // У истоков «Социалистического Содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. / Под ред. Л.Я. Гибианского. – М.: Наука, 1995. С. 8. См. также: *Гибианский Л.Я., Стыкалин А.С., Романенко С.А. и др.* Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. – М.: Наука, 2002.

¹²⁴ *Яжборовская И.С.* Советско-польские партийно-государственные отношения в 40-е гг. XX века // Польша – СССР 1945–1989. С. 195.

¹²⁵ Цит. по: *Мурашко Г. П., Носкова А.Ф.* Советское присутствие в Восточной Европе. 1944–1948 гг.

¹²⁶ Власть – общество – реформы. С. 45–46.

¹²⁷ Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. С. 9.

¹²⁸ Власть – общество – реформы. С. 60–66.

- ¹²⁹ Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. С. 9.
- ¹³⁰ *Яжборовская И.С.* Советско-польские партийно-государственные отношения в 40-е гг. XX века // Польша – СССР 1945–1989. С. 189.
- ¹³¹ *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Советское присутствие в Восточной Европе. 1944–1948 гг.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Там же.
- ¹³³ Советский фактор Восточной Европы 1944–1953 гг. Т. 2. 1949–1953 гг. / Под ред. Т.В. Волокитиной, Г.Л. Мурашко, О.В. Наумов, А.Ф. Носкова, Т.В. Царевская. – М.: РОССПЭН, 2002. С. 5. См. также: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. – М., РОССПЭН, 2002.
- ¹³⁴ Там же. С. 8.
- ¹³⁵ *Paczkowski A.* Półwieku dziejów Polski. 1939–1989. – Warszawa, 1995. С. 238.
- ¹³⁶ Советский фактор Восточной Европы 1944–1953 гг. Т. 1. С. 18–19.
- ¹³⁷ Там же. С. 19.
- ¹³⁸ *Некителов А.Д., Орлик И.И.* Введение // Центрально- Восточная Европа во второй половине XX века. В 3-х тт. Т. 1. Становление «реального» социализма. 1945–1965. – М.: Наука, 2000. С.
- ¹³⁹ *Восленский М.С.* Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. 2-е изд. – Лондон, 1990. С. 18.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ *Новопашин Ю.С.* Предисловие // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов XX века. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1993.
- ¹⁴² Советский фактор в странах Восточной Европы. Т. 2. С. 7.
- ¹⁴³ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. С. 462, 471, 485.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 4 86–488.
- ¹⁴⁵ *Бородзей В.* Послевоенное десятилетие 1945–1955 // Белые пятна. Черные пятна. С. 443.
- ¹⁴⁶ Власть – общество – реформы. С. 102.
- ¹⁴⁷ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. С. 515–536.
- ¹⁴⁸ Советский фактор в странах Восточной Европы. С. 9.
- ¹⁴⁹ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. С. 577–589.

¹⁵⁰ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 / Под ред. Г.П. Мурашко, Т.В. Волокитиной, Т.М. Исламова, А.Ф. Носковой, Л.А. Роговой. Т. 2. 1949–1953. – М.–Новосибирск: Новый Хронограф, 1998. С. 7

¹⁵¹ Там же. С. 8.

¹⁵² Власть – общество – реформы. С. 98.

¹⁵³ Там же. С. 104. подробнее об институте советских советников см.: *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. С. 592–651; *Носкова А.Ф., Мурашко Г.П.* Институт советских советников в Восточной Европе в 40–50 годы XX в. // Польша – СССР 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. – М.: Институт российской истории РАН; Институт истории ПАН, 2005. С. 110–141.

¹⁵⁴ *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). Очерки истории. С. 614.

¹⁵⁵ *Носкова А.Ф., Мурашко Г.П.* Институт советских советников в Восточной Европе в 40–50 годы XX в. С. 141.

¹⁵⁶ *Волокитина Т.В., Носкова А.Ф., Мурашко Г.П.* Народная демократия – миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. – М.: Наука, 1993. С. 4.

¹⁵⁷ Там же. С. 306.

¹⁵⁸ *Cesta ke Kvetnu.* – Praha, 1965. Vol. 1–1. S. 595.

¹⁵⁹ *Мурашко Г.П.* Февраль 1948 года в Чехословакии // *Международная жизнь*, 1998, № 6. С. 106.

¹⁶⁰ *Волокитина Т.В., Носкова А.Ф., Мурашко Г.П.* Народная демократия – миф или реальность? С. 312.

¹⁶¹ *Сератионова Е.П.* Эдуард Бенеш: планы послевоенного развития Чехословакии и реальность // *Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948.* – М.: Наука, 2002. С. 125.

¹⁶² *Волгогонов Д.А.* Сталин. Политический портрет. Т. 2. Изд. 4-е. – М.: Новости, 1997. С. 379.

¹⁶³ *Сератионова Е.П.* Эдуард Бенеш: планы послевоенного развития Чехословакии и реальность // *Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948.* – М.: Наука, 2002. С. 126.

¹⁶⁴ *Тымовский Михал, Кеневич Ян, Хольцер Ежи.* История Польши. С. 456.

¹⁶⁵ *Орлик И.И.* Рецензия на: *Волокитина Т.В., Носкова А.Ф., Мурашко Г.П.* Народная демократия – миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе // *Новая и новейшая история*, 1994, № 2.

¹⁶⁶ «Между социализмом и демократией есть разница». Запись беседы товарища Сталина с германским писателем Лионом Фейхтвангером // *Независимая газета*, 2008, 22 января.

¹⁶⁷ *Вида И.* Прямая демократия и ее формы в период народно-демократической революции в Венгрии (1944–1948).

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Власть – общество – реформы. С. 73.

¹⁷¹ Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. С. 36.

¹⁷² Там же. С. 70.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. – М.: Наука, 2002. С. 12.

Глава 2

ПРИСОЕДИНЕНИЕ К СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ ЗАКАРПАТСКОЙ УКРАИНЫ (ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ)

Тема присоединения к СССР Подкарпатской Руси не является особо популярной в чешской и словацкой историографии. Это была добровольная уступка территории Советскому Союзу (цессия) со стороны чехословацкого правительства, и все обстоятельства этого акта были хорошо известны еще во времена коммунистического правления. Одно из немногих исключений – словацких исследователей С. Виднянского и М. Гайдоша, доказывающих, что присоединение Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) к СССР осуществлялось вполне тоталитарными методами¹.

В российской историографии мы также находим сравнительно мало работ по этой проблеме. Практически они сводятся к монографии, почти наполовину состоящей из документов, и статьям В.В. Марьиной².

Подкарпатская Русь, населенная преимущественно украинцами (более 62 % в 1919 г.) и венграми (более 17 %), в 1920–1939 годах входила в состав Чехословакии, хотя чехи и словаки составляли лишь 3,3 % населения. В марте 1939 года после гитлеровской агрессии против Чехословакии Подкарпатская Русь была оккупирована и аннексирована Венгрией. В октябре 1944 года Закарпатье было занято Красной Армией. 29 июня 1945 года в Москве было подписано соглашение с чехословацким правительством о вхождении бывшей Подкарпатской Руси в состав Советской Украины. 22 ноября 1945 года это соглашение было рати-

фицировано чехословацким парламентом, а 27 ноября – Верховным Советом СССР. 22 января 1946 года Президиум Верховного Совета СССР образовал Закарпатскую область Украинской ССР, завершив тем самым процесс аннексии.³

В.В. Мартина доказывает, что вопрос о судьбе Подкарпатской Украины вставал еще в переговорах советского руководства с эмигрантским чехословацким правительством Э. Бенеша. Так, во время встреч Э. Бенеша с советским послом И.И. Майский 23 августа и 22 октября 1939 года, как отмечает исследовательница, записи, сделанные сторонами, весьма существенно различались между собой: «вот как фиксирует Майский позицию Бенеша в отношении будущего Подкарпатской Руси, т. е. Закарпатской Украины (“Рутении”): “Она, по мнению Бенеша, непременно должна войти в состав УССР. Еще в бытность свою президентом Чехословакии Бенеш мысленно всегда считал “Рутению” будущей частью СССР”. В записи Бенеша это место беседы выглядит иначе. Сначала речь шла о наступлении Красной Армии в направлении Львова и Майский сказал: “Это означает, что сегодня, когда у нас есть такая возможность покончить раз и навсегда с вопросом [объединения] Украины, мы это не оставим. Все эти области заберем мы. Поляки должны заплатить за все, что сделали”. На вопрос Бенеша о Подкарпатской Руси Майский “усмехнулся. Я (Бенеш. – В.М.) сказал, что эта земля наша, что мы имеем на это право... Для нас решение может быть только двояким: или она останется у нас, или, в случае, если они (СССР – В.М.) будут нашими соседями и потребуют этого, то мы против этого не возражали бы. Ни поляки, ни венгры, а они особенно, не должны её иметь”. В записи Бенеша нет ничего, что касается его оценки вступления Красной Армии на территорию Польши.

В дневнике же Майского значится, что Бенеш относится к этому “с полным одобрением. Он понимает и целиком сочувствует нашей политике. СССР иначе не мог поступить. Он просит только об одном: устроить так, чтобы СССР имел общую границу со Словакией. Это очень важно.

– Я не знаю, каково будет правительство в будущей свободной Чехословакии, – воскликнул Бенеш, – но это для меня и безраз-

лично. Я не имею возражений против советского правительства. Лишь бы Чехословакия была свободна и независима. Лишь бы она избавилась от германского ига”. У Бенеша же все это выражено в одной короткой фразе: “Я снова просил его, чтобы нам помогли, чтобы нас не оставляли, (сказал – *В.М.*), что мы рассчитываем на них, что рассчитываем на их соседство”. Сопоставление этих двух записей свидетельствует, насколько ограничена их достоверность как исторического источника и как осторожно надо ими пользоваться, делая выводы о позиции той или другой стороны. Как правило, записи делались по памяти и подчас желаемое выдавалось за действительное, а иногда записывающий уточнял или подправлял свою высказанную устно позицию»⁴.

Критика данного источника представляется вполне обоснованной.

Вот как В.В. Марьина описывает заключительный этап советско-чехословацких переговоров о судьбе Закарпатской Украины: «В конце 1944 г. в центре внимания советских и чехословацких дипломатов оказались события на Подкарпатской Руси (Закарпатской Украине). Именно из-за нее обозначилась явная после заключения Договора и подписания Соглашения напряженность в чехословацко-советских отношениях. Как уже говорилось, Бенеш считал эту территорию неотъемлемой частью Чехословакии, восстановления которой в домюнхенских границах он добивался. В то же время он готов был, если этого пожелает Москва, передать СССР Подкарпатскую Русь, но только после войны и на законных основаниях. В соответствии с подписанным соглашением на освобожденную Красной Армией территорию Подкарпатской Руси прибыл чехословацкий правительственный делегат Я. Немец, который и попытался утвердить здесь власть чехословацкого правительства. Однако эти попытки натолкнулись на развернувшееся в Закарпатье широкое движение за присоединение к Советской Украине, которое было организовано местными и прибывшими из Советского Союза коммунистами и поддержано советскими военными властями.

Пока ни российские, ни чехословацкие опубликованные документы не дают ответа на вопрос, была ли эта акция спланиро-

вана в Москве и кем именно? Конфликт был налицо, что и нашло отражение в документах: сообщения Немеца в Лондон и Фирлингеру в Москву о ситуации, устные демарши Бенеша и Рипки советскому послу при союзных правительствах в Лондоне В.З. Лебедеву, сообщения Фирлингера в Лондон об обсуждении вопроса с В.А. Зориным, А.Я. Вышинским, В.М. Молотовым, инструкции Бенеша, Масарика, Рипки Фирлингеру и Немецу о том, как следует разрешить возникший конфликт, наконец, в январе 1945 года обмен письмами по этому поводу между Сталиным и Бенешем»⁵.

Хотя документы, относящиеся к самому высшему уровню советского руководства – Сталину и другим членам Политбюро – до сих пор не опубликованы, очень трудно поверить, что советская военная администрация в Закарпатье могла допускать какие-либо стихийные политические движения и что вопрос о развертывании движения за присоединение Закарпатья к СССР мог быть решен без санкции Москвы. Естественно, что, столкнувшись с таким движением, организованным советской военной администрацией, Бенеш счел за благо подписать договор об уступке Советскому Союзу Подкарпатской Руси. В позднейшей монографии В.В. Марьина также признает, что «трудно представить, чтобы о всем происходившем на освобожденной территории ПР не были осведомлены на самом верху в Кремле, чтобы об этом не знал Сталин». Она указала также на активную античехословацкую кампанию, проводившуюся по инициативе из Москвы⁶.

Как подчеркивает В.В. Марьина, именно украинцы из Подкарпатской Руси составили костяк чехословацкой воинской части, сформированной в СССР в 1942 году. А в дальнейшем многие уроженцы Закарпатья стали работать в силовых структурах восстановленной Чехословакии⁷.

Надо также учесть, что в Закарпатье еще задолго до его присоединения к Советской Украине в добровольно-принудительном порядке набирали «добровольцев» в Красную Армию, причем среди этих «добровольцев» оказалось почти все мужское население призывного возраста, причем были случаи, когда новобранцы, призванные в чехословацкую армию, советскими офицерами

направлялись в Красную Армию. Это обстоятельство чехословацкие представители расценивали как признак скорой советской аннексии территории Подкарпатской Руси⁸.

В.В. Марьина пишет, что сегодня нельзя с уверенностью сказать, действительно ли жители Закарпатья вступили в Красную Армию по принуждению, полагая, что имело место как добровольное поступление, так и принуждение. Однако по свидетельству генерала П.Г. Григоренко, который как раз и занимался набором т. н. «добровольцев» в Закарпатье, набор был исключительно принудительным, с репрессиями против тех, кто отказывался вступать в Красную Армию, и очень напоминал охоту работорговцев за неграми в Африке.

В.В. Марьина приводит очень характерный отчет чехословацкого правительственного делегата в Закарпатье об одном из митингов, на котором избирали местный национальный комитет: «Митинг открыл советский военный комендант города заявлением, что существующий национальный комитет состоит из самозванцев и что дело населения выбрать новый. Потом был зачитан список кандидатов, составленный накануне на пленарном заседании коммунистической партии, и по каждому кандидату был задан вопрос, имеются ли против него возражения. Ни у кого возражений не было, и поэтому предложение без голосования было объявлено как принятое»⁹. Она также отмечает, что советско-чехословацкое соглашение от 8 мая 1944 года, хотя формально и оставляла Подкарпатскую Русь, в составе Чехословакии, но предусматривало, что «верховная власть и ответственность во всех делах, относящихся к ведению войны, будет находиться в зоне военных операций на время, необходимое для осуществления этих операций, а руках главнокомандующего советскими (союзническими) войсками». Поскольку во время войны все дела можно было считать так или иначе связанными с ведением войны, и не было точно определено, какие территории надо относить к «зоне военных операций», то «чехословацкой администрации вообще нечего было делать»¹⁰.

Она подробно описывает процедуру принятия Подкарпатской Руси в состав СССР. В марте 1945 года Бенеш на переговорах

в Москве согласился на передачу Подкарпатской Руси СССР после окончания войны, когда Чехословакия получит назад Судеты и другие территории, но не обнародовал тогда свое согласие¹¹. В.В. Марьина указывает, что у советского руководства изначально существовали планы по аннексии Закарпатья. Поэтому советские представители, стараясь оставаться в рамках действовавших советско-чехословацких соглашений, саботировали деятельность чехословацких представителей и старались «застолбить» эту территорию за собой, в частности, перебросив оттуда в Словакию сформированный в СССР чехословацкий армейский корпус¹².

В.В. Марьина справедливо указывает, что первым шагом к аннексии Подкарпатской Руси стал съезд народных комитетов Закарпатья 26 ноября 1944 года, прошедший под руководством советских военных и гражданских функционеров и высказавшийся за воссоединение с Советской Украиной. На съезде была избрана Народная Рада, которую «уполномочили и обязали осуществить воссоединение с Украиной. Манифест съезда подписали к началу 1945 года 250 тыс. человек. По мнению словацких исследователей С. Виднянского и М. Гайдоша, это составило около половины взрослого населения Закарпатья (нам эта оценка представляется завышенной), причем при получении подписей применялись методы запугивания и обмана»¹³. В дальнейшем число подписантов превысило 300 тыс. человек, а число «добровольцев» в Красной Армии официально оценивалось более чем в 20 тыс. человек. Как подчеркивает В.В. Марьина, термин «воссоединение», употреблявшейся в русском тексте советско-чехословацкого договора о передаче СССР Подкарпатской Руси, не отвечал исторической правде, поскольку Закарпатская Украина никогда не была частью ни России, ни Украины¹⁴.

В.В. Марьина полагает, что пока еще нет достаточного документального материала для ответа на вопрос, существовал ли какой-то изначальный план присоединения Закарпатья к СССР, или события развивались более или менее импровизированно, по мере того, как Красная Армия освобождала Закарпатскую Украину. Исследовательница уверена, что все происходило не без ведома Кремля, а также руководства Украинской компартии, но меха-

низм доведения директив центра до исполнителей до сих пор не ясен. Кажется близким к истине ее предположение, что большинство указаний вышестоящих инстанций давалось в устной форме, хотя можно допустить, что до сих пор еще не рассекречены какие-то документы, относящиеся к высшему руководству СССР¹⁵. Ведь, например, механизм советизации Прибалтики, например, нам известен достаточно хорошо, в том числе и по архивным документам, фиксирующих указания Сталина и других членов Политбюро хотя бы в виде конспектов, сделанных исполнителями. Да и само то обстоятельство, что процесс советизации Закарпатья происходил примерно по той же схеме, что и процесс советизации Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 году, с образованием народных (национальных) комитетов с последующим созывом народного собрания, обращающегося с просьбой о приеме в состав СССР, говорит о том, что план советизации Подкарпатской Руси существовал и был аналогичен тому, который в 1939 году осуществился в восточных польских землях.

Поскольку советизация Закарпатья происходила в период продолжавшейся войны с Германией, а эмигрантское правительство Чехословакии, признанное Москвой, оставалось советским союзником, да и с позицией США и Англии приходилось считаться, процесс аннексии занял несколько дольше, чем в 1939 году, и проходил в более замаскированной форме «ползучей советизации». В целом аннексия Закарпатья по тому же типу, что и аннексия Западной Украины и Западной Белоруссии, без создания формально независимых органов исполнительной и законодательной власти, в отличие от того, как осуществлялась аннексия в 1940 году в Прибалтике, где приходилось иметь дело с независимыми государствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Vidnanskij S., Gajdos M. Niektore osobitosti nastolini totalineho rezimu v Zakarpatskej Ukraine // Od diktature k diktature. Slovensko v rokoh 1945–1953. – Bratislava, 1995.*

² См.: *Марьина В.В.* Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. // Новая и новейшая история, 2000, № 4; *Она же.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. – М.: Новый Хронограф, 2003.

³ *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. С. 3, 163–164.

⁴ *Марьина В.В.* Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. С. 145.

⁵ Там же. С. 148.

⁶ *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. С. 81.

⁷ *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. С. 30–34.

⁸ Там же. С. 56–69; См. также: *Григоренко П.Г.* В подполье можно встретить только крыс... – М.: Звенья, 1997. С. 245–246.

⁹ *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. С. 60.

¹⁰ Там же. С. 42.

¹¹ Там же. С. 140.

¹² Там же. С. 56, 65–66.

¹³ Там же. С. 82–84; *Vidnanskij S., Gajdos M.* Niektore osobitosti nastolini totalineho rezimu v Zakarpatskej Ukraine // Od diktature k diktature. Slovensko v rokoch 1945–1953. – Bratislava, 1995. S. 83.

¹⁴ *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. С. 154.

¹⁵ Там же. 168.

Глава 3

ПОСЛЕВОЕННАЯ СОВЕТИЗАЦИЯ РЕСПУБЛИК ПРИБАЛТИКИ

Послевоенная ситуация в странах Балтии принципиально отличалась от ситуации в Восточной Европе тем, что Литва, Латвия и Эстония, в отличие от восточноевропейских стран, не смогли сохранить свою государственную независимость, а были непосредственно включены в состав СССР в качестве союзных республик. В советской историографии принято было говорить об освобождении стран Прибалтики в 1944–1945 годы Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков и последующем успешном строительстве там социализма. В западной, равно как и в современной литовской, латышской и эстонской историографиях неизменно подчеркивается насильственный характер включения стран Балтии в состав СССР.

Поэтому события 1944–1945 годов рассматриваются как советская оккупация Прибалтики, причем не в строго военно-юридическом значении этого слова, как временное занятие территории вооруженными силами в период боевых действий, сколько в политическом и публицистическом значении этого слова, означающем захват и удержание территории против воли ее населения. Балтийские историки также любят подчеркивать, что если, например, в 1930-е годы Латвия и Эстония находились примерно на одном уровне с Финляндией по экономическому развитию, то за годы Советской власти они отстали от северного соседа во много раз.

Задача восстановления советской власти в Прибалтике облегчалась тем, что немецкие оккупанты не стали восстанавливать

там прежних государственных структур, так что после ухода немцев возник вакуум власти, который и заполнялся восстанавливаемыми советскими структурами.

Подавляющее большинство современных историков Литвы, Латвии и Эстонии расценивают пребывание своих стран в составе СССР после Второй мировой войны как оккупацию, сближаясь в этом отношении с традиционной западной историографией, нередко также представленной выходцами из балтийских стран, в то время как подавляющее большинство российских историков старается не употреблять термина «оккупация» в отношении стран Балтии. Особенностью ситуации в странах Балтии заключалась в том, что там вплоть до начала 50-х годов прошлого века продолжалась вооруженное сопротивление советской власти. Здесь рубежным признается 1953 год, когда после смерти Сталина началась либерализация советской политики в отношении Прибалтики, упор бы сделан на привлечение национальных кадров, и Литва, Латвия и Эстония постепенно были превращены в своеобразную витрину Советского Союза.

Эстонские историки отмечают, что после прихода Красной Армии в 1944 году продолжился процесс советизации Эстонии, начатый в 1940 году. При этом подчеркивается, что в Эстонии в 1944–1954 годах с остальной территории СССР было привезено около 240 тыс. человек, что было связано с преимущественным развитием тяжелой промышленности. В то же время в 1944–1953 годах из Эстонии было депортировано около 50 тыс. человек. Также отмечается, что в 1950 году в руководстве компартии Эстонии при поддержке из Москвы верх взяли «русские эстонцы» (ранее длительное время жившие в эмиграции в СССР). В результате с приходом к руководству компартией Й. Кэбина был взят курс на ликвидацию остатков автономии Эстонии и полную интеграцию в СССР¹. Это событие расценивается как революционное, поскольку «русские эстонцы вместе с русскоязычными партийными активистами захватили власть в стране. Это вызвало в обществе рост страха и депрессию. Править бал стала сталинистская идеология. Усилились атаки на национальную историю и культуру»².

Как отмечают эстонские историки, численность эстонской компартии возросла с 2,4 тыс. человек в начале 1945 года до 18,5 тыс. человек в 1951 году, но более половины ее членов составляли неэстонцы³. Как они полагают, «большинство эстонцев на долгое время сохранили негативное отношение к восстановленному советскому порядку. Это выразилось как в пассивном так и в активном сопротивлении оккупационному режиму. В 1944–1953 годах оно выразилось в виде вооруженной борьбы движения «лесных братьев».

В то же время, эстонцы ожидали и надеялись, что западные страны хотели бы восстановить независимость Эстонии и помешать советской оккупации Восточной Европы»⁴. При этом подчеркивается, что многолетнее движение «лесных братьев» доказало, что «эстонцы не сдались без борьбы»⁵. Точно так же оцениваются местные движения «лесных братьев» в Латвии и Литве.

Латышские историки считают, что «советская система, которая внедрялась в Латвии в 1940 году, существенно отличалась от той, которая вместе с советскими войсками вошла в 1944–1945 годах. Советский Союз после Второй мировой войны стал державой мировой величины, установил контроль над Восточной Европой, к тому же в СССР был установлен контроль над всеми сферами жизни. Общее направление развития в послевоенные годы было четко определено – вплоть до смерти Сталина советский режим развивался в сторону нарастающей централизации... Степень централизации напрямую была связана с идеологией, которая все более опиралась на великорусский национализм»⁶.

Они также пытаются ответить на вопрос, когда, почему и каким образом принимались решения о послевоенном статусе стран Балтии и приходят к выводу, что «Сталин сразу после войны допускал, что Запад вновь может затронуть Балтийский вопрос, который так и не был до конца решен. Недаром “министры иностранных дел” Балтийских республик были включены в состав делегации СССР на Парижской мирной конференции 1946 года, где были разработаны мирные договоры между странами антигитлеровской коалиции и бывшими союзниками Германии – Бол-

гарией, Италией, Румынией, Финляндией и Венгрией». Историки указывают также на неудавшуюся попытку Сталина добиться от западных партнеров, чтобы все республики СССР стали членами ООН, для чего в них и были созданы собственные МИДы⁷.

Как нам представляется, не существует документальных доказательств того, что Сталин после окончания войны рассматривал вариант восстановления независимости стран Балтии и сохранения их в советской сфере влияния в том же статусе формально независимых государств, как и страны Восточной Европы. Включение министров иностранных дел советских республик Прибалтики в делегацию на Парижскую мирную конференцию могло быть связано с попытками добиться того, чтобы советским Литве, Латвии и Эстонии, наряду с Украиной и Белоруссией, были предоставлены места в ООН. Однако шансов на это практически не было, поскольку Англия и США признавали вхождение стран Балтии в СССР только де-факто, а не де-юре.

Историки Латвии считают, что при жизни Сталина Латвия, равно как и другие балтийские республики, была полностью включена в состав СССР в административном и экономическом отношении. Но «более длительное время потребовалось для того, чтобы латыши смирились с этими переменами и одобрили сложившуюся ситуацию, чтобы советизация произошла не только в материальной сфере жизни, но и в духовной и идеологической областях. Некоторые успехи были достигнуты только после 1956 года, когда, с одной стороны, советская интервенция в Венгрии и начало политики мирного сосуществования продемонстрировали, что надо полностью отбросить надежду на вмешательство Запада, с другой стороны – экономическая и политическая либерализация сделали режим терпимее, особенно для молодого поколения, мировоззрение которого формировалось в послевоенное время»⁸.

Несомненно, важным фактором в ослаблении сопротивления советским порядкам в середине 50-х годов в странах Балтии и Восточной Европы сыграл о вступление в активную жизнь молодых поколений, которые уже плохо помнили довоенную досоветскую жизнь.

Латышские историки подчеркивают, что «социальная и политическая база советского режима была достаточно ограниченной, в то же время антисоветские настроения имели широкое распространение. Однако чтобы участвовать в сопротивлении, одной антипатии было мало... В условиях крайне репрессивного режима возможные последствия сопротивления могли быть сугубо негативными... поэтому только чрезвычайные обстоятельства или глубокая убежденность могли подтолкнуть человека к сопротивлению». Поэтому «большинство вовлеченных в сопротивление были молодыми людьми», у которых был понижен «порог риска»⁹.

Современная балтийская историография разоблачает два основных мифа советской историографии насчет «лесных братьев» в Литве, Латвии и Эстонии. Первый из них состоит в том, что «лесные братья» представляли в основном «эксплуататорские классы». Однако документы доказывают, что подавляющее большинство из них были крестьянами-середняками или интеллигентами. Например, среди 135 человек, осужденных в Латвии за контрреволюционные преступления в 1951–1953 годах, 44 были из крестьян-середняков, 42 – из рабочих и 12 – из служащих. Также и в Эстонии среди «лесных братьев» были представлены все классы общества, от профессиональных военных и богатых фермеров до крестьян бедняков. Второй миф касался того, что движение «лесных братьев» было организовано нацистами для проведения в советском тылу диверсий. Однако, как пишут латышские историки, хотя «в 1944 году нацисты приступили к формированию диверсионных групп и некоторые из них впоследствии стали ядром, вокруг которого возникли партизанские группы», в действительности «большинство тех, кто вошел в партизанские группы, не идентифицировали себя с нацистской идеологией и целями войны. Они лишь воспользовались возможностью, чтобы овладеть военными навыками и амуницией – это, считали они, поможет сражаться с советами до тех пор, пока не придет помощь с Запада».

Также эстонские историки, признавая, что значительная часть «лесных братьев» ранее либо сотрудничали с германской оккупа-

ционной администрацией, либо служили в германских военных формированиях, считают, что они преследовали при этом цели восстановления независимой Эстонии¹⁰.

Российские историки либерального направления согласны с балтийскими историками в том, что «лесные братья» представляли широкие слои местного населения, а отнюдь не одних только «кулаков» и «нацистских пособников». Так, Е.Ю. Зубкова, основываясь на документах МГБ и МВД, пишет, что «повстанческое движение в Прибалтике было ответом на политику советизации, особенно сопровождающие ее репрессии и террор. Аннексия Литвы, Латвии и Эстонии в 1940 г. и последующие попытки инкорпорировать их в советскую систему стали тем вызовом, на который граждане балтийских стран ответили активным и пассивным сопротивлением.

Вместе с тем стартовой точкой развития активных форм сопротивления советскому режиму, в том числе и повстанческого движения, стал не 1940 год, как того можно было ожидать, а 1944-й. Первые антисоветские восстания в Прибалтике произошли еще в июне 1941 года, как только там узнали о нападении Германии на Советский Союз. Вторая попытка добиться восстановления суверенных государств на территории Прибалтики относится к концу Второй мировой войны, импульсом для развития движения сопротивления послужило тогда стремление не допустить повторной советизации Литвы, Латвии и Эстонии. Антисоветские выступления балтийских партизан начались с того момента, как советско-германский фронт переместился на территорию Прибалтики, т. е. летом 1944 года. В отличие от 1940 года сопротивление – особенно в Литве – приняло тогда массовый характер и отличалось беспрецедентной жесткостью и жестокостью противостояния, причем с обеих сторон»¹¹.

Вместе с тем, исследовательница отмечает, что перелом в борьбе с «лесными братьями» произошел после массовых депортаций 1949 года, подорвавших социальную базу движения. Сыграло свою роль и потеря надежды на помощь Запада и возникновение войны между СССР и США, последний всплеск которой бы связан с началом Корейской войны¹².

Российские историки более консервативного направления, напротив, поддерживают тезис советской пропаганды о «лесных братьях» как представителях «эксплуататорских классов», «военных преступников» и «германских агентов». Ю.В. Емельянов считает, что «социальной базой нелегальных вооруженных формирований явились те слои общества, которые в наибольшей степени пострадали от преобразований общества и прежде всего от новой аграрной реформы»¹³. М.Ю. Крысин утверждает: «Документы свидетельствуют, что у истоков националистического сопротивления стояли германские спецслужбы. Значительная часть вооруженных формирований националистов, продолжавших действовать и после окончания войны, была подготовлена в 1944–1945 годах немецкой разведкой». В доказательство просто перечисляются названия германских разведподразделений, действовавших в Прибалтике¹⁴. Правда, здесь же автор вынужден признать, что «Литва была, пожалуй, единственной из республик Прибалтики, где, по крайней мер отчасти, националистическое сопротивление возникло стихийно, без руководства и контроля со стороны немецких спецслужб»¹⁵. М.Ю. Крысин также полагает, что «практически все руководство националистического сопротивления состояло из бывших коллаборационистов, которые сотрудничали с фашистами и принимали участие в их преступлениях»¹⁶.

Последнее утверждение представляется некорректным. Не говоря уже о том, что большинство руководителей литовских партизан с нацистами не сотрудничали, в самом этом сотрудничестве, вероятно, надо разделять то, что связано с военными преступлениями и преступлениями против человечества, и то, что к ним никакого отношения не имеет. Большинство руководителей «лесных братьев» вряд ли можно считать непосредственными участниками немецких преступлений.

М.Ю. Крысин считает, что антисоветские движения сопротивления Прибалтики нельзя считать национально-освободительными движениями, поскольку возглавляли их бывшие коллаборационисты и во время немецкой оккупации они никогда не заключали даже временных соглашений с советскими партиза-

нами о совместной борьбе против немцев. Он противопоставляет им польскую Армию Крайову, которая в такие соглашения вступала¹⁷.

Данные аргументы не представляются убедительными. Бойцы Армии Крайовой, в отличие от «лесных братьев» подчинялись польскому правительству в Лондоне, входившему в Антигитлеровскую коалицию. Поэтому они первыми не нападали на подразделения Красной Армии и советских партизан, а лишь вступали с ними в оборонительные бои, когда подвергалась атаке. Иногда она действительно заключала с советскими партизанами и даже с командованием Красной Армии соглашения о совместных действиях против нацистов, но в большинстве случаев такие соглашения оканчивались для «аковцев» трагически. Их заманивали в ловушки и либо убивали, либо арестовывали¹⁸.

Что же касается «лесных братьев», то в период немецкой оккупации они не сражались против немцев и не подчинялись никаким своим правительствам за отсутствием таковых. Наоборот, многие из них служили в немецкой полиции и в латышском и эстонском легионах СС. Хотя отдельные стычки с немцами, особенно в Литве, иногда случались.

М.Ю. Крысин ставит вопрос о том, как коллаборационистам, возглавившим впоследствии националистическое движение, «удалось привлечь на свою сторону значительную часть населения своих стран», и признает, что одними действиями германских спецслужб возникновение антисоветского вооруженного сопротивления в Прибалтике не объяснить. Объяснение он видит в национализме: «Национализм, очевидно, еще долго будет существовать среди небольших наций... Слишком велик их страх, что какая-нибудь “великая” нация подомнет их под себя, поработит, подвергнет дискриминации по национальному признаку. А когда этот страх еще и умело подогревается местными политиками или иностранными спецслужбами, ему трудно противостоять. Он становится благодатной почвой для всевозможной националистической и тому подобной агитации»¹⁹.

Здесь национализм, очевидно, рассматривается историком, вполне в марксистских традициях, как нечто временное и прехо-

дящее. Между тем, из исторического опыта очевидно, что национализм данной нации существует до тех пор, пока существует эта нация, как большая, так и малая. Кроме того, М.Ю. Крысин не задается вопросом, а действительно ли существовали у Сталина планы по постепенной русификации Прибалтики и подавления национальных культур населяющих ее народов.

Российские историки предпочитают говорить не об оккупации, а о повторной инкорпорации Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР. При этом историки либерально-демократического и консервативно-имперского направления расходятся в оценке отношения населения стран Балтии к восстановлению советских порядков. И совершенно непонятно, как национализм балтийский наций преспокойно сохранился все четыре десятилетия сравнительно мирного пребывания Литвы, Латвии и Эстонии в составе СССР, когда вооруженное сопротивление уже прекратилась, а любая националистическая агитация каралась уголовным наказанием.

Гораздо более обоснованной представляется точка зрения Е.Ю. Зубковой. Она приходит к выводу, что ни мирные, ни силовые методы не привели к достижению полной советизации региона и «даже посредством усиления репрессий центральной власти не удалось полностью решить задачу, которую эти акции преследовали – сделать из Балтии лояльный регион по образу и подобию других советских республик. Прибалтика была усмирным, но не лояльным регионом СССР»²⁰.

М.Ю. Крысин утверждает, что «в конце войны, после того как большая часть Прибалтики была освобождена советскими войсками, факт присоединения республик Прибалтики к СССР был подтвержден союзниками по антигитлеровской коалиции, то есть Англией и США, что было зафиксировано на Ялтинской конференции собственноручными подписями Сталина, Рузвельта и Черчилля»²¹. Но факт присоединения Прибалтики к СССР западные державы признали еще в 1940 году, поскольку его невозможно было отрицать. А вот признания де юре вхождения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР так и не последовало со стороны Англии и США за все время существования Советского Союза.

Е.Ю. Зубкова отмечает, что «по сводкам НКВД, многие латвийцы ждали, что Сталин перессорится с союзниками и англичане с американцами придут и восстановят независимость прибалтов»²². По ее мнению, только «после подавления движения “лесных братьев”, угасания надежд на союзников и осознания бесперспективности борьбы с советской громадой большинство населения выбрало приспособление к советским условиям»²³. Напротив, представители консервативного направления российской историографии убеждены, что подавляющее большинство жителей Латвии, Литвы и Эстонии с радостью приветствовали восстановление Советской власти, а борьбу против нее продолжали только немногие отщепенцы, скомпрометированные связями с немцами.

Следует подчеркнуть, что в Прибалтике, еще до начала Великой Отечественной войны юридически включенной в состав СССР, после окончания войны, в отличие от Восточной Европы, не было этапа «народной демократии», поскольку этот этап, оказавшийся очень коротким, как мы уже отмечали, пришелся на первые месяцы после вступления в Прибалтику советских войск в июне 1940 года. Зато в период с 1944 по начало 1950-х годов здесь существовало достаточно масштабное антисоветское вооруженное сопротивление – так называемые «лесные братья».

Зубкова убедительно показывает, что, согласно данным МГБ, основную массу лесных братьев» составляли крестьяне, а отнюдь не кулаки и «буржуазная» интеллигенция, как утверждала советская пропаганда.

Е.Ю. Зубкова подчеркивает особый подход советского руководства, не исключая самого Сталина, к советизации Прибалтики, по сравнению с другими территориями СССР, присоединенными в 1939–1940 годах. Более жесткое сопротивление советизации привело к более мягким формам ее проведения. По настоящему же либерализация политики по отношению к Литве, Латвии и Эстонии началась после смерти Сталина. Тогда наметки нового курса впервые были изложены в записках Берии по Литве и Западной Украине, настаивавшего на привлечение кадров из местного населения, тогда как ранее в руководстве партийными, госу-

дарственными и карательными органами преобладали выходцы из других республик СССР²⁴.

Зубкова указывает и на геополитический контекст: «В послевоенный период “балтийскую проблему” необходимо рассматривать в контексте новой геополитической стратегии советского руководства, которая заявила о себе на последнем этапе Второй мировой войны. В результате территориальных приобретений 1944–1945 годов Советский Союз фактически приблизился к границам Российской империи конца XIX века. Одновременно с восстановлением исторических границ империи шло возрождение имперской идеологии и имперской политики, хотя и в несколько модернизированном виде и под прикрытием коммунистической, но уже не коминтерновской фразеологии. Историческая традиция прослеживается и в отношении московских властей к балтийскому региону как “особой территории” России.

Вместе с тем особое отношение Москвы к “новым республикам” было не только данью исторической традиции, оно определялось также конкретной политической ситуацией первых послевоенных лет. В результате международных договоренностей Советский Союз приобрел собственную “зону влияния” в Европе, в которую вошли так называемые страны народной демократии. Однако, получив зону влияния, советское руководство не имело первоначально четкого представления о механизмах влияния в “подведомственной” зоне.

Республики Балтии, которые, с одной стороны, были частью СССР, а с другой стороны, имели тесные связи с европейскими странами, в период становления восточноевропейской политики Москвы сыграли роль буфера – территории, где отработывалась модель советизации, отличная от “классического” (довоенного) образца. Процессы советизации республик Балтии в составе СССР и стран Восточной Европы как суверенных государств, конечно, имели свою специфику, однако в сценарии их развития было много сходных моментов, они имели общую динамику и точки перелома. Это позволяет рассматривать отношения между Москвой и республиками Балтии не только как внутреннее дело СССР,

но и как составляющую более общего процесса распространения советского влияния в послевоенной Европе»²⁵.

Здесь, на наш взгляд, содержится целый ряд спорных моментов и даже ошибок. Скорее, можно говорить, что Сталин в 1945 году не только восстановил границу Российской империи конца XIX века, но и создал свою собственную империю, которая также включала почти всю бывшую Австро-Венгерскую империю (за пределами советской зоны влияния оказались только Австрия и итальянские земли), а также восточную часть бывшей Германской империи в виде ГДР, Восточной Пруссии и новых польских земель. Фактически Сталин наследовал не одну, а три империи конца XIX – начала XX века. И в этой геополитической конструкции страны Балтии имели важное стратегическое значение.

С одной стороны, через них шел единственный сухопутный путь из старых советских земель в незамерзающие балтийские порты Калининградской области. С другой стороны, контроль над Прибалтикой помогал как советскому контролю над Польшей, так и советскому контролю над Финляндией. Сталин никак не мог согласиться на создание целого пояса нейтральных государств на Балтике от Финляндии до Литвы, пусть даже и зависящих от СССР. Поэтому во время войны в ходе переговоров с главами США и Англии он ни разу не упоминал о возможности восстановления независимости государств Прибалтики.

Отметим, что Е.Ю. Зубкова неправильно употребляет слово «буфер». В действительности в геополитическом значении оно означает не территорию, где проводятся какие-то социальные эксперименты и отрабатываются какие-то модели государственного устройства, а всего лишь государство, которое разделяет территории двух империй или великих держав, на территории которого в той или иной степени сталкивается друг с другом влияние этих держав. Хотя бывает так, что в буферном государстве преобладает влияние одной из империй. Примером может являться Афганистан в конце XIX – начале XX века, когда это буферное государство разделяло Британскую и Российскую империи, но преобладающим там было британское влияние. Интересно, что после 1919 года британское влияние в Афганистане сменилось

советским, в начале 30-х годов опять вернулось британское влияние, а после Второй мировой войны ему на смену вновь пришло советское влияние. Как видно, смена влияния граничащих с ним империй для буферного государства – дело обычное. Однако страны Прибалтики после Второй мировой войны под понятие «буферных государств» никак не подходят.

Такое определение было бы корректно по отношению к Литве, Латвии и Эстонии накануне Второй мировой войны, когда они разделяли Германию и Советский Союз. А в 1945 года Германия была разгромлена и разделена на оккупационные зоны, так что функции буфера Прибалтика, несомненно, утратила как из-за исчезновения единого германского государства, так и из-за того, что Литва, Латвия и Эстония перестали быть независимыми государствами, а стали частью СССР.

Также нельзя утверждать, что в странах Прибалтики Сталин отработал ту модель, которую потом применил при советизации стран Восточной Европы. Советизация Прибалтики проходила летом 1940 года в ускоренном темпе и без оглядки на реакцию внешнего мира. В 1945 году в Восточной Европе ситуация была иная, поскольку Сталину приходилось считаться с позицией США и Англии, и он не мог форсировать здесь советизацию. В целом после Второй мировой войны между положением стран Восточной Европы и стран Балтии было гораздо больше различий, чем сходства. В Литве, Латвии и Эстонии сразу же была восстановлена советская власть. Никаких других партий, кроме коммунистической, там уже не существовало, причем даже не с 1940 года, а с момента установления в этих странах авторитарных режимов. Зато в этих странах сохранялось довольно сильное вооруженное сопротивление советским войскам и структурам советской власти, поддержанное многочисленным антисоветским подпольем.

В странах Восточной Европе еще существовали некоммунистические партии. Более того, даже после прихода Красной Армии в ряде стран они все еще оставались у власти. И та власть, которая установилась там после прихода советских войск, контролировала практически всю территорию своих стран. К тому

же, несмотря на наличие советских советников, подавляющее большинство представителей власти и руководителей силовых структур здесь принадлежали к представителям коренных национальностей. В странах Балтии вплоть до конца 40-х годов советская власть фактически не контролировала большую часть сельской местности и там фактически не действовали структуры советской власти. И вплоть до начала 50-х годов в партийных, советских и силовых органах в Литве, Латвии и Эстонии преобладали лица некоренных национальностей²⁶.

Е.Ю. Зубкова подчеркивает, что политика советского руководства в отношении Прибалтики после включения Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР знала разные методы и приемы. Если в 1940–1941 и 1944–1946 годах основной упор делался на мирные методы инкорпорации, то в 1947 году был осуществлен переход к более жестким силовым методам в виде насильственной коллективизации, депортаций и стремления к полной унификации жизни по советским стандартам. После 1953 года вернулись к более мирным методам советизации. Это было связано с прекращением вооруженного сопротивления со стороны движений Сопротивления в странах Балтии, так и наступления послесталинской «оттепели», равно как и с началом массовой миграции и организованного завоза в Прибалтику рабочей силы из других советских регионов²⁷.

В 1953–1955 годах началась политика превращения республик Прибалтики в «витрину для Запада» (да и для остального населения СССР). В 1955 году была предпринята реформа по децентрализации, благодаря которой власти Прибалтики получили в свои руки больше хозяйственных функций, но это происходило уже за пределами рассматриваемого нами периода.

В книге Зубковой на большом фактическом материале из советских архивов показаны механизмы контроля Кремля над новыми прибалтийскими элитами, сформированными после 1940 года «Эстонское дело» 1949–1952 годов, в ходе которого было сменено руководство эстонской компартии и правительства, рассматривается как пример, который должен был побудить руко-

водство двух других прибалтийских республик не слишком увлекаться «местным национализмом».

Как подчеркивает Зубкова, в ходе чистки 1950–1952 годов в Эстонии в наибольшей степени пострадали «старые политзаключенные» и «интеллектуалы», представлявшие советскую элиту первой волны: «С политической сцены были удалены яркие личности – Хендрик Алик, Арнольд Веймер, Ханс Круус, Ниголь Андресен. На их место пришли «русские эстонцы» во главе с Юханнесом Кэбином. В отличие от предшественников новые руководители Эстонии могли уже без всяких оговорок считаться «доверенными лицами» Москвы». В то же время, чистке был подвергнут государственный, но не партийный аппарат, состоявший по преимуществу из привозных кадров из России. Приобретенный в Эстонии опыт по «воспитанию» региональной элиты был впоследствии использован Москвой в Латвии, Азербайджане, Украине и других союзных республиках²⁸.

Зубкова совершенно справедливо пишет, что главный удар по движению Сопротивления в Прибалтике нанесли не военные и полицейские действия советских сил, а массовые депортации 1949 года, лишившие партизан социальной базы, возможности пополнять свои ряды и получать необходимое продовольствие²⁹. Следует добавить, что к 1949 году у «лесных братьев» уже почти полностью истощился запас боеприпасов, оставшийся со времени Второй мировой войны, а пополнения вооружения и боеприпасов извне они не имели, хотя советская пропаганда и утверждала обратное. Все эти обстоятельства резко понизили активность движения Сопротивления в Литве, Латвии и Эстонии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эстония. Краткий справочник. – Таллинн: KRK, 2000. С. 29.

² Laur M., Lukas T. et al. History of Estonia. 2nd Ed. – Tallinn: AS BIT, 2002. P. 284.

³ Ibid. P. 279.

⁴ Ibid. P. 280.

- ⁵ Ibid. P. 283.
- ⁶ История Латвии. XX век / Под ред. И. Фрейберги, И. Фельдманиса. Пер. с латышского. – Рига: J.L.V., 2005. С. 306.
- ⁷ Там же. С. 306–307.
- ⁸ Там же. С. 308.
- ⁹ Там же. С. 339–340.
- ¹⁰ Там же. С. 340; *Laur M., Lukas T. et al.* History of Estonia. P. 282.
- ¹¹ Там же. С. 196.
- ¹² Там же. С. 255.
- ¹³ *Емельянов Ю.В.* Прибалтика. Почему они не любят Бронзового солдата? – М.: Издатель Быстров, 2007. С. 413.
- ¹⁴ *Крысин М.Ю.* Прибалтийский фашизм. – М.: Вече, 2007. С. 438–439.
- ¹⁵ Там же. С. 462.
- ¹⁶ Там же. С. 475.
- ¹⁷ Там же. С. 474–475.
- ¹⁸ См.: *Соколов Б.В.* Фронт за линией фронта. Партизанская борьба 1939–1945 гг. – М.: Вече, 2008. С. 381–412.
- ¹⁹ *Крысин М.Ю.* Прибалтийский фашизм. С. 475.
- ²⁰ Там же. С. 343–344.
- ²¹ *Крысин М.Ю.* Прибалтийский фашизм. С. 77.
- ²² *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика как витрина для Запада // Час, Рига, 2008, 12 ноября.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика как витрина для Запада.
- ²⁵ *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. – М.: РОССПЭН, 2008. С. 128.
- ²⁶ Там же. С. 328–331.
- ²⁷ Там же. С. 342–344.
- ²⁸ Там же. С. 318–319.
- ²⁹ Там же. С. 255.

Раздел V

Новые концепции советской оккупационной политики в Германии и Австрии в 1945–1955 годах

В контексте сталинских принципов послевоенной внешней политики в Европе очевидными были заверения о том, что Германия должна быть объединенной, хотя во время войны Сталин был полностью готов согласиться с предложениями западных стран разделить Германию на несколько частей с тем, чтобы её таким образом ослабить. Однако, непосредственно после войны Сталин, как и многие американские и английские представители, боялся, что расчленение Германии на части могло бы стимулировать немецкий национализм и реваншизм и спровоцировать новую войну. Австрия, с точки зрения Сталина, должна была быть, во всяком случае, независимой. Частично для того, чтобы предотвратить доступ Германии к австрийскому экономическому и военному потенциалу, а также потому, что на маленькую и слабую Австрию легче было оказывать влияние, и проще ею управлять.

Сталин также рассчитывал на то, что все западные европейские страны, включая Германию и Австрию, перейдут к «социализму» по советскому образцу. Путём организации правительств национального фронта, которые должны были быть созданы по образцу народных фронтов 30-х годов и объединить все «антифашистские и демократические» партии, европейские государства будут развиваться в направлении народной демократии¹. Сталин, судя по сообщению членам британской рабочей партии (Labour Party), считал возможным такое развитие и в Великобритании².

По его мнению, везде будут возникать парламентские органы и «антифашистские» многопартийные коалиционные правительства. Коммунистические партии будут вынуждены обуздывать или даже исключать из партии радикалов и революционеров, так называемых «сектантов» и «левых радикалов», которые представлялись особенно опасными противниками советской политики в Европе. Проводниками новой внешнеполитической линии

СССР в подконтрольных зонах оккупации, прежде всего в Германии и частично в Австрии стали советские административные органы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: Миф или реальность? – М., 1993. См. также: *Kase Francis J. People's Democracy: A Contribution to the Study of the Communist Theory of State and Revolution.* – Leiden, 1968. По Австрии: *Мюллер Вольфганг.* Советская оккупационная власть, народный фронт и мирный переход к социализму: Фрагменты советского планирования в отношении Австрии 1945–1955 гг. // *Mitteilungen des österreichischen Staatsarchivs.* 50/2003. С. 271–297.

² Волокитина Т.В. и др. составители. Восточная Европа в документах Российских архивов 1941–1953 гг. – М., 1997. Т. 1. С. 458.

Глава 1

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ГЕРМАНИИ (СВАГ)

Начиная с 1990-х годов, в контексте тотального пересмотра истории СССР и масштабного рассекречивания архивных документов, создается новая, объективная история советской зоны оккупации Германии. Одним из первых исследований по этой теме стала монография известного германиста А.М. Филитова «Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение». Автор раскрывает сложные и противоречивые процессы, происходившие в послевоенной Германии и причины её раскола¹. Первый сборник архивных документов, посвящённый деятельности одного из основных подразделений СВАГ – Управлению пропаганды (информации), содержал в себе развернутое введение и научные комментарии, позволяющие по-новому понять советскую политику оккупации². Этот труд позднее был переведён на немецкий язык³ и вызвал «маленькую сенсацию» среди западных исследователей», поскольку был основан «на ранее закрытых “внутренних” документах СВАГ и давал представление о связи одного из ключевых управлений СВАГ с московским “центром”»⁴.

В 1995 году вышла в свет книга военного историка, полковника М. И. Семиряги «Как мы управляли Германией», в которой была сделана небезуспешная попытка показать сущность советской оккупационной политики, введены новые документы, в первую очередь, из Архива внешней политики РФ. Тем не менее, автор,

привлекая рассекреченные данные, всё же подчиняет их собственным воспоминаниям, связанным с пребыванием в Германии в послевоенные годы. Возможно, поэтому подспудные оправдательные мотивы берут верх над критическим анализом деятельности СВАГ⁵. В середине 1990-х годов завершил своё обстоятельное исследование В.В. Захаров – «Политические структуры Советской военной администрации в Германии: 1945–1949 гг.» (М., 1995).

Авторский коллектив Института всеобщей истории РАН под руководством Я.С. Драбкина и Н.П. Комоловой и при участии М.Б. Корчагиной предложил учитывать при разработке проблем оккупации определённые модели послевоенного развития Германии, предложенные немецким исследователем Х. Шварцем. Они учитывают различия финансово-экономических и политических интересов США, Великобритании и СССР, а также их идеологические установки. Первая модель предусматривала сохранение «большого альянса» держав-победительниц при условии продолжения советско-американского сотрудничества. Однако, с 1947 года, после провала Парижской конференции по плану Маршалла, начала реализовываться вторая модель, связанная с биполярной системой международных отношений, германский вопрос становился частью противостояния Восток – Запад. Это со всей очевидностью проявилось накануне и в дни Берлинского кризиса 1948–1949 годов, когда в центре Европы возник опасный очаг политической и военной напряженности. В таком контексте представлялось нормальным, что немцы – вчерашние враги – превращались в союзников одной из сторон в «холодной войне». Третья модель – распространение советской гегемонии в случае, если США откажутся от лидерства в западном блоке, – являлась гипотетической и вскоре отпала⁶.

Во второй половине 1990-х годов выходит ряд работ, включая диссертационные исследования, в которых берет верх своеобразный отраслевой подход в разработке истории оккупации, что, впрочем, на этапе накопления знаний было вполне объяснимо и оправданно. Военные, военно-политические, политические, экономические, культурно-образовательные аспекты деятельности

СВАГ, а также проблемы репараций и репатриации рассматриваются в трудах Р.Ю. Болдырева (Архангельск), Г.А. Бордюгова, П.Н. Кнышевского, Б.П. Коновалова, П. Поляна, Н.П. Тимофеевой (Воронеж), Д.Н. Филипповых и др.⁷.

Начиная с 1990 года, в США и ФРГ также заметно нарастает интерес к советской оккупационной политике, прошлому ГДР, функционированию её партийной системы и государственных структур. Американский историк Норман Неймарк детально проанализировал процесс «советизации» различных сфер жизни Восточной Германии. Кстати, он обратил внимание на то, что некоторые западные исследователи полагают, что разделение РККА (и её Центральной группы войск) и СВАГ было произведено намеренно, с целью провести черту между теми эксцессами, которые произошли между советскими солдатами и офицерами и местным населением в первые недели оккупации, и тем, что собиралась делать СВАГ. СВАГ была создана для того, чтобы отстранить специалистов военной администрации от вопросов военного планирования, а, следовательно, разделить сугубо военные задачи от вопросов управления Германией.

Американский германист Дэвид Пайк посвятил свой фундаментальный труд культурным преобразованиям, отношениям немецкой интеллигенции и СВАГ⁸.

В ФРГ изучение истории ГДР и СЕПГ вот уже пятнадцать лет расценивается как общественное, национальное дело. Причём, там не получила распространение точка зрения о том, что надо сначала провести научное исследование, а затем морально-политический пересмотр истории Восточной Германии. Напротив, оба процесса должны идти параллельно, так как дискуссии с историей предполагают базис знаний, который не должен сводиться к эмоциям или становиться политическим инструментом. Научный и морально-политический пересмотр истории становления и развития ГДР не должны составлять конкуренцию, а быть одновременно дополнением и стимулом друг друга.

С начала 90-х годов исследования восточногерманской послевоенной истории осуществляются на уровне: анкетных комиссий бундестага; научно-исследовательских институтов; университе-

тов; внеуниверситетских инициатив; политических образований, объединений по современной истории и союзов жертв режима. В Бундестаге единой Германии с 1990 года начала работу «Enquete-Kommission» (Анкетная комиссия) с участием известных историков, политологов, социологов и представителей общественности. По итогам их деятельности, с использованием огромного корпуса новых архивных данных вышел в свет ряд изданий, в частности, «Разработка истории и строя в Германии»⁹. В 1998 году Бундестаг решил продолжить работу Комиссии, результатом которой стал многотомник «Преодоление диктатуры СЕПГ в единой Германии»¹⁰. Указанные сборники серьёзно дополняет «Справочник по советской зоне», подготовленный на базе документов Мюнхенским институтом современной истории и секцией истории ГДР Мангеймского университета¹¹.

Ян Фойтцик из Потсдамского института современной истории впервые в немецкой историографии дал комплексный анализ деятельности СВАГ, её структур и кадрового состава, функций отдельных подразделений и механизма принятия важнейших решений¹². Он пришёл к выводу о том, что СВАГ был не столько органом, сколько инструментом советской оккупационной политики, поскольку все важнейшие решения принимались в Москве. Немецкие органы управления и политические партии всего лишь, по его мнению, выполняли роль связующего звена между немецким населением и советской администрацией. основополагающим принципом советской политики было обеспечение собственной безопасности, этим объяснялись все принимаемые решения – политические и экономические.

Среди других тем, разрабатываемых немецкими коллегами, следует отметить проблемы репараций, развития германской промышленности и экономики в целом, земельной реформы и коллективизации сельского хозяйства, трансформации политической системы, репрессий и советских концентрационных лагерей, государственной безопасности¹³.

Вышедшая литература и введённый в научный оборот корпус новых источников свидетельствуют об очень серьёзном продвижении в изучении истории СВАГ и развертывании широкой дис-

куссии о роли советского влияния в Восточной Германии. В этой связи трудно согласиться с замечанием профессора Нормана Неймарка, высказанного, правда, десять лет назад, о слабости традиционной советской и восточногерманской литературы, о наличии совсем небольшой толики «белых пятен» по нашей проблеме, о том, что «маловероятно, что широкий поток научных исследований и публикаций внесёт существенные изменения в общую картину советизации социальной и политической жизни в Восточной Германии в 1945–1949 гг.»¹⁴. Именно приращение новых знаний о СВАГ за последние годы как раз и позволяет ответить на вопросы, поставленные этим американским историком, а именно: «Кто определял советскую политику в Восточной зоне Германии? Как принимались решения? Как они передавались в зону? Кто был ответственным за проведение этих решений в жизнь в самой Германии?»¹⁵.

Таким образом, история советской оккупационной зоны и советской оккупационной политики находится в числе активно развивающихся направлений исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Филатов А. М.* Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. – М., 1993.

² СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. – М., 1994.

³ *Bonwetsch Bernd, Bordiougov Gennadij, Naimark Norman* (Hrgs.). Sowjetische Politik in der SBZ 1945–1949. Dokumente zur Taetigkeit der Propagandaverwaltung (Informationsverwaltung) der SMAD unter Sergej Tjulpanov. – Bonn, 1998.

⁴ См.: Деятельность Советской военной администрации в Германии (СВАГ) по демилитаризации Советской зоны оккупации Германии, 1945–1949. Сб. документов. – М., 2004. С. 11.

⁵ См.: *Семиряга М. И.* Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. – М., 1995.

⁶ См.: Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. – М., 1996. С. 367.

⁷ *Болдырев Р.Ю.* Советская оккупационная политика в Восточной Германии (1945–1949 гг.): экономический аспект. Автореферат дисс. ... к.и.н. – Архангельск, 2004; *Bonwetsch Bernd, Bordjugov Gennadij.* Die Affare Tjulpanov. Die Propagandaverwaltung der Sowjetischen Militaradministration in Deutschland im Kreuzfeuer der Kritik 1945–1949 // Deutsche Studien. XXXI. Jahrgang–Dezember 1994, heft 123/124. *Bordjugov Gennadij.* Das ZK der KpdSU (B), die Sowjetische Militaeradministration in Deutschland und die SED (1945–1953) // Herman Weber, Ulrich Machlert (Hrsg.). Terror: stalinistische Parteisauberungen 1936–1953. – Muenchen, 1998; *Кнышевский П.Н., Добыча П.Н.* Тайны германских репараций. – М., 1994; *Коновалов Б.П.* Тайна советского ракетного оружия. – М., 1992; *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. – М., 1996; *Тимофеева Н.П.* Немецкая интеллигенция и политика реформ. Система образования в Восточной Германии. 1945–1949 годов. – Воронеж, 1996; *Филипповых Д.Н.* Советская военная администрация в Германии: военно-политический аспект. – М., 1995 и др.

⁸ См.: *Naimark Norman.* The Russians in Germany: The History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. – Harvard, 1995; *Pike David.* The Politics of Culture in Soviet-Occupied Germany, 1945–1949. – Stanford, California, 1992.

⁹ См.: *Aufarbeitung von Geschichte und Folgen der im Deutschland, im Deutschen Bundestag* (9 Bände in 18 Teilbänden). – Baden-Baden, 1995.

¹⁰ См.: *Überwindung der Folgen der SED-Diktatur im deutschen Einheit* (8 Bände in 14 Teilbänden). – Baden-Baden, 1999.

¹¹ *Broszat M., Weber H.* (Hrsg.). SBS-Handbuch. Staatliche Verwaltung gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der Besatzungszone Deutschlands 1945–1949. Handbuch // Muenchen. – Oldenburg, 1990–1993.

¹² *Foitzik Jan.* Die Sowjetische Militaeradministration in Deutschland // Das Parlament: Aus Politik und Zeitgeschichte. B 11/ 90. March 9, 1990. S. 43–62; *Он же.* Inventar der Befehle des Obersten Chefs der Sowjetischen Militaeradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949. Offene Serie. Hrgs vom Institut für Zeitgeschichte. – Muenchen–London–Paris, 1995; *Он же.* Sowjetische Militaeradministration in Deutschland (SMAD): 1945–1949; Struktur und Funktion. – Berlin, 1999.

¹³ См.: *Fisch J.* Reparationen nach dem Zweiten Weltkrieg. – Muenchen, 1992; *Karlsch R.* Allein bezahlt? Die Reparationsleistungen der SBZ/DDR 1945–1953. – Berlin, 1993; *Mehringer H.* (Hrsg.). Von der SBZ zur DDR. Studien zum Herrschaftssystem in der Sowjetischen Besatzungszone und in der Deutschen Demokratischen Republik. – Muenchen, 1995; *Mahlert U., Stephan G.-R.* Blaue Hemden – Rote Fahnen. Die Geschichte der Frein Deutschen Jugend. – Opladen, 1996; *Malycha A.* Auf dem Weg zum SED. Die Sozialdemokratie und die Bildung einer Einheitspartei in den Landern der SBZ. Eine Quellenedition. – Bonn, 1996; *Creuzberger Stefan.* Innere Organisation und aussere Beziehungen der SMAD:

Ein Beitrag zur Geschichte der sowjetischen Besatzungspolitik in Deutschland, 1945–1949. – Bonn, n. d.; *Creuzberger S.* Die Sowjetische Militaeradministration in Deutschland (SMAD) 1945–1949. – Melle, 1991; *Creuzberger S.* Die sowjetische Besatzungsmacht und das politische System der SBZ. – Weimar, 1996; *Mironenko S., Niethammer L., Plato A. von* (Hrsg.). Sowjetische Speziallager in Deutschland 1945 bis 1950. – Berlin, 1998 и др.

¹⁴ См.: СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949. – М., 1994. С. 3.

¹⁵ СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С. И. Тюльпанов. 1945–1949. – М., 1994. С. 4.

Глава 2

СОВЕТСКАЯ ПОЗИЦИЯ В АВСТРИЙСКОМ ВОПРОСЕ

Австрия никогда не находилась в центре советских внешнеполитических интересов. Однако советская политика в Австрии в период с 1945 по 1955 годы является не только предметом особенного внимания при изучении австрийской истории, но представляет собой также важную часть внешней политики Сталина после Второй мировой войны, международных отношений этого времени и времён «холодной войны». Историки показывают, что «присоединение» Австрии к Германии в марте 1938 года было с беспокойством воспринято Советским Союзом. 17-го марта Народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов в заявлении перед прессой осудил ввод немецких войск в Австрию, который принудил тысячи австрийцев покинуть страну или попасть в концентрационные лагеря и в тоже время радостно приветствовался тысячами, как «акт насилия», который лишил австрийский народ его политической, экономической и культурной независимости¹. На следующий день советское правительство потребовало от западных держав осуществления коллективных мер против Германии, но свою инициативу не сумело пробить. При этом советская дипломатическая служба, как и советская пресса, многократно подчёркивали усиление Германии вследствие этого акта и таким образом обращалось внимание на то, что обеспокоенность советской стороны связана не столько с судьбой Австрии, сколько с возросшим военным потенциалом Германии².

И лишь нападение Германии на Советский Союз в июне 1941 года привело, в конце концов, к тому, что СССР пояснил официально свою позицию в отношении Австрии. Это разъяснение последовало 21 ноября 1941 года в телеграмме Комиссара иностранных дел В. М. Молотова послу в Лондоне И.М. Майскому. Майский перед этим направил в Москву запрос английских коммунистов с вопросом о том, как же надо понимать часть речи Сталина от 6-го ноября, относящуюся к Австрии. Сталин объяснил, что до тех пор, пока «гитлеровцы» занимаются присоединением немецких стран и Австрии, их можно по праву называть «националистами». Молотов обосновал высказывание Сталина целью, преследовавшей внесение замешательства в ряды гитлеровцев и раздора между правительством Гитлера и националистически настроенными слоями немецкого народа³. «Присоединение» Австрии, т. е. «области, заселённой главным образом немцами», к Германии можно было бы отнести к великогерманскому национализму, пояснял Молотов, но это не означает, «что тов. Сталин стоит за это присоединение, ибо тов. Сталин не считает великогерманский национализм правильной или приемлемой схемой». Сталин скорее того мнения, поясняет далее Молотов, что Австрия как независимая страна должна быть отделена от Германии, которая сама «должна быть разбита на ряд более или менее самостоятельных государств» с тем, чтобы таким образом достичь гарантии спокойствия для европейских государств в будущем.

16 декабря 1941 года Сталин передал в Москве британскому министру иностранных дел Энтони Идену меморандум, содержащий чёткое требование восстановления независимости австрийского государства с его предвоенными границами⁴. На британский запрос Сталин дал понять, что Советский Союз не имеет никаких возражений против создания федераций в послевоенной Европе, если соответствующие страны этого пожелают. Эта уступка, однако, должна была быть понята скорее не как обязывающее согласие, а скорее как выражение сталинских усилий по англо-советскому союзному договору, т. к. уже несколько меся-

цев позже идея федерации, содержащаяся в британском проекте такого пакта, натолкнулась на советскую критику⁵.

Заключительная декларация Московской конференции министров иностранных дел трёх держав от 30 октября 1943 года возвела восстановление Австрии к официальной цели союзников. По вопросу о создании федерации Молотов в отношении Австрии разъяснил 26 октября 1943 года, что «одной из важнейших задач [...] является освобождение малых стран и восстановление их независимости и суверенитета». «Преждевременное и возможно искусственное включение этих стран в теоретически запланированные группировки было бы несчастьем как для самих малых стран, так и для будущего общего мирного развития Европы»⁶.

В новейших исследованиях подробно прослежено, как в апреле–мае 1945 года Австрия была занята войсками союзников и освобождена от национал-социализма. Военная оккупация была результатом войны, с одной стороны, и должна была обеспечить отделение Австрии от Германии и восстановление её в качестве суверенного государства, с другой стороны. Так как австрийцы на стороне Гитлера занимали важные посты, воевали и совершали преступления, оккупация Австрии войсками союзников преследовала также цели обеспечения демилитаризации, денацификации и контроля.

Как известно, советская оккупация в Австрии продолжалась с конца марта 1945 до сентября 1955 года. Какие цели преследовал Советский Союз в течение этих десяти лет? Историки «реалистической» школы видели советские намерения по отношению к Австрии в контексте советизации Восточной и Центральной Европы, а также Восточной Германии после Второй мировой войны и исходили поэтому из того, что Сталин, хотя и планировал восстановить независимую Австрию, но после этого собирался поставить её под советское влияние и установить в ней коммунистическое руководство⁷. Советские и «ревизионистские» историки, напротив, настаивали на том, что СССР никогда не собирался «советизировать» Австрию⁸. Лишь открытие архивных документов после распада Советского Союза позволило заново оценить этот вопрос⁹.

По мнению В. Мюллера, когда в 1946 году США впервые заговорили о необходимости начала союзнических переговоров относительно австрийского Государственного договора, перед советской дипломатией очень скоро встала дилемма. С одной стороны, она хотела выхода союзников из Австрии, но при этом и советские войска должны были бы уйти. С другой стороны, на основании мирных договоров с Венгрией и Румынией советские войска в Австрии также обеспечивали международное правовое основание для их размещения в Юго-Восточной Европе. Поэтому министр иностранных дел Молотов в 1946 году отклонил переговоры о Государственном договоре¹⁰. После того, как в начале 1947 года переговоры в Лондоне начались, он констатировал в секретном совещании с вождём венгерских коммунистов Матиасом Ракоши, что «договор с Австрией наверняка не будет подписан в этом году»¹¹.

Как считает австрийский историк А. Суппан, вопрос о том, был ли Советский Союз готов в 1948 году уйти из Австрии, должен остаться гипотетическим, так как переговоры о Государственном договоре, по причине отклонённых югославских территориальных претензий к Австрии, а ещё более из страха взятия власти коммунистами на манер Будапешта в 1947 году и Праги в 1948 года, в мае западными державами были прерваны. После их возобновления в начале 1949 года с австрийской и западной стороны создалось впечатление, что ещё до конца года они должны быть закончены. На фоне споров между Сталиным и Тито СССР отказался от поддержки югославских территориальных притязаний¹². По вопросу «советского имущества», как показывают исследования, в Австрии была достигнута договорённость об уплате 150 миллионов долларов Австрией Советскому Союзу. Дунайская пароходная компания DDSG в восточной Австрии и Европе и 60 % нефтяной продукции и нефтяных месторождений на 30–33 лет должны были оставаться в советских руках¹³. Когда же основные вопросы были решены, оказалось, как подчеркивает В. Мюллер, что Сталин был не готов (более) к подписанию. Советский Союз вновь получил опасения, что после ухода из Австрии его позиции в Восточной и Центральной Европе будут ос-

лаблены¹⁴. Вследствие всё новых препятствий, создаваемых советской стороной, переговоры зачихли и были обречены на 2 года длившийся перерыв. Знаменитые «германские ноты» Сталина от марта–апреля 1952 года, в которых он предлагал новое объединение Германии, вывод войск союзников из Германии с одновременным объявлением её нейтралитета, вновь оживили надежды на подписание Государственного договора¹⁵. Однако предложение Сталина было, прежде всего, дипломатической попыткой предотвратить новое вооружение Западной Германии. Примерно в то же время последовавшая инициатива западных держав с предложением создания «сокращённого договора» по Австрии и рассмотрению его в качестве предпосылки конференции четырёх держав по Германии, укрепила взаимообусловленность австрийского и немецкого вопросов. «Сокращённый договор», однако, блокировал надолго любой шаг вперёд, так как он означал бы отказ СССР от уже оговоренных ранее экономических условий, что для него было неприемлемо.

После смерти Сталин и заключения перемирия в Корейской войне новое советское руководство желало серьёзных переговоров относительно Германии и Австрии. В связи с изменением международной обстановки усилилась надежда на то, что в рамках Берлинской конференции министров иностранных дел в январе–феврале 1954 года может быть достигнута договорённость по Государственному договору. Требование Молотова оставить войска союзников в Австрии и после подписания Государственного договора оказалось неприемлемым. Разговоры окончились ничем, оккупация в Австрии осталась, и страх перед разделением Австрии по образцу Германии на восточную и западную части вновь усилился.

Как показывает В. Мясны, новая советская инициатива в начале 1955 года, которая в конце концов в течение нескольких недель привела к заключению Государственного договора совместно с решениями о выходе оккупационных войск и продажей советских предприятий в Австрии, стали выражением изменившегося соотношения сил и новых политических приоритетов в Кремле. Н.С. Хрущёв сумел одержать верх над Молотовым¹⁶.

Вследствие вступления ФРГ в НАТО в начале мая 1955 года дальнейшее затягивание заключения Государственного договора с точки зрения советской стороны уже теряло смысл. Нейтралитет Австрии, на который в апреле 1955 года во время московских переговоров по Государственному договору согласилась австрийская делегация, и принятый австрийским парламентом 26-го октября, приводил к удлинению нейтрального территориального клина между Германией и Италией, что было невыгодно НАТО. Одновременно, Варшавский пакт¹⁷, подписанный 14-го мая 1955 года, и примирение между Советским Союзом и Югославией укрепляли стратегические позиции Советского Союза в Восточной и Центральной Европе с севера, востока и юга от австрийских границ и тем самым открывали путь для вывода войск союзников из Австрии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Verosta Stefan*. Die internationale Stellung Österreichs, 1938–1947. – Wien, 1947. P. 28–29.

² *Aichinger Wilfried*. Sowjetische Österreichpolitik, 1943–45. – Wien: Diss., 1977. S. 14–16.

³ СССР и германский вопрос. Т. 1. С. 118–119. Молотов Майскому, 21.11.1941.

⁴ *Churchill Winston S.* The Second World War. – London, 1948. P. 3, 558. Протокол: СССР и германский вопрос I. С. 124–135.

⁵ *Aichinger*. Sowjetische Österreichpolitik. S. 23–25. См. также: *Wagnleitner Reinhold*. Großbritannien und die Wiedererrichtung der Republik Österreich. – Salzburg: Diss., 1975. S. 14–36.

⁶ *Aichinger*. Sowjetische Österreichpolitik. S. 41.

⁷ *Stearman William L.* The Soviet Union and the Occupation of Austria: An Analysis of the Soviet Policy in Austria 1945–1955. – Bonn, 1961; *Bader William B.* Austria between East and West. – Stanford, 1966.

⁸ *Ефремов А.Е.* Советско-Австрийские отношения после второй мировой войны. – М., 1958; *Aichinger Wilfried*. Sowjetische Österreichpolitik 1943–45. – Wien: Diss., 1977.

⁹ *Mueller Wolfgang*. Die sowjetische Besatzung in Österreich 1945–1955 und ihre politische Mission. – Wien, 2005 [=Die politische Mission der sowjetischen Besatzungsmacht in Österreich, 1945–1955. – Wien: Diss., 2004].

¹⁰ *Mueller Wolfgang*. Anstelle des Staatsvertrages: Die Sowjetunion und das Zweite Kontrollabkommen 1946 // *Rauchensteiner Manfred, Kriechbaumer Robert (ed.)*. Die Gunst des Augenblicks: Neuere Forschungen zu Staatsvertrag und Neutralität. – Wien, 2005. S. 291–320.

¹¹ *Zubok, Pleshakov*. Inside the Kremlin's Cold War. P. 99.

¹² *Suppan Arnold*. Jugoslawien und der Staatsvertrag // *Suppan Arnold, Stourzh Gerald, Mueller Wolfgang (ed.)*. Der österreichische Staatsvertrag 1955: Internationale Strategie, rechtliche Relevanz, nationale Identität: The Austrian State Treaty, 1955: International Strategy, Legal Relevance, National Identity. – Wien, 2005. P. 431–471.

¹³ *Cronin Audrey Kurth*. Eine verpasste Chance? Die Großmächte und die Verhandlungen über den Staatsvertrag im Jahre 1949 // *Bischof Günter, Leidenfrost Josef (ed.)*. Die bevormundete Nation: Österreich und die Alliierten. – Innsbruck, 1988. S. 347–370.

¹⁴ *Mueller Wolfgang*. Gab es eine «verpasste Chance»? Die sowjetische Haltung zum Staatsvertrag 1946–1952 // *Suppan Arnold, Stourzh Gerald, Mueller Wolfgang (ed.)*. Der österreichische Staatsvertrag. S. 89–120.

¹⁵ *Gehler Michael*. Kurzvertrag für Österreich: Die westliche Staatsvertrags-Diplomatie und die Stalin-Noten von 1952 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 42/1994. S. 243–278.

¹⁶ *Mastny Vojtech*. Kremlin Politics and the Austrian Settlement // Problems of Communism, July–August. 1982. P. 41–46. Vgl. *Stourzh*. Einheit. P. 335–338; *Filitov Aleksej*. The Post-Stalin Succession Struggle and the Austrian State Treaty // *Suppan Arnold, Stourzh Gerald, Mueller Wolfgang (ed.)*. Der österreichische Staatsvertrag S. 121–143.

¹⁷ См. также: *Mastny Vojtech, Byrne Malcolm (ed.)*. A Cardboard Castle? An Inside History of the Warsaw Pact 1955–1991. – Budapest, 2005.

Раздел VI

Пересмотр оценок
советских вторжений
в Венгрию, Чехословакию
и Афганистан
в 1950-е – 1970-е годы

Более или менее объективный взгляд историков на три советские военные интервенции, осуществленных после Второй мировой войны, стал возможен только в последние годы горбачевской перестройки. После 1991 года российские историки смогли смотреть на эти события, преодолев советские пропагандистские стереотипы. При этом к афганской войне в российском обществе существует гораздо больший интерес, чем к событиям в Венгрии в 1956 году и в Чехословакии в 1968 году. Этот интерес объясняется как значительной длительностью афганской интервенции, так и меньшей ее удаленностью по времени от сегодняшнего дня. В российском обществе еще остаются сотни тысяч ветеранов афганской кампании, тогда как ветеранов чехословацкой и особенно венгерской кампаний оказывается на порядок меньше. Однако даже по афганской интервенции объем публикаций относительно невелик и не идет ни в какое сравнение с литературой по политике СССР в 1939–1941 и 1945–1955 годах. Кроме того, среди публикаций по афганской интервенции практически нет фундаментальных работ. Это главным образом мемуары участников войны или очерки журналистов, побывавших в Афганистане в период пребывания там советских войск и, после падения цензурных рога-ток, получивших возможность правдиво рассказать об увиденном. Характерной чертой российской историографии всех трех интервенций является тот факт, что позиции российских историков принципиально не отличаются от оценок, звучащих в венгерской, чешской и словацкой, а также западной историографии (афганская историография практически отсутствует). Такое согласие является следствием того, что ни Венгрия 1956 года, ни Чехословакия 1968 года, ни Афганистан 1979 года не находят живого отклика в российском обществе, сравнимого, например, со Второй мировой (Великой Отечественной) войной. Даже ближайшая по времени афганская война сейчас интересует главным образом только ветеранов Афганистана. Все это позволяет российским историкам более или менее объективно взглянуть на события 1956, 1968 и 1979 годов.

Глава 1

СОВЕТСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ВЕНГРИЮ В 1956 ГОДУ

Как в западной, так и в современной историографии советская военная интервенция в Венгрию в ноябре 1956 года, сопровождавшееся вводом на территорию страны значительных контингентов советских войск, рассматривается как военная оккупация Венгрии, осуществленная в нарушение действовавших международных договоров и соглашений и направленная на подавление народной революции против коммунистического режима.

«Венгрия только однажды смогла обрести силы и мужество, чтобы восстановить свою честь, как это было в 1848; национальную независимость и политическую свободу. Наши задачи не изменились, мы не откажемся от целей 1848-го, мы не можем отказаться и от 1956-го»¹.

Венгерский историк Л. Контлер отмечает, что революция 1956 года началась стихийно, с демонстрации солидарности с польскими рабочими 23 октября, которую власти после долгих колебаний разрешили. 200 тыс. человек вышли на улицы Будапешта под лозунгами: «Надя в правительство, Ракоши – в Дунай!», «Венгры, шагайте с нами!», «Русские, возвращайтесь домой!»². Одной из главных тем российской и зарубежной историографии при изучении венгерской интервенции стал механизм принятия решений советским руководством.

Как утверждают венгерские историки, советское руководство решилось на интервенцию только после того, как премьер-министр Имре Надь, ранее колебавшийся, 27 октября перешел на сторону революции и объявил о введении многопартийности.

О нейтралитете же Венгрии он заявил только после ввода на территорию Венгрии новых контингентов советских войск 1 ноября. СССР же в эти дни успел заручиться обещанием не вмешиваться в венгерский конфликт западных держав и Югославии. Л. Контлер считает, что произошел своеобразный размен: СССР пообещал не вмешиваться в Суэцкий кризис, в обмен на обещание Запада не вмешиваться в Венгрии³.

Однако российские историки эту версию опровергают. Так, Р.Г. Пихоя на основе рассекреченных советских документов доказывает, что первоначально Н.С. Хрущев пытался осуществить в Венгрии польский сценарий, без участия советских войск, но изменил свои намерения после того, как И. Надь стал активно поддерживать неприемлемые для советского руководства требования революционеров. Главной же причиной, по мнению Пихоя, стало начало Суэцкого кризиса, в связи с чем Хрущев 31 октября заявил на Политбюро: «Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов, империалистов. Они поймут как нашу слабость и будут наступать»⁴.

Здесь возникают вопросы, имея в виду, что решение Хрущевым в действительности было принято раньше, еще 28 октября, а последующий вывод войск из Будапешта был лишь маневром, призванным усыпить бдительность И. Нады и венгерских повстанцев. Суэцкий же кризис стал просто хорошим пропагандистским прикрытием вторжения. Тем более, что Англия и Франция оказались связаны в Египте, что ограничило возможность их вмешательства в Европе. США же, не поддержав англо-французскую попытку вернуть Суэцкий канал, тоже находились в положении, когда им трудно было как-то вмешаться в венгерский кризис.

Российский историк Ю.С. Новопашин указывает также на личное послание Д. Эйзенхауэра Хрущеву, где тот выразил готовность не вмешиваться в события в Венгрии, считая их «внутренним делом советского блока». Только после этого Хрущев дал «добро» на то, чтобы «за 3 дня навести порядок» в Венгрии⁵.

Американская исследовательница Дж. К. Гранвилл, автор монографии о советских интервенциях в Венгрии, Чехословакии и

Афганистане, сосредоточивает внимание на вопросе о механизме принятия решений об интервенции. Она отмечает, что на Западе споры идут вокруг того, был ли процесс принятия решения о вторжении в Венгрию в 1956 году длительным, или оно было принято почти мгновенно, после визита Микояна и Суслова в Будапешт 23 октября, и было ли это решение коллективным или его единолично принимал Н. Хрущев⁶. Сама Гранвилл считает, что в целом советское решение вторгнуться в Венгрию с точки зрения Москвы было целесообразным, поскольку тем самым «у советского руководства была возможность доказать Польше и другим странам Восточной Европы, что они действительно готовы прибегнуть к военному вмешательству, несмотря на то, что неоднократно повторяли, что не собираются делать этого в начале того же года во время восстания в Познани в Польше». Кроме того, в Венгрию было легче вторгнуться, чем в Польшу, потому что Венгрия меньше, у нее более слабые вооруженные силы и более короткая, чем в Польше, история «антисоветизма». Если относительная выгода является синонимом более низких издержек, то «вторжение в Венгрию дало дополнительную выгоду Советскому Политбюро»⁷.

Гранвилл также скептически относится к так называемым «бюрократическим» теориям, согласно которым во всех трех случаях советских военных интервенций после Второй мировой войны решение принималось в результате взаимодействия различных ведомственных групп или групп интересов, а Хрущев и Брежнев играли в Политбюро роли «первых среди равных». Американская исследовательница считает, что решения принимали именно первые лица государства, хотя на эти решения и могла влиять тенденциозно поданная информация. Она подчеркивает, что «судя по высказываниям, советское руководство не очень сильно задумывалось о том, какой ценой осуществить вторжение, по крайней мере, для них издержки от не вторжения казались более высокими»⁸. В 1956 году Хрущев учитывал только риск, связанный с не вторжением, когда утверждал: если бы советские войска не вошли в Венгрию, то «венгерские эмигранты, подстрекаемые Радио Свободной Европы, стали бы поддерживать контр-

революционную банду», и таким образом «контрреволюция могла добиться цели», а НАТО «могло бы пустить корни в странах социализма»⁹.

Как нам представляется, в историографии этого вопроса необходимо учитывать и субъективный фактор. Вероятно, Хрущев поверил В. Гомулке, что он останется полностью лояльным Советскому Союзу, и не поверил И. Надю, с подозрением относясь к его готовности восстановить реальную многопартийность.

Дж. Гранвилл считает, что существуют две теории принятия решения о вводе советских войск в Венгрию. Одни исследователи полагали, что решение о вторжении было принято только после визита в Будапешт советской делегации во главе с Анастасом Микояном 23 октября 1956 года, тогда как другие считают, что решение было принято задолго до этого, и в Москве только ждали подходящего момента. Исследовательница констатировала, что имеющихся в наличии опубликованных к началу 90-х годов материалов было недостаточно для однозначного ответа на вопрос, когда принималось решение о вводе советских войск в Венгрию¹⁰.

Сейчас мы уже можем ответить на этот вопрос. Российский историк А.С. Стыкалин, автор наиболее фундаментальной монографии о событиях 1956 года в Венгрии, основываясь на рассекреченных протоколах заседаний Президиума ЦК КПСС, пришел к выводу, что окончательно решение о силовом варианте Хрущев принял только 31 октября. В этот день Хрущев решил, что правительство И. Нады, объявившее о создании реальной многопартийности, грозит выйти из-под советского контроля. На заседании 31 октября Хрущев потребовал «пересмотреть оценку, войска не выводить из Венгрии и Будапешта и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии». Помимо событий в самой Венгрии, на него повлияли письма руководителей ряда компартий, утверждавших, что Венгрия может стать некоммунистическим государством. Хрущев заявил, что отдача Венгрии некоммунистическим силам будет означать проявление слабости СССР, и тогда «нас не поймет наша партия». Между тем еще 28 октября Хрущев не соглашался с предупреждением Молотова о том, что ««Надь

вот-вот выступит против нас», и выступил за то, чтобы подготовить обращение к венграм от имени советского правительства в поддержку И. Надя, заметив при этом: «А то только стреляем»¹¹.

Следует особо отметить, что книга Стыкалина написана с определенным сочувствием Имре Надю и другим венгерским революционерам, хотя автор не скрывает темные места из биографии венгерского премьера, ставшего во многом «вождем революции поневоле» и заплатившим за это собственной жизнью. Стыкалин, безусловно, считает события 1956 года незавершенной революцией, тогда как в советское время их именовали «контрреволюционным мятежом». Он также отмечает, что расправы демонстрантов над коммунистами и офицерами госбезопасности, ставшие для Хрущева и других советских руководителей важным поводом для ввода войск, в действительности происходили после того, как эти люди расстреливали мирные демонстрации. При этом было убито 350 демонстрантов и только 37 партийных функционеров и сотрудников госбезопасности. Стыкалин делает справедливый вывод о том, что «даже если принять во внимание неоднозначность развития венгерских событий (показавших миру не только примеры героизма борцов за национальную свободу, но и акты вандализма разъяренной толпы) и признать правомерными вышеприведенные рассуждения об оборонительном в определенном смысле характере действий СССР, следует констатировать, что избранный осенью 1956 года силовой способ решения венгерского вопроса вступал в острое противоречие с нормами международного права, что особенно явно контрастировало с обновительной риторикой XX съезда КПСС». Действительно, всему миру были наглядно продемонстрированы реальные пределы провозглашенного Н.С. Хрущевым курса на отказ от сталинской политической практики, предполагавшего среди прочего признание многообразия форм перехода к социализму и корректировку отношений с союзниками по социалистическому лагерю.

Показав неспособность советских лидеров пойти на решительный разрыв со сталинским наследием во внешней политике, действия СССР в Венгрии пагубно сказались на его международном престиже и имидже. В частности, военное вмешательство

Москвы во внутренние дела Венгрии оттолкнуло от нее многих левых интеллектуалов на Западе, связывавших с XX съездом КПСС определенные надежды на демократическое обновление социализма. Это способствовало «усилению изоляции мирового коммунистического движения от потенциальных союзников»¹².

Неординарность венгерских событий осени 1956 года с самого начала предопределила интерес к ним не только историков, но и философов, политологов, пытавшихся через осмысление венгерского опыта выявить наиболее существенные и характерные тенденции современного развития, сделать прогнозы относительно перспектив мировой системы социализма, международного коммунистического движения, «национального коммунизма», оценить реальные возможности эффективного сопротивления тоталитаризму в Восточной Европе и поставить в этой связи вопрос о роли рабочих советов как альтернативных государственному социализму органов власти¹³.

Начиная с 1989 года, после прихода к власти в Венгрии демократических сил, в стране появилось огромное количество документальных, мемуарных, и исследовательских публикаций о событиях 1956 года. Специально для сбора документов и материалов по этой теме в 1990 году в Будапеште был создан Институт истории революции 1956 года. Среди венгерских историков практически нет разногласий насчет того, что это была именно революция, жестоко подавленная советскими войсками¹⁴.

В российской историографии более объективная, лишенная пропагандистских клише, оценка венгерских событий 1956 года началась только в 1990-е годы. Первыми ласточками стали изданные в 1993 году коллективные труды Института славяноведения и балканистики РАН «Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса» и «Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе»¹⁵. Здесь для объективной картины происходящего использовались в основном документы и исследования венгерских и западных ученых, поскольку советские архивы еще были закрыты. Но в том же году начались и первые документальные публикации в России по истории венгерского кризиса 1956 года¹⁶.

В 1990-е годы и в начале 2000-х годов вышел целый ряд статей российских историков, в которых они, основываясь на архивных документах, дают гораздо более объективную картину венгерской революции и роли Советского Союза в ее подавлении¹⁷. Среди важных мемуарных свидетельств о венгерском кризисе, опубликованных в России в 90-е годы, стоит отметить публикацию полного текста мемуаров Н.С. Хрущева¹⁸ и публикацию мемуаров генерала Е.И. Малашенко, бывшего командующего Особого корпуса в Будапеште¹⁹.

Еще в годы перестройки М.С. Горбачев признал вину СССР за подавление венгерской революции 1956 года. Позднее это признание повторяли все президенты России. Также и все серьезные российские историки были и остаются едиными в своей негативной оценке советской интервенции 1956 года, приведшей к многочисленным человеческим жертвам и на десятилетия отсрочившей крах коммунистического режима в Венгрии.

Однако в последнее десятилетие в российском общественном мнении, правда, лишь на уровне публицистики, появилась склонность оправдывать советское вторжение в Венгрию интересами безопасности СССР, а венгерскую революцию представлять в качестве «империалистического заговора». Так, 9 ноября 2006 года по российскому телевидению был показан фильм «Венгерский капкан», который, несмотря на официальную позицию российских властей, отстаивал версию «империалистического заговора», повторяя стереотипы советской пропаганды²⁰. Также публикуются документы, компрометирующий И. Надя и доказывающие, что он был агентом НКВД и способствовал репрессиям против других венгерских коммунистов. Так, бывший посол России в Венгрии В.Л. Мусатов процитировал автобиографию И. Надя от 20 марта 1940 года, где указывалось: «С НКВД я сотрудничаю с 1930 г. По поручению я был связан и занимался многими врагами народа»²¹. Однако эти факты не меняют общей положительной оценки роли И. Надя в событиях 1956 года как в российской, так и в венгерской историографии²².

В целом на тему венгерской интервенции сегодня нет каких-то разногласий между российскими и венгерскими историками. По-

добное единодушие, среди прочего, можно объяснить как отсутствием каких-либо заметных противоречий в современных российско-венгерских отношениях, а также тем, что представители российских властей не раз приносили извинения за интервенцию 1956 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эхо планеты, 2010, 1 июня.

² *Контлер М.* История Венгрии. С. 555.

³ Там же. С. 555–557.

⁴ *Пихоя Р.Г.* Кремль–Венгрия: октябрь–ноябрь 1956 // Международный исторический журнал, № 7, 2000, январь–февраль.

⁵ Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. Под ред. Ю.С. Новопашного. – М.: Инт-т славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 16–17. Здесь же указывается, что еще 29 октября американский посол Ч. Болен сообщил Хрущеву, что Америка не будет вмешиваться в венгерские дела.

⁶ *Гранвилл Дж. К.* Советские военные интервенции в Венгрии, Чехословакии и Афганистане. Сравнительный анализ процесса принятия я решений. Бостон; М., 1993. С. 6.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 6.

¹¹ *Стыкалин А.С.* Прерванная революция: Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. – М.: Новый хронограф, 2003. С. 147, 157–158.

¹² Там же. С. 223–224.

¹³ Там же. С. 8.

¹⁴ Там же. С. 10. Библиография см.: Там же. С. 231–235.

¹⁵ Венгрия 1956 года. Очерки истории кризиса. – М.: Наука, 1993; Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. – М.: Наука, 1993.

¹⁶ См.: Венгрия 1956 // Исторический архив, 1993, № № 4–6.

¹⁷ *Мусатов В.А.* О венгерских событиях: 35 лет спустя // Кентавр. – М., 1992. № 1–2.; *Он же.* Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. – М., 1994. № 1.; *Желицки Б.Й.* Будапешт – Москва: год 1956-й // Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. – М., 1995.; *Стыкалин А.С., Орехова Е.Д.* Венгерские события 1956 года и позиция руководства СССР (по материалам ЦХСД) // Славяноведение. – М.,

1994, № 3; *Стыкалин А.С.* 1956-й: XX съезд и «венгерские события» // Свободная мысль. 1996. № 10. С. 101–114; Он же. В преддверии взрыва. Углубление политического кризиса в Венгрии и политика СССР (март–октябрь 1956 г.) // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран / Под ред. Ю.С. Новопашина. – М., 1997. С. 38–68; Он же. Об одном из свидетельств о венгерской революции 1956 года (В.А.Крючков и его воспоминания) // Славяноведение, 1998. № 4. С. 75–82; Он же. Публицистика венгерской революции 1956 года. Часть 1. Канун восстания // Вестник МГУ. Сер. 10. Журналистика. 1998. № 3. С. 62–78. Часть 2. 12 дней «будапештской осени» (23 октября – 3 ноября) // Там же. 1999. № 1. С. 75–92; Он же. Еще раз о трактовке венгерских событий 1956 года // Вопросы истории. 1998, № 10. С. 172–175; Он же. Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь – декабрь 1956 года) // Славяноведение. 2000 № 1. С. 70–81.

¹⁸ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. – М.: Московские новости, 1999. Кн. 3.

¹⁹ *Малашенко Е.И.* Особый корпус в огне Будапешта // Военно-исторический журнал. – М., 1993, № № 10–12; 1994, № 1.

²⁰ См.: *Горелик К.* Спустя полвека Россия возвращается к советской трактовке венгерских событий. Политический ли это заказ? // Радио «Свобода», 2006, 11 ноября.

²¹ *Мусатов В.Л.* Трагедия Имре Надя // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 167. См. также: Агент «Володя». Неизвестные факты из биографии Имре Надя // Источник. Документы русской истории. Приложение к журналу «Родина». 1993, № 1. С. 71–72.

²² См.: *Стыкалин А.С.* Имре Надь: своевременная биография // Неприкосновенный запас, 2007, № 6. Данная статья представляет собой рецензию на книгу венгерского историка Яноша Райнера «Имре Надь – премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография» (М.: Логос, 2006).

Глава 2

СОВЕТСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИЮ В 1968 ГОДУ

В западной историографии распространено мнение, что советская интервенция в Чехословакию в 1968 году не только не вызвала серьезного ухудшения отношений между СССР и странами НАТО, но, наоборот, ускорила наступление в отношениях между Востоком и Западом периода так называемой «разрядки напряженности», основанной на признании существовавшего в Европе территориального статус-кво и началом осуществления Германией при канцлере Вилли Брандте «новой восточной политики». Советское руководство во главе с М.С. Горбачевым пришло к аналогичному выводу только в конце 1989 года.

Как и в случае двух других советских военных интервенций, наиболее популярной темой в связи с Чехословакией-1968 также является изучение механизма принятия решений в Кремле. В современной чешской, словацкой, восточноевропейской и западной и западной историографиях господствует точка зрения, согласно которой ввод войск Варшавского договора в Чехословакию, будто бы осуществленный по просьбе отдельных чехословацких коммунистов для защиты социалистических завоеваний, в действительности являлся актом вероломной, неспровоцированной агрессии, способствовавший прекращению реформ А. Дубчека и возвращению к руководству консервативных сил.

Как подчеркивает Дж. Гранвилл, внешне, с позиций советского руководства, казалось, что ситуация в Чехословакии не требовала

принятия срочных решений по сравнению с ситуацией, которая была в Венгрии, так как Дубчек не угрожал выходом из Варшавского Договора. Но, возможно, самой большой опасностью для советского руководства была боязнь возможного «распространения заразных идей» на Украине и в других странах Восточной Европы, а также на видных представителей советской интеллигенции¹.

Российский историк Н.И. Глазунова еще в 1991 году охарактеризовала чехословацкие события как неправомерное вмешательство СССР во внутренние дела Чехословакии, подрывавшее международный престиж СССР и социалистической идеологии². Для И.И. Орлик ввод войск ОВД в Чехословакию укрепил значение, авторитет и позиции НАТО в Европе, способствовал сплочению членов этого блока; были заморожены планы сокращения вооружённых сил в Западной Европе: выросли военные бюджеты стран НАТО; под сомнение были поставлены предложения СССР и его партнёров по ОВД о проведении Совещания по европейской безопасности; глубокие и необратимые последствия августа 1968 года ощутили международное коммунистическое движение и мировая социалистическая система³.

Здесь необходимо оговориться, что все эти негативные последствия могли иметь значение для Брежнева и его соратников только в том случае, если бы они действительно ценили ослабление НАТО или, например, сокращение ракетно-ядерных вооружений больше чем стабильность так называемого «социалистического лагеря» или прочность своего контроля над государствами Восточной Европы. В реальности, однако, Брежнев гораздо больше был озабочен стабильностью соцлагеря, которую он понимал как следование всеми партнерами по Варшавскому договору советской модели государственного и общественного устройства, и опасениями, что «пражская весна» может взорвать обстановку не только в Восточной Европе, но и в СССР. Отношения с НАТО и США были для него только средством сохранения стабильности, так, как он ее понимал.

Как пишут авторы книги «Россия (СССР) в локальных войнах и вооружённых конфликтах второй половины XX века», исходя

из возможности существования различных моделей социализма, кризисы типа чехословацкого были имманентны социалистической системе и возникали с известной периодичностью, отражая цикличность её развития. Но советские лидеры, подчёркивают авторы, рассматривали их через призму «холодной войны» как результат активизации местных «контрреволюционных сил» или происков «международного империализма»; Кремль не имел опыта компромиссов для улаживания разногласий с союзниками по блоку, что и предопределяло использование силового механизма, свойственного данной модели социализма⁴.

Однако дело не в отсутствии опыта компромиссов, а о принципиальном нежелании советского руководства достигать сколько-нибудь существенных компромиссов со своими восточноевропейскими союзниками. Поэтому при возникновении серьёзных идеологических разногласий Кремль предпочитал прибегать к силовым методам, предварительно заручившись обещанием о невмешательстве со стороны США и других ведущих государств НАТО. Москва также старалась готовить надежные кадры внутри страны, которые могли бы под защитой советских штыков быстро перенять власть у ненадежных реформаторов. В Венгрии в 1956 года это удалось сделать сразу же, сформировав правительство Я. Кадара, которое задним числом и пригласило в страну советские войска для «подавления контрреволюционного мятежа». А вот в Чехословакии не удалось сразу же отстранить от власти Дубчека и его команду. Этот процесс растянулся почти на год, так что в качестве формального основания для ввода войск в Чехословакию пришлось удовлетвориться письмом-приглашением нескольких видных членов КПЧ. О содержании этого письма впервые подробно написал бывший глава коммунистов Украины и бывший член Политбюро П.Е. Шелест. Это письмо «группы чехословацких товарищей», которое, конечно же, нельзя считать юридически обязывающим документом, было инициировано П.Е. Шелестом и передано ему через сотрудника КГБ вечером 3 августа 1968 года. 19 подписантов просили советских товарищей преградить путь контрреволюции, не допустить гражданской войны и кровопролития. Утверждалось, что в КПЧ и стране верх

берут правые элементы, а против «честных коммунистов» развязан политический и моральный террор. Поэтому завоевания социализма находятся в опасности, в стране царит антисоветский разгул, экономика и политика Чехословакии полностью сориентированы на Запад, в стране тревожная и сложная обстановка, и в случае необходимости СССР просто обязан вмешаться. В письме высказывалась просьба, чтобы СССР в случае необходимости вмешался. Письмо подписали Индра, Биляк, Кольдер, Барбирек, Калек, Риго, Пилер, Швестка, Кофман, Ленарт, Штроугал. После «бархатной революции» их даже пытались привлечь к ответственности за это письмо-приглашение, но дело закончилось ничем⁵.

Показательно, что эксперт НАТО Д. Флойд расценивал советскую оккупацию как «преимущественно оборонительную меру в том смысле, что через ее посредство стремились восстановить утраченный военный контроль над страной и предотвратить дальнейшие потери. Непохоже, чтобы эта акция стала первым шагом к расширению советской сферы влияния в Европе»⁶.

Как отмечает Р.Г. Пихоя, вскоре после прихода к власти в Чехословакии А. Дубчека на заседании Политбюро А.Н. Шелепин заявил: «Чехословакию мы никому не отдадим... Верно, что Новотного не спасешь, но надо, пока есть Новотный, Ленарт, Ломский, чтобы до пленума обратились к нам за помощью, чтобы у нас эта просьба была. А что им помочь надо – это ясно. Эта помощь отрезвит всех, прежде всего наших врагов». В то же время Брежнев, побывав в Чехословакии в декабре 1967 года, дал добро на замену А. Новотного А. Дубчеком, заявив руководителям КПЧ: «Это ваше дело»⁷.

Р.Г. Пихоя доказывает, что в 1968 году в Чехословакии «не оправдались планы поддержки войск союзников “здоровыми силами” в КПЧ.

Как выяснилось, их предложения применить методы “февраля 1948 г.” не имели под собой никакой реальной почвы»⁸.

Бывший глава российских архивов считает, что тот факт, что многотысячная толпа возмущенных чехов словаков окружила 21 августа, в день советского вторжения, советское консульство в Братиславе, демонстрирует принципиальную перемену в отноше-

нии населения Чехословакии к СССР. Теперь советские танки выстрелами вверх разгоняли людей. Подрывалась вера в возможность реформирования социализма. Наносился удар по традиционной дружбе между советским народом и народами Чехословакии. Советский Союз приобрел репутацию оккупанта.

25 сентября 1968 года в газете «Правда» была опубликована статья С. Ковалева «Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран». Считается, что именно в этой статье была сформулирована «доктрина Брежнева», ограничивающая суверенитет социалистических стран и подвергшаяся критике на Западе, в том числе в руководстве ряда европейских компартий, а также в Китае, Албании, Югославии и Румынии. В статье, в частности, утверждалось: «Народы социалистических стран, коммунистические партии, безусловно, имеют и должны иметь свободу для определения путей развития своей страны... Никто не вмешивается в конкретные меры по совершенствованию социалистического строя в различных странах социализма. Но мировой социализм как социальная система является общим завоеванием трудящихся всех стран, он неделим, и его защита – общее дело всех коммунистов, всех прогрессивных людей земли, в первую очередь трудящихся социалистических стран... Коммунисты братских стран, естественно, не могли допустить, чтобы во имя абстрактно понимаемого суверенитета социалистические государства оставались в бездействии, видя, как страна подвергается опасности антисоциалистического перерождения».

Генерал С.М. Золотов, участвовавший во вторжении в Чехословакию в 1968 году, приводит в своих мемуарах слова Л. Свободы, адресованные им советскому руководству в марте 1968 года, сразу после его вступления в должность президента Чехословакии: «...Я хотел бы воспользоваться случаем, чтобы заверить Вас в том, что чехословацкий народ никогда не забудет решающего участия братских народов Советского Союза в его освобождении от гитлеровского фашизма. Мы будем и впредь укреплять наши союзничество и дружбу с Советским Союзом и углублять всестороннее сотрудничество...»⁹.

Сам С.М. Золотов так расшифровывает термин «интернациональный долг», для выполнения которого, как убеждала советская пропаганда, войска Варшавского договора и вошли в Чехословакию: «Сегодня очевидно, что под этим термином подразумевалась защита геополитических интересов Советского Союза и стран Варшавского Договора, обусловленных идеологическим, политическим и военным противоборством с США и странами НАТО в ходе “холодной войны”. Можно спорить о целесообразности ввода в ЧССР союзных войск, и о необходимости оставлять советский воинский контингент более чем на двадцатилетний срок. Несомненно одно: выполняя решение политического и государственного руководства СССР, советские воины сделали все, чтобы с честью выполнить возложенные на них задачи, сохранить традиционно добрые отношения народов-соседей, народов-братьев»¹⁰. Характерно то, что даже высокопоставленные участники чехословацкой интервенции сегодня не рискуют говорить об ее оправданности и повторять основные тезисы советской пропаганды об опасности проникновения в Чехословакию сил НАТО.

Примечательно, что Хрущев в мемуарах рассказал, как в начале 1950-х годов Сталин предлагал Готвальду ввести советские войска в Чехословакию для защиты от возможной американской агрессии: «Готвальд на идею Сталина отреагировал так: «Товарищ Сталин, ни в коем случае нельзя вводить войска СССР в Чехословакию, потому что это испортит всю “кашу” и создаст невероятные трудности для нашей Коммунистической партии. Сейчас отношение к Советскому Союзу у чехов и словаков очень хорошее. Если будут введены войска, возникнет новое положение: мы как бы перестанем являться независимым государством. Ранее мы зависели от немцев, будучи в составе Австро-Венгрии и Германии. И опять утрата свободы? Я очень прошу не делать этого. Вот если будут нарушены американцами наши границы, тогда другой вопрос. Пока же этого нет, прошу войска не вводить». И Сталин согласился. Он тогда прощупывал, как станет реагировать Готвальд. А у него самого твердое решение еще не созрело, поэтому он ничего и не предпринял. Я полагаю, что это был пра-

вильный поступок, иначе советско-чехословацкой дружбе мог бы прийти конец».

В связи с этим Хрущев резко осудил ввод советских войск в Чехословакию в 1968 году, считая, что Брежнев совершил ту ошибку, которой избежал Сталин¹¹.

Также А.Д. Чернев, современный российский исследователь-архивист, утверждает: «Четверть века назад, в августе 1968 г., войска пяти стран-участниц Варшавского Договора – Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и СССР – вступили на территорию Чехословакии, оккупировав все ее области и города, включая Прагу и Братиславу. Гусеницами танков и сапогами солдат были раздавлены робкие цветы “пражской весны”, и в Восточной Европе возторжествовал “порядок”, плоды которого народы пожинают по сей день. Предприняв этот шаг, руководители СССР и стран – его союзников утратили еще одну возможность попытаться реформировать систему, превратить казарменное, тоталитарное общество в “социализм с человеческим лицом”»¹².

Чернев также полагает, что вплоть до середины августа 1968 года советское руководство еще не приняло решение о военной интервенции Чехословакии. Главной причиной интервенции была не просьба отдельных представителей компартии и народа Чехословакии, так называемых «здоровых сил», а из боязни, что реформаторы, пытающиеся построить «социализм с человеческим лицом», подадут дурной пример не только другим европейским соцстранам, но и советскому населению¹³.

По мнению генерала армии А.И. Грибкова, бывшего начальника штаба Объединённого командования вооружёнными силами Варшавского договора (ОВС БД), Москва опасалась, что в случае удачи чехословацкого эксперимента может начаться «цепная реакция» в других странах ОВД. Более того, советское руководство отчётливо представляло, что даже элементарная самостоятельность Чехословакии неизбежно приведёт к уязвимости в военном отношении границ с НАТО¹⁴.

Сам А. Дубчек настаивал в предисловии к книге чешско-американского историка Иржи Валенты, вышедшей уже после «бархатной революции» в Чехословакии, что принятая им тактика не

оказывать вооруженного сопротивления интервентам была правильной, и как раз вооруженного сопротивления ожидала от сторонников пражской весны советская сторона, рассчитывая, что тем легче удастся дискредитировать чехословацких реформаторов социализма. Он справедливо заметил, что «военная интервенция была откровенным нарушением принципов, так часто провозглашавшихся СССР – принципов невмешательства во внутренние дела других государств и невозможности экспортировать ни революцию, ни контрреволюцию. Агрессивное военное вторжение надолго оставило след не только в чехословацком обществе, которое не смогло простить интервенцию и ожесточилось по отношению к тем, кто явился ее причиной»¹⁵.

Сам И. Валента отмечал: «Прошло только семнадцать дней после, казалось бы, успешных переговоров с чехословацким руководством в Чиерне-над-Тиссой и Братиславе, и ситуация в Чехословакии выглядела стабильной. Решение советского руководства применить военную силу в момент, когда в Чехословакии не происходило каких-либо драматических перемен, у многих наблюдателей вызвало серьезные сомнения относительно предсказуемости советского поведения в возможных кризисных ситуациях в будущем. Последствия интервенции оказались весьма ощутимыми для позиций Советского Союза в мировой политике, и во многих столицах, в частности стран Западной Европы и Китая, хорошо помнили о вторжении и через десять лет»¹⁶.

Сравнивая советские и американские интервенции после Второй мировой войны, Валента приходит к выводу, что советские интервенции фактически превращались в бессрочные оккупации соответствующих стран с целью превращения их в своих сателлитов и установления политического контроля над их правительствами. Напротив, американские интервенции ни в одном случае не преследовали целей установления долгосрочного контроля над странами и территориями¹⁷.

И. Валента также был убежден, что в случае с Чехословакией СССР волновало не то, что эта страна может покинуть Варшавский договор, как это сделала Венгрия при И. Наде, поскольку Дубчек во внешнеполитическом плане демонстрировал полную

лояльность. Москву волновало то, что демократизация общественной жизни и отмена цензуры могут подать дурной пример как другим странам Восточной Европы, так и советскому населению¹⁸. По его мнению, «Кремль не понимал, что ленинизм совершенно не подходит к условиям Центральной Европы. До самого последнего времени советская политическая жизнь в основе своей опиралась главным образом на деспотизм, характерный для татарского и царистского правления, и на мессианские притязания византийских и ленинистских догм. Напротив, страны Центральной Европы унаследовали преимущественно западные политические и культурные традиции, и все они в то или иное время имели какую-то практику конституционного правления»¹⁹.

Российский исследователь М.В. Латыш уверен, что обращение к подавлению «пражской весны» и истокам «нормализации» способствует пониманию того, почему с такой легкостью «бархатная революция» 1989 года смела режим Гусака-Якеша. Тогда в 1968 году советские танки привели к власти в Праге правящую элиту, которой суждено было с небольшими персональными изменениями продержаться двадцать лет и уйти своим национально обусловленным путем, когда Москва перестала ее поддерживать²⁰. На основе изучения американских архивов автор также делает вывод, что американское правительство считало чехословацкую проблему второстепенной, отдавая приоритет поддержанию стабильности в Европе и советско-американским переговорам об ограничении стратегических вооружений²¹. По заключению М.В. Латыша, «к августу 1968 г. советские лидеры сами загнали себя в положение, когда каждый последующий шаг ставил их в заведомо невыгодное положение и требовал эскалации напряженности до ее логического завершения – военной акции. Окончательное решение о вводе войск было принято на расширенном заседании Политбюро ЦК КПСС ориентировочно 16 августа и получило одобрение остальных лидеров компартий и государственных участников вторжения на встрече в Москве 18 августа 1968 года»²².

Похожей точки зрения придерживается российский политолог Ф. Лукьянов: «Советские танки на улицах Праги в августе 1968-го

перечеркнули то, на чем хотя бы отчасти основывался прежний авторитет Москвы: май 1945-го – ореол СССР как освободителя Восточной Европы от нацизма. Если в Будапеште 1956-го еще можно было говорить о вооруженном мятеже “антисоциалистических сил”, против которого пришлось применять силу, то в Праге-68 была раздавлена мирная попытка реформирования социализма»²³.

Аналогичной точки зрения придерживается историк А.И. Фурсов: «17 августа, по-видимому, уже полностью дезориентированный Дубчек упустил два последних шанса избежать военного решения вопроса. В тот день с ним встретился Янош Кадар – единственный восточноевропейский лидер, которого уважали “реформаторы”. Гомулку и Ульбрихта они считали старыми, враждебно настроенными маразматиками, а Живкова – просто дураком. Кадар в осторожных выражениях предупредил Дубчека о неизбежности ввода войск ОВД, если ситуация в ЧССР не изменится. Дубчек не понял или не захотел поверить.

В тот же день он получил письмо от Брежнева, в котором тот предостерегал его от негативного развития ситуации и предлагал (!) вернуться за стол переговоров. Дубчек ничего не ответил. 18 августа советским руководством было резонно принято окончательное решение о проведении операции “Дунай” – вводе войск в Чехословакию»²⁴.

Фурсов подчеркивает, что чехи и словаки еще «в далеком 1918 году... полагали, что могут научить русских тому, что есть настоящий, цивилизованный социализм. Полвека спустя, в 1968 году, и “дубчечковцы”, и “прогрессисты” тоже полагали, что могут продемонстрировать остальному соцлагерю, в том числе русским, то, что есть настоящий – “с человеческим лицом” – социализм, или “нормальная” (читай: буржуазно-мещанская) жизнь в умеренно сытой центрально-европейской стране. При этом они мерили на свой лилипутско-европейский лад и масштаб евразийского гиганта с его проблемами и его трагической, анти-мещанской историей, не понимая ни России, ни Запада и близи-руко не замечая реальных угроз»²⁵. Таким образом, модель «со-

циализма с человеческим лицом» признается подходящим для Чехословакии, но не для России-СССР.

Как нам представляется, учитывая, что уже 3 августа в Политбюро ЦК КПСС получили письмо «здоровых сил» с просьбой о вводе войск, вопрос о вторжении был решен уже после совещания в Чиерне-над-Тиссой 30 июля, на котором Брежнев убедился, что Дубчек не собирается сворачивать реформы, а В. Биляк получил одобрение своей инициативы о письме «группы чехословацких товарищей» в ЦК КПСС.

Позднейшие советско-чехословацкие коммюнике об урегулировании разногласий, как кажется, были всего лишь акцией прикрытия, призванной усыпить бдительность Дубчека и его соратников. Получать такое письмо, если вторжение не планировалось, было не только глупо, но опасно. Ведь стань о нем известно в случае, если бы вторжения не последовало, вся промосковская группировка фактически теряла какое-либо политическое значение.

В целом же приходится констатировать отсутствие не только сколько-нибудь существенных разногласий по поводу чехословацкой интервенции между российскими и зарубежными исследователями, но и отсутствие таких разногласий внутри российского исторического сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гранвилл Дж. К. Советские военные интервенции в Венгрии, Чехословакии и Афганистане. С. 12.

² Очерки истории XX века. Ч. II. – М.: КМП «Факел», 1991. С. 130.

³ Орлик И.И. Запад и Прага в 1968 г. По документам министерства иностранных дел Чешской Республики // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 11.

⁴ Россия (СССР) в локальных войнах и вооружённых конфликтах второй половины XX века / Под ред. В.А. Золотарёва. – М.: Кучково поле. 2000. С. 156.

⁵ Шелест П.Е. ...Да не судимы будете. Дневниковые записи, воспоминания члена Политбюро ЦК КПРС. – М., 1995. С. 347–351, 383–385.

⁶ Цит. по: Латыш М.В. «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. – М., 1998. С. 305.

⁷ *Пихоя Р.Г.* Чехословакия, 1968 г. Взгляд из Москвы. По документам ЦК КПСС//Новая и новейшая история, 1994, № 6. С. 35.

⁸ Там же. С. 36.

⁹ *Золотов С.М.* Шли на помощь друзьям // ВИЖ. 1994. № 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть. – М.: Московские новости, 1999. Кн. 3. С. 158.

¹² «От правды никуда не уйдешь...» (Новые документы о событиях в Чехословакии 1968 г.) // Кентавр, 1993, № 5. См. сходную точку зрения: *Шинкарев Л.И.* Я это все почти забыл. Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. – М.: Собрание, 2008.

¹³ «От правды никуда не уйдешь...» (Новые документы о событиях в Чехословакии 1968 г.).

¹⁴ *Грибков А.И.* Судьба Варшавского Договора: Воспоминания, документы, факты. – М.: Русская книга, 1998. С. 116. 117.

¹⁵ *Дубчек А.* Предисловие // *Валента И.* Советское вторжение в Чехословакию, 1968: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991. С. 6.

¹⁶ *Валента И.* Советское вторжение в Чехословакию, 1968. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 14.

¹⁸ Там же. С. 19.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ *Латыши М.В.* «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. – М., 1998. С. 3.

²¹ Там же. С. 8.

²² Там же, 304.

²³ *Лукьянов Ф.* Добро с кулаками: 1968 год и мировая политика // Неприкосновенный запас, 2008, № 4.

²⁴ *Фурсов А.И.* Чехословакия-68 и вокруг. Размышления историка 40 лет спустя // Политический класс, 2008, № 8. С. 41.

²⁵ *Фурсов А.И.* Чехословакия-68 и вокруг. Размышления историка 40 лет спустя // Политический класс, 2008, № 9. С. 106.

Глава 3

ВВОД СОВЕТСКИХ ВОЙСК В АФГАНИСТАН В 1979 ГОДУ

Обращаясь к анализу советской военной интервенции в Афганистан в 1979–1989 годах, полезно кратко вспомнить советскую интервенцию в эту страну, случившуюся полувеком ранее, в 1929 году. Тогда поднялось восстание против дружественного Советскому Союзу эмира Амануллы-хана, и власть захватил исламист Бачаи Сакао, бывший офицер эмирской гвардии, который принял имя Хабибуллы-хана. Силы, верные Аманулле, обосновались в Кандагаре. 14 апреля 1929 года призванный помочь им 2-тысячный отряд советских войск, переодетых в афганских эмигрантов (в их рядах было некоторое число хазарейцев из Афганистана), вторгся в Афганистан. Советским отрядом командовал бывший советский военный атташе в Кабуле В.М. Примаков, принявший имя Рагиб-бей. Советские войска смогли занять Мазари-Шариф, но дальше не продвинулись и даже подверглись осаде превосходящих по численности афганских сил. Примаков вынужден был телеграфировать в Москву: «Операция задумывалась, как действия небольшого конного отряда, который в процессе боевой работы обрстет формированиями, но с первых дней пришлось столкнуться с враждебностью населения». 18 мая Примакова во главе отряда сменил Али-Авзаль-хан (А.И. Черепанов). В конце мая силы Амануллы на юге потерпели поражение, и бывший эмир покинул Афганистан. 28 мая 1929 года было приказано отступить и отряду Черепанова. После этого в штабе Среднеазиат-

ского ВО продолжали разрабатывать планы операций по борьбе с Бачаи Сакао. Предполагалось либо возвращение Амануллы при сохранении независимости Афганистана, либо создание на севере страны марионеточной республики с дальнейшим ее присоединением к Советскому Союзу. Однако в октябре 1929 года Хабибулла-хан был свергнут, и от этих планов отказались¹.

В данном случае действия отряда Примакова – Черепанова не были направлены на советизацию Афганистана, а лишь на сохранение там у власти дружественного СССР правителя, который никаких социалистических преобразований не проводил. Последующие планы, очевидно, предусматривали советизацию всего Афганистана или его части, но дальше планов дело в тот момент не пошло.

В отличие от интервенции 1929 года интервенция 1979 года была направлена на сохранение в стране коммунистического режима, который неудачно пытался советизировать страну и столкнулся со значительным вооруженным сопротивлением.

Российские и западные историки согласны между собой в том, что ввод советских войск в Афганистан в 1979 году представлял собой реализацию «доктрины Брежнева» об ограниченном суверенитете стран, входящих в советскую сферу влияния. Также существует практически полное согласие в том, что предлоги, которыми советская пропаганда оправдывала «ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан», не выдерживают никакой критики, особенно при изучении советских документов, обнародованных на исходе перестройки и в постсоветское время. Сегодня в России уже практически никто не сомневается, что у США не было планов вторжения в Афганистан в 1979 году, и что советские войска никак не призваны были опередить американцев в этой стране. Также никто из историков, российских и западных, всерьез не рассматривают версию о том, что тогдашний президент Афганистана Хафизулла Амин был агентом ЦРУ. Российские историки теперь признают, что ввод советских войск в Афганистан начался с абсолютно противозаконного акта – со штурма дворца Амина и убийства афганского президента, его семьи и охраны.

Как известно, ввод советских войск в Афганистан 27 декабря 1979 года привел к резкому обострению «холодной войны» и стал символом эскалации международной напряженности. Афганская война, в конечном счете, способствовала распаду СССР.

В советское время отношение к действиям советских войск в Афганистане делилось на три периода: замалчивания, героизации и критики. Как отмечает российский исследователь Н.Ю. Данилова, «в ходе перестройки политика замалчивания сменяется политической героизации действий участников Афганской войны. В репортажах описываются мужество и героизм солдат, подчеркивается романтика военных будней, значимость интернациональной помощи афганскому народу. Воины-“афганцы” наделяются новым, “революционным взглядом”, который должен помочь им стать активными участниками реформирования советского общества. Однако героическая риторика сравнительно быстро вытесняется критикой действий советских войск в Афганистане»².

В постсоветской историографии тенденции героизации и критики сосуществуют друг с другом. При этом героизация касается прежде всего действий военных, как рядовых, так и офицеров и генералов, а критика касается главным образом политического руководства, избравшего неверную стратегию и допустившего целый ряд конкретных ошибок. Героизация армии в афганской войне попала в общую тенденцию героизации советских вооруженных сил, начавшуюся со второй половины 1990-х годов.

Как пишет Дж. Гранвилл по поводу советского вторжения в Афганистан, «несмотря на то, что те, кто принимали это решение, сделали целый ряд разоблачающих заявлений, что стало возможно во времена политики гласности... до сих пор осталось достаточно много тайн вокруг советского подхода к принятию решений по вопросам государственной безопасности. Более того, в 1979 году – также как и в 1956 и в 1968 – в период государственного кризиса сработала уже знакомая тенденция к сокращению группы лиц, принимающих решения на высшем уровне, и, следовательно, узкие интересы исчезли на этом фоне. Представляется, что этот факт в дальнейшем оправдывает использование модели рационально действующего субъекта». Она также отмечает,

что на Западе существуют две основные теории советского вторжения в Афганистан.

Согласно одной из теорий, вторжение было организовано почти спонтанно, поскольку развитие событий в Афганистане, выразившееся в приходе к власти НДПА и ее последующая слабость в борьбе с исламским восстанием. Другая теория рассматривает вторжение в Афганистан как часть советской «большой стратегии» по прорыву к Индийскому океану и Персидскому заливу. Сама Дж. Гранвилл полагает, что нельзя отдать предпочтение ни одной из теорий, но что обе теории, во всяком случае, остаются в рамках объяснения поведения советских руководителей с точки зрения рациональности, даже несмотря на то, что советские руководители могли недооценить трудности ведения войны в Афганистане и силу исламского сопротивления³.

На наш взгляд, в случае с Афганистаном обе теории могут своеобразно дополнять одна другую. Разумеется, вплоть до второй половины 1979 года Москва не собиралась вводить свои войска в Афганистан, учитывая все негативные последствия этого шага, в том числе для процесса разрядки международной напряженности. Только тогда, когда стало ясно, что коммунистическое правительство Афганистана не справляется с партизанским движением, и что в рядах этого правительства нарастает фракционная борьба, было решено ввести войска. При этом был расчет, что с ситуацией, как и в Венгрии и Чехословакии, удастся справиться быстро, максимум в течение года, и кровопролитная девятилетняя война стала для Кремля весьма неприятной неожиданностью.

Как отмечает Дж. Гранвилл, «Афганистан формально являлся неприсоединившимся государством и не входил в советский блок. Фактически, советские сухопутные силы впервые со времен второй мировой войны были использованы вне его пределов на уровне дивизий. (Отборные боевые части, однако, и ранее посылались в такие страны третьего мира, как Египет, Эфиопия и Южный Йемен). Кроме того, Афганистан, в отличие от Венгрии и Чехословакии, являлся исламской страной. Все перечисленные выше различия позволяют предположить, – наряду с другими обстоятельствами, – что советское руководство было достаточно

уверено в эффективности того решения, которое было принято в 1979 году. Возможно, оно видело очень много сходства между этим шагом и теми удачными интервенциями, которые были осуществлены ранее в Восточной Европе, и в этой связи проигнорировало или оказалось неспособным собрать об Афганистане достаточную и жизненно важную информацию»⁴.

При этом, вторгаясь в страну, обладавшую нейтральным статусом и трудными для европейцев условиями жизни и ведения боевых действий, «Брежнев сознательно пошел на большой риск, чем тот, на который он решился в 1968 году или Хрущев в 1956»⁵. По мнению Гранвилл, неудачная интервенция в Афганистане стала для бывшего Советского Союза одной из самых больших удач за всю его историю. Эта авантюра, начавшаяся в 1979 году, по иронии судьбы, оказалась «катализатором позитивных по своей сути, хотя и болезненных изменений, происходящих в политической и экономической жизни России, а, возможно, в несколько меньшей степени, и всего Содружества независимых государств»⁶.

С этим мнением, безусловно, можно спорить. Вряд ли справедливо считать афганскую войну главной причиной перестройки. Кризис Советского Союза к середине 80-х годов XX века носил глубокий и системный характер. К приходу к власти Горбачева интервенция в Афганистане не имела никакого отношения, а сам факт перестройки и ее ход в первую очередь определялись личностью Горбачева. Перестройка началась бы и без афганской войны. Также нельзя сказать, что потери в афганской войне и отвлечение в Афганистан 100-тысячного ограниченного контингента имели катастрофические последствия для социально-экономической обстановки в стране, тем более, что величина потерь тщательно скрывалась да и сейчас все еще является предметом споров.

Как считает Дж. Гранвилл, причины устранения президента Афганистана Х. Амина заключались в том, что «кремлевское руководство обнаружило, что эти местные лидеры (такие, как Хафизулла Амин) могут ловко использовать советскую военную помощь и одновременно постоянно противиться воле СССР»⁷. Но

позднейшие свидетельства и исследования российских историков показали, что Х. Амин был убит только потому, что без позволения Кремля сверг и убил своего предшественника на посту президента Нур Мухаммеда Тараки, на которого Москва делала основную ставку. Измышления о связях Амина с ЦРУ понадобились чисто в пропагандистских целях.

Бельгийский исследователь Эрик Давид, оценивая международно-правовой аспект советского вторжения в Афганистан, отмечал, что «это был международный военный конфликт, потому что СССР оккупировал военными средствами часть территории Афганистана, что согласно статье 2-ой, часть 2-я Женевских конвенций 1949 года, влечет за собой применение всей совокупности положений этой конвенции». Однако СССР отрицал, что его действия в Афганистане подпадают под определение международного военного конфликта, и когда Международный комитет Красного Креста обратился к Москве с просьбой допустить в зону конфликта представителей МККК, то ему было сказано, что обращаться надо к афганским властям, поскольку Советский Союз не является стороной конфликта. Афганские же власти отказывались принять представителей МККК, утверждая, что конфликт в стране носит внутренний, а не международный характер⁸.

В то же время, советская пропаганда пыталась представить действия Советской Армии в Афганистане как интернациональную помощь афганскому правительству в отражении внешней агрессии со стороны Пакистана, США и Ирана, таким образом, фактически настаивая на международном характере афганского конфликта.

Тот факт, что при вторжении советские войска убили президента Х. Амина, который будто бы и пригласил их в Афганистан, быстро стал известен в мире и лишил пребывание советских войск в Афганистане хоть какой-то легитимности. Убийство афганского президента Х. Амина ныне расценивается как преступление и российскими историками. Так, в издательском предисловии к русскому переводу книги швейцарских исследователей Пьера Аллана и Дитера Клея «Афганский капкан. Правда о со-

ветском вторжении» отмечалось: «Зная теперь о ее обстоятельствах, эту акцию иначе как кровавым злодеянием не назовешь»⁹.

Как полагает российский историк, академик Г.Н. Севастьянов, после того, как Амин занял все высшие посты в государстве, по стране прокатилась волна массовых репрессий. Новый правитель Афганистана встал на путь установления тоталитарной диктатуры, преследования и уничтожения своих противников. Был провозглашен лозунг: нравственно все, что выгодно для революции. После того, как посол Пузанов заявил решительный протест против проводимых незаконных репрессий, ему было предложено покинуть страну¹⁰. Тем самым историк как бы пытается оправдать решение Кремля уничтожить Амина.

Но в действительности режим Амина принципиально не отличался от режима Тараки и точно так же проводил политические репрессии, не пользуясь поддержкой в народе. Посол А.М. Пузанов действительно был отозван, но это было сделано по требованию Амина потому, что он подозревал посла в организации неудавшегося покушения на него, которое и спровоцировало свержение и последующее убийство Тараки.

Судя по всему, решение о вторжении было принято вскоре после убийства Тараки. Уже 22 сентября, вскоре после прихода к власти Амина, американская разведка обнаружила проведение активных мобилизационных мероприятий к северу от Аму-Дарьи¹¹.

Г.Н. Севастьянов и некоторые другие историки также полагают, что советское руководство действительно опасалось переориентации Амина на США, что и предопределило его свержение и ввод советских войск¹². Широко распространено мнение, что советские военные, даже после 8 декабря были категорически против ввода советских войск, но вынуждены были выполнить приказ политического руководства¹³. Однако здесь историки вынуждены опираться на воспоминания советских генералов, которые публиковались уже после вывода советских войск из Афганистана и краха СССР.

Историк и журналист И.П. Беляев считает, что одной из причин ввода советских войск в Афганистан стала личная обида Брежне-

ва на Амина за убийство Тараки, которому Леонид Ильич доверял¹⁴. На наш взгляд, такой мотив, если и существовал, то он не играл главной роли в принятии решения о вводе войск, равно как не мог быть решающим фактором тот хорошо известный факт, что Амин учился в США, а после свержения Тараки имел беседу с американским послом. Главным фактором принятия решения об интервенции стало осознание опасности свержения коммунистического режима партизанами-моджахедами и угроза получить у самых советских границ государство, контролируемое исламистами, к тому же, как полагали в Москве, тайно поддерживаемых США.

Попытки Москвы оправдать посылку войск в Афганистан ссылкой на ст. 51 Устава ООН, предусматривающую право государств на индивидуальную и коллективную самооборону, не встретили понимания в мире. Утверждения советской стороны о том, что Афганистан подвергся «косвенной агрессии» со стороны США, Пакистана и Ирана, не вызывали доверия у мировой общественности, тем более, что понятие «косвенная агрессия» не имеет четкого юридического определения, и под нее при желании можно подвести любые действия. Как отмечают П. Аллан и Д. Клей, «меры по пропагандистскому обеспечению акции в Афганистане предусматривали, что основой для вторжения стало обращение афганского руководства к Советскому Союзу с просьбой о помощи»¹⁵.

Однако этот посыл не работал, поскольку было хорошо известно, что якобы обратившийся за помощью Амин был убит советскими военнослужащими. Утверждать же, что советские войска пришли в ответ на призыв Тараки, было бессмысленно, потому что Москва после свержения Тараки признала Амина и имела с ним дело. Швейцарские исследователи П. Аллен и Д. Клей полагают, что убийство Н. Тараки Х. Амином и реальные опасения Москвы, что он может переориентироваться на американцев, послужили основной причиной решения о вводе советских войск в Афганистан: «Москва боялась потерять контроль над ситуацией после прихода Амина к власти. Обстоятельства убийства Тараки, обращение со старыми товарищами-револю-

ционерными, преданными Советскому Союзу, и налаживание контактов с американцами и представителями мусульман вызвали странное впечатление. С точки зрения Москвы, было несущественно, реагировали ли американцы на такие попытки Амина положительно или, что и имело место, не шли на контакты с ним. Для принятия решений играли определяющую роль одни лишь сообщения из Кабула и проистекавшая отсюда субъективная картина. Указание на Кармаля и Сарвари означало констатацию того факта, что удовлетворяются не только просьбы старого правительства о военной помощи, высказанные Тараки и Амином. Эти прежние просьбы пришлись весьма кстати, как оправдание. Москва сделала ставку на Кармаля, который, вероятно, не мог высказать такую просьбу, еще не будучи главой государства. Он прибыл в Кабул только после расстрела Амина»¹⁶.

В обоснование этого тезиса исследователи ссылаются на докладную записку, направленную членами Политбюро Андроповым, Громыко, Устиновым и Пономаревым в ЦК КПСС уже после того, как советское вторжение состоялось, и направленную на пропагандистское обеспечение этого шага и его объяснение мировой общественности. Там, в частности, говорилось: «По прямому указанию Х. Амина в ДРА стали распространяться заведомо сфабрикованные слухи, порочащие Советский Союз и бросающие тень на деятельность советских работников в Афганистане, для которых были установлены ограничения в поддержании контактов с афганскими представителями... В то же время имели место попытки наладить контакты с американцами в рамках одобренного Х. Амином “более сбалансированного внешнеполитического курса”. Х. Амин ввел в практику проведение конфиденциальных встреч с поверенным в делах США в Кабуле. Правительство ДРА стало создавать благоприятные условия для работы американского культурного центра, по распоряжению Х. Амина спецслужбы ДРА прекратили работу против посольства США.

...Масштабы политических репрессий приобретали все более массовый характер. Только за период после сентябрьских событий в Афганистане было уничтожено без суда и следствия более 600

членов НДПА, военнослужащих и других лиц, заподозренных в антиаминовских настроениях. Фактически дело шло к ликвидации партии.

... Проявляя тревогу за судьбы революции и за независимость страны, чутко реагируя на усиление антиаминовских настроений в Афганистане, находившиеся в эмиграции за рубежом Кармаль Бабрак и Асадулла Сарвари взяли курс на объединение всех антиаминовских групп...

Были устранены существовавшие разногласия и ликвидирован... раскол в НДПА... Бабрак был избран руководителем нового партийного центра...»¹⁷.

Трудно допустить, что в подобных пропагандистских штампах отражались истинные намерения и мотивы Брежнева, а также его окружения. Это были всего лишь пропагандистские формулы, которые советские представители обязаны были озвучивать на всех уровнях, будь то официальное заявление или частная беседа. Как раз то, что тезисы об Амине и угрозе его переориентации на США как главной угрозе, заставившей Москву прибегнуть к вводу войск в Афганистан, стали главными советскими пропагандистскими тезисами, скорее доказывает, что истинные мотивы были совсем иные. «Американский след» Х. Амина был лишь пропагандистским мифом, призванным обосновать устранение неудачливого правителя, не способного подавить повстанческое движение в Афганистане. В Москве надеялись, что Б. Кармаль будет удачливее.

Известный историк и публицист левого направления Р.А. Медведев также считает, что убийство Амином Тараки стало решающим событием, изменившим позицию Брежнева, Андропова и других членов Политбюро, ранее возражавших против ввода войск в Афганистан. Амин, по мнению Медведева, был «кровавый убийца и совершенно беспринципный политик»¹⁸. Однако заметим, что человеком, пришедшим к власти на советских штыках вместо Амина, стал Бабрак, глава фракции, соперничавшей с той фракцией НДПА, к которой принадлежали и Тараки, и Амин. Такое назначение довольно трудно связать с мотивом мести за Тараки. Скорее можно предположить, что, убедившись в неспо-

способности фракции «Хальк» справиться с положением, в Москве решили опереться на их соперников из фракции «Парчам». Сам Р.А. Медведев признает, что у Ю.В. Андропова были наивные надежды, будто Кармалю более умеренной политикой удастся переломить ситуацию.

Таким образом, Медведев приписывает Андропову главную роль в принятии решения о вторжении в Афганистан. Нам же представляется, что главную роль в этой истории все-таки играл Брежнев. Вряд ли обоснованно Медведев приписывает Андропову намерение кончить войну миром в период его правления. Ведь тогда боевые действия советских войск в Афганистане только активизировались. Кроме того, совершенно не ясно, на каких условиях, кроме капитуляции противников афганских коммунистов, Андропов был готов закончить войну.

Не вызывает сомнений общий вывод Р.А. Медведева о том, что «жизнь показала, что принятие решения о вводе войск в Афганистан оказалось крупнейшей военно-политической ошибкой и имело трагические и далеко идущие последствия»¹⁹. Разумеется, с точки зрения интересов народов СССР, равно как и с точки зрения интересов правящей советской номенклатуры, вторжение в Афганистан было ошибкой, если не преступлением, поскольку привело к многим тысячам жертв и ускорило распад СССР. Однако, принимая во внимание последующее развитие международного исламского терроризма, одним из центров которого стал Афганистан, решение ввести советские войска в Афганистан может и не выглядеть однозначно ошибочным.

Как пишет военный журналист В. Измайлов, пребывание советских войск в Афганистане привело к тому, что «мы настроили против себя как восточные страны, так и западные. Опыт войны в Афганистане научились использовать противники России в Чечне»²⁰. Бывший заместитель министра иностранных дел СССР Г.М. Корниенко уверен, что ошибка с вводом советских войск в Афганистан проистекала из общей переоценки готовности Афганистана к социализму. Он приводит высказывание одного из руководителей международного отдела ЦК КПСС: «Сейчас в мире нет такой страны, которая не созрела бы для социализма»²¹.

Корниенко в своем анализе ситуации упомянул о тех разногласиях, которые возникли уже при Горбачеве. Эти разногласия свелись к двум точкам зрения: «Первую наиболее последовательно и прямо отстаивали на заседании Комиссии политбюро по Афганистану и в самом политбюро маршал Ахромеев и автор этих строк. Суть ее сводилась к следующему: совершенно нереально рассчитывать на то, что после вывода из страны советских войск НДПА сможет остаться у власти или хотя бы будет играть весомую роль в ее новых структурах. Максимум, на что можно рассчитывать, говорили мы, это обеспечить НДПА законное, но весьма скромное место в рамках нового режима. Для этого она должна будет заявить о своей готовности еще до вывода советских войск добровольно уступить большую долю власти, проявив инициативу по созданию подлинно коалиционного правительства, в котором были бы представлены интересы разных слоев афганского общества. Особой уверенности в успехе этого пути у нас не было, но какой-то шанс он, по нашему мнению, давал, учитывая, в частности, то, что Запад не был заинтересован в полной победе в Афганистане исламских фундаменталистов.

Вторую, противоположную точку зрения представляли, прежде всего, Э.А. Шеварднадзе и В.А. Крючков, в то время первый заместитель председателя КГБ. Они исходили из убеждения в том, что и после вывода советских войск НДПА сможет если и не сохранить всю полноту власти, то, во всяком случае, играть определяющую, «руководящую» роль в новом режиме. Этому иллюзорному представлению соответствовали и их практические действия, нацеленные на создание «запаса прочности» для НДПА, прежде чем советские войска будут выведены из страны».

Горбачев, по утверждению Корниенко, по своему обыкновению соглашался то с одной, то с другой точкой зрения, но в итоге дал возможность реализоваться варианту Шеварднадзе–Крюčkова. Это потребовало многомиллиардной помощи режиму Наджибуллы в Афганистане, который все равно ненадолго пережил крах своих спонсоров, но вливания в него дополнительно истощили советский бюджет и приблизили тем самым распад СССР.

Следует отметить, что советские войска в Афганистане, равно как до этого в Венгрии и Чехословакии, оккупационных структур власти не создавали. Власть оставалась в руках афганского правительства, хотя его зависимость от советской военной и экономической помощи была гораздо большей, чем в Венгрии, и, в отличие от венгерских событий, в Афганистане вооруженное сопротивление антикоммунистических сил за более чем девять лет советского военного присутствия в стране. Советский пропагандистский лозунг, что борьбу с «бандитами» внутри Афганистана ведут только афганские войска, а советские войска лишь охраняют афганские границы от инфильтрации оружия и боевиков из Пакистана и Ирана, никогда не был претворен в жизнь на практике, поскольку с самого начала советским войскам пришлось вести бои с партизанами. Хотя именно таким был, как свидетельствует генерал-полковник В.А. Меримский, были мотивы, изложенные в обращениях Тараки и Амина: советские войска должны охранять важные государственные объекты и границы, чтобы освободить афганскую армию для борьбы с повстанцами²².

В.А. Меримский делает вывод о том, что «афганская война нанесла серьезный ущерб авторитету СССР и его Вооруженным Силам. Задачи, поставленные перед ними – силой оружия подчинить народ Афганистана не пользовавшемуся авторитетом правительству – были непосильны ограниченной группировке войск, каковой являлась 40-я армия»²³.

Военные и дипломаты, выпустившие свои мемуары уже после окончания афганской войны, не готовы в качестве одной из причин ввода советских войск в Афганистан назвать стремление советского руководства получить выход к «теплым морям». Так, по убеждению генерала армии М.А. Гареева, СССР не имел никаких экспансионистских намерений, но операцию в Афганистане, с чисто военной точки зрения, можно было провести лучше, действуя более решительно и грамотно и сосредоточив в Афганистане гораздо больше сил и средств. В качестве образца успешной операции афганской операции противопоставляются ввод войск в Чехословакию в 1968 году и операция союзников против Ирака в 1991 году²⁴.

В западной историографии, наоборот, подчеркивается экспансионистский характер советской политики в Афганистане. Швейцарские политологи Пьер Аллан и Дитер Клей утверждают, что после Второй мировой войны национальная безопасность все больше означала для Советского Союза, наряду с противоборством на европейской границе, стремление к большему влиянию на южной периферии. В таком понимании политики безопасности центральную роль играла военная мощь Москвы. Претензии Кремля на роль Советского Союза как мировой державы базировались лишь на этом факторе. Его внешняя политика в 1950–70-х годах была направлена на активное вовлечение стран «третьего мира» в сферу своего влияния и их поддержку.

Экспансионистская политика приносила временные успехи. Москва постепенно расширяла свою сферу влияния и в качестве средства для этого прибегала к использованию государственных переворотов. В этот контекст авторы вписывают и интервенция в Афганистане, которая «Москва впервые со времен второй мировой войны прибегла к вооруженному вмешательству за пределами сферы социалистических государств. В результате интервенций в Венгрии (1956 г.) и Чехословакии (1968 г.) Кремлю удалось укрепить свои позиции в Центральной Европе. Интервенция в Афганистане (1979 г.) превратилась по мере эскалации в десятилетнюю партизанскую войну и стала, по словам Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, прозвучавшим на XXVII съезде партии в марте 1986 года, “кровоточащей раной”»²⁵.

Примечательно мнение о том, что Кремль, принимая решение о вторжении, «находился в ситуации цугцванга». Все страны, расположенные вдоль южных границ СССР, кроме Афганистана, воспринимались им в 1970-е годы как враждебные (Турция, Иран, Китай). Режим НДПА в 1979 году находился на грани краха и уже не был стопроцентно лояльным. Спротивление ему со стороны населения нарастало, и время для интервенции казалось благоприятным, так как США были поглощены другими проблемами. Москва рассчитывала на недолгую войну, которая не превысила бы двухмесячной полицейской акции. В то же время присутствие советских советников и военная помощь афганским

коммунистам была прекращена только в начале 1992 года, после распада СССР²⁶.

По мнению Аллана и Клея, применительно к ситуации в СССР времен Брежнева существовала решающая связь между партийным руководством и бюрократией. Плюрализм интересов на высшем уровне стал давать о себе знать в Политбюро особенно во времена Брежнева. Эти бюрократические групповые интересы находили проявление на высоком и более низком уровнях. На высоком уровне представители интересов военных соперничали с КГБ, например, в рамках конкуренции между Главным разведывательным управлением (армия) и Первым главным управлением (КГБ). На более низком уровне внутри армии Главное политическое управление создавало помехи Генеральному штабу, а отдельные рода войск – друг другу. Брежневу как прагматика удавалось устанавливать на высшем уровне равновесие между тремя опорами – КГБ, Советской Армией и партией – и использовать систему в своих целях²⁷.

Знакомство с предлагаемой схемой западных исследователей не может не вызывать вопросы. Прежде всего, никакого равноправного трех составляющих в СССР не было, поскольку ЦК КПСС был и над КГБ, и над армией, которые всегда контролировались первыми лицами через своих ставленников. И не стоит преувеличивать влияние противоречий между КГБ, армией и партией на принятие решения о вводе войск в Афганистан.

Необходимо также отметить, что ни в одном советском документе нет упоминания о том, что предполагаемая операция в Афганистане должна продлиться всего лишь два месяца. В то же время можно согласиться с Аланом и Клеем, что Кремль ориентировался на скоротечную операцию в Афганистане и не предполагал, что ограниченный контингент окажется во влечен в затяжную партизанскую войну.

Однако при обсуждении проблемы правомерно встает вопрос и корректности сравнения ситуации в Чехословакии и Афганистане. В Чехословакии не только правительство и армия не оказывали сопротивление вторжению, но и там вообще не было вооруженной борьбы против коммунистов. В Афганистане же в момент

вторжения полыхала гражданская война, природные и социальные условия были идеальными для партизанской войны. В Ираке же в 1991 году коалиция отказалась от оккупации страны, в отличие от ситуации 2003 года. Также вторжение войск НАТО в Афганистан после событий 11 сентября 2001 года доказало, что справиться с исламским повстанческим движением здесь крайне сложно, и американцы и их союзники находятся в Афганистане уже столько же лет, сколько там находился советский ограниченный контингент, но так и не достигли поставленных целей.

Последний командующий советским ограниченным контингентом в Афганистане генерал-полковник Б.В. Громов в мемуарах утверждал: «Акция по вводу в соседнюю страну ограниченного контингента советских войск не была случайной, она полностью соответствовала представлениям и теориям, господствовавшим в тот период. Доведенная до абсурда идеологизация внешней политики, естественным образом превратилась в свою противоположность, и, как результат, идеология стала повелевать политикой и самими политиками. Ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан и, как ответ на это, широкомасштабная помощь афганской оппозиции со стороны США и их союзников по НАТО, а также Японии, Китая и некоторых исламских государств региона привели к перерастанию конфликта в этой стране в конфликтную ситуацию вокруг Афганистана, его переходу в международную плоскость»²⁸.

В то же время, бывший командующий 40-й армии весьма пафосно характеризует ее миссию, подчеркивая, что военные не могут нести ответственность за ошибки политиков: «Советские воины мужественно противостояли вооруженной агрессии враждебных сил, посягнувших на суверенитет дружественного нам соседнего государства. Ежедневно рискуя жизнью, воины 40-й армии спасли тысячи афганских детей, стариков, женщин от кровавой расправы, дали возможность детям ходить в школу, крестьянам собирать урожай, рабочим трудиться у станка»²⁹.

Признавая справедливость этих слов, нельзя не учитывать другие признания. К примеру, Д. Гай и В. Снегирев пишут о советском военном советнике Л.И. Шершневе, пользовавшемся

большой популярностью в афганской армии: «В 1984 году Л. Шершневу идет на крайнюю для тех времен меру: направляет письмо генсеку ЦК КПСС К. Черненко, в котором с тревогой пишет: «Операции приобрели характер полицейских, карательных мер, в результате мы втянулись в войну с народом, а она бесперспективна. Антигуманные действия советских войск в отношении мирного населения носят массовый и систематический характер и проявляются в грабежах, неоправданном и необоснованном применении оружия, разрушении жилищ, осквернении мечетей...». Генсеку, уже тяжело больному, доложили содержание письма и он... отнесся к нему и автору благосклонно, предупредив министра обороны: «Шершнева не трогать»³⁰. Но тот же генерал-майор Л.И. Шершнев в настоящее время считает, что ввод советских войск в Афганистан был вынужденной, но необходимой мерой, поскольку «если бы не ввели войска, было бы гораздо хуже». Необходимость он сводит к противоборству двух социальных систем», и «мы могли бы потерять Афганистан надолго или навсегда как традиционно дружественную нам страну». Генерал полагает, что главные ошибки были связаны с недооценкой трудностей: «Мы ввели войска в Чехословакию – там все сразу встало на свое место. Думали, что так легко будет и в Афганистане». Однако он убежден, что посылки для ввода войск были верными, так как «там действительно была реальная возможность для американцев поставить ракеты» и «уже тогда существовала угроза наступления ислама на среднеазиатские республики». Вывод же войск в 1989 году Шершнев также считает ошибкой, полагая, что «у нас были все перспективы с нашим военным присутствием поспособствовать становлению Афганистана и укрепить безопасность Советского Союза», и политика национального примирения стала приносить свои плоды³¹.

Однако, как мы полагаем, именно вывод войск, по замыслу М.С. Горбачева и его соратников должен был стимулировать политику национального примирения. Опасности размещения американских тактических ракет в Афганистане в 1979 году не было, как нет ее и сейчас. Точно так же не было тогда перспектив проникновения идей радикального ислама в советскую Среднюю

Азию. А вот после проигрыша афганской войны такая угроза стала фактом.

Как пишут бывшие советские военные советники в Афганистане А.А. Ляховский и В.М. Забродин, «ввиду экстренного формирования советнического корпуса в его составе оказались люди, которые никогда не занимались проблемами Афганистана, об исламе имели смутное представление, о состоянии афганского общества были осведомлены в самых общих чертах». Они были «детьми системы», воспитанными на определенных идеалах и представлениях. Многие впервые столкнулись с чуждыми строем, мышлением, традициями и устоями, поэтому часто терялись в простейших ситуациях, допускали элементарные просчеты. В связи с этим советники шли по знакомому им пути. Проявлялось стремление подталкивать афганцев к тому, чтобы полностью копировать и настойчиво внедрять опыт КПСС. Негативное влияние на выработку советской позиции оказало и то обстоятельство, что в «деятельности некоторых работников советнического аппарата наблюдались характерные для периода “застоя” очковитательство, стремление докладывать то, что хотело бы слышать руководство, выдать желаемое за действительное, а также недостаточная инициативность, привычка ожидать указаний сверху»³².

К этому можно добавить, что само руководство НДПА склонно было слепо копировать советский опыт без учета афганской специфики, что только углубляло его отрыв от основной массы населения.

Российский историк генерал Д.А. Волкогонов обратил внимание на то, что трудности, с которыми столкнулись советские войска в Афганистане, по всей вероятности, повлияли на решение Брежнева отказаться от советской военной интервенции в Польше в 1980–1981 годов с целью подавления движения «Солидарность»³³.

В целом можно констатировать, что, хотя тема афганской войны остается относительно «горячей» в российском обществе, в том числе и в связи с современными событиями в том же Афганистане и на Северном Кавказе, в российской историографии

практически отсутствуют ожесточенные дискуссии по поводу афганской войны. В обществе существует определенный консенсус, который в целом не противоречит взглядам, господствующим в западной историографии. Разногласия касаются интерпретации частностей, разной акцентировки событий. Отсутствие живой дискуссии по проблемам недавней афганской войны в российском обществе можно объяснить тем, что Афганистан остается для подавляющего большинства россиян чужой страной, с которой у России нет почти никаких отношений и с которой не связаны теперь какие-либо существенные российские интересы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Аптекарь П.А.* Первая кровь Примаков берет штурмом Мазари-Шариф // Родина. 1999. № 2. С. 17–21.

² *Данилова Н.Ю.* Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989 годы) // «Неприкосновенный запас» 2005, № 2–3(40–41) С. 151.

³ *Гранвилл Дж. К.* Советские военные интервенции в Венгрии, Чехословакии и Афганистане. Сравнительный анализ процесса принятия я решений. С. 10–11.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же. С. 39.

⁷ Там же.

⁸ *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций юридического факультета Открытого Брюссельского университета: Пер. с франц. – М., МККК, 2000. С. 122.

⁹ *Клей Д., Аллан П.* Афганский капкан. Правда о советском вторжении. Пер. с нем. – М.: Международные отношения, 1999. С. 4.

¹⁰ Документы советского руководства о положении в Афганистане. 1979–1980. С. 90.

¹¹ *Аллан П., Клей Д.* Афганский капкан. Правда о советском вторжении. С. 223.

¹² Там же. С. 91.

¹³ Там же; *Варенников В.И.* Нас подтолкнули к вводу войск // <http://afghanistan.ru/doc/8049.html>.

¹⁴ *Беляев И.* Так мы вошли в Афганистан // В кн.: Л.И. Брежнев: материалы к биографии. – М.: Политиздат, 1991. С. 307, 309.

¹⁵ Аллан П., Клей Д. Афганский капкан. Правда о советском вторжении. С. 239.

¹⁶ Там же. С. 240.

¹⁷ Там же. С. 238–239.

¹⁸ Медведев Р.А. Под контролем народа // Военно-исторический журнал. 1999. № 2. С. 66.

¹⁹ Документы советского руководства о положении в Афганистане. 1979–1980. С. 91.

²⁰ Измайлов В. История не уходит в прошлое // Новая газета, 2010, 15 февраля.

²¹ Корниенко Г.Н. Как принималось решение о вводе советских войск в Афганистан и их выводе // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 107.

²² Меримский В.А. Война в Афганистане: записки участника // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 407–408.

²³ Там же. С. 410.

²⁴ См.: Гареев М.А. Моя последняя война (Афганистан без советских войск). – М.: Инсан, 1996.

²⁵ Аллан П., Клей Д. Афганский капкан. Правда о советском вторжении. С. 23.

²⁶ Там же. С. 24.

²⁷ Там же. С. 28.

²⁸ Громов Б.В. Ограниченный контингент. Москва, Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1994. С. 247.

²⁹ Там же. С. 248.

³⁰ Гай Д., Снегирёв В. Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны. – М.: СП ИКПА, 1991. С. 28–29.

³¹ Шершнев Л. «Вывод войск из Афганистана был ошибкой» (интервью взято Л. Рудницким) // Newzz.in.ua, 2009, 28 декабря (<http://newzz.in.ua/main/1148836521-vyvod-vojsk-iz-afganistana-by1-oshibkojj.html>)

³² Ляховский А.А., Забродин В.М. Тайны афганской войны. – М.: Планета, 1991. С. 32.

³³ Волкогонов Д.А. Семь вождей. В 2-х кн. Кн. 2. – М.: Новости, 1995. С. 65–66.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние два десятилетия произошли глубокие изменения в изучении внешней политики СССР. В её истории все меньше и меньше становится зон умолчаний, включая такие способы осуществления политики, как интервенция, аннексия, оккупация и советизация. Однако обращение к этой сложной проблематике, работа с рассекреченными документами не сняли разногласий и разночтений в определении содержания различных внешнеполитических инструментов, причем не только среди историков, но и политиков. Между тем понятия «оккупация», «аннексия» и «интервенция» тесно связаны между собой в международном праве, хотя и не сразу нашли в нем свое отражение. Для этого необходимо было учитывать противоречивый исторический опыт практически всех десятилетий динамичного и трагического XX века.

Уже в 1920-е годы в советской внешней политике проявились различные тенденции. Как показали новейшие исследования, к примеру, дипломаты делали все возможное для быстрого признания СССР, и поэтому использовали право наций на самоопределение и принцип уважения государственного суверенитета. Представители же Коминтерна, являясь проводниками мировой революции, отстаивали пролетарскую солидарность и интернациональную помощь, независимо от государственных границ. В то же время пока до середины 1920-х годов существовали надежды на мировую революцию, НКВД служил своеобразным дипломатическим прикрытием для Коминтерна. Как только ситуация в России изменилась в пользу большевиков, на повестке дня появился вопрос о решительных действиях по советизации таких традиционно находившихся в российской сфере влияния регионов, как Кавказ и Средняя Азия. Помимо этого, речь шла и о революционизировании Монголии и Тувы, Бухары, Хивы и Персии. Историки доку-

ментально подтвердили, что советские интервенции, прикрытые лозунгами мировой революции, явно нарушали международное право.

В отношении же советской интервенции в Польше позиция российских исследователей до сих пор двойственна. Большинство из них признают, что поход на Красной Армии на Варшаву был по существу экспортом мировой революции, но оправдывают его тем, что он явился ответом на польскую агрессию – польский поход на Киев в апреле 1920 года. Польские же историки отказываются рассматривать этот поход как агрессию, считая его оборонительной мерой против планировавшегося и частично уже начавшегося наступления советских войск, и считают, что Советская Россия продолжала в отношении Польши прежнюю имперскую политику царской России.

В 1929 году имела место советская военная интервенция в Афганистане. Однако она не преследовала цели его советизации. Москва пыталась лишь помочь удержаться на престоле королю Аммануле-хану, против которого началось вооруженное восстание, не пытаясь установить в стране советские порядки.

Новейшая историография отражает острые споры по поводу действий СССР в 1939–1940 годах, предпринятых для реализации секретных советско-германских договоренностей, зафиксированных в секретных протоколах к пакту Молотова-Риббентропа и к советско-германскому договору о дружбе и границе. Западные, а особенно восточноевропейские и прибалтийские историки, солидарны в отстаивании следующей позиции: Советский Союз совершил акты агрессии и оккупировал территории Западной Украины, Западной Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины, а также, напав на Финляндию, отторгнул от нее значительные территории в Карелии и на Карельском перешейке. Российские историки стараются не употреблять слово «оккупация» по отношению к советским территориальным приобретениям 1939–1940 годов, хотя чаще всего признают факт аннексии территорий, а также факт агрессии против Финляндии. Они рассматривают присоединение и советизацию присоединенных территорий как сложный, достаточно длительный и противоречивый процесс со своими плюсами и минусами.

Российские историки в своих исследованиях делают основной упор на изучение планов и методов советизации аннексируемых территорий. В целом политика на присоединенных в 1939–1940 годах территориях осуществлялась примерно по одной и той же схеме: короткий период военной оккупации, во время которого принимались акты о присоединении данных территорий к Советскому Союзу, затем следовала аннексия, после которой начинался процесс советизации, который растянулся на десятилетия и полностью не завершился даже к моменту распада СССР. Не случайно именно на территориях, присоединенных в 1939–1940 годах, наиболее активно действовали национальные и антикоммунистические движения в последние годы существования Советского Союза.

Политика советизации после Второй мировой войны была подчинена тем принципам внешней политики, которые определил И.В. Сталин. В новейших исследованиях особое внимание уделяется вниманию по отношению к национализму и национальному суверенитету несоветских народов, сталинской уверенности в том, что европейские страны должны в течение длительного процесса построения перейти к «социализму» по советскому образцу, а также вопросу о сферах влияния СССР. Сталин также рассчитывал на то, что все западные европейские страны, включая оккупированные Германию и Австрию, перейдут к «социализму» по советскому образцу. Проводниками новой внешнеполитической линии СССР в подконтрольных зонах оккупации, прежде всего в Германии и частично в Австрии, стали советские административные органы, чья деятельность также активно изучается архивистами и учеными.

Более или менее объективный взгляд историков на три советские военные интервенции 1950-х – 1970-х годов стал возможен только после 1991 года. Характерной чертой российской историографии событий Венгрии в 1956 году, Чехословакии в 1968 и Афганистана, начиная с 1979 года, является тот факт, что позиции российских историков принципиально не отличаются от оценок, звучащих в венгерской, чешской и словацкой, а также западной историографии (афганская историография практически отсутствует).

Таким образом, можно констатировать, что за последние два десятилетия сделан очень важный шаг в анализе тех аспектов внешней политики СССР, которые ранее по разным причинам не рассматривались исследователями. В данную книгу не вошли сюжеты, связанные с послевоенными оккупациями Дании, Манчжурии и Кореи. Здесь, на наш взгляд, еще не завершен процесс складывания целостной историографии, но он идет достаточно быстро.

Общая же перспектива изучения рассмотренной нами проблемы будет зависеть от того, как долго на её разработку будут влиять, особенно на постсоветском пространстве, политический фактор, текущая экономическая и электоральная конъюнктура, эмоциональные «войны памяти». Очевидно одно, чем скорее в исследовании сложных аспектов внешней политики СССР ведущее место займут академические ученые, структуры научного сообщества, всесторонний диалог российских и зарубежных историков, тем полнее и эффективнее будут ответы на сложные вопросы, который поставил минувший XX век.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абдуллаев К. – 126–128, 147
Абдуразакова Д.Б. – 66
Абдусайдов А. – 124
Абулла-хан С. – 121
Адибеков Г.М. – 79
Александров Г. – 260
Алексеев В.М. – 61, 65
Алексиевич С.А. – 66
Алик Х. – 324
Алим-хан С. – 121, 125, 126, 129
Аллан П. – 374, 376, 382, 383, 387, 388
Аманулла-хан – 369, 370
Амиантов Ю.Н. – 79
Амин Х. – 63, 77, 78, 82, 370, 373–378,
381
Андерсон К.М. – 79
Андреева В. – 147
Андрезен Н. – 195, 324
Андронов И.И. – 66
Андропов Ю.В. – 78, 377–379
Антонеску И. – 251
Антонов А. – 82
Анттила А. – 211
Аптекарь П.А. – 209, 213, 215, 387
Арапов А. – 125, 126, 128, 130, 147,
148
Аристов В. – 293
Ататюрк М.К. – 107
Ахапкин Ю.А. – 79
Ахметели Н. – 119

Б

Баабар Б. – 142, 149
Бакич – 140
Баланчивадзе Р. – 118

Балджувони – 126
Барбирек – 360
Беляев И.П. – 375, 387
Бенеш Э. – 257, 260, 262, 285, 286,
291, 297, 298, 300, 303–306, 309
Берия Л.П. – 80, 163, 245, 274, 297,
319
Берман Я. – 291
Берут Б. – 225, 226, 238, 239, 243, 245,
253, 259
Биляк – 360, 367
Бисенбаев А. – 123, 147
Блинов А. – 48
Богдо-гэгэн – 141, 145
Бодоо Д. – 140
Бодров М.Ф. – 285
Болдырев Р.Ю. – 333, 336
Болен Ч. – 355
Болован И. – 182
Бонвеч Б. – 79
Бордюгов Г.А. – 15, 79, 80, 333
Боровик А.Г. – 66
Бородзей В. – 232, 239, 281, 293, 294,
298, 299
Брандт В. – 357
Брежнев Л.И. – 78, 350, 358, 360, 361,
363, 366, 367, 370, 373, 376, 378, 379,
383, 386, 387
Булдаков В.П. – 122, 147
Буян-Бадьргы М. – 143
Бяшим С. – 124

В

Валева Л.Б. – 271, 298
Валента И. – 363, 364, 368
Вандыч П. – 94
Варенников В.И. – 387

Варес-Барбарус Й. – 183
 Вацетис И.И. – 51, 52, 63
 Веймер А. – 324
 Великанов М. – 113
 Веригин С.Г. – 211, 215
 Вида И. – 288–290, 301
 Виднянский С. – 302, 307
 Вильсон В. – 96
 Виноградов В.Н. – 65
 Вознесенский В.Д. – 65
 Волкогонов Д.А. – 300, 386, 388
 Волокитина Т.В. – 81, 221, 246, 284, 285, 292–300, 330
 Волхонский М. – 102, 103, 105, 109, 117
 Ворошилов К.Е. – 163, 210
 Восленский М.С. – 279, 299
 Вышинский А.Я. – 297, 305

Г

Гай Д. – 384, 388
 Гайдар Т.А. – 66
 Гайдош М. – 302, 307
 Гайер Д. – 239
 Гамсахурдиа З. – 115
 Гареев М.А. – 175, 381, 388
 Гасанлы Дж.П. – 118, 148
 Гасымов З. – 110, 116, 118, 119
 Гафар-хан – 137
 Геккер А. – 113
 Генис В. – 147
 Георг V – 127
 Георгиу-Деж Г. – 269
 Гибианский Л.Я. – 266, 267, 273, 291, 297, 298
 Гитлер А. – 157, 167–169, 175, 177, 179, 184, 207, 208, 212, 220, 339, 340
 Гиттис В. – 113
 Глазунова Н.И. – 358
 Гловацкий А. – 158, 160, 173–175
 Гомулка В. – 225, 238, 269, 273, 280, 282, 351, 366
 Гопнер – 126
 Горбачев М.С. – 354, 357, 373, 380, 382, 385
 Горелик К. – 356
 Горланов О.А. – 161, 174

Городецкий Г. – 175
 Горьков Ю.А. – 175
 Готвальд К. – 238, 257, 269, 284, 285, 362
 Гранвилл Дж.К. – 349–351, 355, 357, 367, 371–373, 387
 Граф М. – 184, 212
 Грибков А.И. – 363, 368
 Григоренко П.Г. – 306, 309
 Грозу П. – 274
 Громов Б.В. – 384, 388
 Громыко А.А. – 78, 377
 Гроссман А.С. – 82
 Гурьянов А.Э. – 174, 175

Д

Давид Э. – 48, 49, 374, 387
 Данзан С. – 140
 Данилов А.А. – 214
 Данилова Н.Ю. – 371, 387
 Дацьшен В.Г. – 144, 149
 Дашпурев Д. – 142
 Дембский С. – 157, 158, 173, 174
 Демьянов Н.Я. – 226
 Деникин А.И. – 57, 91, 95, 102, 104, 105, 110, 133
 Джилас М. – 220, 221
 Джунаид-хан – 121
 Дзевановский М.К. – 94
 Дзержинский Ф.Э. – 69, 97
 Дивонбеги Н. – 126
 Димитров Г. – 239, 268, 269, 273, 297
 Дмовский Р. – 93
 Добыча П.Н. – 336
 Долматовский Е.А. – 65
 Доронин А.В. – 80
 Драбкин Я.С. – 332
 Дубровский В.П. – 149
 Дубчек А. – 357–360, 363, 364, 366–368
 Дюков А.Р. – 207, 215

Е

Ельцин Б.Н. – 212, 294
 Емельянов Ю.В. – 201, 206, 214, 316, 325

Ефремов А.Е. – 343
Ефремова Т.Ф. – 43, 49

Ж

Жарновский М. – 94
Жданов А.А. – 183, 190, 196, 273
Железняков А. – 148
Желицки Б.Й. – 355
Желицкий Б.Й. – 256
Живков Т. – 366
Жигня К.Л. – 65
Жордания Н. – 114, 116
Жуков Д.А. – 175

З

Забродин В.М. – 386, 388
Задорожник Э.Г. – 296
Захаров В.В. – 72, 79, 80, 332
Захаров Н.В. – 48
Зиновьев Г.Е. – 140
Золотов С.М. – 361, 362, 368
Зорин В.А. – 305
Зотова М.В. – 48
Зубкова Е.Ю. – 175, 187, 190–193, 204–
206, 212–215, 315, 318–321, 323–325

И

Иванов Ю. – 88, 89, 91, 98, 100, 101
Иден Э. – 339
Измайлов В. – 379, 388
Илиеску И. – 180
Ильвес Т.Х. – 32, 48, 201
Индра – 360
Иоффе А.А. – 140
Исламов Т.М. – 64, 297, 300
Исусов М. – 296
Исфандияр-хан – 121

К

Каганович Л.М. – 163
Кадар Я. – 58, 76, 81, 359, 366
Кадаффи М. – 21
Казум-Бек Дж. – 118
Казымбеков Д. – 109
Какурин Н.Е. – 51, 63, 100

Калек – 360
Калинин М.И. – 163
Калишевский М. – 120, 122, 130, 147,
148
Каменев С.С. – 52, 63, 68, 96
Кантор Ю. – 193, 213
Каплан К. – 244
Карабекир К.М. – 55, 108
Карахан Л. – 134–136
Кардель Э. – 265
Кармаль Б. – 377–379
Карманов – 115
Каспаравичюс А. – 81, 214
Кастрен Э. – 26
Квинитадзе – 114
Кеневич Я. – 158, 173, 174, 241, 294,
295, 297, 300
Кеннан Дж. – 234
Керзон Дж. – 263
Кернан Дж. – 97
Кирхенштейн А. – 198
Клей Д. – 374, 376, 382, 383, 387, 388
Клементис В. – 282
Клименко Б. – 48
Кнышевский П.Н. – 333, 336
Ковалев С. – 361
Коджаман О. – 103, 104, 108, 117, 118
Коларов В. – 292
Колесниченко И.С. – 61, 65
Колчак А.В. – 91, 104, 121, 140
Кольдер – 360
Комарницкий Т. – 94
Комолова Н.П. – 332
Кон Ф. – 97
Конев И.С. – 283
Коновалов Б.П. – 333, 336
Контлер Л. – 228, 229, 248–250, 292,
294, 295, 348, 349, 355
Корнат М. – 94, 100, 157, 173, 174,
240, 294
Корниенко Г.М. – 379, 380, 388
Коротков А.В. – 64
Корчагина М.Б. – 332
Коскениemi М. – 34
Костов Т. – 53, 64, 282
Костыря А.А. – 66

Костюшко Т. – 232
 Костяев Ф.В. – 91, 92
 Кофман – 360
 Кравцов И. – 64
 Крайнов П. – 64
 Круассан М. – 105
 Круус Х. – 324
 Крысин М.Ю. – 197, 205–207, 212, 214, 215, 316–318, 325
 Крючков В.А. – 356, 380
 Кузьмин С.Л. – 141, 149, 295
 Куйбышев В.В. – 127
 Кульмчхаметов – 124
 Куусинен О. – 153, 188, 189, 208–211
 Кучек-хан – 134–138
 Кынин Г.П. – 80
 Кэбин Й. – 311
 Кюнцель Х. – 80
 Кязим-бей – 55

Л

Лайдонер Й. – 184, 203
 Ланьков А.Н. – 64
 Латыш М.В. – 365, 367, 368
 Лауринавичюс Ч. – 81, 214
 Лауфер Й. – 80
 Лебедев В.З. – 305
 Лебедев Н.Г. – 56, 64
 Лебедева Н.С. – 81, 161, 163, 169–172, 174, 175, 197, 214
 Легран Б. – 111
 Ленарт – 360
 Ленин В.И. – 54, 55, 64, 68, 69, 74, 79, 87, 92, 95, 97, 98, 101, 104, 106–108, 111–113, 115, 117, 118, 125, 132–134, 140, 213, 269
 Лехто М. – 34
 Липинская-Наленч Д. – 93, 100
 Литаврин Г.Г. – 65
 Литвинов М.М. – 220, 338
 Логинов В.Т. – 79
 Ломский – 360
 Лузянин С.Г. – 149
 Лукашук И.И. – 29, 30, 35, 38, 48, 49
 Лукьянов Ф. – 365, 368
 Лхамсурэн Б. – 142, 149
 Ляховский А.А. – 386, 388

М

Мазниашвили – 114
 Майский И.М. – 339, 343
 Майсурадзе Г. – 115, 119
 Макфарлей Н.С. – 48
 Малашенко Е.И. – 354, 356
 Маленков Г.М. – 245
 Малиновский Р.Я. – 283
 Мальков В.Л. – 294
 Марай Ш. – 231, 293
 Марко М. – 65
 Мархлевский Ю. – 92, 93, 97
 Марьяна В.В. – 226, 261, 262, 275, 292, 295, 296, 302, 304–307, 309
 Масарик Т. – 305
 Масловский В.И. – 81
 Матвеев Г.Ф. – 91–93, 100
 Матерский В. – 233, 293
 Махарадзе Ф. – 113
 Медведев Р.А. – 378, 379, 388
 Мейнандер Х. – 208, 215
 Меликов В.А. – 100
 Мельтюхов М.И. – 90, 96–98, 100, 101, 165, 166, 174, 175, 177–182
 Мельчил С.А. – 81
 Мерекалов А.Ф. – 169
 Меримский В.А. – 381, 388
 Мигев В. – 244
 Миколайчик С. – 238, 286
 Микоян А.И. – 64, 163, 350, 351
 Миронов Б.Н. – 103, 117
 Мицкевич А. – 232
 Молодяков В.Э. – 175
 Молотов В.М. – 153, 155, 157, 158, 163, 167, 168, 172, 175, 176, 179, 180, 194, 195, 198, 204, 220, 221, 238, 305, 339–343, 351
 Монгуш М.В. – 143, 149
 Москаленко Н.П. – 149
 Мурашко Г.П. – 81, 221, 246, 267, 269, 276, 284, 285, 292–300, 330
 Мусатов В. – 250, 354–356
 Муханов В. – 102, 103, 105, 109, 117, 118
 Мухиддинов А. – 127
 Мухин Ю.И. – 175

Мюллер В. – 80, 221, 330, 341
Мьяксоо Л. – 34, 49, 199, 200, 214
Мястны В. – 342

Н

Наджафов Д.Г. – 172, 175
Надь И. – 76, 81, 348, 349, 351, 352,
354–356, 364
Наленч Т. – 93, 100
Наринский М.М. – 169, 175
Нарочницкая Н.А. – 175
Наткевичос – 204
Наумов О.В. – 297, 299
Невакиви Ю. – 209, 215
Нежинский Л.Н. – 61, 64, 65, 85–87,
96, 98–101, 148
Неймарк Н. – 79, 80, 221, 333, 335
Некипелов А.Д. – 299
Немец Я. – 304, 305
Немитц А.В. – 134
Нижентайтис А. – 81, 214
Новак А. – 94
Новопашин Ю.С. – 296, 297, 299, 349,
356
Новопашный Ю.С. – 355
Новотный А. – 360
Носкова А.Ф. – 221, 229–235, 238,
242, 246, 267, 269, 276, 284, 285,
292–300, 330
Нохотович Д.Н. – 80

О

Оганесян Э. – 118
Одинец М. – 65
Ожегов С.И. – 41, 47, 49
Окроков А.В. – 79
Ольшанский П.Н. – 63
Орджоникидзе Г.К. – 54–56, 64, 68,
111–115
Орехова Е.Д. – 81, 355
Орлик И.И. – 299, 300, 358, 367
Орлов А.С. – 186, 189, 190, 212, 213
Осубка-Моравский Э. – 259

П

Пайдерс Ю. – 194, 213
Пайк Д. – 333

Парсаданова В.С. – 95, 100
Патрашкану Л. – 269
Персак К. – 255, 295
Персиц М.А. – 98, 101, 132, 133, 136–
138, 148
Петер Г. – 249
Петлюра С.В. – 96
Петр I – 196
Петров А. – 66
Петров Н.В. – 243, 294
Пилер – 360
Пилсудский Ю. – 63, 90–96, 99, 100,
114
Пилюх Р.Г. – 349, 355, 360, 368
Поздняков – 204
Покивайлова Т.А. – 246, 292–296,
298–300
Поликарпов Д. – 260
Полторац А.И. – 48
Поляков Г.А. – 66
Полян П. – 333, 336
Пономарев – 377
Поп И.-А. – 182
Попов Г. – 245
Примаков В.М. – 369, 370, 387
Пристер Е. – 65
Провалов К. – 201
Прухняк Э. – 97
Пузанов А.М. – 375
Пулатходжаев У. – 130
Пушкаш А.И. – 64
Пшевозьник А. – 164, 174
Пылев А.И. – 147, 148
Пэтрэшкану Л. – 273
Пятс К. – 183, 205, 206

Р

Радеску Н. – 257
Райк Л. – 53, 64, 282
Райнер Я. – 356
Ракоши И. – 239, 348
Ракоши М. – 64, 341
Раскольников Ф.Ф. – 54, 106, 132, 134
Расулзаде М.Э. – 108
Реваи Й. – 269
Риббентроп И. фон – 153, 155, 157,
158, 167–169, 172, 175, 176, 179,
180, 194, 195, 198, 220

398 *Интервенция, аннексия и советизация во внешней политике СССР*

Риго – 360
Рипки – 305
Робертс Дж. – 208, 215
Рогинский А.Б. – 161, 174
Роговая Л.А. – 297, 300
Рокоссовский К.К. – 242, 245, 253, 280, 281
Романенко С.А. – 298
Ромашкин П.С. – 48
Ротфельд А.Д. – 100, 156, 173–175, 293
Рузвельт Ф. – 172, 318
Рыбаков А.М. – 16
Рыдз-Смигла Э. – 170
Рыжов О.А. – 80

С

Савинский Л.И. – 48
Сакао Б. – 369, 370
Сарвари А. – 377, 378
Сафаров Р. – 21, 48
Свентоховский Т. – 105, 109, 110, 117
Святло Ю. – 253
Севастьянов Г.Н. – 375
Семиряга М.И. – 165, 174, 182, 194–196, 206, 210, 213, 215, 331, 335
Серрапионова Е.П. – 297, 298, 300
Середа В.Т. – 64, 81
Силин – 55
Симонов – 115
Сирков Д. – 244
Склянский Э.М. – 68, 113
Скшипек А. – 255, 270, 295, 298
Сметана А. – 185
Сметона А. – 205, 206
Смилга И.Т. – 68
Снегирев В. – 384
Соколов Б.В. – 118, 194, 213, 325
Сокольников Г.Я. – 68
Сони Ш.К. – 144, 149
Сталин И.В. – 10, 47, 54, 55, 68, 72, 74, 75, 78, 111–113, 115, 140, 163, 166–169, 172, 175, 177, 180, 183, 184, 187–191, 193, 195, 204, 205, 208–210, 219–223, 225–228, 230, 233–239, 241–244, 247, 249–251, 253, 255, 258, 259, 262, 263, 265,

267–270, 272–275, 278, 281, 286, 287, 289, 294, 295, 300, 305, 308, 309, 311–313, 318, 319, 321, 322, 329, 338–342, 362, 363
Станкерас П. – 185, 212
Стокс – 111
Стыкалин А.С. – 64, 81, 246, 298, 351, 352, 355, 356
Субхи М. – 133
Султан-Заде – 133
Сунь Ятсен – 144
Суппан А. – 80, 341
Суслов М.А. – 78, 350
Сухэ-Батор Д. – 140

Т

Тараки Н.М. – 77, 374–378, 381
Тардов В.Г. – 135
Теплинский Л.Б. – 66
Тертерян – 111
Тимофеева Н.П. – 333, 336
Тимошков С.П. – 147
Тиса И. – 63
Тито И. – 221, 228, 238, 265, 281–283, 290
Толкачев А.В. – 16
Торкунов В.В. – 100, 156, 173–175, 293
Трифонов – 112
Троцкий Л.Д. – 68, 113, 131–134, 140
Трумэн Г. – 234
Труска Л. – 183
Тухачевский М.Н. – 52, 63, 100, 106, 114
Тымовский М. – 158, 173, 174, 241, 294, 295, 297, 300
Тюльпанов С.И. – 337

У

Улановский Ф. – 114, 115, 119
Ульбрихт В. – 366
Ульманис К. – 184, 198, 205, 206
Унгерн-Штернберг Р.А. – 140, 141
Уншлихт И.С. – 69
Урбанович Я. – 194, 213
Устинов Д.Ф. – 78, 377

Ушаков Д.Н. – 43, 47, 49, 50
Ушаков Н.А. – 48

Ф

Фалин В.М. – 175
Фейхтвангер Л. – 287, 300
Фельдманис И. – 198, 212, 214, 325
Филиппов А.В. – 214
Филипповых Д.Н. – 79, 80, 333, 336
Филитов А.М. – 221, 331
Фирлингер – 305
Фитова А. – 292
Флойд Д. – 360
Фоглесонг Д.С. – 294
Фойтцик Я. – 80, 334
Фрейберги И. – 212, 325
Фрунзе М.В. – 124, 125, 133, 147
Фурсов А.И. – 366, 368

Х

Хабибулла-хан – 369, 370
Хайдып – 143
Хайнеман М. – 79, 80
Хатисов А. – 111
Хентилия С. – 209, 215
Ходжа А. – 127
Ходжа У. – 127
Ходжа Э. – 74, 238, 284
Ходжаев Ф. – 123, 127, 148
Хольцер Е. – 158, 173, 174, 241, 294, 295, 297, 300
Хорев В.А. – 238
Хореев В.А. – 293, 294
Хрох М. – 103, 117
Хрущев Н.С. – 76, 342, 349–352, 354–356, 362, 363, 368, 373

Ц

Царевская Т.В. – 297, 299
Царевская-Дякина Т.В. – 80
Циранкевич – 245

Ч

Чакмак Ф. – 108
Чан Кайши – 74, 144
Чаушеску Н. – 269

Чебыкин И. – 214
Черепанов А.И. – 369, 370
Чернев А.Д. – 363
Чернев Л.Д. – 64
Черненко К. – 385
Чернобаев А.А. – 64
Черчилль У. – 318
Чешко С. – 196, 214
Чисек Я. – 94
Чичерин Г.В. – 57, 91, 95, 99, 105, 113, 134, 137, 140, 144
Чичовска В. – 298
Чойбалсан Х. – 140
Чубарьян А.О. – 81, 167, 175, 197, 214
Чубинский А. – 94

Ш

Шабшина Ф.И. – 64
Швед В.Н. – 175
Швестка – 360
Шеварднадзе Э.А. – 380
Шейнис В. – 65
Шелепин А.Н. – 360
Шелест П.Е. – 359, 367
Шершнев Л.И. – 384, 385, 388
Шинкарев Л.И. – 368
Ширина К.К. – 79
Широкорад А.Б. – 107, 118, 134, 139, 148, 174, 210, 215
Шишкин И. – 31, 48
Шмидке К. – 226
Шолохов М.А. – 16
Шонин – 137
Штроугал – 360
Шумов С. – 147
Шутов М. – 137
Шушарин В.П. – 64

Щ

Щегинин Б.В. – 64

Э

Эйзенхауэр Д. – 349
Эйснер Э. – 225
Энвер-паша – 130, 148
Эхсанулла-хан – 137

Ю

Юргенс И. – 194, 213
Юссила О. – 209, 215

Я

Яжборовская И.С. – 93, 95, 100, 163,
174, 175, 273, 275, 298, 299
Яковлев А.Н. – 86, 87
Яковлева Е.В. – 174
Яноша Р. – 58
Ярош Д. – 255, 295

А

Aichinger W. – 343
Ando N.S. – 49

В

Bader W. – 343
Bakke A. – 47
Bonwetsch B. – 336
Bordjugow G.A. – 80, 293
Bordjugov G. – 336
Broszat M. – 336
Byrne M. – 344

С

Cariewskaja T. – 81, 293
Castren E. – 48
Chuev F. – 221
Churchill W. – 343
Creuzberger S. – 336, 337
Croissant M.P. – 117
Cronin A.K. – 344

Д

Dahm G. – 48
Dash D. – 149
Dashpurev D. – 149
Djilas M. – 221
Drinkall A. – 47

Ф

Fehrenbach T.R. – 49
Fiedler W. – 48

Fisch J. – 336
Fitowa A. – 292
Foitzik J. – 336

G

Gajdos M. – 308, 309
Gehler M. – 344

K

Karlsch R. – 336
Kase F.J. – 221, 330
Kochanski A. – 80, 293
Koskenniemi M. – 49
Kuron J. – 294

L

Laur M. – 212, 324, 325
Lehto M. – 49
Lukas T. – 212, 324, 325

M

Machlert U. – 336
Mahlert U. – 336
Malycha A. – 336
Marek K. – 49
Martin J. – 47
Mastny V. – 344
Mehringer H. – 336
Minassian A. – 118
Mironenko S. – 337
Molotov V.M. – 221
Mueller W. – 343, 344

N

Naimark N. – 336
Nalepa E.J. – 297
Niethammer L. – 337

O-P

O'Boyle E.J. – 50
Paczkowski A. – 299
Pechatnov V.O. – 221
Pike D. – 336
Pleshakov – 344

R-S

Resis A. – 221
Stearman W. – 343
Stephan G.-R. – 336
Stourzh G. – 344
Suppan A. – 344
Swietochowski T. – 118

V

Verosta S. – 343
Vidnanskij S. – 308, 309

W

Weber H. – 336
Whiteman M. – 49

Z

Zakowski J. – 294
Zimmermann A. – 48
Zubok – 344

ИЗДАНИЯ АИРО В XXI ВЕКЕ

2000

- Ю. А. Рыбалкин.* Операция «Х». Советская военная помощь республиканской Испании. («АИРО – Первая монография»).
- А. Ю. Бахтурина.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. («АИРО – Первая монография»).
- Д.Ю. Гузевич.* Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 7).
- Е.А. Котеленец.* «Харизматический властный союз». Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 8).
- Дирк Кречмар.* Искусство и культура России XVIII–XIX в. в свете теории систем Никласа Лумана. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 9).
- В.Э. Молодяков.* Берлин–Москва–Токио: к истории несостоявшейся «оси». 1939–1941. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 10).
- Кевин Макдермотт, Джереми Агню.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. («АИРО – Первая публикация в России»).
- О.Г. Буховец.* Постсоветское «великое переселение народов»: Россия, Беларусь, Украина и другие. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 11).
- Историки России. Послевоенное поколение. Сост. Л. В. Максакова.
- Ф.Ф. Торнау.* Воспоминания кавказского офицера.
- Б. Чижков.* Подмосковные усадьбы сегодня. Путеводитель с картой-схемой.

Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа.

Политика по контролю кризисной смертности в России в переходный период. (Программа развития ООН/Россия).

Policies for the Control of the Transition's Mortality Crisis in Russia. (United Nations Development Programme/Russia).

2001

Стивен Коэн. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. («АИРО – Первая публикация в России»).

Ленарт Самуэльсон. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941 гг. («АИРО – Первая публикация в России»).

Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Сборник документов. («АИРО – Первая публикация»).

А.П. Ненароков. Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». («АИРО – Монография»).

И. Ротарь. Под зелёным знаменем. Исламские радикалы в России и СНГ. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 12).

Новые концепции российских учебников по истории / Сост. К. Аймермахер, Г. Бордюгов, А. Ушаков. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. темы для XXI века». Вып. 13).

Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей – к 60-летию профессора Харуки Вада / Под редакцией Г. Бордюгова, Н. Исии, Т. Томита.

Magister vitae. К 80-летию Л.И. Мильграма / Составители М. Я. Шнейдер, Г. А. Бордюгов.

Элита средств массовой информации. Россия 2001 год. Опрос руководителей и журналистов в электронных и печатных средствах массовой информации.

Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей / Под редакцией И. В. Нарского и О. Ю. Никоновой.

С.В. Константинов, А.И. Ушаков. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве.

А.Г. Макаров, С.Э. Макарова. Цветок-татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Фёдору Крюкову.

В углу: начало Гражданской войны глазами русских писателей. П. Н. Краснов, Ф. Д. Крюков, И.А. Родионов / Составители А. Г. Макаров, С. Э. Макарова.

2002

Анна Гейфман. В сетях террора. Дело Азефа и Русская революция. («АИРО – Первая публикация в России»).

Беттина Зибер. «Русская идея» обязывает!? Поиск русской идентичности в общественных дискуссиях конца XX век. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 14).

Преодоление прошлого и новые ориентиры его переосмысления. Опыт России и Германии на рубеже веков. Международная конференция. Москва, 15 мая 2001 г. / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

Промышленность Урала в XIX–XX веках. Сборник научных трудов / Под редакцией В. П. Чернобровина.

Историки читают учебники истории. Традиционные и новые концепции учебной литературы / Под редакцией К. Аймермахера и Г. Бордюгова.

Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века. Форум немецких и российских культурологов / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова, И. Грабовского.

Б.И. Чехонин. Как богатеют, не воруя (по странам и континентам).

Synopsis operandi профессора Аймермахера /Составитель А. И. Ушаков.

С.Б. Веселовский. Подмосковье в древности. Три очерка.

Фёдору Крюкову, певцу Тихого Дона.

Вадим Смиренский. Разбор сюжетов.

2003

Развитие альтернативных структур в исторической науке. АИРО-XX: издательским программам и научным проектам 10 лет /Составители Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков.

Марк Юнге. Страх перед прошлым. Реабилитация Н. И. Бухарина от Хрущёва до Горбачёва. («АИРО – Первая публикация в России»).

И. А. Гордеева. «Забытые люди». История российского коммунитарного движения. («АИРО – Первая публикация»).

- Исторические исследования в России-II. Семь лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова.
- In Мемогіам. Г.М. Адиебеков, С.В. Константинов, Ю.В. Соколов / Составители Г. А. Бордюгов и А. И. Ушаков.
- Мифы и мифология в современной России / Под редакцией К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, дополн.
- Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн.
- Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад.
- Валерий Брюсов. Мировое состязание. Политические комментарии. 1902–1924 /Составитель В. Э. Молодяков. («АИРО – Первая публикация в России»).
- Россия и страны Балтии, Центральной и Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной Азии: старые и новые образы в современных учебниках истории. Научные доклады и сообщения /Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.
- Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. Аналитический доклад.
- Застольные речи Сталина. Документы и материалы / Сост., введение, коммент. В.А. Неvejeина.

2004

- Д.А. Андреев, Г.А. Бордюгов.* Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Краткий курс, X–XXI вв.
- Булавинский бунт (1707–1708). Этюд из истории отношений Петра В. к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Федора Крюкова.
- Из старых тетрадей. *С. Б. Веселовский.* Страницы из Дневника. 1917–1923. *В. С. Веселовский.* Встречи с И.А. Буниным в 1917 году. Итог революции и Гражданской войны.
- Die Russischen Mittelschichten: Dynamik ihrer Entwicklung (1999–2003). Ein Analytischer Bericht.
- Экономическая элита России в зеркале общественного мнения. Аналитический доклад.
- Russlands «Oligarchen»: Die Russen und ihre Wirtschaftselite. Ein Analytischer Bericht.
- Moskau und die Provinz: Wie groß sind die Gegensätze? Ein Analytischer Bericht.

Василий Молодяков. Бумажный парус. Стихотворения 1988–2000.

Ю. Сигов. Многоликая Малайзия.

А.А. Куреньшиев. Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. («АИРО – Монография»).

Россия: удачи минувшего века / Г. Бордюгов, В. Молодяков, Б. Соколов, а также: В. Есаков, Е. Левина, Л. Мазун, Э. Молодякова, А. Полунов, Л. Федянина, Г. Ульянова.

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. Сборник статей.

Марк Юнге, Рольф Биннер. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. («АИРО – Первая публикация в России»).

2005

Никита Дедков. Консервативный либерализм Василия Маклакова. («АИРО – Первая монография»).

Жанат Кундакбаева. «знаком милости Е. И. В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. («АИРО – Монография»).

В.Д. Соловей. Русская история: новое прочтение. («АИРО – Монография»).

С.И. Валянский. Теория информации и образование. Об условиях выживания России. («АИРО – Монография»).

П.Б. Уваров. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. («АИРО – Монография»).

1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. («АИРО – Первая публикация» (совместно с Издательством РУДН)) / Под редакцией Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Лотара Майера.

Б.Г. Тартаковский. Всё это было... Воспоминания об исчезающем поколении. («АИРО – Первая публикация»).

Б.Г. Тартаковский. Из дневников военных лет. («АИРО – Первая публикация»).

Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907–1929. Серия «АИРО – Первая публикация». Публ. В.Э. Молодякова / Под редакцией Г.А. Бордюгова.

Норман Неймарк. Пламя ненависти. Этнические чистки в истории Европы в XX веке. («АИРО – Первая публикация в России»).

Стивен Коэн. Можно ли было реформировать Советскую систему. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 16.)

Александр Зиновьев, Герман Кант, Бернхард Къяри, Борис Соколов, Андрей Турков. Великая война: трудный путь к правде. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 17, совм. с журналом «Свободная мысль–XXI»).

Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта. Сб. докладов. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 18, совм. с Центром «Запад–Восток», Кассельский университет).

Дмитрий Андреев, Геннадий Бордюгов. Пространство памяти: Великая Победа и власть. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 19).

Прошлое и будущее российско-японских отношений: по следам Кацуро Таро, Гото Симпэй, Нитобо Инадзо. Материалы симпозиума (Москва, 4 октября 2004 г.) / Под редакцией Г. Бордюгова и В. Молодякова.

Россия и тотальная война в XX столетии: взгляд из удаляющейся перспективы. Материалы Международного интернет-семинара.

Жанат Кундакбаева. Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения.

Владимир Самарин. Страсти по «Тихому Дону». Заметки на полях романа.

Борис Соколов. Моя книга о Владимире Сорокине.

60-летие Второй мировой и Великой Отечественной войн: победители и побеждённые в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному Форуму (сентябрь, 2005). Совм. с Фондом Фридриха Науманна.

Ст. Б. Веселовский. Из истории Московского государства в XVII веке. Три статьи / Сост. А.Г. Макаров и С.Э. Макарова.

Рой Медведев. Социализм в России?

Япония 2004–2005. Ежегодник.

2006

Дмитрий Люшкин. Вторая русская смута: крестьянское измерение. («АИРО – Первая монография»).

А.Г. Ложкин. Право победителей. Правовой отдел СВАГ: история создания и деятельности. 1945–1949. («АИРО – Первая монография»).

Ф.Г. Куначева. Религиозные воззрения абазин (с древнейших времен до наших дней). («АИРО – Первая монография»).

- В.Э. Молодяков.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. («АИРО – Монография»).
- Агентурная работа политической полиции Российской империи. Сборник документов. 1880–1917. Публ. Е.И. Щербаковой / Под ред. Г.А. Бордюгова. («АИРО – Первая публикация»).
- Молодежь и политика. Материалы семинара (сентябрь 2005) / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 17.
- Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный Форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма / Под редакцией Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 18.
- Э. Саблина.* 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и ее основатель Святитель Николай. («АИРО – Монография»).
- Советская политика в Австрии. 1945–1955 гг. Сборник документов / Под редакцией и составление Геннадия Бордюгова, Вольфганга Мюллера, Нормана М. Неймарка, Арнольда Суппана. («АИРО – Первая публикация»).
- Малороссия. Новороссия. Крым. Исторический и этнографический очерк. Сост. А.Г. Макаров и С.А. Макаров.
- Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сб. документов. /Под ред. Геннадия Бордюгова, Бернда Бонвеча и Нормана Неймарка. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн. и измен.
- Портрет современного японского общества.
- В.Э. Молодяков.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. («АИРО – Монография»).
- Н.А. Четырина.* Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). («АИРО – монография»).
- П. Павленко.* Либерально-демократическая партия в политической системе Японии. 1955–2001.
- Павел Гвоздев.* Русские на марше: от химеры к тотальной мобилизации. Япония. Ежегодник. 2006.
- Сергей Валянкий.* Хронотроника и эволюция социальных систем. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 20).
- В тени «Тихого Дона». Федор Крюков – забытый русский писатель. («АИРО – Научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 21).

2007

- Я.В. Леонтьев.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. («АИРО – Монография»).
- Стивен Коэн.* «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?
- Ирина Каргина.* Букет бессмертников. Константин Каргин и Михаил Шолохов: неизвестные страницы творческой биографии.
- А.Г. Тепляков.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. («АИРО – Первая монография»).
- Р.А. Гоголев.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. («АИРО – Первая монография»).
- И.А. Алексеева.* История всемирного христианского молодежного движения в России. («АИРО – Первая монография»).
- В.И. Колесов.* Служил Советскому Союзу... Воспоминания. («АИРО – Первая публикация»).
- Фридрих Фирсов.* Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943. («АИРО – Первая публикация в России»).
- С.И. Валянский.* Язык мой – враг мой.
- Владимир Дмитриевич Есаков. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, Е.С. Левина / Предисловие А.П. Ненарокова.
- Ельгена Васильевна Молодякова. Биобиблиографический указатель. Сост. Г.А. Бордюгов, А.Е. Куланов.
- Япония открытая миру. Коллективная монография.
- В.Г. Воловников.* О необыкновенном годе необыкновенной эпохи (Неизвестная история выставки Пабло Пикассо в СССР в 1956 г.). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 22).
- В.Д. Соловей.* Смысл, логика и форма русских революций. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 23).
- Россия без Советского Союза: что потеряли и приобрели, что впереди? Стенограмма Общественного Форума 19 декабря 2006 г. и материалы дискуссии. Под редакцией Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова и Алана Касаева. Библиотека либерального чтения. Выпуск 19.
- С.Ф. Платонов.* Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков.
- Александр Рабинович.* Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. («АИРО – первая публикация в России»).
- Николай Андреев.* Первые стихи.
- Владимир Путин. Рано подводить итоги.

Революционная Россия. 1917 год в письмах А. Луначарского и Ю. Мартова / Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец, сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая, введ. Л. Майер.

Служение России. Торгово-промышленная палата РФ. 1917–2007. Научно-популярное иллюстр. издание-альбом / Под ред. Е.М. Примакова. (совместно с ТПП РФ).

2008

Сиратори Тосио. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии 1933–1945. Составление, перевод, вступительная статья и комментарии доктора политических наук В.Э. Молодякова. («АИРО – первая публикация»).

Danke, профессор Аймермахер. 12 писем из России. Сост. Г.А. Бордюгов, Т.М. Горяева.

Константинов С.В. «В неверном озаренье славы...»: реформаторы и жертвы. Сост.: Давыдов О.В., Касаев А.Ч., Молодяков В.Э.

Леонид Козлов. В диалоге с прошлым.

Узник Лубянки. Тюремные рукописи Николая Бухарина. Сб. документов. Предисл. С. Бабурина. Введ. Ст. Козна. («АИРО – Первая публикация»). Изд. 2-е, дополн., измен. и расшир.

Харуки Вада – сенсей российской истории. Сост. Г.А. Бордюгов.

Стивен Козн и Советский Союз / Россия. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов.

Е.В. Суровцева. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху (1920-е – 1950-е гг.). («АИРО – Первая монография»).

А.А. Куреньшев. Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). («АИРО – Монография»).

Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера.

Общее прошлое и современность. Материалы польско-российско-немецкого триалога историков и журналистов (Россия, Тверская область, «Гелиопарк-Эммаус» на Волге, 6–9 сентября 2007 г.).

Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова.

Прошлое: российский и немецкий подходы. Материалы российско-немецкого коллоквиума. Москва, 12–13 июля 2007 года. Под ред. Фалька Бомсдорфа и Геннадия Бордюгова.

Роберт Эдельман. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР.

А.Г. Тепляков. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. («АИРО – Монография»).

2009

- В. Волков, С. Соколов.* Антиманипулятор. Типизация постперестроечного государственного устройства в контексте глобализации и перестройки. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 24).
- Н.В. Кравчук.* История отечества глазами малоросса. (Метаисторические очерки). («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 25).
- В.А. Рябинин.* Идеология «тайны беззакония»: философский и политический анализ идеологии «мондиализм».
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга первая. Вдаль к началу. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- А.П. Ненароков.* В поисках жанра. Записки архивиста с документами, комментариями, фотографиями и посвящениями. Книга вторая. Свеча в доме. («От первого лица. История России в воспоминаниях, дневниках, письмах»).
- Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. Москва, Овальный зал ВГБИЛ, 3 декабря 2008 г. Под ред. Фалька Бомсдорфа, Геннадия Бордюгова, Екатерины Гениевой.
- В.Н. Томилин.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. («АИРО – Монография»).
- Н.И. Бурнашева.* В единении – сила! История кооперации Якутии (вторая половина XIX в. – 1920-е гг.). (АИРО – Монография).
- Эрик Кулевиг.* Народный протест в хрущевскую эпоху. Девять рассказов о неповиновении в СССР. (АИРО – Первая публикация в России).
- Russia: a history of the twentieth century. Materials for course the lectures / *G. Bordjugov, S. Devyatov, E. Kotelenets, A. Titkov.*
- Ф.Д. Крюков.* Обвал. Смута 1917 года глазами русского писателя. Возвращаясь на улицу Юности.
- Л.А. Боева.* «Особенная каста». ВЧК-ОГПУ и укрепление коммунистического режима в годы нэпа. («АИРО – Первая монография»).
- Б.В. Соколов.* Как провалилась бериевская «перестройка». Извержение enfant terrible из властных структур. Новые документы. («АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 26).

Япония 2009. Ежегодник.

Идейно-политические дискуссии в Советском Союзе в 1940–50-х гг. и национально-государственное размежевание 1990-х. Материалы круглого стола в «РИА Новости» 15 сентября 2009 г. Под редакцией Геннадия Бордюгова и Алана Касаева.

А.К. Конопацкий. Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников: страницы биографии.

Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.

2010

Петр Баратов. «И с Москвой золотоголовой Вышеград заговорил...». Из опыта чешского либерализма. 1870–1880-е годы / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 240 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).

Венков А.В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. Часть 1-я. В поисках автора. Часть 2-я. Авторы «Тихого Дона». – М.: АИРО-XXI. 2010 г. – 884 стр.

Кравчук Н.В. История отечества глазами малоросса. Очерк третий. Русь расщепленная. XIII – XV вв. – М.: «АИРО-XXI». 2010 г. – 124 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 28).

Япония: полвека правления либерал-демократов / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 284 с.

Япония 2010. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2010. – 320 с.

Ю.М. Коликов. Жемчужина седого Каспия. Документальная повесть. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 432 с.

Виктор Кригер. Российские немцы вчера и сегодня. Народ в пути; перевод с нем. И. Черемушкинского. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 104 с. (Серия «АИРО – первая публикация в России» под ред. Г.А. Бордюгова).

Н.К. Веселовская. Воспоминания выездного врача скорой помощи (1940 – 1953). Редакция и предисловие А.Г. Макарова. Серия «АИРО – первая публикация» под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2010. – 184 с.

Г.А. Бордюгов. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).

- Посадский А.* От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. – М.: АИРО–XXI; ГПИБ. 2010. – 412 с.
- Цыганок А.Д.* Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 328 с.
- Ирина Каргина.* Горечь полыни. Пропавший в «Поднятой целине». – М.: АИРО–XXI. 2010. – 216 с.
- Справочник молодого журналиста. – М.: «РИА Новости»; АИРО-XXI, 2010. – 512 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 1: Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1024 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 2: Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 896 с.
- Россия и Германия в XX веке. В 3-х томах. Том 3. Оттепель, похолодание и управляемый диалог. Русские и немцы после 1945 года; под ред. Карла Аймермахера, Геннадия Бордюгова, Астрид Фольперт. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 1032 с.
- Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Образы России в мире. Курс лекций. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 296 с.
- Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под редакцией Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова, – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2010. – 372 с.
- Носович А.Л.* Красный Царицын. Взгляд изнутри. Записки белого разведчика. – М.: АИРО–XXI, 2010. – 96 с.
- Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма.
- Гурвич Э.Б.* Взгляд в настоящее прошлое. Фрагменты семейной хроники Николая Ивановича Бухарина. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2010. – 176 с. + 56 с. илл.
- Загадки и тайны «Тихого Дона»: двенадцать лет поисков и находок. – М.: «АИРО–XXI», 2010. – 400 стр.
- Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в советскую эпоху (1950-е – 1980-е гг.). – М.: АИРО–XXI, 2010. – 128 с. (Серия «АИРО – монография»).

Стивен Коэн. Утраченное наследие Горбачева. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27).

Мировой кризис и Япония / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 256 с.

2011

И.Б. Белова. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. / Под ред. Г.А. Бордюгова. – (Серия «АИРО – Первая монография»). – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с. + 24 с. илл.

Стивен Коэн. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Новое расширенное издание. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 216 с.

А.А. Куреньишев. Он слышал музыку полей... Жизнь и деятельность Алексея Григорьевича Дояренко ученого, педагога, общественного деятеля, музыканта. 1874–1958 гг. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 118 с.

Е.В. Суровцева. Жанр «письма царю» в XIX – начале XX века. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 164 с.

Г.А. Бордюгов. «Войны памяти» на постсоветском пространстве / Предисловие Алана Касаева. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 256 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).

Г.А. Бордюгов, В.М. Бухараев. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 248 с. (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).

З.С. Бочарова. Российское зарубежье 1920–1930 х гг. как феномен отечественной истории. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 304 с.

Стивен Коэн. Жизнь после ГУЛАГа. Возвращение сталинских жертв / Перевод Ирины Давидян. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2011. – 208 с. + 40 с. илл.

Б.В. Соколов. Потери Советского Союза и Германии во Второй мировой войне: методы подсчетов и наиболее вероятные результаты. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 128 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 29).

Р.А. Медведев. «Тихий Дон». Загадки и открытия великого романа. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 228 с.

Научное сообщество историков России: 20 лет перемен; под ред. Геннадия Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 520 с.

Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 584 с.

- 20 лет Независимому Казахстану. – М.: Компания развития общественных связей (КРОС); РИА Новости; АИРО-XXI, 2011. – 172 с.
- Япония 2011. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2011. – 288 с.
- Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI. 2011 – 280 с.
- А.Д. Цыганок.* Русский взгляд на израильские войны: Вторая Ливанская – 2006 и в секторе Газа – 2009. – М.: АИРО-XXI; Крафт+, 2011. – 352 с.

2012

- Юрий Штридтер.* Мгновения. Из сталинской Советской России в «Великогерманский рейх» Гитлера. Воспоминания о детстве и юности (1926–1945). С послесловием Карла Аймермахера / Перевод В.А. Брун-Цехового. – (Серия «АИРО – первая публикация в России») – М.: АИРО-XXI, 2012. – 480 с.
- В.В. Агеносов.* Избранные труды и воспоминания. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 704 с. + 72 с. илл.
- Г.А. Бордюгов.* Ожидаемая революция не придет никогда. Массовые протесты конца 2011 – начала 2012 года на фоне гражданского противостояния XX века. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 176 с.; (Серия «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ»).
- В.Э. Молодяков.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. – М.: АИРО-XXI, 2012. – 656 с. + 16 с. илл. (Серия «АИРО – Монография»).
- Власть и общество в истории России. Сб. ст. – М. АИРО-XXI. 2012. – 208 с.

Анатолий Григорьевич ЛОЖКИН
ИНТЕРВЕНЦИЯ, АННЕКСИЯ И СОВЕТИЗАЦИЯ
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР:
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НОВЕЙШИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

ISBN 591022184-1

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 14.05.2012
Формат 60×84/16. Усл. изд. л. 26,0
Тираж 1000 экз. Зак.